

СЕВЕРОМОРЦЫ

СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941-1945

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА - 1956

К 7 ЮН 1973

Адмирал А. Г. ГОЛОВКО

СТРАЖ ЗАПОЛЯРЬЯ

I

Вопрос о создании военно-морских сил на Севере нашей Родины стоял давно. Наиболее дальновидные люди царской России издавна считали, что русскому государству военный флот на Севере жизненно необходим. Интерес к Северу особенно усилился после русско-японской войны. Знаменитый наш соотечественник Менделеев писал: «Если бы хотя десятая доля того, что потеряли при Цусиме, была затрачена на достижение полюса, эскадра наша, вероятно, прошла бы во Владивосток, минуя и Немецкое море и Цусиму».

В 1910—1912 годах вопрос о создании Северного флота неоднократно обсуждался в специальной военной печати. В архивах сохранилось порядочное количество всякого рода записок.

Но царь и его чиновники, равнодушные к насущным интересам России, твердили, что, мол, «наш русский чудо-богатырь и без броненосцев пешком дойдет до Берлина, как хаживал когда-то и до Парижа». Кровь русских «чудо-богатырей» царское правительство не очень-то жалело.

К тому же огромные природные богатства Севера в то время были мало известны. Властители царской России смотрели на Заполярье, как на белое пятно на карте, не желая понимать, что затраты на освоение этого края, имеющего большое значение и для экономики страны и для обороны государства, окупятся с лихвой.

Война 1914 года заставила все же кое-что срочно предпринять. Север стал единственным путем снабжения России грузами, шедшими от тогдашних союзников. Через Архангельск поступало иностранное военное снаряжение: ведь у царского правительства не хватало для армии даже винтовок.

Но Белое море замерзало почти на пять месяцев в году. Тогда-то обратили, наконец, внимание на незамерзающий Кольский залив и порт Мурманск, называвшийся городом Романовым. Начали строить Мурманскую железную дорогу.

Редактор-составитель
Н. Н. ПАНОВ

Морские пути надо было защищать. На Севере появились немецкие подводные лодки. Не исключалась активность их надводных кораблей. Царское правительство стало срочно формировать в Заполярье военный флот. Договаривались с японцами о возврате ряда русских кораблей, захваченных ими в 1905 году. Пытались найти и другие корабли как у себя, так и за рубежом.

Но все эти попытки не дали существенного результата. Флот на Севере так и не был создан.

Только Советская власть по достоинству оценила значение Севера для нашей страны.

В период гражданской войны империалистические любители чужих территорий зарились на Советское Заполярье, как на край неисчислимых богатств и плацдарм борьбы против молодой Советской республики, но получили должный отпор. Всем памятно, как плачевно кончилась для американцев и англичан их северная интервенция.

Наша партия и правительство, понимая экономическое, стратегическое и политическое значение Заполярья, год за годом вели и ведут большую планомерную работу по изучению и освоению его богатств, по развитию его экономики и культуры, по созданию надежной обороны Северного побережья. Была (по существу почти заново) проведена Мурманская железная дорога. Построен Беломорско-Балтийский канал. Созданы новые промышленные города. В больших, все нарастающих масштабах, шли работы по освоению Северного морского пути и арктических районов.

В 1933 году было дано указание о строительстве баз для Северного флота. По Беломорско-Балтийскому каналу пришли на Север надводные и подводные корабли.

Очень трудно было разместить на Севере авиацию, береговую артиллерию и организовать базирование кораблей. Сложны и условия плавания.

В походах по бурному морю, в вечной борьбе с суровой природой вырабатывалась у моряков Севера привычка рассчитывать в первую очередь на себя и стойко переносить все невзгоды.

II

К началу Великой Отечественной войны Северному флоту минуло всего восемь лет.

За это короткое время моряки привыкли к суровым условиям Северного Ледовитого океана. Они научились плавать в штормы, в туманы, в снежные заряды, узнали «повадки» океана. Морские летчики научились летать и выполнять боевые задания там, где раньше даже небольшой перелет считался героическим. Молодой флот воспитывал свои кадры, создавал свои традиции и встретил противника, будучи уже вполне сложившимся боевым организмом...

Еще за три-четыре месяца до начала войны гитлеровцы стали скрытно сосредоточивать свои силы на севере Норвегии и Финляндии. Здесь накапливались горные егеря: корпус, носивший пышное название «Герои Нарвика»¹. Командовал корпусом один из любимцев Гитлера генерал Дитл (погибший к концу войны во время авиационной катастрофы над побережьем Норвегии). На аэродромах Финляндии и Норвегии сосредоточивалась фашистская авиация. В шхерах и портах Северной Норвегии концентрировались надводные корабли и подводные лодки фашистской Германии. Военно-морскими силами фашистов на Севере — так называемой группой «Норд» — командовал генерал-адмирал Бем (в первый же год войны снятый за потери на море, понесенные от удара североморцев).

Располагая многократным численным превосходством и пользуясь тем, что в их руках была инициатива нападения, немецко-фашистские захватчики рассчитывали первым же ударом сбить наши стрелковые части, охранявшие границу, прорваться к Кольскому заливу и овладеть Мурманском. В своем приказе генерал Дитл точно расписал, когда и куда должен выйти каждый полк.

Но враг не учел отваги и стойкости советских людей. Части Красной Армии, искусно используя особенности местности, дрались с изумительным упорством.

В первый день войны в бой с гитлеровцами вступила армейская дивизия, которая стояла на границе. Численное превосходство противника и его превосходство в вооружении было подавляющим, дивизия же была укомплектована по штатам мирного времени, но дралась она героически, и позже, в течение всей войны, закрепила за собой громкую боевую славу.

В тяжелых боях на границе, потеряв почти весь офицерский состав, дивизия отошла к Кольскому заливу. Но позади границы на реке Западная Лица к моменту отхода дивизии находилась уже другая, свежая дивизия, переброшенная из Мурманска. Фашисты натолкнулись на нее и остановились.

Когда 29 июня противник прорвался к реке Западная Лица, один полк дивизии отошел не на восток к Кольскому заливу, а к северу — на полуострова Средний и Рыбачий. Полуострова эти — самая северная точка западной государственной границы СССР. Они соединяются с материком перешейком, который в своей самой узкой части прикрыт труднопроходимым хребтом Муста-Тунтури.

Здесь, на Муста-Тунтури, полк дивизии закрепился и остановил противника.

Так провалилась попытка гитлеровцев взять с хода Мурманск. Всего несколько десятков километров отделяло их от Мурманска и от Кольского залива, но преодолеть эти километры враг не смог.

¹ В районе Нарвика корпус дрался с английскими войсками, которые высаживались там в 1940 году.

Северный флот всячески содействовал сухопутным силам. Мы перебрасывали водой войска и различные грузы. Флотская авиация активно помогала наземным частям бомбардировками, штурмовкой и разведкой.

Возникло опасение, что гитлеровцы, наступая по берегу, одновременно попытаются высадить десант в Кольский залив с целью ускорить захват Мурманска и всего Кольского полуострова. Береговые батареи, корабли и авиация флота были в готовности к отражению такого десанта.

Вместе с сухопутными войсками героически дрались морские отряды Северного флота. История их возникновения довольно проста.

В первые дни войны при попытке противника прорвать оборону на Западной Лице перед командованием флота встал вопрос об оказании помощи нашим сухопутным войскам не только с моря, но и непосредственно на берегу.

В это время многие моряки с надводных кораблей, с подводных лодок, из частей авиации и береговой обороны просились на фронт. Заявления подавали строители, судоремонтники и даже ученики флотских школ. В течение нескольких дней записавшихся оказалось столько, что многим пришлось даже отказывать.

Вооружение и обмундирование первых матросских отрядов получилось довольно пестрым, но отряды были сильными, боевыми, каждый стремился сделать все возможное и невозможное, чтобы скорее и крепче нанести удар по врагу. Это был настоящий, горячий патриотический порыв. Так родилась славная морская пехота Севера. В морских отрядах, как они тогда назывались, выдвинулись такие, ставшие известными всему советскому народу люди, как дважды Герой Советского Союза Виктор Леонов, Герои Советского Союза Кисляков и Сивков. Стойкость и храбрость моряков были изумительными.

В отрядах в большинстве своем находились старослужащие моряки, прошедшие большую школу воспитания на флоте, но они не умели воевать на суше, и не всегда было время обучить их перед боем. В решительный момент, при контратаках, летели в сторону каски, надевались бескозырки, откуда-то появлялись бушлаты. Считалось неприличным для моряка ползти, пригибаться. Ходили в полный рост. Потому и потери в морских отрядах были велики. Но надо было отстоять Кольский залив, потеря которого означала бы почти что потерю флота.

Наши корабли подходили к побережью, занятому врагом, и с тыла обрушивали на его боевые порядки всю силу своей артиллерии, высаживали крупные и мелкие десанты, забрасывали в тыл врага разведывательные группы. Крепко помогала фронту и наша береговая артиллерия.

Как и на других участках фронта, у реки Западной Лицы флот неоднократно вел артиллерийские обстрелы, наносил противнику удары с воздуха и высаживал десанты — в ряде случаев весьма значительные. Один из десантов был высажен в первых числах июля 1941 года, когда гитлеровцы прилагали все усилия, чтобы прорвать оборону наших войск. По решению командующего армией этот десант имел задачей действиями в тылу противника ослабить его нажим.

Стоял полярный день, было светло круглые сутки. Такие условия в корне противоречили обычным взглядам на десантную операцию. Но именно этим мы и воспользовались. Десант оказался для врага внезапным. При высадке мы потеряли только двух человек, да было попадание в один из кораблей. Этот десант двадцать дней вел бои в тылу у фашистов и отлично выполнил задачу своеобразного «вытяжного пластыря».

Флот высаживал десанты также в осеннее и зимнее время, когда стояла полярная ночь.

Особым участком героической борьбы с врагом стал для нас полуостров Рыбачий — самый правый фланг Отечественной войны. Война по существу превратила его в остров. Этот участок еще в первые месяцы боев перешел от армии к флоту. Морская пехота обороняла его, пока наши войска на Севере не перешли в 1944 году в наступление. Здесь, на хребте Муста-Тунтури, образовался самостоятельный, правда очень небольшой, фронт. Командовал этим фронтом, который был назван Северным оборонительным районом, генерал-лейтенант артиллерии С. И. Кабанов, ранее командовавший обороной полуострова Ханко, известный своими боевыми делами всей нашей стране.

На Рыбачьем шли непрерывные мелкие бои за улучшение позиций. В течение многих месяцев морские пехотинцы на Муста-Тунтури отвоевывали у противника буквально метр за метром. Наши части стремились занять господствующие высоты, чтобы обеспечить снабжение переднего края. Гитлеровцы с некоторых сопок простреливали долину позади нашего боевого охранения. Если зимой, в полярную ночь, еще можно было, пользуясь темнотой, доставлять в боевое охранение грузы и эвакуировать оттуда раненых, то летом это очень усложнялось.

В снабжении полуострова большую роль сыграли рыбацкие мотоботы, мобилизованные во время войны. Под артиллерийским огнем, под бомбами с самолетов они скромно делали свое важное дело. Над ними иногда разыгрывались большие воздушные бои.

Особой популярностью пользовались на флоте два мотобота — «Сазанок» и «Пузанок».

Оба они ходили всегда с большим запасом дымовых буюв. Как только над Кольским или Мотовским заливами появлялись фашистские самолеты, мотоботчики бросали в воду дымовые буюв. «Сазанок» с «Пузанком» вертелись в дыму, пока фашисты не уходили. Вот почему пехотинцы на Рыбачьем, хорошо зная о действиях мотоботов, ласково называли матросов, которые занимались подноской боеприпасов и продуктов на передний край, — «ботиками»...

Береговые батареи на Рыбачьем и Среднем держали под обстрелом вход в Петсамо¹. Напрасно фашисты старались уничтожить или подавить эти батареи, обрушивая на них бомбы и снаряды с воздуха и с суши. До самого дня овладения Петсамо наши батареи успешно осуществляли блокаду этого порта.

¹ Петсамо — финское название древнего русского города Печенга.

Одна из задач, вставших перед Северным флотом, заключалась в действиях на морских коммуникациях противника. Гитлеровские войска не располагали в Заполярье достаточным количеством дорог. Они вынуждены были подвозить морем подкрепление, питание, боеприпасы и другие грузы, а обратно везли — морем же — никель и железную руду. Следовательно, требовалось топить вражеские транспорты.

Подводные лодки, авиация, торпедные катера и миноносцы Северного флота вели активную и успешную борьбу на морских коммуникациях врага.

Основную часть этой боевой работы выполняли наши подводные лодки. Надо сказать, что условия, в которых они действовали, были трудными. Свои транспорты фашисты водили почти вплотную к берегу, на котором располагались их посты наблюдения, береговая артиллерия, аэродромы. В многочисленных бухтах и заливах Северной Норвегии противник держал сторожевые корабли. Вражеские транспорты обычно ходили с большим охранением: зачастую на одно судно с грузом приходилось до десятка, а то и больше кораблей охранения. В летнюю погоду над такими конвоями «висела» прикрывающая авиация.

Однако очень редко гитлеровцам удавалось проскакать без потерь.

Наши подводные лодки неустанно искали вражеские суда и топили их. В подводной войне выявились немало талантливых командиров. Одним из наиболее образованных, умных и смелых офицеров был Гаджиев, командовавший подразделением больших крейсерских лодок. Его энергия и настойчивость, пожалуй, не имели себе равных.

Как-то раз Гаджиев действовал на лодке «К-3» в районе, который изобилует островками самых различных размеров. Противник использовал эти островки и шхеры для проводки своих конвоев. Подходы к маршрутам конвоев гитлеровцы минировали.

Гаджиев поднырнул под мины и вышел на пути вражеских судов. Вскоре был обнаружен транспорт, охраняемый сторожевым кораблем и двумя катерами. Лодка выпустила три торпеды по транспорту, тот взорвался и стал тонуть. Чтобы проследить за его гибелью, «К-3» на короткое время подняла перископ и тотчас нырнула. Однако охранение успело заметить перископ и начало преследовать лодку. Ее бомбили глубинными бомбами, но значительных повреждений не причинили. Стремясь уклониться от противника, Гаджиев решил прижаться к одному из островков.

На карте в этом месте значилась довольно большая глубина. Лодка шла под водой, преследуемая взрывами. Вдруг она натолкнулась на что-то и остановилась: глубина оказалась меньшей, чем по карте. Гитлеровцы продолжали бомбить, причем бомбы рвались очень близко. Несомненно, корабли противника по каким-то признакам видели, где находится лодка. Гаджиев правильно предположил, что в результате

бомбежки дали течь топливные системы, и на поверхность воды выходит соляровое масло.

В таких условиях оставаться лежать на грунте не только бесцельно, но и опасно. Лодки типа «К» имели на вооружении превосходные орудия. Надводная скорость их тоже весьма приличная. Целесообразно было всплыть и огнем артиллерии не только разогнать, но и уничтожить вражеские корабли. На стороне лодки была внезапность и необычность таких действий.

Быстро всплыли. Люди, заранее подготовленные к предстоящему маневру, бросились к пушкам. Расчет Гаджиева оказался правильным. Фашисты в самом деле были ошеломлены. Имея значительное преимущество во времени, они все же ни разу не попали в лодку.

Советские моряки стреляли лучше. Один наш снаряд попал в корму вражеского сторожевика, где лежали глубинные бомбы. Вся эта масса взрывчатого вещества сдетонировала. Взметнулся столб огня, воды и черного дыма. Когда он рассеялся, сторожевик исчез: на воде плавали только обломки и люди. Неприятельский сторожевой катер бросился к месту взрыва, ведя одновременно огонь по лодке. Несколькими залпами был потоплен и он. Второй сторожевой катер поспешил скрыться за островком.

Искусно действовал на вражеских коммуникациях и командир части, а впоследствии командир соединения подводных лодок Герой Советского Союза Колышкин. Спокойный и рассудительный, начавший службу на подводных лодках краснофлотцем, он ни разу не возвращался с моря без успеха. Колышкин неоднократно обманывал боевые корабли противника и топил транспортные суда. Он же первым вместе с Фисановичем проник в гавань Линахамари, преодолев вражескую противолодочную оборону.

Можно привести очень много эпизодов, характеризующих отвагу и мастерство наших подводников. Однажды летом к нам шел из Англии конвой, в котором насчитывалось довольно большое количество транспортов и кораблей охранения. Фашисты решили этот конвой уничтожить, причем, кроме подводных лодок и авиации, привлекли к участию в операции и свои тяжелые корабли.

Тем временем в море действовал на крейсерской лодке один из опытных подводников Герой Советского Союза капитан 2 ранга Лунин, имевший задачей обеспечение перехода конвоя. Находясь в заданном ему районе, он, благодаря хорошей видимости, заметил на горизонте большую группу кораблей. Погрузившись, Лунин пошел на сближение с ними и вскоре опознал немецкую эскадру, в составе которой находился линкор «Тирпиц».

Начался выход в атаку. Носовые торпедные аппараты были готовы к выстрелу. Но в этот момент эскадра, видимо, из-за боязни подводных лодок, сделала поворот и легла на новый курс. Лунину пришлось принять единственно возможное решение — стрелять кормовыми торпедными аппаратами. Одна из торпед попала в «Тирпица». Миноносцы

противника преследовали Лунина, сбрасывали глубинные бомбы, однако вреда лодке не причинили. Вражеская эскадра вынуждена была повернуть в свою базу. После этого «Тирпиц» три месяца стоял в ремонте.

Боевое мастерство, искусство поиска и успешной атаки подводники накапливали в трудных походах и боях. Многие из них отдали свои жизни, завоевывая победу нашей Родине.

Малые подводные лодки, «малютки», как их ласково называют на флоте, воевали так же успешно. Всеми советскому народу стали известны имена Старикова, Егорова, Фисановича и других командиров «малюток». На лодке Фисановича служил изумительный гидроакустик Шумихин. Он развил в себе способность распознавать шумы не только кораблей, но даже косяков рыбы.

С начала войны у наших берегов появились вражеские подводные лодки. Вся тяжесть борьбы с ними легла на морские охотники и сторожевики.

Трудно переоценить боевые заслуги этих маленьких кораблей. Совсем не приспособленные для плавания в тяжелых условиях Севера, они ходили и в бурном Баренцовом, и в Белом море, и даже к Нордкапу, плавали в любое время года, не только охотились за подводными лодками, но перевозили грузы, высаживали десанты, охраняли конвои, служили кораблями противовоздушной обороны, отражая налеты вражеских бомбардировщиков. Славные экипажи охотников, сторожевиков, тральщиков вынесли на себе огромную тяжесть войны на море в условиях Севера.

Особо надо сказать о торпедных катерах Северного флота.

Катерники опровергли устаревший взгляд о невозможности использования этого класса кораблей на Севере. В течение всей войны моряки торпедных катеров наносили сокрушительные удары по противнику, многие из них заслужили высокое звание Героя Советского Союза. На торпедных катерах Севера вырос дважды Герой Советского Союза Шабалин...

С каждым месяцем войны возрастал размах боевых действий на море и в воздухе.

Североморцам приходилось драться на очень широком фронте от пролива Вилькицкого до западного побережья Норвегии. Фашистская авиация, подводные лодки, надводные корабли действовали в Норвежском, Баренцовом и в Карском морях. Тяжелый крейсер «Шеер» ходил до Диксона в расчете на то, что сорвет наши перевозки Северным морским путем.

Иногда врагу удавалось нанести нам чувствительные удары, но прервать наших коммуникаций он не мог.

С конца сорок первого года пошли грузы с Запада. Встречать океанские конвои мы выходили обычно за трое-четверо суток до их прихода в Кольский залив. Фашистская авиация, подводные лодки и надводные корабли преследовали караваны, стремясь уничтожить их на

дальних подступах к Мурманску и Архангельску. Начиная от острова Медвежьего и почти до самых наших баз, шли непрерывные бои.

Надо сказать, что оккупация Северной Норвегии была очень выгодна фашистам — ведь маршруты океанских конвоев проходили именно вдоль этого побережья. По мере продвижения караванов фашистская авиация перемещалась с аэродрома на аэродром и таким образом получала возможность непрерывно вести атаки. Как правило, на наших коммуникациях все время действовали и фашистские подводные лодки. Конвои приходили большие — по шестидесяти-семидесяти единиц в группе. Трудно, конечно, было рассчитывать на скрытность.

Каждый приход конвоя в наши северные порты, а затем обратно — на запад вызывал большое напряжение всех сил флота. Группы наших самолетов бомбили авиабазы противника, чтобы снизить боеспособность его авиации, предотвратить или по крайней мере ослабить ее удары по кораблям. Наша же авиация в пределах своей дальности непосредственно прикрывала конвой с воздуха.

Тяжелую конвойную службу несли миноносцы, кроме того занятые еще боевой работой по содействию сухопутным войскам. Экипажи миноносцев не знали отдыха. По трое-четверо суток во время походов они находились в боевой готовности, почти не смыкали глаз.

Конвои с Запада шли главным образом зимой. Жестокие штормы заставляли их далеко в море. Помногу суток миноносцы находились далеко от своих баз, боролись не только с штормом, но и с самолетами врага, с его подводными лодками. Доведя транспорты с грузами до наших баз, эсминцы тут же снова направлялись в бой, сопровождали разгруженные транспорты на запад. Опять сражения, штормы, тяжелейший воинский труд. В этих боях выросли такие умелые, опытные и храбрые офицеры эсминцев, как Гурин, Гончар, Колчин...

IV

Многое надо написать об авиации Северного флота. К началу войны она была немногочисленной. В строю находились устаревшие по своим типам самолеты. Но люди на этих самолетах воевали отличные. Даже в первой половине войны, несмотря на техническое преимущество фашистских самолетов, наша авиация господствовала на Севере, вела наступательные бои, побеждала. Наши летчики поддерживали пехоту, наносили удары по аэродромам противника, торпедировали вражеские корабли, ставили мины, вели разведку в море, боролись с подводными лодками и в Баренцовом и в Карском море, прикрывали действия наших кораблей.

Боевая деятельность авиации, равно как и боевая деятельность всего флота, не прекращалась и в самые трудные месяцы зимы — в полярную ночь.

Благодаря заботам партии и правительства наша авиация росла непрерывно как качественно, так и количественно. Сказочно быстро вы-

росли ее люди. Всякие разговоры о том, что в суровых условиях Севера деятельность самолетов ограничена, были забыты.

Летчики научились преодолевать любые трудности. Появились такие истребители — мастера воздушного боя, как знаменитый Сафонов — дважды Герой Советского Союза, Орлов, Сгибнев, мастера торпедных и бомбовых ударов, люди, которыми справедливо гордятся не только североморцы, но и весь наш советский народ. Несколько десятков летчиков нашей флотской авиации стали Героями Советского Союза.

Следует особо отметить торпедоносную авиацию Северного флота. Существуют, как известно, два способа торпедометания. Можно сбросить торпеду с большой высоты. Для самолета в этом случае меньше опасности быть сбитым, но и вероятность попадания торпеды незначительна. Можно сбросить торпеду с бреющего полета, на отдалении 500—800 метров от цели. Конечно, здесь опасность для самолета больше. Атакуемый корабль и его охрана вводят в действие не только зенитную артиллерию, но вообще все, что только способно стрелять. Летчику-торпедоносцу приходится преодолевать очень плотную завесу огня, точнее даже — идти в огне. Зато намного возрастает вероятность попадания торпеды.

Высотное торпедометание похоже на обычное бомбометание с горизонтального полета. Но нам нужно было топить противника наверняка, поэтому наши летчики и применяли в основном низкое торпедометание.

Множество фашистских судов различных размеров и различных классов потопили летчики Северного флота. Нередко авиация действовала совместно с подводными лодками, еще чаще совместно с торпедными катерами.

V

В конце 1944 года с переходом в наступление частей Карельского фронта морские части участвовали в боях по овладению Петсамо и Киркенесом.

Одной из наиболее интересных является операция по захвату порта Линахамари.

Противник создал солидную артиллерийскую оборону этого порта. При прорыве в гавань (а задача заключалась в захвате самой гавани) предстояло преодолеть большую глубину огня береговых батарей. Самой опасной оказалась одна — 150-миллиметровая, стоявшая в глубине на мысе Крестовый. Требовалось во что бы то ни стало обезвредить ее.

Эта задача была поручена отряду разведчиков под командой старшего лейтенанта Леонова. Прорывав трехсуточный скрытый переход по тундре, отряд вышел в район, где был расположен намеченный объект, и здесь с ходу захватил вражескую зенитную батарею. Используя зенитные пушки противника, разведчики в течение нескольких часов вели бой с находившейся неподалеку 150-миллиметровой батареей и овладели ею.

Остальные вражеские батареи были ослеплены дымовыми завесами, подавлялись огнем наших береговых батарей и не смогли воспрепятствовать проведению операции. Морская пехота высадилась с торпедных катеров и морских охотников прямо на причалы в гавани. Все это удалось осуществить с незначительными потерями.

Но война на море продолжалась. Действия фашистских подводных лодок в 1944 году и начале 1945 года даже усилились. Только после нанесения сокрушительных ударов по гитлеровским войскам на центральном направлении морские бои на Севере прекратились.

* * *

Оглядываясь сейчас на пройденный боевой путь, можно с удовлетворением сказать, что Северный флот, выросший и окрепший в период войны, справился с задачами, которые возлагались на него нашим советским народом, нашей партией и правительством.

Флот новый и молодой, переживший в эту войну свое боевое крещение, по существу впервые в истории освоивший Северный морской театр военных действий, в борьбе, в трудностях, в лишениях совершенствовал свое боевое мастерство и накопил ценнейший опыт, достойный серьезного описания и глубокого изучения.

Это заслуга всех моряков-североморцев. От рядового матроса до адмирала на всех участках работали и дрались они, не щадя ни пота, ни крови, ни самой жизни, с честью и доблестью выполняя свой воинский долг.

На Северном флоте в дни Великой Отечественной войны работала группа писателей и журналистов, оружием слова помогавших победе над врагом. Одеты в военно-морские шинели, делившие с военными моряками все трудности фронтовой жизни, эти литераторы создали основную массу произведений, из которых составлен предлагаемый вниманию читателей сборник.

На флоте служили писатели и поэты Юрий Герман, Никодим Гильярди, Дмитрий Ковалев, Александр Марьямов, Александр Ойслендер, Николай Панов, Ярослав Родионов, Илья Самойлов, Николай Флеров, Борис Яглинг, Павел Фурманский, журналисты Михаил Величко, Александр Мацевич, Николай Михайловский, Алексей Петров, Андрей Петров и другие. Неоднократно посещали Заполярье в военные годы Борис Лавренев, Александр Жаров, Владимир Рудный, Константин Симонов, Макс Зингер, Александр Зонин, Василий Лебедев-Кумач.

Некоторые из литераторов — авторов печатаемых здесь произведений — отдали свои жизни за свободу и независимость нашей Советской Родины. Поэт Ярослав Родионов погиб при налете вражеской авиации, журналист Александр Мацевич, участвовавший в походе подводной лодки, погиб в морском бою.

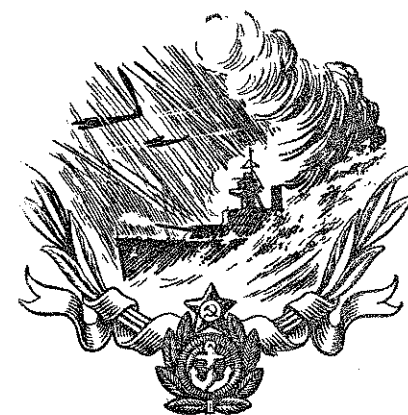
Кроме высказываний и воспоминаний бывалых воинов — участников войны в Заполярье, а также очерков и стихотворений, написанных

в военные дни по горячим следам событий, в сборник включены художественные произведения о Северном флоте, написанные в послевоенные годы и заслужившие признание нашего читателя: рассказ Б. Лавренева «День рождения», глава из книги Н. Панова «Повесть о двух кораблях» и другие.

Нужно пожелать, чтобы советские писатели работали и в дальнейшем над созданием произведений о самом молодом нашем Северном флоте, воплощали в художественные образы богатый, неисчерпаемый материал боевых действий, повседневной жизни, неустанной послевоенной учебы североморцев, зорко стоящих и сейчас на страже северных морских рубежей нашей Родины.

ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ

НИКОЛАЙ ФЛЕРОВ

ЭТО В БОИ ИДУТ МАТРОСЫ...

Уходит ветер, ходит вьюга,
Неспокоен океан.
Ходят с севера до юга
И метели и туман.

На ветру не остывая,
От фронтов и до фронтов
Ходит слава боевая
О геройстве моряков.

Это в бой идут матросы,
Это в бой идут моря!

Но, бывает, растается
С кораблем своим моряк,—
Значит, силу краснофлотца
На земле узнает враг.

Ничего, что сердцу тяжело,
Что не флотская шинель,—
На груди твоей тельняшка,
Темносиняя фланель.

Это в бой идут матросы,
Это в бой идут моря!

А когда бои вскипают
И тебе сам черт не брат,
В жаркой схватке возникают
Бескозырка и бушлат.

И опять в руке граната,
И глаза огнем горят...
Ты — балтиец из Кронштадта,
Из Полярного моряк.

Это в бой идут матросы,
Это в бой идут моря!

Адмирал А. Г. ГОЛОВКО

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

Многих из нас, вероятно, сопровождала все годы войны скромная тетрадь дневника. Каждому хотелось навсегда сохранить в памяти то, что он видел, пережил, чему научился. Каждый стремился вникнуть в окружающее, осмыслить уроки суровой военной обстановки.

Вероятно, все строки военных дневников так же скупы, как и мои. Они ведь делались для себя, а не для читателей. Да и время не позволяло писать подробнее. Но сколько воспоминаний встает за каждой такой коротенькой записью!

5 ноября 1941 года

Открываю свой североморский дневник. Читаю: «5 ноября 1941 года. Наши самолеты уже четвертый день не производят вылетов. Метеоусловия не позволяют — заряды, пурга. Радиоразведка обнаружила подлодку противника к северу от мыса Цып-Наволок...»

Будничная беглая запись. Но за ней для автора — множество воспоминаний: глухая полярная ночь, холодная луна над северной бухтой, заснеженные корабли, трудное время первой военной зимы.

Торопливая дневничная запись... И, на первый взгляд, совсем не о самом главном. Ведь в те дни каждого из нас больше всего беспокоила судьба Москвы. Фашистские дивизии еще продолжали рваться к столице. Позже нам стал известен приказ Гитлера: «Учитывая важность назревающих событий, особенно зиму, плохое материальное обеспечение армии, приказываю в ближайшее время любой ценой разделиться со столицей Москвой».

Всем сердцем североморцы были с Москвой. Мы понимали: лучшая помощь Москве — усилить боевую активность на своем участке сухопутного фронта и на море.

Нам хотелось бомбить врага с воздуха. Но погода не позволяла, и я помню, как это злило тогда. Впрочем, на море в те же самые дни мы не теряли времени. Погода, мешавшая действовать летчикам, способствовала морякам.

В те самые нелетные ноябрьские дни в море находилась подводная лодка Лунина. Именно тогда она потопила большой вражеский транспорт. Другая подводная лодка успешно поставила мины на коммуникациях фашистов и зафиксировала взрыв на мине одного из их транспортных портов. Третья — потопила фашистский транспорт с несколькими десятками тысяч полушубков. Это обрекло немалую часть вражеских солдат на зимовку в летнем обмундировании.

Накануне вернулся с моря Колышкин на «Д-3», потопив четыре фашистских корабля. Колышкин ни разу не возвращался с моря без успеха. Он неоднократно обманывал корабли охранения противника, нырял под них и топил транспортные суда. Он же первым вместе с Фисановичем проник в гавань Линахамари, преодолев вражескую противолодочную оборону.

Успешно действовали в те дни на коммуникациях врага и другие подводные и надводные корабли.

«Блицкриг» терпел крах по всему фронту. Гитлеровская газета в Норвегии опубликовала статью «Почему германские войска еще не в Мурманске». В этой статье говорилось: «Многие задают вопрос, почему германские войска еще не заняли Мурманска. Постараюсь (писал автор статьи) объяснить это. В Лапландии сражаются германские части, находящиеся там со времени норвежской кампании... Бои оказались чрезвычайно тяжелыми, их трудность не поддается описанию. Сам черт выдумал тундру в пользу большевиков. В тылу приходится сражаться с партизанскими и прорвавшимися красноармейскими частями...»

Другая гитлеровская газета также признавала, что фашистские войска на Севере попали в тяжелое положение. «Основой их деятельности, — писала газета, — стала забота о поддержании жизни».

А ведь незадолго до этого геббельсовская печать уже объявляла Мурманск взятым!

Зато пленные егеря, испытавшие на себе силу советского сопротивления, оказались способными к более точному анализу событий. Один из них сказал: «Ваши люди сделаны из особого материала. Даже когда они окружены, израсходовали все патроны и не в состоянии держать штык, они готовы грызть нас зубами!»

Сознание того, что враг угрожает Москве, удесятерило наши силы, вызывало жажду борьбы. И на сухопутном фронте и на море североморцы дрались, сжав зубы, до последнего дыхания.

Не забыть героической гибели нашего тральщика «Туман». В самом начале войны он был атакован тремя фашистскими миноносцами и бесстрашно принял неравный бой. Осколком снаряда перебило флагшток. Раненый рулевой Семенов бросился к флагу и высоко поднял его над головой. В этот момент Семенову пробило осколком кисть руки. На помощь подоспел радист Блинов. Он подхватил полотнище, и через мгновение над тральщиком снова реял наш Военно-морской флаг...

Сторожевой корабль «Пассат» был обычным траулером, вооруженным двумя 45-миллиметровыми пушками и двумя пулеметами. В на-

чале войны он конвоировал в море два невооруженных рыбачьих судна. Переход начался в туманную и дождливую погоду, но через сутки стало проясняться, и на пересечение курса наших моряков неожиданно вышли три вражеских миноносца.

Командир «Пассата» старший лейтенант Окуневич приказал судам идти к берегу, а сам, ставя дымзавесу между ними и миноносцами противника, открыл огонь из своих маленьких пушек.

Силы были слишком неравными. Фашисты успели пристреляться по одному из рыбачьих судов. Снарядом сбило на нем мачту, другим — пробило борт и повредило машину, третьим — разворотило корму.

«Пассат» своим огнем и дымзавесой задержал вражеские миноносцы. Это дало возможность команде гибнущего рыбачьего судна спустить шлюпки и принять меры к спасению людей. Но «Пассат» сам попал под огонь двух миноносцев, получил ряд попаданий и стал тонуть. До самого последнего мгновения его комендоры продолжали стрелять. Уже в воду уходила корма «Пассата», а кормовая пушка продолжала действовать. Это стрелял по врагу единственный оставшийся в живых матрос.

Команды рыбачьих судов были спасены. Но с «Пассата» спасся только один человек.

6 ноября 1941 года

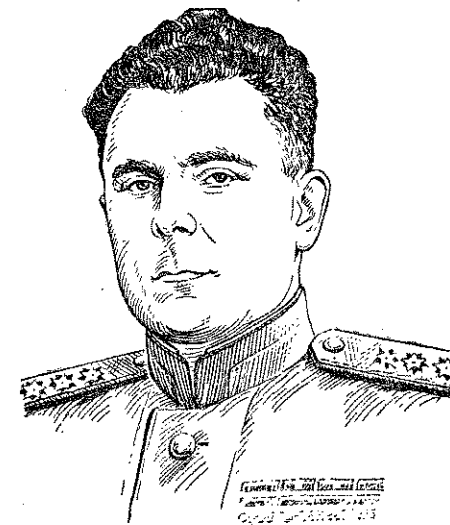
Еще одна страница дневника:

«6 ноября 1941 года. Метеоусловия улучшились. Наши истребители сделали семь самолето-вылетов на штурмовку войск противника в районе колхоза Большая Западная Лица — Титовка. Для артиллерийской стрельбы по огневым точкам противника в районе губы Западная Лица выходил в Мотовский залив эсминец. Эсминец обеспечивали два сторожевых катера...»

В тот день с истребителями летал на штурмовку сам Сафонов.

Начав войну старшим лейтенантом, командиром эскадрильи, он вскоре был назначен командиром полка. К весне 1942 года Сафонов стал подполковником.

Широкоплечий, с открытым типично русским лицом, с прямым взглядом больших темных глаз, Сафонов сразу же вызывал симпатию к себе.

Адмирал Арсений Григорьевич Головкин

У него очень были развиты чувства времени и пространства.

Мне кажется, если бы он занимался спортом как профессионал, из него вышел бы прекрасный боксер.

Самолетом он владел в совершенстве. Стрелял и бомбил блестяще.

Неторопливый, он никогда и никуда не опаздывал. Непридиричивый и добродушный, он в то же время все замечал и никому не спускал промахов, был требовательным человеком.

Преданный Родине и партии, Сафонов был образцом воздушного бойца и авиационного командира. Его не только уважали, его любили, им восхищались.

Первый «Ю-88» на Севере в самом начале войны был сбит Сафоновым. Удачным попаданием Сафонов повредил вражеский самолет и стал преследовать его, расстреливая из пулеметов. Он гнал врага до Зеленецкой бухты, пока «Ю-88» не ударился о воду и не разломился.

Погиб Сафонов весной 1942 года. Мы встречали большой конвой. Фашистская авиация миль за семьдесят до входа конвоя в Кольский залив атаковала транспорты.

Сафонов прикрывал конвой группой самолетов своего полка. В воздушном бою он лично сбил тогда три «Ю-88». Затем, передав, что мотор у него не в порядке, начал планировать к нашим кораблям. Упал он кабельтовах в двенадцати — пятнадцати от эсминца «Куйбышев» и выбраться из кабины, очевидно, не смог. Самолет немедленно затонул. Корабли долго осматривали место гибели, но ничего не обнаружили.

Так погиб один из выдающихся людей Северного флота и советской авиации дважды Герой Советского Союза Сафонов. Ему засчитан двадцать один фашистский самолет, сбитый им лично, но, надо полагать, сбил он больше. В групповых боях он помог уничтожить еще несколько десятков вражеских самолетов.

Авиации в ноябре 1941 года у нас еще было мало. Недостаточно было и артиллерии на сухопутном фронте. Именно этим и объясняется запись в дневнике о выходе эсминца на артиллерийскую стрельбу по огневым точкам противника. В полярную ночь гитлеровцы на сухопутье долго принимали огонь наших кораблей за стрельбу таинственных, быстро перемещавшихся батарей. Армейское командование часто просило нас в ту пору дать «флотского огонька» по фашистам. И корабли выходили и стреляли, их огонь имел значительный эффект.

К осени мы обладали немалым опытом таких стрельб, производили их уверенно, четко и с хорошими результатами. Но в моей памяти навсегда сохранится первый выход миноносцев на стрельбы по берегу.

Это было в конце июня, в разгар полярного дня, когда враг прорывался на полуострова Средний и Рыбачий.

За трое суток непрерывных боев артиллеристы израсходовали много снарядов и имели остаток «всего-ничего», как сказал мне командующий армией.

Требовалось поддержать сухопутные войска корабельной артиллерией.

С этой целью были посланы миноносцы «Урицкий» и «Куйбышев». Для обеспечения с воздуха им придали два катера — морских охотника. Эти небольшие, юркие, быстроходные кораблики в первую же неделю войны завоевали авторитет на флоте борьбой с фашистской авиацией. Самолеты противника, пытаясь атаковать их, встречали сильный и меткий огонь, отворачивали и отказывались от атак.

Командовать этой группой кораблей был назначен командир дивизиона миноносцев капитан третьего ранга Симонов. В помощь ему для организации стрельбы по берегу дали флагманского артиллериста флота капитана второго ранга Баринава. Катерами командовал старший лейтенант Крель.

Я рассказал им, какая обстановка сложилась на фронте, и разъяснил, что требовалось от них. «Нам нельзя терять Рыбачье. Тот, кто владеет Рыбачьем, держит в своих руках Кольский залив. Северный флот без Кольского залива существовать не может. Кольский залив нужен государству. Это наш океанский порт», — сказал я им в конце беседы.

Отчетливо представлял я себе, как трудно будет отряду, если на него нападёт авиация. Уже восемь дней неприятельские самолеты бомбили и преследовали наши корабли в море и в заливе. Мы не располагали тогда возможностью держать над нашими кораблями одновременно большое число истребителей. У противника же в те дни самолетов было более чем достаточно. Сознавали это и командиры кораблей. Однако они поняли задачу, и я не сомневался, что они выполнят ее с честью.

Корабли ушли. В шесть часов утра они уже открыли огонь по скоплениям фашистов. Стрельбу вели по всем правилам артиллерийского искусства: высадили корректировочный пост с радиостанцией; связались с армейским командованием; уточнили цели; корректировали каждый залп.

Корабли вели огонь почти четыре часа. Стрельба была удачной. Разбили минометную и артиллерийскую батареи врага, накрыли четыре места скопления пехоты.

Армейцы остались очень довольны.

Около десяти часов на миноносцы напала группа вражеских самолетов. Корабли дали полный ход и начали отходить вдоль Мотовского залива, успешно маневрируя и уклоняясь от бомб. Задание было выполнено успешно.

Лишь на следующий день фашисты возобновили попытку прорвать нашу оборону на перешейке. Но к этому времени армейцы подтянули свои силы и отразили вражеский натиск.

В дальнейшем выходы миноносцев на стрельбы по берегу, занятому противником, производились регулярно. Эти выходы участились с наступлением полярной ночи и вполне оправдали себя...

В ноябрьский вечер уходил в глубокий тыл врага маленький отряд североморских разведчиков под командованием майора Людена. Это были лихие ребята, делавшие частые и успешные вылазки в тылы противника. В ту ночь разведчики подожгли у фашистов склады с продовольствием и боеприпасами и благополучно, без потерь, вернулись обратно.

На кораблях и в частях встречали наступавшую годовщину Октября.

Там, где было возможно, готовились торжественные заседания, кубрики украшались плакатами и лозунгами.

7 ноября 1941 года

Открываю новую страницу дневника:

«7 ноября 1941 года.

Армейские части при содействии нашей корабельной артиллерии перешли в наступление в районе губы Западная Лица..

Противник сменил подразделения второй и третьей горно-егерских дивизий. Вновь прибывшая шестая горно-егерская дивизия заняла оборонительную полосу, имея боевое охранение на линии высот 177,3 и 314,9 и далее на юго-запад...

С утра 9 ноября наши части будут вести бой на переднем крае обороны с шестой горно-егерской дивизией. На правом фланге им предстоит занять район высот 263,5 и 314,9.

Артиллерии флота предстоит с утра 9 ноября подавить артиллерию и резервы противника в Приморском районе. Авиации флота поручено препятствовать подвозу резервов противника по дороге Петсамо — Большая Западная Лица».

Всю ночь над Заполярьем шел тогда снег. Поутру радио донесло до нас передачу из Москвы. Мы слышали лязг оружия на Красной площади, привычный грохот традиционного парада.

В тот праздничный октябрьский день мы напряженно готовились к предстоящему наступлению. Нельзя было давать врагу передышки! Следовало непрерывно изматывать его силы, разрушать его землянки, окопы, огневые точки, уничтожать скопления живой силы, не давать разводиться костры. Следовало улучшать свои позиции, чтобы в дальнейшем перейти в наступление в наиболее выгодных для наших войск условиях.

7 ноября 1941 года морские пехотинцы штурмовали высоту «Важная» — укрепленную твердыню, господствовавшую над Чертовым перевалом. Фашисты называли эту высоту «Стальной шлем». Она пала в тот день под натиском североморцев так же, как и другая, соседняя.

В бою за «Важную» отличился Герой Советского Союза Василий Кисляков. Ему, смелому и находчивому воину, бушевавшая злая пурга не стала помехой.

Кисляков приказал своим бойцам надеть маски противогазов с гофрированной трубкой (без коробки). Благодаря этому его люди смогли в колючем и слепящем буране подобраться ближе к противнику и занять удобную исходную позицию для броска.

Сколько изобретательности и смекалки в большом и в малом проявляли североморцы, стремясь нанести врагу побольше урона!

В Заполярье, на самом северном краю родной земли, в штормовом Баренцевом море, в арктическом небе, в глубоких снегах скалистого побережья плечом к плечу с частями сухопутных войск дрались и побеждали североморцы. Герои морских и воздушных атак, герои Муста-Тунтури и Печенги, Матти-Вуоно и Киркенеса — они дрались неукротимо и яростно, защищая Родину и завоевания Октября.

АНДРЕЙ ПЕТРОВ

БЬЕТ ПРАВОФЛАНГОВАЯ

Двадцать второго июня батарейцам роздали каски. Пушки медленно развернулись на залив. К старшему лейтенанту Космачеву, командиру батареи, четким шагом один за другим подходили командиры орудий. Докладывали: «Расчет к бою готов». Они только что слушали по радио речь Вячеслава Михайловича Молотова.

Вдалеке, под скалистым обрывом, медленно шевелились волны Петса́мского залива. Батарейцы ждали: вот-вот появятся корабли с подкреплениями для гитлеровских дивизий, рвущихся на Мурманск. Задача была ясна: перекрывать залив.

Наводчик Ивашев сказал на митинге:

— Матросы! Горит душа. Одно сейчас на уме — топить врага без пощады. Будем стоять до конца. Петса́мский залив — на замок! Чтобы мышь, и та не проскочила.

К вечеру в небе появились два звена фашистских самолетов. Они кружились, высматривали. На батарее прекратилось движение. Матросы у пушек, мельком посмотрев вверх, вглядывались в залив.

В 22 часа 17 минут — этого батарейцам никогда не забыть — наблюдатель доложил о появлении вражеского тральщика.

Космачев рассчитал исходные данные и приказал открыть огонь.

У одного из орудий пришлось заменить младшего сержанта Морозова. Тяжело больной, он находился в санчасти, но лежал одетым.

Залп был такой, что в санчасти все задрожало.

— Я должен быть там! — воскликнул Морозов. — Они уже сражаются!

Санитар Садовников схватил его за руку:

— Не ходи!

Морозов рванулся, и они побежали вместе, все еще держась за руки, спотыкаясь о кочки и камни. Громовые раскаты сотрясали берег и море, отдавались эхом в горах. Вот и орудие. Знакомые лица: Рачков, Белоусов, Руды́жа... Лучший боевой расчет.

По заливу метался из стороны в сторону, делая зигзаги, корабль. Он уходил от высоких белых всплесков.

— Сейчас мы его «споловиним», — сказал Космачев своему помощнику Поночевному, опуская бинокль.

— Снаряды! Давайте снаряды! — крикнул Рачков, махнув рукавом по мокрому, в каплях, лбу. Матросы, как по конвейеру, из рук в руки перебрасывали тяжелые цилиндры.

— Попадание! — сказал Поночевный.

Тральщик сел на корму и сбавил ход.

Еще попадание! Еще!

Корабль окутался дымом. Над ним вырвались желтые космы пламени...

Батарея открыла свой боевой счет.

Вскоре из-за мыска выскочил маленький юркий катерок. Он мчался к кораблю, доживавшему последние минуты, но, попав в артиллерийскую «вилку», шарахнулся в сторону и удрал.

— Прекратить огонь! — распорядился командир батареи. — Жалко снарядов.

Снаряды действительно следовало беречь. Путь к батарее с материка был уже отрезан. Боезапас доставлялся морем.

— Отправляйтесь за снарядами, — получил приказ младший лейтенант Георгий Гадиев.

— Есть!

Кряжистый, как горный кедр, Гадиев вырос в ауле и в юности ходил с рогатиной на медведя. Если надо прорваться под ураганным обстрелом и доставить срочный пакет — Гадиев сделает и доложит. Нужно организовать зенитную оборону позиции — Гадиев все обеспечит. Простой души человек и прекрасный офицер, он был любимцем матросов.

Летом на севере круглые сутки светло. Прожекторы — заведывание младшего лейтенанта — в такое время не нужны. И он сам искал себе работу, тяжелую, боевую, опасную. Таких людей посылай на любое дело, не ошибешься.

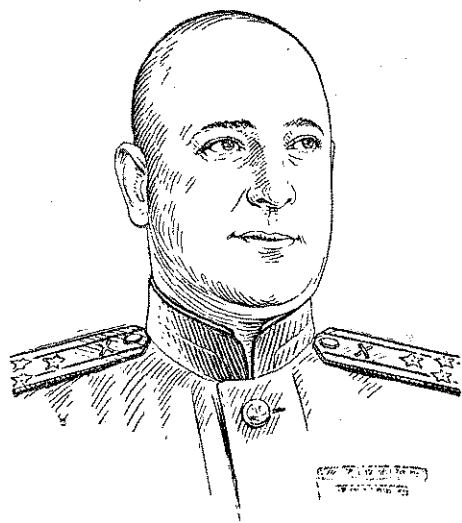
С Гадиевым отправилась на причал группа матросов. Пятнадцать часов кряду выгружали они горючее и боезапас. Двое суток не спал шофер Куприянов. Когда веки его смыкались, он раздвигал их пальцами и крепче вцеплялся в баранку.

Место выгрузки бомбили. При каждом налете матросы ставили ящики на землю и прикрывали их своими телами.

Один бомбардировщик снизился до бреющего полета и осыпал батарейцев пулями. Фонтанчики пыли встали около матроса Тараненко. Младший сержант Фисун, разглядев в кабине самолета рыжий шлем летчика, крикнул Гадиеву:

— Рогатиной бы его, товарищ младший лейтенант, как вы медведя!

Полковник Павел Федорович Космачев

***
Батареею тоже бомбили. Матросы копали щели и строили блиндажи, крыли их толстыми накатами, тушили пожары, вспыхивавшие в городке.

Вернувшись с причала, Гадиев пошел с двумя матросами и младшим сержантом на ближний мысок. Там стояли три ложных орудия, сложенные из камней и бревен. «Орудия» удались на славу. Над мысом вскоре появились два, а потом и три десятка вражеских самолетов. Полчаса они кружились здесь, пикируя и сбрасывая бомбы. Мысок окутался буро-желтыми клубами дыма.

— Вот дают, вот дают! — насмешливо приговаривал Фисун.

25 июня в заливе появился военный катер. Он шел в Петсамо.

Орудия дали всего три залпа — больше не потребовалось. Водная поверхность была чиста.

Через три дня пришла телеграмма от наркома. Он благодарил личный состав за отличные боевые действия, за стойкость.

Весть о благодарности адмирала облетела боевые посты. Командир и комиссар решили собрать людей на митинг. Но митинг провести не удалось. В этот день враг напал на батарею с небывалым ожесточением.

Первым услышал звук моторов и увидел высоко летящие пикировщики Бекетов. Он насчитал двадцать четыре машины. В действительности самолетов было тридцать два, но уже некогда было заканчивать счет.

Небо прочертила ракета. Матросы кинулись к пулеметам. Сверху посыпались бомбы.

Свободный от вахты матрос Дорофеев мылся в бане. Взрывной волной вышибло стекла из окон, и его чуть не ошпарило кипятком. Дорофеев поднял выпавшую из рук шайку и проворчал упрямо:

— Врешь, не помешаешь. Раз начал, все равно домоюсь.

Дальномерщик младший сержант Пивоваров был на пулеметной точке. Раздался оглушительный взрыв. Пивоваров упал, но быстро вскочил и снова бросился к пулемету.

— Похоже, они собираются сделать глубокую распахку, — услышал Поночевный голос командира батареи. — Только бы не по орудиям.

Но взрывом бомбы уже вывело из строя одну пушку. Космачев молчал. Он мысленно прикидывал, велико ли повреждение и как скоро можно его исправить.

Около другого орудия сидели в капонире бывший ладожский грузчик Александр Шилов и его товарищи. Вдруг с грохотом раскололась и влетела внутрь укрытия тяжелая сосновая дверь. Побледнев, зашатался матрос Гусев. Друзья поддержали его.

Шилов помог товарищам отнести раненого в лазарет и прошел к своему орудью. Он осмотрел казенную часть, попробовал ее на ощупь, протер, снова смазал. Кругом все еще гремело, но Шилов как будто ничего и не слышал. Бурная радость охватила его: орудие не пострадало.

Разрывом бомбы разрушило столовую. Рядом с ней образовалась широкая пятнадцатиметровая воронка. Над обломками бушевало пламя.

Прибежали с пулеметных точек Гадиев с хозяйственником старшим сержантом Зубовым. Матросы растаскивали баграми горящие доски и действовали огнетушителями. Надо было локализовать огонь. А пикировщики, сбросив все бомбы, с бреющего полета из пулеметов обстреливали землю.

Зубов послал своего «адъютанта» пекаря Александрова за новыми огнетушителями.

— Живо. Фигаро здесь — Фигаро там!

Александров сказал «есть» и побежал под пулями. Быстрый и ловкий, он поспевал везде. Принес огнетушители, подтащил к месту пожара тяжелый шланг и подсоединил его к магистрали.

Ударил мощная струя воды. Но вот она стала ослабевать. Шланг пробило пулей.

«Снять бушлаты, зажать пробойны! — приказал Гадиев. — Бушлат воду любит».

Александров и здесь успел.

Был вечер.

Дымилась земля.

И в неожиданно наступившей тишине вдруг громко защебетали птицы...

Третьего июля дежурный радист сидел в чудом уцелевшем радиоузле и настраивался на позывные Москвы. Ожидалась важная передача. Всюду проверялась трансляция. Из-за гор вылетел бомбардировщик и несколько раз низко прошелся над городком. Блеснули огневые трассы. Три пули прошили комнату по диагонали у самой головы радиста.

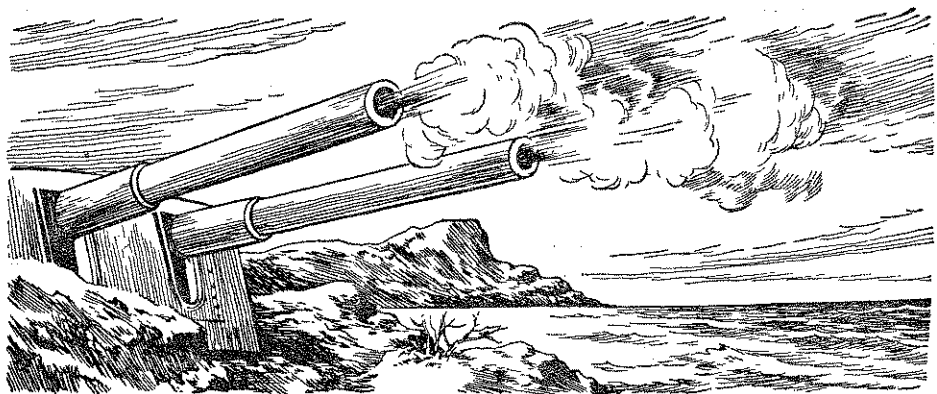
— Трижды пытались, да не просватали! — шутил потом радист. — Теперь меня никакая смерть не возьмет.

***

Батарея молчала. Огромные воронки от авиабомб, вывороченные с корнем кусты, жалкие обломки строений. Казалось, что теперь уже все кончено и никогда не заговорят с побережья могучие дальнбойные орудия. Наверное, именно так и думал враг, потому что в заливе показался и без особой опаски пошел фашистский транспорт. Его подпустили

довольно близко. А потом гитлеровцам пришлось убедиться, что рано еще списывать со счета эту неугомонную батарею.

Грянули мощные залпы. Корабль загорелся и лег на обратный курс. Выпустив дымовую завесу, он словно растворился в ней. Но вряд ли ему удалось куда-нибудь дотащиться.

Командир батареи старший лейтенант Павел Федорович Космачев, которого мы застали на дальномерном посту, — немолодой, плотный, среднего роста человек. Он принял нас, как радушный хозяин, который всегда не прочь сыграть с вами партию-другую в шахматы и посидеть за дружеской беседой. Его глуховатый голос звучал здесь совсем по-домашнему. Казалось, командир хочет полностью отключиться от действительности, использовать наступившую передышку, чтобы набраться новых сил. О постоянном напряжении, в котором он все-таки продолжал находиться, напоминал лишь его твердый, оценивающий взгляд.

Помощник Космачева лейтенант Федор Мефодьевич Поночевный, с полнощеким юношеским лицом и голубыми, несколько наивными глазами, сперва сильно смущался, помалкивал. Его молчание длилось до тех пор, пока мы не прошли на огневые позиции.

Пустынные, безрадостные места. Длинные стволы орудий, массивные полукруглые щиты придавали всему окружающему мрачное и грозное величие. Одна из пушек покосилась; взрывом тонновой бомбы разворотило ее фундамент. Другие были в строю, но шаровая краска на стволах кое-где вспузырилась и почернела.

— Поддерживали сухопутчиков до белого каления, — пошутил Космачев. — Когда будет туман, обдерем и покрасим заново.

Космачев обвел биноклем небо и море. Ничего нового. Как всегда, перед ним две широкие голубые полосы: верхняя — светлая, в легких пятнах облаков, нижняя — темная, а сбоку — зубчатые контуры гор.

— Сигнальщик! Доложить обстановку!

— Товарищ старший лейтенант, изменений нет!

Вот уже три дня, как наступило это подозрительное затишье. Каждый день из-за холмов внезапно вырывались фашистские самолеты, летели над самыми кустами, но почему-то не бомбили.

Зазвонил телефон.

— Товарищ старший лейтенант, на горизонте дым.

— Продолжать наблюдение! Боевая тревога!

Дым приближался. Можно уже было разглядеть большой транспорт и три военных катера. Маленькие юркие суденышки вырвались вперед и, поднимая буруны, начали ставить параллельные дымовые завесы.

До командного пункта донесся прерывистый гул самолетов.

Как воронье, закружились в небе пикировщики, бросая воюющие бомбы, осыпая людей градом пуль. Все равно пушки должны стрелять!

Щиты орудий звенели от пуль и осколков. Здесь было самое опасное место, именно сюда метили фашисты. У щитов стояли Рачков, Белоусов, Шилов, Рудыко. Пробегая на позицию, они встретили нескольких санитаров с носилками.

По лицу Рудыки струилась кровь.

— Бегите в санчасть, перевяжитесь, — приказал командир орудия.

— Царапина, — ответил матрос. — После боя умоюсь.

Взрыв бомбы. Еще один. Под укрытие щита приковылял матрос Любенков, раненный осколком в ногу. Его быстро перевязали.

Глухо ухали взрывы, свистели разрывные пули. Транспорт, под прикрытием дымовых завес, двинулся в порт Петсамо. Сколько у него на борту солдат, боеприпаса!

Космачев позвонил на дальний наблюдательный пост.

— Видите транспорт?

— Ясно вижу, дым остается в стороне.

— Давайте последовательные пеленги.

Теперь по транспорту можно было стрелять и сквозь дымовую завесу.

— Открыть огонь!

В воздухе протяжно зашипели снаряды. На заливе взметнулись белые столбы. Космачев неумолимо нащупывал невидимый корабль врага, и наконец за белой пеленой появился черный дым, сверкнули языки пламени.

— Хорошо! — сказал командир и перенес огонь на катера...

* * *

Густой туман плотными волокнами тянется между кустов, закрывая море и небо. В тумане фашистская авиация не может летать, и у батарейцев «выходной день».

Тяжелые, сверкающие капли висят на листьях. В сочной высокой траве рассыпаны большие цветы, похожие на желтые розы. Птицы оправились от непрерывного грохота взрывов и звонко щебечут.

Из кущи низкорослых деревьев, стелющихся по земле толстыми, причудливо изогнутыми стволами, вылезает человек в сером прорезиненном плаще и фуражке, обтянутой темнозеленой марлей. Это командир батареи обходит свое обширное «заведывание».

— Красивые места, — говорит он идущему рядом с ним Бекетову.

Взгляд командира останавливается на огромных воронках от авиабомб. Почти до краев они наполнены мутной водой. Стены их словно выложены булыжником. Только теперь по срезу обнаженного грунта стало видно, как тонок слой почвы, на котором растут деревья.

Вот небольшой дом. Он не пострадал от бомбежки. Только окна высадила мощной взрывной волной. Цела и казарма. На ее стене — отверстия от пуль.

Командир и комиссар обмениваются понимающим взглядом: это все, что уцелело в городке.

И командир и политработник никогда, ни при каких обстоятельствах не забывают о самом главном — о людях. Еще при первой бомбежке командир увидел двух матросов, которые бежали прямо по дороге. «Ложись!» — скомандовал он и, видя, что они его не слышат, сам повалил их на землю.

Он уже не помнил о себе. Вот еще двое... Командир снова выбежал из укрытия и увел их в блиндаж.

Недаром в те короткие часы, когда Космачеву удастся уснуть, матросы украдкой заходят в его землянку посмотреть, хорошо ли он укрыт.

Космачева запросили из штаба, не нуждается ли он в помощи. Он лаконично ответил: «Не нуждаюсь. Обойдусь своими силами».

От него пришло заявление в парторганизацию:

«Прошу принять меня в члены ВКП(б). Хочу сражаться за Родину коммунистом, не шадя своей жизни».

И старший лейтенант Космачев стал коммунистом.

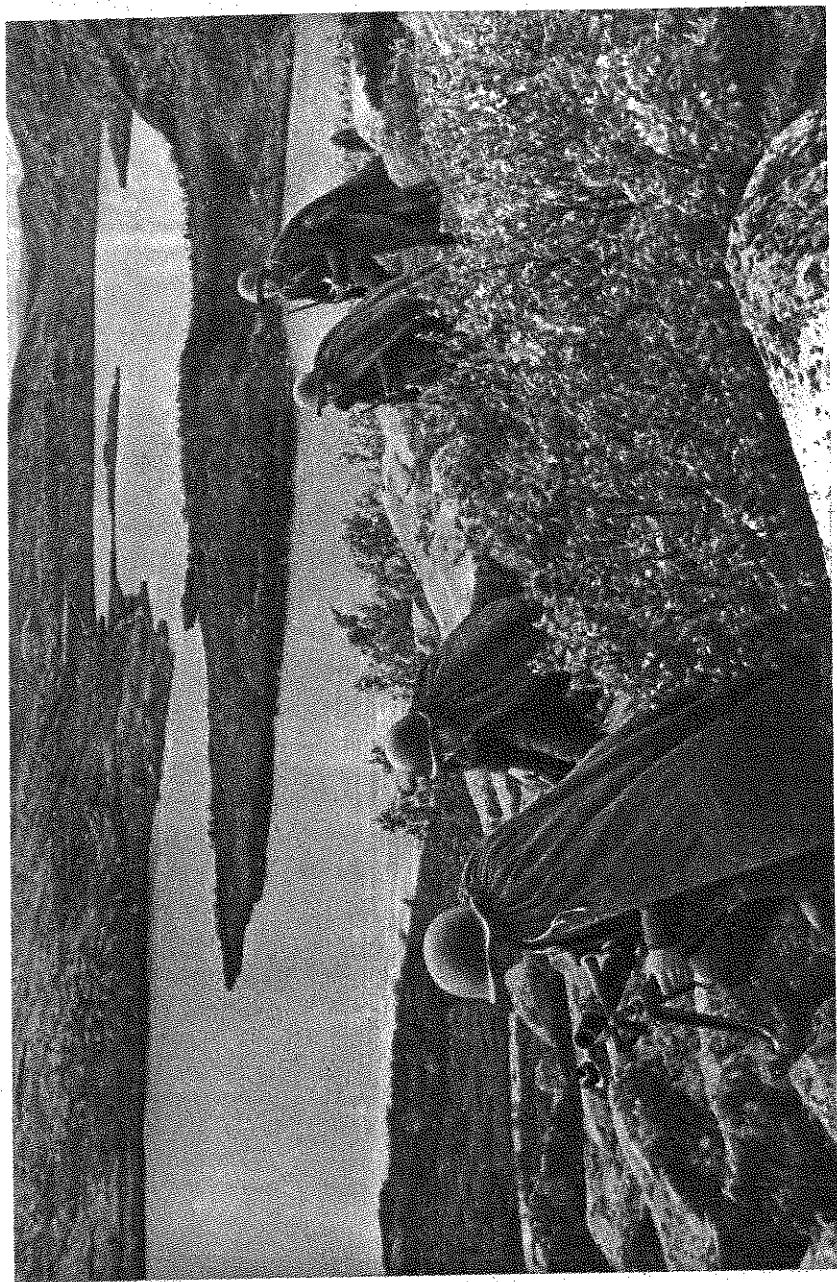
Железная воля командира управляет людьми.

Грохот бомб, свист осколков. Но длинные стволы береговых орудий попрежнему грозно смотрят в открытое море.

Отряд морской пехоты высаживается на занятый врагом берег

Фото Н. Веринчука

Минометчики морской пехоты выходят на огневой рубеж

Фото Е. Халдея

Дважды Герой Советского Союза
ВИКТОР ЛЕОНОВ

ЗАПОЛЯРЬЕ

Здесь нет душистых роз, и нет кустов мимозы,
И не услышишь трели соловья,
Не вьются над озерами стрекозы,
И васильками не пестрят поля.

Но выйди к морю ранним-ранним утром,
Когда покрыта дымкою вода,
Взгляни на даль, что плещет перламутром,—
И сердце громче застучит тогда...

Взгляни на эти каменные кручи,
Увенчанные шапкой снеговой.
Касаясь их, идут над ними тучи
На отдых после ночи штормовой.

И ветер рвет густую ткань тумана...
Когда рассвет, обрызганный росой,
Зажжет на окнах свой огонь багряный,—
Проснется город строгий и простой.

Мне радостно рассветы зоревые
Встречать — и песней хочется сказать:
— Седое море, сопки снеговые,
Я с вами жизнь готов навск связать!

Герой Советского Союза
И. ФИСАНОВИЧ

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Из записок подводника

Августовским вечером мы подошли к берегам противника. Прямо по носу в высоких скалах обрывистого берега пахнул узкий проход. Там, в глубине фиорда, в тихой гавани, враг спокойно разгружал свои корабли.

Я оглядываю в перископ берег, всматриваюсь в глубину фиорда. Все спокойно, только наблюдательный пост маячит на входном мысу, а в проходе болтается дозорный катер.

— Пойдем? — спрашиваю я Колышкина.

— Давай сутки повременим, командир, осмотримся, — говорит он.

Лодка идет под самым берегом. Лейтенант Шаров методично выводит на карте кружочки, по береговым приметам определяя место, где мы находимся. Колышкин прикидывает циркулем расстояние. Он в восхищении от того, как близко мы подошли к вражескому берегу.

Утром следующего дня лодка отходит для зарядки батарей. На переходах в район зарядки и обратно вахту несет лейтенант Бутов. Колышкин все время рядом с лейтенантом, чтобы дать мне возможность отдохнуть.

Солнце клонится к закату, рассыпая по спокойному морю живые блики. На мостике — сосредоточенное спокойствие. Я внимательно осматриваю горизонт и небо. Тихоненко наблюдает в кормовых секторах.

— Самолет! — раздается его внезапный тревожный возглас.

— Все вниз! — командуя я, оглядываясь назад.

Прямо по корме, совсем близко, из низких облаков вынырнул «Мессершмитт-110» с приглушенными моторами. Видно, как медленно вертятся его пропеллеры.

— Срочное погружение!

Остановлены дизели, захлопнут верхний люк. Трюмный Пугаев принимает балласт. Еще секунда — и лодка на глубине. Враг пронесется над опустевшим морем. Просчитался!

В полдень лодка снова у входа в фиорд.

— Пошли?

— Пошли, — серьезно и твердо отвечает Колышкин.

Вся команда на боевых постах. Готовность номер один. Направляю лодку в середину прохода и опускаю перископ. Лейтенант Бутов ведет счисление пути.

— Проходим входные мысы, — докладывает Бутов.

— Когда втянемся на милю вглубь фиорда, доложить, — приказываю я.

В лодке тишина, необычная даже в подводном положении. Все присмирели. Каждый знает — лодка все дальше уходит от спасительного входа. Все теснее обступают ее мрачные, враждебные берега. Все ближе тревожная неизвестность. Иван Александрович Колышкин в центральном посту сосредоточенно всматривается в приборы управления. Стрелка глубомера заходила.

— Точнее держи глубину, боцман, не к теще в гости идем!

И, нарушив очарование напряженного оцепенения, Колышкин обретает свою обычную живость. Изрядно фальшивя, Иван Александрович напевает вполголоса навязчивый патефонный мотивчик: «Растут фиалки, ароматные цветы...»

Никто не улыбается в эти минуты предельного напряжения. Это первый бой в жизни каждого. Мы дерзновенно идем в самое логово врага. И наряду с боевым азартом где-то в уголке души шевелится тревога.

— Прошли милю от входа, — говорит Бутов.

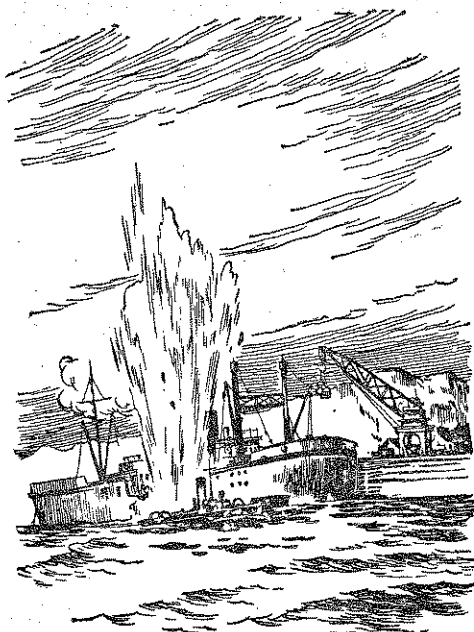
Я поднимаю перископ. Впереди, в нескольких кабельтовых, идет вглубь фиорда дозорный катер. Хищно поблескивает кормовая пушка. На грот-мачте болтается вымпел. Лодка идет в кильватер катеру серединой узкого коридора воды, зажато отвесными гранитными скалами. Идем хорошо.

Перископ опускается, с поверхности исчезает единственный признак того, что в глубинах безмятежно спокойного фиорда движется к вражьей гавани неумолимая смерть.

Акустик Шумихин вылавливает различные шумы из загадочного зеленого полумрака водной толщи. Его худощавое тело недвижимо. Глаза под густыми черными бровями закрыты. Кажется, что акустик спит. Только рука медленно поворачивает штурвальчик прибора. Полной жизнью живут сейчас лишь органы слуха бойца. Морские глубины пропитаны слабыми шелестами, полувздохами, полутонами, сливающимися в неясную, таинственно пульсирующую мелодию. В ровный фон мелодии моря врывается шум винтов. Это винты дозорного катера, обнаруженного в перископ. Сила звука до сих пор была постоянной, но внезапно начала нарастать.

Неужели нас заметили?

Я приказываю уменьшить шумы. Подлодка тихо движется навстречу врагу. Томительно тянутся минуты. Катер неторопливо идет навстречу.

Он уже совсем близко. Вот он над нами. В отсеках ясно слышно ленивое шлепанье его винтов. Медленно тянутся секунды. Так же нехотя шум удаляется. Дозорное судно идет очередным галсом по фиорду. Лодка не обнаружена.

Теперь между лодкой и гаванью врага нет никаких препятствий, кроме нескольких миль чистой воды. Лодка быстро проходит этот путь. Изредка я поднимаю на мгновение перископ. У входа в гавань видны знакомые с финской войны здание гостиницы и шюцкоровская казарма. Тогда, при отступлении, белофинны их взорвали. Теперь они вновь отстроены. Под казармой — пристань.

— Командир, ты видишь что-нибудь? — нетерпеливо спрашивает Колышкин.

— Пока ничего, мыс закрывает причалы.

Лодка входит в гавань. Перископ опять поднят, виден западный причал. Он тоже пуст. Неужели напрасно затрачено столько сил? Неужели не будет боя?

Вот! Вот он! Занимая всю длину северо-западного причала, стоит огромный транспорт. Часть груза, повидимому, уже выгружена, и нос приподнялся, обнажив красную от сурика подводную часть.

— Транспорт! У северо-западного причала транспорт! — взволнованно кричу я.

Колышкин бежит к перископу.

— Ого, большой! Ну, командир, бей!

— Аппараты товсь!

Мы проходим поглубже в гавань, чтобы видеть борт цели во всю его длину. Старшина Серегин и торпедист Немов готовят аппараты. Весь борт судна уже не вмещается в поле зрения. Нить перископа легла на трубу.

— Аппарат номер один... Пли!

Серегин дергает на себя рукоятку пистолета. Из-под боевого клапана врывается в торпедный аппарат упругая струя сжатого воздуха. Толчок — и смертоносная стальная сигара понеслась к борту врага.

— Торпеда вышла, — раздался в переговорной трубе голос Серегина.

Облегченная лодка рвется вверх... Удержать! Инженер-механик Каратаев, как дирижер, проводит этот маневр. Боцман гонит рули полностью на погружение. Бедин заполняет систерну быстрого погружения, принимая воду в носовую дифферентную. Головлев прибавляет ход. Лодка на глубине разворачивается к выходу.

Колышкин бежит в нос слушать взрыв. Глухой, отдаленный, но мощный звук настигает его во втором отсеке. Этот звук знаком нам по испытанию боевых торпед в мирное время. Встретив недоуменный взгляд лейтенанта Шарова, Колышкин радостно кивает ему головой:

— Да, да, это взрыв...

Это взрыв, это смерть и разрушение, это ответ на смерть наших людей, на разрушение наших городов и сел. Кровь за кровь, смерть за смерть! Нигде не укрыться врагу от нашей мести.

Бутов смотрит на часы. Ровно четырнадцать. Назад, да побыстрее. Сейчас у врага переполох, но скоро он бросится за нами в погоню. Азарт атаки несколько спадает. Вновь в отсеках слышна лишь четкая разноголосица работающих механизмов. Лодка спешит к выходу в море, к свободе, к жизни.

Я на мгновение поднимаю перископ: прямо по носу, еще далеко, виден желанный выход из фиорда. В просвете — знакомый дозорный катер, медленно идущий навстречу. Эх, ты еще не знаешь, какие веселые события произошли здесь в твое отсутствие!

В напряженной тишине мы пропускаем над собой незадачливого сторожа и вырываемся из фиорда. А враг уже поднял тревогу, за кормой слышны отдаленные подводные взрывы. В перископ вижу: во всю ширину фиорда идут строем три катера, и среди них наш старый знакомый. Потрясаемая взрывами вода седыми холмами встает у них за кормой.

Поздно хватились. Мы уходим в морские просторы. Вдалеке утихает бомбежка бессильного в своей ярости врага.

— Ну, командир, поздравляю с первой победой, — говорит Колышкин.

— Спасибо. Поздравляю и вас, — отвечаю я, и мы обмениваемся крепким рукопожатием.

Напряжение, несколько долгих часов сжимавшее сердца молодых воинов, спадает. Все увлечены радостью победы.

— Команде обедать!

Обед запоздал, и все изрядно проголодались.

— Прозвоним чарами, — говорит Каратаев, и его широкое лицо озаряется светлой беззубой улыбкой. — Анатолий Михайлович, вы, кажется, на бургундском воспитаны, — обращается он к Бутову, собираясь налить ему водки.

— Во славу русского оружия! Первую выпьем за первую нашу победу и, как говорится, дай бог не последнюю.

У всех сияющие, гордые лица. Краснофлотцы делятся впечатлениями.

— Ты слышал взрыв? Точь-в-точь, как в Полярном был, когда под водой скалу рвали.

— Я рулил на всю железку, а лодка все в гору идет. Хорошо, Бедин стал в нос брать.

— А я на свой глубомер и посмотреть не успел, мне в этот момент шесть узлов скомандовали.

— Теперь, ребята, Гитлер всыплет своим за то, что нас прощляли.

— Ну, ему доложат, что утопили нас — и взятки гладки.

— Первый боевой выстрел в истории «малютки».

— Вообще здорово получилось...

В лодке становится недопустимо шумно, приходится навести порядок. И вновь начинается четко регламентированная жизнь подводного корабля.

На следующий вечер мы шли у вражеского берега в поисках цели. Противник стал явно осторожнее. Два самолета на бреющем полете просматривали район. Лодке пришлось уйти поглубже и переждать их. Затем мы пропустили два быстроходных катера, промчавшихся вдоль берега на запад. Враг к чему-то готовился. Сумерки стерли четкие очертания берега, и он сплошной темной стеной подпирал серое небо. Близилась полночь. Я вертелся у перископа, напрягая зрение. Светлое расплывчатое пятно на фоне берега привлекло мое внимание. Оно как будто двигалось. Я обратился к Кольшкину:

— Взгляните, пожалуйста, что это за пятно?

Кольшкин прильнул к окуляру.

— Темно. По-моему, корабль, командир...

— Шумихин, слушайте по левому борту.

— Тридцать четыре градуса левого борта шум винтов, — докладывает акустик. Подозрительное пятно видно в перископ по тому же направлению. Значит, корабль. В атаку!

Лодка быстро ложится на боевой курс. Теперь ясно виден изящный пароход. Белый бурун перед ним выдает присутствие катера, почти не приметного на темном фоне.

— Аппараты на товсь, — докладывает из первого отсека старшина Серегин.

Устанавливаю перископ на угол упреждения. На нить перископа наползает красиво изогнутый форштевень врага, затем наклоненная назад фок-мачта.

— Аппараты... пли!

И стремительная торпеда понеслась наперерез врагу. Раздался уже знакомый всем звук взрыва. Вновь под руководством Каратаева старшина трюмных Бедин и боцман Тихоненко пересиливают стремительно рвущуюся на поверхность лодку.

В разгар этой борьбы слышен продолжительный звонкий, с россыпью, взрыв. Это взорвались котлы тонущего парохода. Шумихин перестает слышать шум винтов.

Поднимаю перископ. Поверхность моря чиста. Фашистская нечисть ушла на дно. Катер, охранявший судно, не проявляет особого усердия в поисках лодки. Да и не так просто обнаружить перископ в сумеречном свете. Атака длилась всего шесть минут. Впечатление значительно слабее вчерашнего. Иду по отсекам. Всюду меня встречают восторженные лица краснофлотцев.

— Кого это мы, товарищ командир?

Рассказываю, рисую на чистом поле газетного листка запечатлевшийся в памяти силуэт потопленного корабля.

— А что вез? — допытывается Полковский.

— Не успел посмотреть, поторопился.

Ночью мы вернулись в базу.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

С ТОБОЙ, МОСКВА!

не сказал командир-подводник:
«Не во сне я, а наяву
Повидать бы хотел сегодня
Дорогую мою Москву.

Грудью встать на ее защиту
Там, где к ней подползает враг...
Только с Севера до Москвы-то
Расстояние — не пустяк.

Я кричу ей через пространства:
Не в твою ли, столица, честь
Многотонный фашистский транспорт
Мы вчера потопили здесь?

Бьют по фронту, бомбят по тылу
Немцев с неба мои друзья,
Каждый день умножая силу
Не твою ли, Москва моя?!»

По ночам, затаив дыханье,
Каждый наш заполярный пост
В блеске северного сиянья
Видит грани кремлевских звезд.

Светят сполохи огневые,
Моряков увлекая в бой...
Бейся, сердце родной России,
Нашей доблестью штормовой!

Больше яростного дерзанья,
Флота Северного сыны!
Мы ничем, кроме расстоянья,
От Москвы не отделены.

АЛЕКСАНДР МАРЬЯМОВ

МОРЯКИ В ГОРАХ

от он, фронт. Да еще какой участок фронта: в тылу у врага!
Вот те места, которые обычно в разговорах назывались
одним словом «передовые». И всегда казалось, что тут сразу
столкнешься лицом к лицу с фашистами, сразу понадобятся
и твои гранаты, и винтовка, и штык — все умение твое, все
стремление к бою.

Но места оказались точь-в-точь такими, как те трудные, крутые
скалы, где еще несколько дней назад обучался отряд моряков. Только
издали доносились разрывы снарядов и пулеметные очереди. Ровный,
неживой свет летней полярной ночи лежал на скалах и на воде. Цепоч-
кой — из рук в руки — бойцы выгружали с ботов ящики с патронами,
консервами, гранаты, сухари в бумажных мешках, мины.

— Где же они? — спросил матрос Германов. Он спрашивал шепо-
том, словно все еще предполагал, что фашисты притаились где-то ря-
дом, за низкорослыми кустами.

— Терпение, товарищи! — откликнулся командир отделения сер-
жант Николай Горбань.

Связной из части, высадившейся здесь накануне, проводил моряков
к рубежам, на которых должен был закрепиться отряд.

Там и Горбань заговорил шепотом, потребовал, чтобы здесь, на ска-
лах, бойцы замаскировались так, как он учил их.

— А от кого же прятаться? — недоумевали матросы.

— Тут до них, бисовых детей, двести метров, — мягким своим
украинским говорком отозвался Горбань. Он уже тащил откуда-то боль-
шой камень и, свалив его на землю, объяснил:

— Нам теперь нужно до утра такие кубрики построить, чтоб их ни-
какая игрушка не прошибла.

— А бьют? — тоже шепотом осведомился Германов.

— Не. У тещи на блинах песни поют...

Каменные гнезда выростали на скале. Их прикрывали ветвями, тор-
фом, и к утру все отделение уже было в укрытиях. Работу закончили во-

время: с рассветом фашисты начали минометный обстрел. Мины глухо рвались вокруг, осколки свистели всюду.

В одном из блиндажей лежали рядом матросы Валитов и Скороходов.

— Как это ты написал? — сказал Валитов. — Помнишь, в вагоне? Стихи — «Нам крови не жалко, нам драться охота...» Как дальше?

Скороходов ответил:

— Не надо, Ваня. Нужно писать другое. После войны я книгу хочу писать. Про то, как одиннадцать дружков сражались вместе за Родину...

К девяти утра в наступление на фланги наших частей двинулись стрелки альпийской дивизии. Первый удар приняли моряки десантного отряда. Германов увидел фашистов. Они появились в ложине. Шли сомкнутым строем не пригибаясь. Солдат с широко разинутым ртом (он кричал что-то, но слов разобрать нельзя было) нес знамя. Черная свастика шевелилась в кругу. До сих пор Германов видел этот странный и мрачный знак только в газетных карикатурах; теперь свастика надвигалась на него хмурым символом смерти и разрушения, и рука Германова словно сама потянулась к спусковому крючку. Но тут, наверно, испытав то же чувство, что и все матросы, Горбань подал команду:

— Не стрелять!

Он хотел подпустить противника поближе, чтобы ударить в упор, с самой короткой дистанции: подпустить, — и бить без промаха.

Матросы поняли командира, и первый залп раздался одновременно с возгласом Горбаня. Строй альпийских стрелков сломался. Одни падали наземь, другие стремглав бежали назад, третьи поднимали руки. Но на иных участках гитлеровцев оказывалось во много раз больше, чем моряков, и там альпийские стрелки жали, что было силы, стремясь оттеснить матросов с занятого рубежа.

По ложине, в которой расположился командный пункт, пробегали связные. К госпитальной палатке подносили раненых. Ездовые гнали лошадей с пустыми вьюками за боезапасом. Валитов увидел, как невдалеке упал Скороходов. Мина пробила его насквозь и разорвалась уже позади, на скале.

Валитов рванулся туда, но тут из-за камня показалась голова в каске, серая куртка, еще непривычный для глаза ствол автомата. Валитов нажал спуск. Каска звякнула о камень, и Валитову показалось, что этот звук — громче, чем выстрел...

— Отступают! — крикнул Германов.

Да, гитлеровцы откатывались по ложине к той высотке, с которой все еще стреляли их минометные батареи.

— Вперед! — это подал команду Горбань.

Далеко впереди, за спинами альпийских стрелков, Валитов увидел еще много черных бушлатов. Он понял, что там отряд Ермоленко обшел фашистов и ударил им в тыл.

Сам Валитов уже бежал вперед, занося гранату.

— Ура! — кричали вокруг.

Валитов тоже кричал. Он чуть не споткнулся: какой-то солдат в серой куртке ничком лежал на земле. Рядом — кепи со сломанным жестяным цветком эдельвейса.

— Победа!

Бой затихал постепенно. Выстрелы уже не сливались в сплошной треск. Они слышались реже и реже. Артиллерия умолкла, потом замолчали пулеметы; наконец, прекратились и одиночные выстрелы из винтовок. В ложине ходили бойцы, собирая оружие: окованные сталью карабины, короткие тесаки, автоматические шмайсеровские пистолеты.

В блиндаже Валитов нашел записную книжку Скороходова.

«Разгорелся сильный бой, писать больше не могу, времени нет...»

И дальше — чистые страницы.

Валитов уже знал: из одиннадцати друзей осталось семь: Рудаев не вернулся из разведки. Гаврюк и Маханов в госпитале. Скороходов убит у него на глазах.

В тот день моряки отряда впервые учились сурово и кратко вспоминать имена погибших друзей.

— Война, — говорил себе Валитов. — Это война...

Бойцы прошли первую проверку тогда, и о многих, еще утром неприметных людях, к вечеру говорили уважительно и любовно, узнав силу этих людей, мужество их и сноровку, — неизвестные в них до той поры качества, проявленные и закрепленные первым боем.

Матросы сели ужинать неподалеку от своих блиндажей под укрытием низкорослого северного березняка. Костров разводить нельзя было; ели холодные мясные консервы, а чаем называли родниковую воду.

Германов вскрыл банку коротким финским ножом и стал есть, — как едят в поле, после трудного дня жатвы, — быстро и аккуратно, подерживая кусок мяса ломтем хлеба и лоя на ладонь хлебные крошки.

— Трофейная? — спросил Миша Конончик, показывая на «финку».

— Старая, — отозвался Германов жуя.

Бой, в котором его не смог одолеть набегавший враг, в котором не обжег его обрушенный на него огонь; не свалила пуля или рваный миный осколок; бой, в котором он стрелял, шел, падал, задевая за камни, поднимался и снова шел и стрелял, — этот бой казался ему теперь простым и понятным делом. Это был труд войны: человек здорово поработал сегодня, сделал, что было нужно, и вот, теперь хорошо посидеть среди своих ребят, поест («Толково заправился», — подмигнул Валитову Германов), освежиться родниковой водой и вытянуться на мху отдыхая.

Когда сержант Горбань за несколько недель перед этим получил под свою команду одно из отделений отряда моряков, он начал свою работу не совсем обычно: сержант ушел к писарю и просмотрел биографии будущих бойцов. Его интересовало, где вырос матрос и что он делал до флота. В отделении оказались ленинградцы и уральцы, архангельские поморы и уроженцы южных областей Украины — земляки командира. Некоторые из них пришли во флот из заводских цехов, дру-

гие плавали на речных и морских пароходах, третьи призывались сразу после того, как оставили школьную скамью. У всех была разная выучка, различный уровень физической тренировки, с каждым нужно было поработать отдельно. Так Горбань и делал. Он примечал среди своих бойцов людей сдержанных и медлительных, запоминал порывистых, горячих ребят. И уже с первых занятий сержант нашел для каждого нужные слова. Медлительность он сумел обратить в настойчивость и упорство, а ободряющая, необходимая шутка во-время охлаждала слишком горячие головы.

— Смелых бойцов я люблю,— говорил Горбань. — С рискованными людьми большие дела можно делать. Но без ума на свете не проживешь. А умный человек и на риск идет, и себя при этом бережет.

От своих подчиненных Горбань чаще всего добивался, чтобы они привыкли держаться вместе, чтобы не действовали каждый сам по себе, а всегда оставались отделением, были силой спаянной, ощутительной, грозной для врага.

Три дня спустя матросы хорошо поняли, что представляют собой передовые позиции фронта,— земля, на которой должны они отстаивать честь и свободу Родины.

Бой начался на правом фланге, а отделение Горбаня занимало крайний рубеж слева. С ближних высот уже доносились выстрелы, разрывы гранат, слышались выкрики.

— Ждать и наблюдать. Главное — наблюдать,— повторял Горбань.

Потом гитлеровцы перенесли огонь на высоту, занятую отделением моряков. Пули заныли над камнями.

— Не трогаться с места, ждать и усилить наблюдение,— приказывал Горбань.

Он знал, что враг, теснимый справа, попытается предпринять обход. Известное дело. Постоянная тактика фашистов.

Горбань наметил в лощине ориентиры, рассчитал дистанции и, переползая от бойца к бойцу, указывал каждому его будущую цель.

Все было так, как ожидал командир. Враг показался вскоре. Фашисты шли не лавиной, не в рост, как ходят они в «психические атаки», а крались ложиной осторожно, скрытно, стремясь окружить исподтишка.

Кто-то вскинул винтовку.

— Не спешить. Ждать!

Взвод втянулся в лощину.

— Огонь!

Враг отошел. Пауза. Бойцы укрываются вновь. Разрывы мин вокруг становятся еще чаще, и вслед за этим огневым налетом в лощину начинает втягиваться следующий неприятельский взвод. Горбань повторяет тот же маневр. Снова атакующий взвод альпийских стрелков отходит в сопки.

По приказу Горбаня отделение занимает новый рубеж — левее, на высоте, только что покинутой неприятелем. Собранность отделения, его боевая слайка позволяют выполнить этот маневр стремительно и четко.

Позади, на очищенной от вражеских сил земле, остаются трофеи — много трофеев — и необрунные трупы солдат.

К Горбаню подползает связной с приказанием от командира отряда. Нужно занять каменную горушку, что высится справа. Впереди, на скалах, рвутся наши снаряды, и здесь же, неподалеку, взрываются ответные снаряды и мины фашистов. По всей лощине и над скалами сопки высоко взмывает щебень, ползет по мху огонь, и зеленая горушка на глазах превращается в скалу из обнажившегося закопченного гранита. Отделение Горбаня идет прямо в этот огненный шквал.

Горбань остановил бойцов в непростреливаемом «мертвом» пространстве и, когда наши орудия прекратили обстрел и пришло время идти в атаку, тихо скомандовал:

— За мной!

Он первым ринулся на высоту. Разорвалась брошенная им граната. Полетели гранаты остальных бойцов. С южного ската поднялась другая группа моряков — еще два отделения того же взвода.

Гитлеровцы побежали с горы.

— Вперед! — Горбань увидел, как с земли приподнялся фашист, которого он считал убитым, и стал целиться в командира роты из пистолета. Сержант уложил врага с одного выстрела. Командир роты обернулся и понял, что спасен товарищем. Он и Горбань улыбнулись друг другу.

Бойцы, которые были на этой сопке, говорят, что они никогда не забудут лица Горбаня в те первые секунды победы. Он словно готов был тут же, на вершине захваченной высоты, отбить свою любимую чечетку. В светлых глазах его вспыхивали огоньки. Крепкая угловатая фигура вся была собрана для рывка: вперед и вперед!

Теперь его ничто не могло остановить. В распахнутой плащ-палатке, из-под которой виднелись фланелевка и полосы тельняшки, он был на самом гребне высоты. С гранатой в одной руке и полуавтоматом в другой он виден был издали как олицетворение непреклонной, всепобеждающей силы...

Две пули разбили ему ладонь левой руки. Правой рукой и зубами он забинтовал раны и продолжал командовать.

Сказал только:

— Ну, гад, я тебе отомщу!

Осколок мины попал Горбаню в ту же руку. Санитар Слободенюк сделал необычный лубок: раненая рука была вправлена между двух штыков и крепко перехвачена бинтом.

Прижимая штыки к груди, Горбань вел отделение дальше. Он видел всех своих бойцов рядом с собой, видел, что они дерутся как надо, — так, как он учил их. Крушат врага мощными ударами.

— Хорошо, хлопцы! — кричал им Горбань. — Хорошо!

И вот — вечер.

Сложены новые блиндажи.

Отделение отдыхает.

* * *

О том, что делается у фашистов, наши знали хорошо. Разведчики наведывались туда часто.

Когда гитлеровцы подвозили боезапас, за фиордом, в ложине, между кривыми березками, появлялись навьюченные лошади. Как-то в одну из лошадей попала метко выпущенная мина. Раздался двойной взрыв — глухой от мины и за ним раскатистый, гулкий.

Рвалось содержимое выюков.

— Ну, теперь жди шума, — знающе подмигнул матрос Климачев.

Ночью, когда фиорд закрыло густым, мгlistым туманом, над узкой полосой воды засвистели мины и пули длинных автоматных очередей. Мины рвались непрерывно, как тогда, перед «психической» атакой фашистов. Однако вреда от них не было. Все бойцы отделения хорошо укрывались, заняв передний край обороны, у самого берега залива. Из надежного блиндажа Климачев вслушивался в обманчивые шумы ночи: не плеснет ли весло, не застучит ли мотор? Может статься, что огнем враг прикрывает переправу.

На каждый подозрительный шум, доносившийся через фиорд, отделение отвечало короткой очередью. Шум замолкал. На воде все было спокойно.

К рассвету туман поднялся, и разрывы мин прекратились.

Командир отделения шутливо объявил:

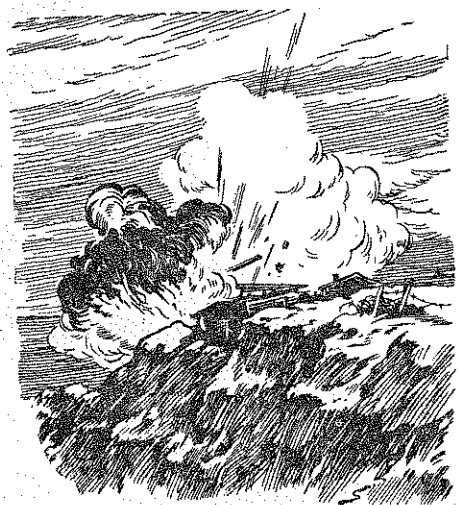
— Концерт легкой музыки окончен!

Ночи становились все темнее, и эта темнота вызывала у фашистов панический страх перед невидимой опасностью. Они предпочитали демаскировать себя огнями костров, вспышками карманных фонарей, бесчисленными ракетами, только бы не оставаться в непроглядной тьме, которая грозит множеством опасностей. А наша сторона была по ночам тиха и словно безлюдна. И, не нарушая этой тишины, меж камней и деревьев проходили в расположение противника разведчики — малые и большие группы.

На позициях уже возникал свой быт.

Теперь не ели уже холодных консервов. Днем на обратных скаках горушек, в ближних тылах, зажигали костры. Их называли по морской привычке «камбузом». Коки готовили на огне жирный борщ, варили кофе.

После обеда бойцы говорили:

— Пойдем на бак, покурим. — И уходили повыше в скалы, туда, где по корабельному обычаю стоял «обрез» — низкая, наполовину срезанная бочка для окурков. Там пели песни. Сначала заводили «Ермака», потом украинец Миша Кушниренко запевал «Ой, по-під-горою». Подтягивали все.

По торфу, по зыбким болотам ходил от взвода к взводу батальонный комиссар Пятышев. Людей не собрать на фронте, и он проводил беседы, подбравшись к ребятам ползком и замаскировавшись вместе с ними. В кармане у Пятышева лежала истрепанная записка: связной в штабе батальона, слушая радио, записал сообщение Информбюро. Сколько раз уже приходилось вытаскивать эту записку сегодня: все ждут новостей, нужно повторять их каждому.

— Здравствуй, балтиец! — здоровается Пятышев.

«Балтийцем» он называет краснофлотца Фокина. Этот и на фронте не сменил бескозырки. Под каской бескозырка примялась. На груди, через бушлат, — пулеметные ленты. Фокин отрастил черные усы и борода и стал совсем похож на кронштадтского моряка октябрьских дней 1917 года. «Надо бы его отругать, чтобы не форсил зря», — думает батальонный комиссар, но вспоминает Фокина, каким был он в бою, у своего пулемета, вспоминает, как тот, раненный в руку, бежал из полевого госпиталя в отряд, узнав, что моряки идут штурмовать высоту. И Пятышев только говорит, стараясь казаться сердитым:

— Придется вас сонного брить, что ли...

Вечер застаёт Пятышева в том взводе, что расположился у залива. Он снова видит привычные вспышки ракет на другом берегу, мерцание фонариков — беспокойную ночную жизнь врага. Потом вдруг оттуда доносится сильный взрыв, над горами поднимается зарево, и к звездам уходит густой, черный дым.

— Этого освещения им надолго хватит, — радуется кто-то рядом. — Наша работа!

Значит, там снова действует наша разведка...

В период затишья разведчики тормозят врага постоянно.

В темноте пошел туда с группой разведчиков лейтенант Карпов. Они двинулись через полторы сотни метров «ничьей земли», что отделяли наш рубеж от переднего края обороны фашистов. По чужому шепоту разведчики поняли, что миновали боевое охранение, и по расположению огневых точек узнали, что проходят в стык между двумя ротами.

Разведчики проползли рядом с зенитной батареей и засекли расположение орудий. В ближних тылах врага обозные лошади переступали в грязи разбегенной осенней дороги. Темнела остывшая полевая кухня. Повозочные с батареи получали снаряды — значит засечено и расположение склада боеприпасов.

На второй линии обороны, среди сложенных из камней укрытий, лейтенант Карпов разглядел два легких блиндажа. Из дверей пробивался свет. Входили и выходили люди. Такое оживление в два часа ночи могло быть лишь на командном пункте.

Разведчики залегли неподалеку.

У блиндажей ходили часовые. То и дело вспыхивали их ручные фонарики и свет падал на гранитные валуны, на рябь дождевой воды под ногами, на лица офицеров и связных, проходящих к штабу. В том, что это был штаб, уже не оставалось сомнения. Из блиндажей доносились голоса, но слов не разобрать. Кто-то из разведчиков двинулся поближе. Камень сорвался со склона и покатился вниз.

— Вер да? * — крикнул часовой.

Его крик подхватил второй. Трассирующие пули сверкнули во мгле голубоватой струей. Солдаты стали сбегаться к блиндажам и полужоком охватывать то место у обрыва, где укрывались разведчики.

— Дадим гадам жизни! — впервые громко сказал лейтенант.

Граната за гранатой полетели в блиндаж: взорвалось штук пятнадцать. Между взрывами из блиндажей слышались крики и стоны. Несколько фашистов пытались выскочить из дверей. Их прикончили из автоматов.

— Еще для верности! — сказал Карпов. — И сразу отрываться и уходить!

Он бросил две гранаты. И вместо того, чтобы прорываться сквозь цепь врагов, разведчики скатились с отвесной крутизны напрямик.

У скользких, обнаженных отливом камней плескалась вода.

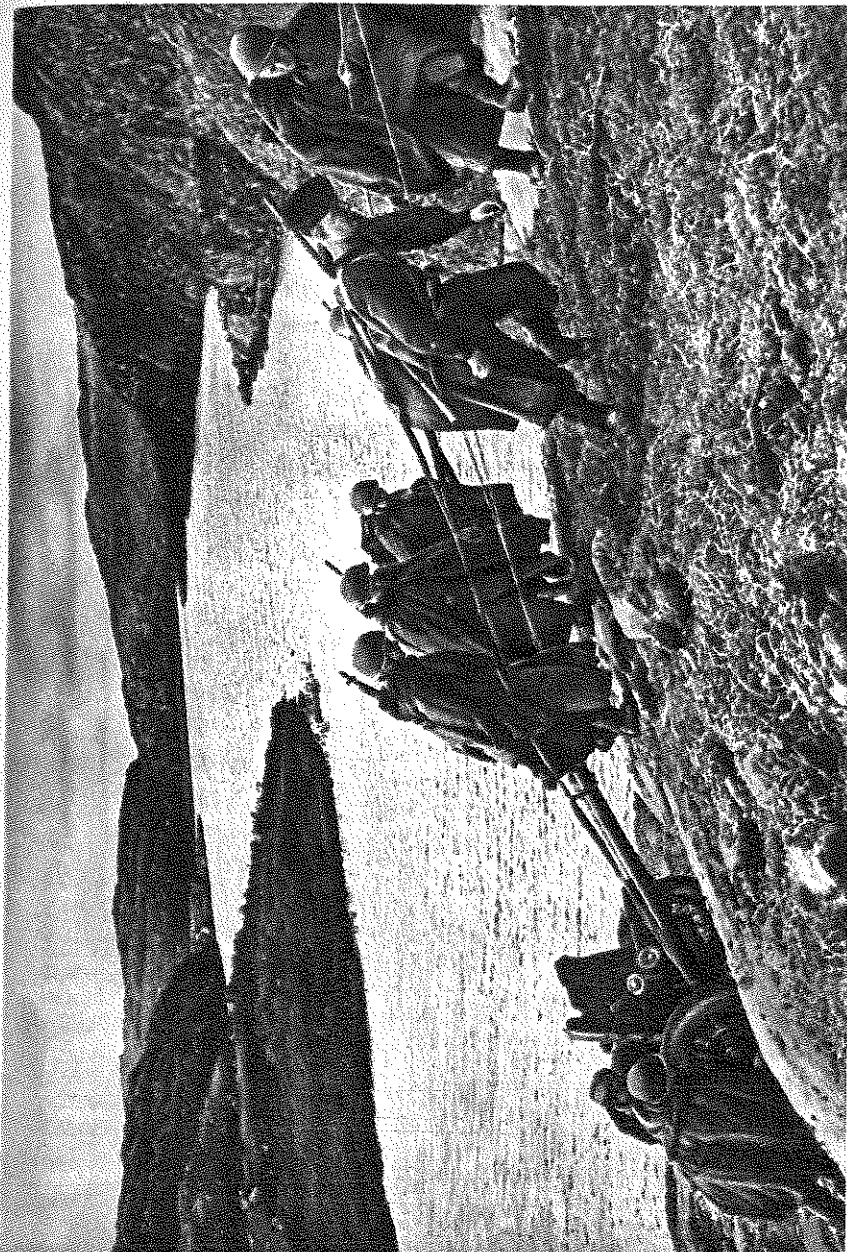
— Все здесь? — спросил Карпов.

Они пошли, пригибаясь к валунам, то и дело отступаясь. Сверху немцы палили длинными очередями. Волошенюку показалось, будто, отступившись, он ударился о камень, но тут же он ощутил горячую струю, растекающуюся по коже, и понял, что ранен. Тогда он подумал, что товарищи, узнав о его ране, вероятно, остановятся, чтобы помочь ему, и так могут задержать отход, рискуя жизнью. На ходу Волошенюк достал бинт; приостановившись, туго перехватил раненую ногу и продолжал идти, сдерживая стоны, стараясь не отставать.

В тылу у противника не утихали автоматы. Раза два или три ударило орудие. Там представляли себе, что в тыл прорвался целый батальон или по меньшей мере рота. У блиндажей осталось немало трупов, и никто не мог подумать, что все это натворили семеро моряков-разведчиков...

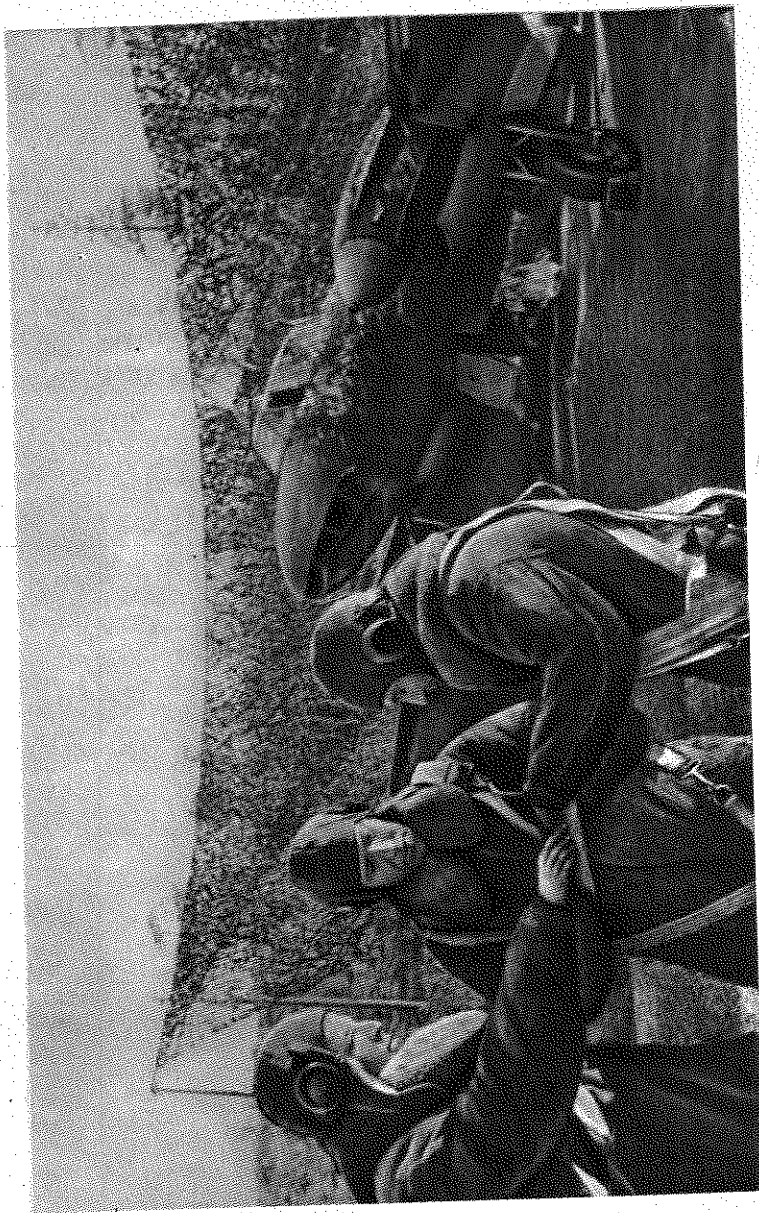
Шальная пуля сразила Козловского. Он упал на камни, и от толчка взорвались его приготовленные к броску гранаты. Осколки ранили лейтенанта Карпова и Харабрина. Один из осколков пробил здоровую ногу Волошенюка. Разведчики остановились. Они перевязали раненых и сняли оружие со своего убитого товарища. Труп Козловского обернули морской травой и положили меж камней, у самого моря, забросав щели галькой, чтобы враг не нашел и не надругался над телом друга-североморца.

* Кто там?

Артиллеристы морской пехоты меняют огневую позицию

Фото Е. Халдея

Экипаж морского бомбардировщика готовится к боевому вылету

Фото Н. Веринкина

Когда Волошенюку перевязывали ногу, кто-то случайно коснулся другой его ноги. Боец весь передернулся от нестерпимой боли. Так узнали, что он долго шел со всеми, скрывая рану.

Теперь идти стало совсем трудно. Трое здоровых, еще оглушенные взрывом гранат и ушибленные воздушной волной, вели троих раненых. Ковалев нес, кроме своей выкладки, оружие Козловского и ношу Волошенюка.

Они вернулись к своим и рассказали обо всем увиденном. Вышло, что гитлеровцы продолжают подтягивать новые силы.

Вскоре попался пленный из батальона СС. Батальон назывался «Фюрер». Прибыл и еще один батальон — «Великая Германия». К потрепанным горно-егерским дивизиям прибавились еще три полка.

Затишье кончилось. Враг готовил новое наступление.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

БОГАТЫРЬ

Из поэмы

Посвящается
Герою Советского Союза
матросу Северного флота
Ивану Михайловичу Сивко

В походную форму одеты,
Примкнув к карабинам штыки,
По самому краю планеты
Над морем идут моряки.

Отсюда просторы родные
Им лучше, чем с моря, видны..
Какие они молодые,
Полярного флота сыны!

Советский моряк уважает
Людей, презирающих страх.
В сражениях юность мужает,
И старость — не старость в боях!

Две сопки с утра миновали,
У третьей — короткий привал.
— Недавно бои бушевали
Вот здесь! — комиссар указал.

Один из бойцов комсомольцев
Взбежал на ближайший подъем.
По каске холодное солнце
Скользило осенним лучом.

Трепещущих солнечных линий
Струился лучистый поток.
От каски к фланелевке синей,
От ватных штанов до сапог...

— Вот здесь наш отряд пробивался
К своим, сквозь кольцо, под огнем,
А там наверху оставался
Сивков с командиром вдвоем.

Он первый здесь нынешним летом
Свой образ оставил векам...

— Откуда ты знаешь об этом?
Сержант, расскажи морякам!

— Рассказывать некогда, право.
Мы скоро взойдем на утес,
Который нетленную славу
Ивану Сивкову принес...

И вот к перевалу в дорогу
За взводом направился взвод.
На фланге, задумчив немного,
Сержант белокурый идет.

Бойцы приноровлены к шагу,
К широкому шагу его,
«Как солнце, медаль «За отвагу»
Горит на груди у него.

На подступах к Мурманску славно
Сержант чужеземцев крошил.
Он вместе с Сивковым недавно
В учебном отряде служил.

На суше бок о бок с Ванюшей
Встречали и ночи и дни.
И вместе по морю на суше
Вначале грустили они.

В морской ледовитой стихии,
По пенистым гребням скользя,
Могучую силу России
Полней ощущали друзья.

Но если в подмогу на сушу
Матроса зовут берега,—
Стремительным штормом обрушит
Он яростный гнев на врага!

Выходят отряды морские
На сопки, в леса, на поля.
Россия! Родная Россия,
Советская наша земля!..

* * *

Солнце скрылось. Вечереет.
А утес еще далече.
До зенитной батареи
Моряки дошли под вечер.

Командир встречает мило:
— Дверь жилья гостям открыта!
Батарея, — заявил он, —
Нынче сбила «мессершмитга».

Сторожат врага в зените
Батарейцы в лучшем виде.
Проходите, проходите —
В тесноте, да не в обиде.

Хорошо сейчас в землянке
Отвести с похода душу,
Звон гармоники-тульчанки
После ужина послушать.

Гармонист хозяйским взором
Оглядел ремень и пряжки.
У гармони переборы —
Как полоски на тельняшке.

Гармонист сидит на нарах,
Свесив ноги к тусклой площадке,
А внизу боец гитару
Беспокоит в лад гармошке.

Двое спят: на вахту к ночи.
Двое в шахматы играют.
Краснофлотцы, между прочим,
Никогда не унывают.

Коль при свете много дела,
Нет причин грустить в потемках...
Вот и песня зазвенела
Неожиданно и громко:

«Возле волжского утеса,
По пути на Сталинград,
Про знакомого матроса
Все девчата говорят.

Провожали в путь волжане
Земляка в тревожный час.
Земляку, Сивкову Ване,
Передали свой наказ:

— Там на севере далеком,
Где дорога в океан,
Волгу-мать в бою жестоком
Защищай, Сивков Иван!

Бейся с нечистью германской, —
Говорили земляки, —
Как в года войны гражданской
Бились наши моряки!»

* * *

— А знаете ли вы, что в песне этой
Недостает сегодня новых слов
О том, что жизнь за родину Советов
Отдал в бою герой Иван Сивков?.. —

Так говорил сержант, на нарах сидя:
— Я близко знал его — не утаю.
И больно мне, что больше не увидит
Моряк страну любимую свою.

Он не услышит накануне мая
В горах залетных птиц переполох.
Не будет мять, на скалы подымаясь,
Олений хлеб — полярный серый мох.

Не вступит в спор в пути с метелью хлесткой
В тумане непроглядном и густом,
Не подтрунит над здешнею березкой,
Чья участь — быть до старости кустом...

За каждый дом, за озеро, за гору,
За каждый камень вел Сивков бои.
И говорить любил: «Мои озера!
Мой океан! И берега мои!»

Волжанин заполярные рассветы
Всем сердцем чувствовал и понимал.
А землю неподатливую эту
Однажды после боя целовал.

Он жизнь ценил, друзья мои, поверьте...
Но надо ли оплакивать того,
Кто принял смерть, ведущую к бессмертию,
Чей подвиг — вечной жизни торжество?

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

названия

Тяжелые снаряды ударили в гра-
части огромные валуны. Мины подни-
рыжего торфа. Иногда мины попадали
столбы воды. Торопливо перебегая от
ытию, бойцы под огнем продвигались вперед
рубежах.
игли вершины небольшой каменной высоты и
мились дальше, вперед. Из-за камня приподнялся
ись, крикнул:
сюда санитар!

ипал за гранитную глыбу, и в тот же миг около него разо-
ряд, взметнув к небу клубы черного дыма.
лощине бежали два санитары. Высотку, на которую им пред-
о взобраться, застлал пороховой дым. Гитлеровцы вели беглый
иллерийский огонь. Морские пехотинцы мельком поглядывали на са-
итаров, спешивших к опаленной гарью высоте.
— Эти не подведут. Себя не пожалеют, а раненого из пекла вы-
несут!

Сивко тоже видел двух отважных санитаров. Они перебежали от
камня к камню, отыскивая раненых. Иногда фигуры санитаров закры-
вало темным облаком разрыва. Но проходили секунды, и санитары вновь
появлялись из огня. Они торопливо продвигались назад, в тыл, с тяже-
лой ношей на плечах.

— Вот оно, наше войсковое товарищество, — сказал Сивко залегший
с ним рядом Степанян. — Ранит — без помощи не останешься...

Появились самолеты противника. Их было больше двадцати. Они
пытались бомбить и обстреливать наступающих. В воздухе образовалось
кольцо из вражеских самолетов. «Мессершмитты» сбрасывали бомбы, а
затем, вновь входя в пики, строчили из пулеметов и пушек. Над головой
десантников стоял несмолкаемый гул.

Морским пехотинцам приходилось нелегко. Но вот сквозь завыва-
ние вражеских самолетов послышался чей-то радостный крик:

— Наши летят!

Советские летчики врезались в строй немецких машин. В голубом
небе закрутилась «карусель». Вой моторов вражеских самолетов пере-
крывали дробные звуки пулеметных очередей наших истребителей. На
земле бойцы торжествовали:

— «Юнкерс» загорелся!

Сивко после очередной перебежки распластался у камня и переза-
рядил винтовку. Вместе со всеми бойцами отделения он непрерывно
стрелял по врагу, засевшему впереди. Он на секунду закрыл утомлен-
ные глаза. Потом опять пристально посмотрел на противоположную вы-
соту, туда, где был враг. Сивко застыл в напряженности: на вершине
меж камней что-то шевельнулось. Он прищурил глаз. Сомнений не было:
среди камней притаился вражеский стрелок. По тусклому, быстро ми-
гающему огоньку выстрелов Сивко определил, что это автоматчик. За-
таив дыхание, матрос прицелился и послал пулю.

Сзади раскатисто и громко прогремел мощный орудийный залп.

Бойцы переглянулись. В небе, посвистывая, промчались снаряды.
Их разрывы донеслись с вражеской стороны.

— Это наши бьют, — заметил один из бойцов.

— Еще только пристреливаются, — добавил другой.

Редкие выстрелы доносились с моря. Затем стрельба стала чаще.
Корабельная артиллерия, пристрелявшись, перешла на поражение.

В этот день командоры миноносцев, поддерживавших наступление
десантников, метким огнем рассеяли до двух батальонов фашистской
пехоты. Многие гитлеровцы навсегда остались на скалах. Наша морская
пехота вышла на новые рубежи...

Пришло время, и десантные отряды, выполнив свою нелегкую за-
дачу, по приказу командования начали эвакуироваться из тыла против-
ника. Уйти без боя из-под самого носа врага было невозможно. Егеря
наседали со всех сторон, старались разгромить и полностью уничтожить
советских десантников. Круглосуточный полярный день не давал воз-
можности для обычной в боях ночной передышки, не позволял совер-
шать скрытный отход. Легкие ночные сумерки мгновенно рассеивались
под лучами почти незаходящего солнца.

Командование делало все для того, чтобы при отходе десанта было
как можно меньше потерь, чтобы врагу не осталось ни одного раненого
или убитого бойца.

Десантники группа за группой снимались с рубежей. Они уходили
к берегу, возле которого их ждали корабли. Моряки уносили с собой
раненых, оружие, боезапас.

***

Стояло солнечное теплое утро. Редко такая погода бывает на Край-
нем Севере. Легкая дымка тумана еще скрадывала неровные выступы

Герой Советского Союза
матрос Иван Михайлович Сивко

скал, когда гитлеровцы снова начали ураганный артиллерийский и пулеметный обстрел позиций североморцев. Притаившись в укрытиях, бойцы выжидали, пока появится враг.

Огонь был настолько силен, что местами на высоте, которую обороняли Сивко и его товарищи, загорались кустарники и мох. Фашисты, очевидно, считая, что вынудили моряков отойти, перенесли огонь дальше, вглубь позиций десантников. Впереди показались приближающиеся перебежками фашистские солдаты.

Командир взвода сказал морякам:

— Немцев много. Нас осталось мало. Но уйти нам отсюда нельзя. Мы сейчас — самая передовая группа нашего десанта. Мы прикрываем товарищей. Нам приказано любой ценой задержать врага.

Командир поглядел на часы:

— Тридцать минут нам надо продержаться на этой высоте! Такой срок установлен командованием...

Налетели вражеские самолеты. От разрыва бомб содрогался гранит. Стиснув зубы, морские пехотинцы лежали меж иссеченных осколками камней, зорко смотрели вперед, в ложину, откуда приближался противник. Видно было, что гитлеровцы в ложине обходят группу прикрытия с фланга.

Сивко лежал за камнем, изготовив оружие. В его руках был автомат: автоматами вооружили бойцов, назначенных в группу прикрытия.

Моряки открыли огонь только по сигналу командира, когда враги подошли совсем близко.

Сивко бил частыми короткими очередями. Он видел, как впереди, у подножья высоты, валяются вражеские солдаты. Стрелял точно, прицельно. Внимание было напряжено до предела. Не пропустить ни одного гитлеровца! Не дать им зайти с фланга!

Фашисты, поражаемые огнем с высоты, пришли в замешательство. Но вскоре они заметили, что советских бойцов немного, и решили лезть напролом. Гитлеровцев встретил яростный огонь. Но они напирали все сильнее...

Истекали последние минуты назначенного срока. Командир приказал постепенно начинать отход. Уже два отделения покинули высоту и спустились в ложину, чтобы перейти на следующий рубеж. Меж валунов на высоте оставалось совсем мало бойцов, а натиск врага становился

все наглее. Командир взвода переползал от стрелка к стрелку, ободрял их, указывая наиболее выгодные позиции, направляя всю силу огня на наиболее угрожаемые направления.

Приказ выполнен. Можно уходить с высоты. Но сделать это теперь было очень трудно. Гитлеровцы, перебегая от камня к камню, приблизились почти к самой вершине. Уже можно разглядеть искаженные лица егерей, слышались их злобные крики. Командира взвода ранило осколками мины в ногу и пулей в правую руку, но он и не помышлял оставлять своих бойцов. Его ободряющий голос слышали все. Но вскоре он совсем ослабел от ран.

— Товарищ командир! — крикнул ему Сивко. — Мы будем прикрывать вас!

Два бойца подхватили раненого командира на руки и стали поспешно спускаться.

На высоте осталось три североморца и среди них — Сивко. Вот Сивко услышал, как умолк автомат лежавшего справа Степаняна. Вот без звука приник к земле еще один матрос. Сивко остался один.

Патроны были на исходе, и выстрелы из автомата Сивко становились все реже. Боезапас кончился. Матрос бил одиночными выстрелами, стараясь выбирать цель поточнее, чтобы ни одна пуля не пропала зря. Временами он приподнимался и бросал гранаты.

Враги напирали. Их было много, они выбегали из ложин новыми и новыми группами, лезли на сопку, окружали бесстрашного матроса со всех сторон.

Сивко понимал: ему уже не уйти отсюда. Что же? Вот и пришло то, о чем писал он в своем рапорте:

«До последней капли крови...» Он честно выполнит свой воинский долг.

Он прицелился в гитлеровца, выбежавшего из-за валуна, нажал спусковой крючок, но выстрела не последовало: патроны кончились.

Конец? Нет, он будет продолжать борьбу, пока в груди бьется сердце и глаза видят врага. Сивко взял в руку последнюю гранату.

Фашисты совсем близко. Они предвкушают добычу: вот-вот живым захватят советского моряка.

Какой-то гитлеровец крикнул:

— Сдавайся, рус!

— Русские в плен не сдаются! — громко ответил Иван Сивко и, готовый встать во весь рост, оглянулся вокруг.

Позади, совсем недалеко, лежало родное море. Слева, закрепившись на гранитной высоте, бойцы отряда, боевые друзья, продолжали вести бой. И дальше, за узкой полоской залива, продолжался великий фронт Отечественной войны, растянувшийся от Баренцова до Черного моря. К востоку простирались необозримые просторы родной советской земли — Отчизны миллионов отважных и гордых сыновей, повторяющих, как клятву:

— Враг, посягнувший на счастье Родины, будет уничтожен!

... Подбежавшие гитлеровцы бросились на Сивко. Он рывком поднялся во весь рост, взмахнул гранатой над головой.

— Нет, врешь, живым не дамся! — крикнул он и с размаху бросил гранату между собой и врагами... Гитлеровцы, кинувшиеся на Сивко, повалились, сраженные осколками...

Так погиб, но не сдался в плен Иван Сивко.
Любовь к Родине — сильнее смерти!

Адмирал В. ПЛАТОНОВ

ЛЮДИ НАШИХ КАТЕРОВ

В командиры катеров отбирались у нас люди особо выносливые, подвижные, с живым и твердым характером. Но это, как правило, была зеленая молодежь, только что вышедшая из училищ, не обстрелянная, не свыкшаяся еще с суровыми условиями Севера. И потому, еще в предвоенные дни, мы усиленно тренировали молодых командиров — в обстановке скверной видимости, в стужу и шторм. Катера уходили на отдаленный рейд, прерывалось сообщение с берегом. Перед командиром ставилась определенная задача. И он должен был ее выполнить, зная, что на него смотрят матросы, а за спиной нет никого, кто мог бы подсказать правильное решение.

Мы посылали катера в море. Дня через три — четыре они возвращались, командиры приходили с донесением. Смотришь на них — и не радуешься. Устали, промокли и промерзли насквозь, все дни жили на сухом пайке, а вид бодрый, глаза горят, на лицах — гордая удовлетворенность. А если командир доволен, в большинстве случаев довольны и подчиненные. Настроение командира сразу передается матросам, особенно на малых кораблях, где он все время у всех на виду. Спокойствие и уверенность командира в бою придают экипажу новые силы, вселяют в каждого веру в победу.

Плаванье катеров в тумане, при большой волне требует волевого напряжения, как правило, содержит в себе элемент риска. Но оправданный риск всегда дает хорошие результаты. Воспитанная еще в мирное время привычка идти на разумный риск, смело смотреть в глаза опасности — неоценима в военные дни...

В отражении первого натиска гитлеровцев в Заполярье немалую роль сыграли наши катера-охотники. С каждым днем войны применение их в бою становилось все разнообразней и шире. Они не только выслеживали подводные лодки и высаживали десанты. Их, например, посылали вместе с миноносцами на поддержку флангов нашей армии артиллерийским огнем. Эсминцы — корабли с большими возможностями ар-

тиллерийской стрельбы — громили цели, расположенные вдали от берега, а юркие, маневренные охотники вели борьбу с пулеметными точками на побережье. Стрельба была крайне интенсивной. Раскалялись орудия так, что горела краска на них, носы у наводчиков были в ссадинах и кровоподтеках.

Помимо стрельбы по береговым целям, охотники отражали налеты вражеской авиации. Маленькие, подвижные — они носились с такой быстротой, что вода под ними словно кипела.

Широкую известность приобрел бой с фашистскими самолетами нашего катера под командованием лейтенанта Кроля.

По окончании одной из операций корабль легли на обратный курс. У вражеского берега остался только охотник Кроля, чтобы принять на борт наших разведчиков, ушедших в тыл врага. Внезапно на катер налетели три девятки «юнкерсов», эскортируемых истребителями. Полетели авиабомбы, затрещали пулеметы. Бомбардировщики по двое выходили в атаку. Они пикировали примерно с высоты тысячи метров, заходили с бортов, с носа, с кормы. Бомбы рвались на расстоянии нескольких метров от катера, но он, умело маневрируя на полных ходах, во время уклонялся. От меткой очереди из зенитного пулемета один «юнкерс» взорвался, не успев сбросить бомб.

Отбомбившись без результата и потеряв один самолет, фашисты ушли. На смену им пришла другая группа бомбардировщиков.

Самолеты легли на боевой курс. Рулевой Векшин переложил руль, корабль сделал поворот, и в тот же миг выстрелом из зенитной пушки был сбит еще один «юнкерс».

Одна из авиабомб повредила катер. Его подбросило. От поступавшей в отсеки воды он погрузился по самые иллюминаторы. Заклинило руль, вывело из строя мотор, в корпусе образовалась течь. Но экипаж сумел исправить повреждения, водоотливные средства работали хорошо. Катер благополучно вернулся в базу.

Заслуга лейтенанта Кроля и его экипажа в том, что они помогли открыть новые возможности катера-охотника. Они доказали, что при умелом маневрировании этот маленький кораблик неуязвим для самолетов врага...

* * *

Первые действия наших торпедных катеров совпали с третьей попыткой противника прорвать линию заполярного фронта.

Это было в сентябре 1941 года. Кончились круглосуточные летние дни, ночи становились продолжительней и темней. Торпедные катера выходили в ночные часы на охоту, бороздили морские просторы, высматривали конвой врага. Их задачей было — срывать снабжение гитлеровских войск в Заполярье, приостановить подвоз подкреплений.

Фашистские транспорты шли, как правило, маскируясь на фоне береговых скал. Торпедные катера старались подобраться к скалам вра-

жеского берега еще ближе, чтобы укрыться от наблюдения с воздуха и с моря. Подойдут незаметно к темному берегу и притаятся в тени сопков.

Первый успех наших торпедных катеров связан с именами Шабалина и Светлова. Корабли этих командиров действовали сообща и потопили почти одновременно транспорт и конвоировавший его миноносец.

Это случилось в сумерках осеннего дня. Наша авиаразведка донесла, что транспорты противника спустились от Варде к Киркенесу и следуют в Петсамо.

Катера вышли по заданному курсу. Искать врага пришлось недолго. Первым показался миноносец. Он шел во главе конвоя. За ним возник транспорт в шесть — семь тысяч тонн водоизмещения, дальше другие транспорты и корабли охраны. Все транспорты сидели низко и шли тяжело — значит были переполнены людьми и военным грузом.

Наши командиры распределили цели и легли на боевой курс. Шабалин выбрал транспорт, Светлов — миноносец. По сигналу командира отряда капитан-лейтенанта Моля дали залп, одновременно с обоих катеров.

Торпеды поразили эсминец и транспорт. Наши катера находились между берегом и кораблями врага, открывшими беспорядочный огонь. С суши, где была расположена береговая батарея фашистов, не разобравшись в чем дело, стали стрелять по своим же кораблям. Пользуясь паникой, охватившей врага, прикрывшись дымовой завесой, наши моряки вернулись в базу без потерь.

Вскоре Шабалин принял участие в другом победоносном бою. Он шел в паре с командиром торпедного катера Хапилиным — надежным боевым товарищем, понимавшим его с полуслова. На этот раз караван противника держался от берега дальше, чем обычно. Он двигался по направлению к Киркенесу. Наши катера шли на малых ходах, шума моторов почти не было слышно. Вражеский транспорт сблизился с ними настолько, что Хапилин, перед тем как дать залп, ясно различил над высоким бортом какого-то человека.

Транспорт был большой — тысяч на восемь тонн водоизмещения. Хапилин не пожалел на него двух торпед. Взлетел столб пламени и дыма, рухнули мачты, людей на катере осыпало пеплом. Когда дым рассеялся, поверхность моря была уже пуста. Фашистское судно почти мгновенно поглотила пучина.

Шабалин, пройдя вглубь конвоя, потопил второй транспорт такого же водоизмещения.

Через несколько времени попал к нам в плен матрос с одного из этих транспортов. Он рассказал на допросе, что караван подвозил на Север войска, снятые с швейцарской границы. Ни один из фашистских солдат, бывших на этих транспортах, не достиг заполярного фронта...

При оценке боевых успехов североморцев нужно учитывать не только силу сопротивления противника, но и особенности северного морского театра. Зимой у нас постоянные штормы, низкая температура, ту-

маны и снежные заряды. Длинные полярные ночи сменяет короткое, бес-солнечное посветление днем.

На катерах тесно, холодно, негде обсушиться. Их то и дело окаты-вает волнами в походе, палубы и надстройки обледеневают. Корабль, покрытый ледяной коркой, принявший большой добавочный груз, может потерять остойчивость. Поэтому во время зимних походов то и дело нужно скалывать с него лед.

Вот при каких условиях работают люди североморских катеров! Бывало помотришь на иного бойца — с виду как будто щуплый, а как умело ворочает сложным, тяжелым агрегатом! Из похода возвращается весь обмерзший: если хочет повести плечом — поворачивается всем телом, не сгибаются корпус и руки. Но вот отдохнул в базе, просох, ото-спался — и весел, как ни в чем не бывало. И опять идет в море, на-встречу любым испытаниям. Замечательный народ!

Матрос морского охотника
ВАСИЛИЙ ПОПОВ

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ

Нам знакомы трудные походы.
Возвратились с моря лишь вчера,
И опять во вражеские воды
Уходить собрались катера.

Моряки, проверив все, готовы
В трудный и далекий путь идти.
Трель свистка — и отданы швартовы...
Друг, привет! Счастливого пути!

Лица моряков, отвагой полных,
Исчезают в темноте ночной...
Облака — как своды. Плещут волны,
Светятся буруны за кормой.

Скрылся в темноте последний катер.
База остается позади...
Уходили корабли в кильватер
В бой с врагом. Счастливого пути!

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВ

БОРИС САФОНОВ

I

На острых вершинах сопок гаснут отблески заката. У самого края оврага, по дну которого течет безымянная речушка, стоит летчик в желтом, уже поношенном реглане, в русских сапогах, в шлеме, немного сдвинутом на высокий лоб. Стройный и подтянутый, с загорелым мужественным лицом, освещенным лучами заходящего солнца, он как бы застыл, напряженно смотрит в ту сторону, откуда должны появиться самолеты.

Редко бывает, что командир эскадрильи капитан Сафонов не вылетает навстречу врагу, остается на земле. Это значит — что-нибудь произошло с машиной. Вот и сейчас внизу ремонтируют раненный вчера в бою его истребитель. Техник Семенов и мотористы ползают по самолету, ощупывают каждый винтик, быстро меняют пробитый пулями цилиндр мотора, тяги управления. Они уже несколько часов старательно работают, не отходя от самолета, — знают, что командиру не терпится вылететь поскорее.

Сафонов беспокойно поглядывает то на часы, то в большое пустынное небо. Лицо его сосредоточено. Он по минутам рассчитал все действия своих питомцев. Вот они уж прошли Моговский залив, вышли на Западную Лицу. «Если истребители противника сейчас ведут с ними бой, — думает Сафонов, — все равно уже близится время возвращения». Сафонов пристально всматривается в чистое небо. На горизонте появляются черные точки.

Идут!

Едва заметные точки быстро вырастают. Уже ясно видны знакомые силуэты самолетов. В вечернюю тишину врывается рокот моторов.

Сафонов молча считает: «Три... Пять... Где же шестой?!»

Командиром овладевает беспокойство. Но проходит несколько секунд, и на горизонте появляется еще одна точка. Все! И нахмуренное лицо командира проясняется. Пятерка низко идет строем фронта. И тот,

который отстал, старается нагнать товарищей; за хвостом у него появляются едва заметные черные струйки: газует. Но командир уже заметил оплошность летчика, и нагоняя тому не избежать.

Самолеты с ревом проносятся над командным пунктом, а затем быстро расходятся по кругу. Первым идет на посадку ведущий, его машина уже выпустила шасси, убрал газ. Выравнивая самолет, летчик плавно сажает машину. Вслед за ней садятся вторая, третья...

Командир внимательно следит за посадкой. Когда последняя машина, прыгая при посадке, кренясь то на левый, то на правый бок, начинает рулить на стоянку, Сафонов сходит с капонира. Он встречает летчиков, выслушивает доклад того, кто подошел последним, и спрашивает:

— Абишев, почему отстали? Или еще не научились в строю ходить?!

— У меня что-то с мотором неладно, товарищ командир, жмешь, жмешь, а скорость не нарастает.

— С посадкой у вас тоже неладно. Отдохнете — проведите тренировку.

Вызвав инженера, Сафонов приказывает проверить мотор самолета Абишева и доложить о результатах. Затем он подробно знакомится со всеми деталями боя, обобщает все новое в тактике противника, предостерегает молодежь от ошибок.

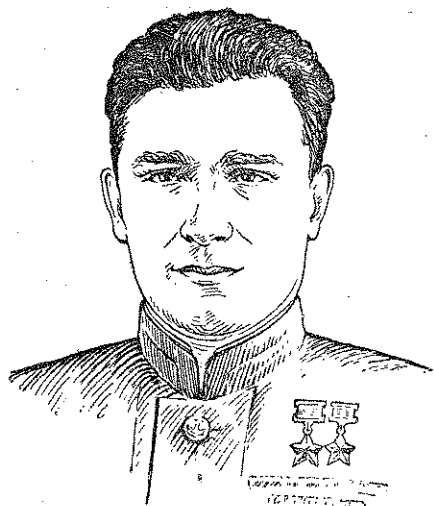
— Чего же ты лезешь очертя голову, ведь этак тебя стрелок в два счета снимет, — дружески отчитывает Сафонов Максимовича за то, что тот, атаковав в лоб «юнкерса», неверно разворачивал свою машину. И тут же, взяв прутик и присев на корточки, показывает, чертя на песке, как нужно атаковать бомбардировщик.

— Вот он идет, а вот ты. Так зачем же тебе сюда лезть?! Ты можешь зайти вот отсюда! Не удалось сбить с первой атаки, так уж лучше с небольшим принижением подныривай под него по прямой. После этого отваливай в сторону и тогда пристраивайся в хвосте, вот в этот сектор, и тебя не достанет ни один стрелок!

Сафонов рассказывает, как в прошлом бою он сам атаковал «юнкерса» и сбил его со второй атаки. Он говорит просто, понятно, с каким-то особым азартом, и все летчики, стоящие вокруг, тоже присели и внимательно следят за стремительными движениями руки Сафонова, в которой он держит прутик. И эти легкие, стремительно возникающие чертежи на песке для них куда понятней, чем те, нарисованные на кальке, которые они изучали в училище. Молодые летчики, увлеченные горячими объяснениями командира, переносились в обстановку недавнего боя. А Сафонов, проведя рукой по песку, уже набрасывает новый чертеж и, желая проверить, как себя будут вести его питомцы в сложных условиях, спрашивает:

— Покровский, вот сто десятый, а вот твоя машина; как бы ты стал атаковать из такого положения, под каким ракурсом открыл бы огонь?

Дважды Герой Советского Союза
подполковник
Борис Феоктистович Сафонов

Он обращался по очереди к Винниченко, Семененко, Романову, задавая им этот же вопрос. Выслушав каждого, с веселым блеском в глазах азартно говорил:

— Винниченко прав, так и нужно делать. В крайнем случае можно ударить вот отсюда,— и Сафонов снова чертит прутиком на песке.

— А ты, Семененко, дал бы маху, слопал бы тебя «мессер», если бы стал ты действовать так, как говоришь!

И командир подробно объясняет, почему именно Семененко дал бы «маху», в чем заключается его ошибка и отчего не совсем точными были бы действия Покровского. Затем он спрашивает, как работала материальная часть в бою, какой был в воздухе расход горючего, и тут же дает советы — боевой командир, сердечный товарищ, душевный человек. И по

тому, с какой охотой эта неутомимая, жизнерадостная молодежь рассказывает все о бое, с каким вниманием выслушивает Сафонов, чувствуется большая любовь летчиков к своему замечательному командиру.

Поздно вечером всех истребителей, кроме дежурного звена, Сафонов отпускает на отдых. Но у него еще непочатый край работы. Он выслушивает доклад инженера о ходе ремонта машин, о готовности самолетов, вызывает оружейника с машины Коваленко и подробно интересуется причиной заедания пулеметов, которое произошло сегодня в бою, дает указания, советы, а потом уходит на летное поле.

Одиночный самолет долго кружит в воздухе, много раз опускается на аэродром, затем снова взлетает, — это Сафонов «отшлифовывает» посадку Абишева. Закончив тренировку Абишева, Сафонов отрабатывает посадку другого молодого летчика, который при посадке «мазал», в результате скапотировал и вывел на время машину из строя.

Сафонов исключительно терпелив: какая нужна любовь к своему делу, чтобы столько раз взлетать, ходить по кругу, снова опускаться! А такие полеты над аэродромом Сафонов производит часто. Нередко, сделав в день по пять-шесть и более вылетов на боевые задания, он, когда другие отдыхали, «вывозил» новичков, терпеливо и настойчиво, иногда по многу раз объясняя им одни и те же их ошибки, промахи. И только когда полностью убеждался, что молодой истребитель летает без запинки и все получается толково, выпускал его в бой.

... Едва занялось утро, а Сафонов уже на ногах. Первым делом он отправился проведать свою машину. Еще всходя на бугор из оврага, где находилась землянка летчиков, увидел, что возле капонира стоит стартер, протянувший к винту ястребка рычаг для заводки мотора.

«Вот это молодцы, сдержали свое слово», — подумал Сафонов о техниках, которые обещали к утру полностью закончить ремонт. Тщательно осмотрел свой самолет и, довольный работой техников, пошел к командному пункту.

— Товарищ капитан, вас к телефону, — доложил дежурный телефонист.

— Капитан Сафонов слушает. Так... Курсом сто тридцать пять... Понятно... Нет, я сам поведу. Уже отремонтировали!

Не прошло и минуты, как сафоновский истребитель несся по полю, скрываясь в облаке пыли.

Сверкало утреннее солнце, и когда самолет круто разворачивался, набирая высоту, плоскости и фюзеляж вспыхивали ярким серебристым светом.

Другие летчики быстро набирали высоту вслед за своим капитаном. Шли на перехват самолетов противника в районе Ура-губы. Ведомые плотно пристраивались к сафоновскому истребителю — Сафонов не любит растянутого строя.

Никто из них еще не видел врага, а Сафонов уже заметил фашистские самолеты. В его светлых глазах блеснула радость. Привычным легким покачиванием машины с крыла на крыло он подает сигнал к атаке. Соколиная стая сафоновских питомцев ринулась на врага.

Семь «юнкерсов» уходили на запад, огрызаясь короткими очередями пулеметного огня. Сафонов бросился на ведущего. Стрелки «юнкерсов» сосредоточили огонь на сафоновской машине, но Сафонов сманивировал и снова пошел к ведущему «юнкерсу» так, что вражеские стрелки не могли вести огонь «без риска сбить собственные машины».

Капитан подводил свой истребитель все ближе. В кабине «юнкерса» он отчетливо видел стрелка-радиста, словно упершегося лбом в пулемет, направляя его в сторону советской машины. Фашист давал очередь за очередью, и красные нити трассирующих пуль тянулись к сафоновскому истребителю, проносились немного выше его. Сафонов еще медлил открывать огонь, шел на сближение. Лишь десятки метров отделяли его от «юнкерса».

Он дал две-три короткие очереди из своего пулемета, они легли прямо в кабину. Смолк стрелок, завалившись за козырек. Сафонов видел, как вражеский летчик судорожно вертел головой оглядываясь. Фашист старался сманивировать и уйти от огня; он брал штурвал от себя, нажимая на педали, бросал машину из стороны в сторону.

— Вот теперь я тебе дам! — и Сафонов выпустил длинную очередь по кабине и мотору. Громадный бомбардировщик, точно сорвавшись

с невидимых нитей, которые держали его в небе, выбрасывая пламя, стремительно полетел вниз. Накренив на мгновение левое крыло, Сафонов наблюдал за падающей машиной.

В «карусели» стремительно взмывающих и пикирующих самолетов он увидел пронесшийся возле него «юнкерс», за которым гнался «И-16».

— Не уйдет! Сейчас мы ему добавим! — и Сафонов нажал гашетку.

«Юнкерс» круто скользнул на правое крыло, а потом завалился на спину и, точно огромная подбитая птица, начал падать на скалы. Оглянувшись вокруг, Сафонов увидел, как мастерски, с умением опытных воздушных бойцов, его питомцы расправляются с противником. Еще три «юнкерса», расстрелянные, падали вниз. Победа!..

Он всегда был таким, этот мужественный командир, искусный и храбрый боец. Его смелый порыв, блестящее мастерство увлекали всех. Таким

привыкли его видеть летчики, с которыми Сафонов проделал огромный путь за время Отечественной войны.

Он летал на самолете «И-16». Этой машины боялись враги. Пленные гитлеровские летчики в один голос заявляли, что это лучший советский истребитель. Не случайно на фюзеляжах бронированных двухмоторных машин, сбитых нашими летчиками, были крупно нарисованы яркие символические рисунки: огромный рыжий пес держит в зубах маленький самолет «И-16». Не по зубам пришелся «И-16» фашистам. Сафонов сбил на нем четырнадцать фашистских самолетов разных марок. Он любил эту маленькую, послушную машину.

Поднимаясь в воздух, он чувствовал дыхание машины. Сафонов до тонкостей познал свой самолет. Ему никогда не приходится смотреть на приборы. Он чувствовал их особым чутьем опытного летчика, который безошибочно определяет скорость, высоту, слышит работу всех агрегатов. Это совершенное знание машины дает ему возможность управлять ею почти инстинктивно, стремительным, точным ударом сбивать врага с первой атаки. Это — сафоновский удар, основанный на сочетании пылкого задора и дерзкого маневра с методически точным расчетом.

Сафонов не мог остаться незамеченным. Еще до войны товарищи видели в нем незаурядного человека. В эскадрилье, где Сафонов летал

раньше рядовым летчиком, в папке протоколов партсобраний до сих пор хранится копия партийной характеристики. В ней коротко определено лицо будущего героя: «...Смелый, энергичный летчик; имеет хорошие результаты в овладении высотой, воздушные стрельбы выполняет на отлично. В будущих боях будет твердо и смело бить врага». Партийная организация не ошиблась в молодом коммунисте.

Во время войны быстро родилась его слава. Имя Сафопова известно всей стране. Бесстрашные моряки Севера с любовью произносят его имя. Летчикам памятен день 16 сентября 1941 года. В этот день Родина наградила полк, в котором сражались Сафонов и его славные питомцы, орденом Красного Знамени, а капитану Сафонову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Поздно возвратились в этот день летчики, выполнив боевое задание. В сгущающихся сумерках полярной осени в разных концах аэродрома возник рокот моторов. Наконец все смолкло. В это время в расположении эскадрильи Сафопова собрались летчики полка. В шлемах, в кожаных регланах, перетянутые широкими ремнями, они выглядели стройными и могучими. Они были возбуждены и веселы, шутили, делились последними новостями с товарищами из других эскадрилий. Вскоре сюда подошли техники, мотористы и оружейники, закончившие работу у своих машин.

— Все, что ли? — громко крикнул кто-то из образовавшегося живого круга.

— Все, все! Можно начинать! — ответило сразу несколько голосов.

Один за другим на середину круга выходили летчики и техники, взволнованно говорили о горячей любви к Родине, с гордостью произносили имя Сафопова. Пламенной клятвой звучали их слова ненависти к врагу, заверение драться с фашистскими ордами так, как дерется Сафонов. Вслед за старшим лейтенантом Коваленко, закончившим свою речь словами: «А если не хватит патронов, будем рубить врага винтами...» — слово взял капитан Сафонов. Сдерживая волнение, он говорил тихо и внятно. Он горячо благодарил товарищей, в коллективе которых вырос.

— Меня воспитал наш великий народ, комсомол, партия. Они дали мне стальные крылья, оказали огромное доверие, и я всей жизнью оправдаю его, — говорил Борис Сафонов. — Сегодня у меня счастливый день, и я хочу заверить всех боевых товарищей, что пока бьется в моей груди сердце, вместе с вами я буду искать врага и очищать от него наше родное советское небо!

НИКОДИМ ГИЛЬЯРДИ

НА АЭРОДРОМЕ

Из книги «Борис Сафонов»

Сафонов летел во главе своего звена. Следом за ним шли Покровский, Винниченко и Максимович. Прямо под ними и далеко впереди тянулась цепь округлых сопок. Редко-редко блеснет где под плоскостями озерко или плес небольшой речки. Мало здесь мест, где, если понадобится, можно приземлиться без риска попасть в замшелые топи или угодить на скалу. Лети и действуй наверняка, советский летчик!

Звено шло на разведку скоплений вражеской пехоты.

Вскоре оно миновало передний край советских войск. Враг встретил идущее на большой высоте звено зенитным огнем. Неожиданно Сафонов пошел на снижение: ему нужно было иметь точные сведения о расположении частей противника.

Двести метров... Сто пятьдесят... Наконец, сто.... Но надо еще ниже, ниже!

Полет истребителей над самыми головами фашистов лишал зенитчиков возможности вести прицельный огонь. Однако в глубине их обороны гряда сопок оборвалась так же неожиданно, как возникла. Впереди открылась равнина.

Сафонов продолжал идти вперед на бреющем полете, тщательно изучал позиции противника. Вот, наконец, обнаружена главная цель. Сафонов дает сигнал, звено ложится на боевой курс. Командир первым обрушивается на врага. Пулеметы работают превосходно. Покровский, Максимович и Винниченко также с яростью нажимают на гашетки.

Как ураган, пронеслись четыре бесстрашных летчика над самыми головами врагов. Сафонов засек их коммуникации и в то же время нанес фашистам немалый урон пулеметным обстрелом. Наше командование во-время получило необходимые сведения.

* * *

В одной из своих статей Борис Сафонов писал: «Победа в воздухе куется на земле. Я, например, отношу добрую половину сбитых самолетов врага на боевой счет моего техника Семёнова, механика Колпакова и моториста Кривихина. Приготовленный ими к вылету самолет ни разу не отказал мне в воздухе, а все пробоины, так сказать, боевые раны самолета, быстро залечивались. К следующему вылету машина была всегда в полной исправности. Так же внимательно относятся к материальной части инженер и другие техники и мотористы. Недаром мы зовем их всех нашими телохранителями...»

Эта оценка работы технического персонала ничуть не преувеличена. За весь период войны не было ни одного случая выхода из строя самолета по вине техников.

Сафонов очень любил свой «И-16», считал его превосходной машиной. На этой машине он провел большую часть своих победных боев.

Военные будни редко баловали летчиков-североморцев даже кратковременным досугом. Враг продолжал рваться к Мурманску. Морская пехота и сухопутные части надежно сдерживали напор фашистских войск. Корабли Северного флота активно действовали на морских коммуникациях, срывая планы противника. Гремела слава о героических подвигах моряков...

С каждым днем перед флотом ставились новые, все более ответственные задачи.

Большую помощь оказывала Северному флоту еще не многочисленная в первые дни войны морская авиация. Поэтому нечасто выдавались часы долгого полярного дня, когда не было тревог и летчики могли спать по-настоящему.

Требовательный к подчиненным, Борис Сафонов был по отношению к себе самому поистине безжалостным. Не раз уговаривали его товарищи выспаться спокойно, сняв летный комбинезон.

— А если тревога? — отвечал Сафонов. — Враг над головой, а я буду возиться с комбинезоном? Смешно получится, братцы!

Вместе с тем он всячески выискивал способы сократить и без того короткое время подготовки к вылету. Чтобы быстрее надевать шлем, он сорвал с него пряжки — застегивание их отнимало почти полминуты. Вместо пряжек к шлему были пришиты кнопки от парашюта. Стало возможным закреплять шлем почти мгновенно.

— Видишь? — спросил он Александра Коваленко, показывая на свой шлем. — Что это?

— Простой шлем, вроде бы...

— Не простой. Для тебя это шлем, а для противника — лишний момент тактической внезапности. Дай-ка сюда твой!

Коваленко не без удивления подал свой шлем командиру.

— Дюпотошный он у тебя какой-то, — сказал Сафонов, срезая ножичком пряжки.

— Нормальный шлем! — с огорчением воскликнул Коваленко. — Зачем портишь?

— Вот на-ка тебе кнопки, пришей!

— Да зачем же кнопки, если на нем пряжки были хорошие!

— А сколько времени занимает у тебя надевание и закрепление шлема? — уже строгим голосом спросил командир.

Коваленко, да и никто другой на аэродроме как-то не подумали об этом до тех пор ни разу. Коваленко молчал.

— Примерно? — настаивал Сафонов на своем вопросе.

— Ну, секунд сорок пять, — сказал Коваленко.

— Значит, шесть-семь километров?

Поняв, Коваленко кивнул.

— Что же тут неясного? — говорил Борис Феоктистович. — Запомни азбуку и передай другим. Каждая из таких мелочей решает победу. Минута промедления дает противнику возможность углубиться в нашу сторону километров на восемь, а то и больше! Стало быть, если подготовка к вылету и взлет отнимут у нас пять-шесть минут, подчитай сам, сколько за это время пролетит враг...

— А ведь верно, шлем лучше стал! — сказал Коваленко после того, как пришил кнопки вместо пряжек.

Учет всех «мелочей» давал возможность Сафонову взмывать на своем ястребке над аэродромом всегда почти мгновенно вслед за выстрелом из ракетницы. Да и самый вылет был отработан у Сафонова до мельчайших деталей.

Едва кончив разговор по телефону, — а по большей части для вызова эскадрильи на боевое задание служил телефон, — Сафонов бросал трубку и хватал летные очки. И летчикам не требовалось больше никаких сигналов: раз командир взялся за очки — значит вылет.

К своему самолету Сафонов обычно направлялся бегом. У самолета встречал его техник Семенов и, стараясь не задержать командира ни на миг, застегивал на нем парашют.

Сафонов вскакивал в кабину, опробовал мотор.

По взмаху его руки убирались колодки.

Убедившись, что для выруливания никаких препятствий нет, механик Колпаков жестом сигнализировал:

— Можно вылетать!

Остальные летчики эскадрильи считали для себя законом не отстать от командира. Каждый хотел быть достойным его, идти в бой рядом с Сафоновым.

— С Сафоновым летишь — сам смелее становишься! — выразил однажды Максимович сокровенную мысль всех летчиков-североморцев.

И с его легкой руки эта фраза стала широко известна на Северном флоте.

НИКОЛАЙ ПАНОВ

«ГРЕМЯЩИЙ»

Из очерковой повести о гвардейском северноморском эсминце

1

Боевая тревога! — негромко скомандовал Гурин.

Помощник командира Васильев нажал кнопку сигнала. Колокола громкого боя загремели по всему кораблю.

С мостика было видно: краснофлотцы бегут верхней палубой, взлетают по звонким металлическим трапам, занимают свои места у кубических орудийных щитов, на круглых платформах зенитных автоматов.

Некоторые чуть замедляли бег, скользя по металлу палубы, мимо которой катились ледяные пенные волны. Подбежав к орудиям, плотно надвигали на головы грузные, защитного цвета, каски. Другие мельком взглядывали на каски, лихо поправляли бескозырки.

Лишь недавно начались великие испытания войны.

— Что видите, Фокеев? — спросил на мостике капитан-лейтенант Гурин.

Не отрывая бинокля от глаз, вытянулся над поручнями сигнальщик Фокеев. Гудели вентиляторы, ветер свистел в снастях.

— Транспорт, прямо по носу... Рядом эсминец...

— И самолеты пикируют на них?

— Так точно...

Уже доносился до слуха, заполняя полярное небо, рокот вражеских самолетов. Хищно мчались волны мимо бортов. И моряки «Гремящего» вспоминали, что не раз говорил им командир корабля:

— Морской бой — дело особое. Со всех сторон вода, и кустов нет, чтобы укрыться за ними. Все мы здесь только на свое мастерство надеяться можем. Все зависим друг от друга.

Как всегда, чуть шутливо начинал Гурин разговор, а заканчивал с большим чувством, серьезно:

— Будет плохо действовать хоть один человек — разладится весь

организм корабля. А отдадим все силы работе — добьемся победы и прославим родной наш «Гремящий»!

Свистел ветер в снастях. Всплескивала за бортами вода. Работали моряки у механизмов. Отчетливо, быстро стучали сердца. Волновались все — и старослужащий, сжившийся с кораблем балтиец Афонин и молодой подносчик снарядов Гусаров, перед самой войной пришедший на корабль. Стоя у надстройки, шутил сутулый, долговязый командир зенитной батареи Гаврилов.

— Ничего, орлы! В бой идти — только с непривычки страшно. Привыкнем — бомбы руками хватать будем.

Улыбались матросы шутке, но то и дело взглядывали вперед — туда, откуда на «Гремящий» должен был обрушиться враг. А глубоко внизу, в недрах корабля, среди мерно ревуших турбин, у пылающих топок, турбинисты и котельные машинисты мельком спрашивали, глядя воспаленными глазами:

— Ну, что там наверху?

— Все нормально... Идем курсом на транспорт...

* * *

Было это в августе 1941 года. Транспорт «Мария Ульянова» шел, тяжело груженный, из Архангельска в Баренцево море, и его торпедировала фашистская подводная лодка.

Транспорт с оторванной кормой лишился управления, потерял ход. Его взял на буксир конвоир — эсминец «Урицкий». И «Гремящий», только что вернувшийся с обстрела фашистских сухопутных позиций, получил приказ идти на помощь транспорту.

Гурин взглянул на часы. Девять двадцать. Рваные облака сливались на горизонте с волнами, незаходящее белое солнце висело над сизой водой. И, выскочив из-под солнца, вражеские самолеты обрушили на «Гремящий» первую серию бомб.

Командир сделал маневр уклонения. Огромные черно-белые всплески взвились за кормой корабля. Рулевой Пчелин удержался на ногах, ухватившись за нактоуз. Рядом с ним стоял попрежнему Гурин. Но шедший по мостику комиссар Рожков был сбит с ног жаркой воздушной волной. Гряда рухнувшей на палубу тяжелой воды свалила, потащила за борт лейтенанта Гаврилова.

Лейтенант вскочил на ноги у самого борта. Увидел, как бушующая вода уносит за борт его фуражку. Почувствовал во рту вкус крови от рассеченной при падении губы. В ушах стоял гул неустанно бьющих с корабля автоматов.

Гаврилов вскинул к глазам окровавленный, мокрый бинокль. Отбомбившиеся «юнкерсы» уходили в сторону Норвегии, на восток. Совсем близко покачивались на волнах транспорт и буксирующий его «Урицкий».

Губа перестала кровоточить, но лейтенант, мокрый с головы до ног, обмерзал под пронзительным ветром. Некогда было сходиться пере-

одеться, нужно управлять огнем батареи. Сейчас новые самолеты могут выйти в атаку.

— Разрешите, товарищ лейтенант?

Комендор старшина первой статьи Кириллов, оставшись в одной фланелевке, накинул на плечи лейтенанта свой сухой бушлат.

— Самолеты, правый борт шестьдесят, высота семьсот! — крикнул на мостике сигнальщик.

Враг снова бомбил корабль. Вот серебряный блеск вспыхнул среди облаков, вот мелькнул и пропал крылатый силуэт... За ним второй, третий... Сосредоточенно стоял около рулевого Гурин. Рядом Васильев — руки у машинного телеграфа. И уже задирались вверх длинные стволы пушек главного калибра. Комендоры «Гремящего» вели огонь. Эсминец кружил в неустанном грохоте возле охраняемых им кораблей...

В румпельном отделении, там, где за тонкой обшивкой кормы резко и грузно ворочалось огромное стальное перо руля, стояли у своих заведываний моряки Антонов и Булин, Сухой и Каржавин. В низком отсеке было душно, плещущая морская вода, заливая вентиляционные грибки, ходила под ногами. Снаружи грохотал бой. Орудия умолкли. Значит, отбили налет?

Кто-то взглянул на часы. Тринадцать десять. Прошло время обеда. Но никто не думал о еде.

— Высота восемьсот, скорость ноль... По пикировщику — огонь! — скомандовал на верхней палубе Гаврилов.

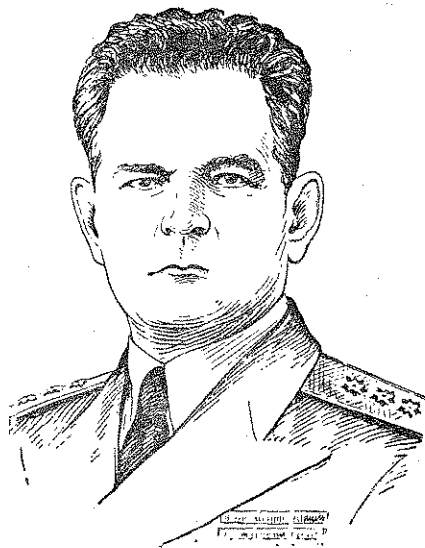
Бомбардировщик, подкравшийся за облаками, вошел в пике. Он мчался отвесно вниз, все шире становился размах темных крыльев. Бомбы вывалились из его фюзеляжа. Кто-то, стоявший на палубе, невольно присел.

Гурин, не пригибаясь, дал команду на руль и на машинный телеграф. Пчелин нажал на штурвал. Васильев переложил ручки машинного телеграфа:

— Малый назад! — крикнул мичман Яковченко в густом гуле машинного отделения.

Стоявший у маневрового клапана Зимин повернул широкое колесо штурвала. В котельном отделении старшина Наумченко повторил приказ, пламя таше загудело в топках. Даже сюда, в самую глубь корабля, донесся нарастающий вой падающих бомб.

Бомбы врезались в воду перед форштевнем «Гремящего». Часто,

Адмирал Виталий Алексеевич Фокин

торопливо хлопали зенитные автоматы. Дымный огонь пробежал по плоскостям «юнкерса». «Юнкерс» падал все ниже, коснулся крылом воды, с размаху ушел в волны среди острых всплесков только что взорвавшихся, его же собственных, бомб.

Все ближе под незаходящим солнцем придвигался скалистый берег родной земли.

Медленно и упорно вел на буксирах транспорт эсминцев «Урицкий» — бывший «Забияка», некогда вместе с «Авророй» вошедший в Неву для штурма Зимнего дворца...

Только когда транспорт, еще больше накренившийся, но оставшийся наплаву, вступил под защиту наших береговых батарей, капитан-лейтенант Гурин уступил вахтенному офицеру место возле рулевого и, окинув глазами берег и воду залива, взглянул опять на часы.

Двадцать три часа показывали стрелки. Почти четырнадцать часов провел в бою с вражескими самолетами «Гремящий»!

— Самое красивое, что видел в жизни, — это когда горят самолеты врага! — сказал, уходя в свою каюту переодеться в сухую одежду, лейтенант Гаврилов.

2

Полярный день кончился. Наступили долгие, беспросветные, холодные ночи...

Из-за сопки вздымались тусклые полосы прожекторного света, шарили в низких тучах, вновь уходили за линию гор. Кромка неба набухла зловещим карминовым заревом — горел, подожженный вражескими самолетами, Мурманск.

Пришвартованный к бревенчатой стенке, стоял затемненный «Гремящий» — очень длинный и узкий, с очертаниями высокого мостика, едва видимыми во мраке, рядом с силуэтом могучей, овальной, чуть накрененной назад дымовой трубы.

Синяя лампочка освещала переброшенный на стенку трап. Открылась дверь одной из надстроек, на палубу вышли четверо. Впереди — высокий, сутуловатый, в фуражке. За ним — трое в бескозырках, в плащ-палатках, накинутых на плечи.

У сходней, рядом с дежурным офицером, ждали А. И. Гурин и В. А. Фокин, командир дивизиона эсминцев.

— Товарищ капитан первого ранга, — сказал вышедший на палубу офицер. — Разрешите обратиться к командиру корабля.

— Обращайтесь! — отрывисто бросил Фокин.

— Товарищ капитан-лейтенант, — повернулся офицер к Гурину. — Лейтенант Гаврилов отбывает по приказанию. Со мной два радиста, сигнальщик. Личное оружие и радиоаппаратура в порядке.

— Отправляйтесь, — сказал Гурин. В его всегда негромком голосе прозвучало волнение. — Уверен — выполните приказ на отлично.

— Есть, выполнить на отлично!

76

Четыре моряка сбежали по сходням на стенку, затерялись в сыром мраке. Комдив и командир корабля молча прошли верхней палубой, поднялись по отвесному трапу.

Гурин распахнул дверь. Свет внутри выключился автоматически. Командиры вошли в надстройку — свет включился снова. Ярко освещенный коридор, устланный линолеумом, одна против другой покрашенные под дуб металлические двери кают.

— Прошу ко мне! — сказал Виталий Алексеевич Фокин.

Сняв регланы, пошли в каюту комдива. Здесь мягкий свет из матового плафона падал на обитую коричневой кожей мебель, на письменный стол-бюро с картами и бумагами на нем.

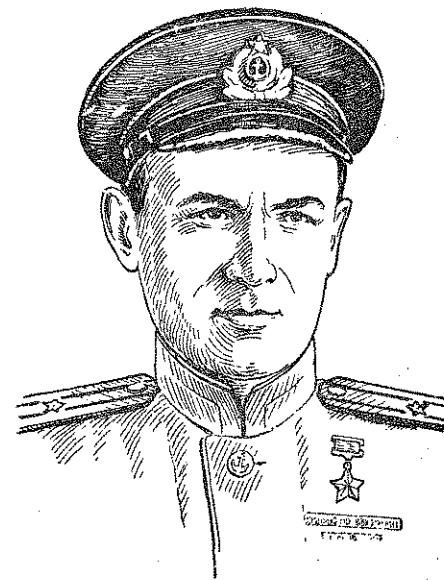
Фокин подошел к столу, указал Гурину на диванчик. Антон Иосифович сел: невысокий, несколько медлительный в движениях, с аккуратно зачесанными набок светлыми волосами.

— Доложите, как будете выполнять задачу, — сказал, садясь за стол, Фокин.

— Главное в корректировке огня, — начал докладывать Гурин. — Думаю, Гаврилов хорошо проведет корректировку. Прекрасный артиллерист, исполнительный, смелый офицер...

— Знаю... — отрывисто откликнулся Фокин. В памяти встали длинноногая фигура, умные, живые глаза под широким, выпуклым лбом. Лейтенант Гаврилов, тот, который, окончив училище как отличник, получив право выбрать службу на любом из флотов, выбрал Северный флот. «Есть здесь где поплавать молодому офицеру!» — любит говорить Гаврилов друзьям-офицерам...

Каждого моряка своего дивизиона всесторонне знал капитан первого ранга. Порывистый в движениях, очень требовательный, внешне жесткий в обращении с людьми, В. А. Фокин сумел завоевать любовь и уважение экипажей эсминцев. Пришел он на Север с первыми военными кораблями, командуя сторожевиком «Смерч». И вот уже восемь лет борется с бешеной заполярной стихией, отрабатывает дальние плавания кораблей, каждодневно учится сам и обучает других. Став командиром соединения, живет на всех эсминцах своего дивизиона поочередно,

Герой Советского Союза капитан 3 ранга, в год выпуска книги контр-адмирал Антон Иосифович Гурин

77

всегда находится в море, в походе, переходя с маленьким чемоданчиком с мостика одного корабля на мостик другого...

— Итак, — сказал Фокин, разворачивая на столе карту, вместе с Гуриным склоняясь над ней, — поскольку будем вести обстрел с этой вот точки...

...«Гремящий» отдавал швартовы. Весь корабль вибрировал от работы могучих турбин. Сигнальщики проверяли работу ратьеров — острые белые лучи пронеслись по прямоугольным надстройкам, по запорошенной снегом бревенчатой стенке — и вновь смыкалась над кораблем ветреная мгла...

На мостике стояли Фокин, Гурин, помощник командира коренастый, низкорослый Васильев, вахтенный офицер старший лейтенант Рудаков... Все шире становилась черная блестящая полоса между кораблем и стенкой...

С глухим рокотом скользил корабль по заливу, взяв курс к линии фронта. Комендоры выстроились у чуть белевших над головами оружейных стволов, торпедисты — у торпедных аппаратов.

Зеленые волны дрожащего света разворачивались высоко вверх, в неизмеримых небесных просторах. Свет переливался, двигался от горизонта вверх; малиновым, синим, лиловым соком наливались прозрачные грани. Задержав полнеба, радужная пелена сдвигалась и раздвигалась опять.

В отсветах северного сияния сигнальщики до боли в глазах вглядывались в море, бегущее под киль корабля. Штурман Ивашенко то и дело выходил из рубки, всматривался в приметные места. «На море рельсов нет» — его любимая поговорка. Он уверен — корабль идет точно, как по рельсам, но вновь и вновь вглядывается в мигалки на волнах, в смутные очертания береговых скал...

Рядом с рулевым всматривался в море и берег командир «Гремящего» Гурин, всегда внешне спокойный, неторопливый, всегда полный напряженной внутренней жизнью. С тех пор как в довоенные годы пришел он на Север вместе со своим «Гремящим», сколько тысяч миль наплавал он здесь, сколько раз проходил мимо этих, до мельчайших подробностей изученных берегов. И все-таки каждый раз переживает заново волнение выхода в море.

— Выходим к точке постановки на якорь! — доложил штурман Ивашенко по переговорной трубе.

«Гремящий» замедлял ход, входя в горло скалистой бухты. Северное сияние померкло, чуть проступали над водой ребристые очертания береговых скал...

Загрохотала якорь-цепь... На мостик взбежал рассыльный.

— Товарищ капитан-лейтенант, радисты докладывают: не могут установить связи с корректировочным постом. Лейтенант Гаврилов на вызовы не отвечает.

Вода фиорда вкрадчиво билась в борта. Влажный мрак залеплял глаза. Комендоры работали у орудий. Гурин и Фокин спустились в радиорубку.

Лейтенант Гаврилов так рассказывал мне о событиях той ночи:

— В штабе познакомили меня с обстановкой. Дали корректировочные таблицы, карту. Перебросили нас четверых в назначенное место, в фиордик на переднем крае.

На катере-охотнике, сами знаете, внизу помещение маленькое, негде повернуться. Разместил я там сигнальщика и радистов, а сам на люке примостился, снаружи. Шли Мотовским заливом. Иногда волна захлестывала, но ничего, укрылся регланом, даже вздремнул малость.

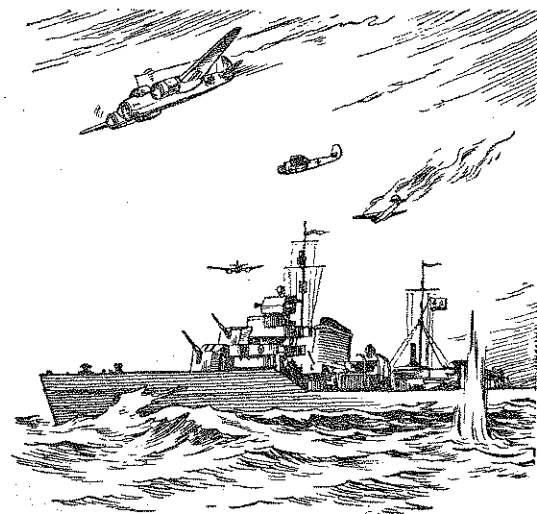
Высадили нас в этом самом — в назначенном — месте. Когда заливом шли, посмотришь кругом — красота какая! Волны фосфорятся, вспыхивают белыми огоньками. А вышли на берег — неуютно. Темнота полная, туман надвинулся, дождь заморосил. Правда, для стрельбы с моря это неплохо — при такой видимости фашистская авиация мешать не будет.

Сошли на камни — скользко, ил под ногами, подъем крутой. Что впереди — неизвестно. Передний край! Может быть, сюда уже егеря добрались. Вынул я из кобуры пистолет, переложил в карман реглана. По карте до места, откуда связь с «Гремящим» устанавливать, кабельтовоов шесть ходу. Как будто близко. Да ведь кругом тьма, сплошные обрывы.

Сигнальщик Онухов оступись, умудрился как-то штык потерять. По скалам мы лазить не привыкли. Шарит Онухов, не находит штыка, что-то шепотом загибает по-матросски. Огня зажечь нельзя, а потеряет штык мой орел — неприятностей потом не оберешься. И до прихода «Гремящего» всего полчаса осталось!

Наконец, нашли мы на дне расщелины штык. Подгребли к месту встречи с армейским связным — как будто то самое место, что обозначено на карте. Остановились. Утесы, дождь, ветер. Может быть, совсем рядом связной, а как о себе дать знать? Пошел я на риск — выстрелил в воздух из пистолета. Выходит кто-то из-за скалы. Всмотрелись — наш советский солдат. «А мы вас давно ждем!» — говорит так внушительно, с упреком. — «Кто это «мы»? — «Да я, — говорит, — жду!»

Повел он нас дальше, туда, откуда с армейским команд-

ным пунктом телефонная связь. Установили мы рацию, даем свои позывные. Нет связи с «Гремящим»! А он, по времени судя, уже должен в фиорде быть. Вскрабкался я на самую высокую скалу, поднял над головой антенну. Ну, думаю, если и теперь не поймает корабль, что делать? Завало всю стрельбу. Однако отозвался «Гремящий»...

Мне с командного пункта стали площади обстрела давать, я их на корабль сообщаю. И вот со стороны моря небо озарилось большой белой вспышкой, а звука еще нет. Потом как загремело! И снаряды ж-ж-жих над головой.

С фронта отклонения сообщают... Даю корректировку. Еще залп. Слышу по телефону: «Хорошо. Минометную батарею разбили. Блиндажи накрыли...» А с моря вспышка за вспышкой. Просят с переднего края перенести огонь на автоматчиков... На фашистский КП.

Наконец сообщают: «В помощи вашей больше не нуждаемся». Стали мы сворачивать аппаратуру. К берегу пошли. И вдруг два мощных взрыва. Как будто с моря. Думаю — неужели торпедировали наш корабль?

Сердце так и упало... Вот ушел с «Гремящего», и как раз такое случилось. Были у нас сведения — вражеская подлодка поблизости от фиорда ходила. Могла залечь под берегом, затаиться, выйти в торпедную атаку.

Спешим к берегу. К тому времени совсем рассвело. Черники кругом, видим, до черта. Все скалы в ягоде. А мы и смотреть на нее не могли, так о корабле затосковали.

Прибежали к катеру. Там тоже взрывы слышали. А откуда — не знают. Подошли мы к другому фиорду, откуда «Гремящий» стрелял. Нет корабля. Но на воде — ни обломков, ни масляных пятен. На душе легче стало. Но все-таки до самого прихода в базу не могли успокоиться, все думали — что это за взрыв такой был?

4

«Гремящий» вел огонь по врагу.

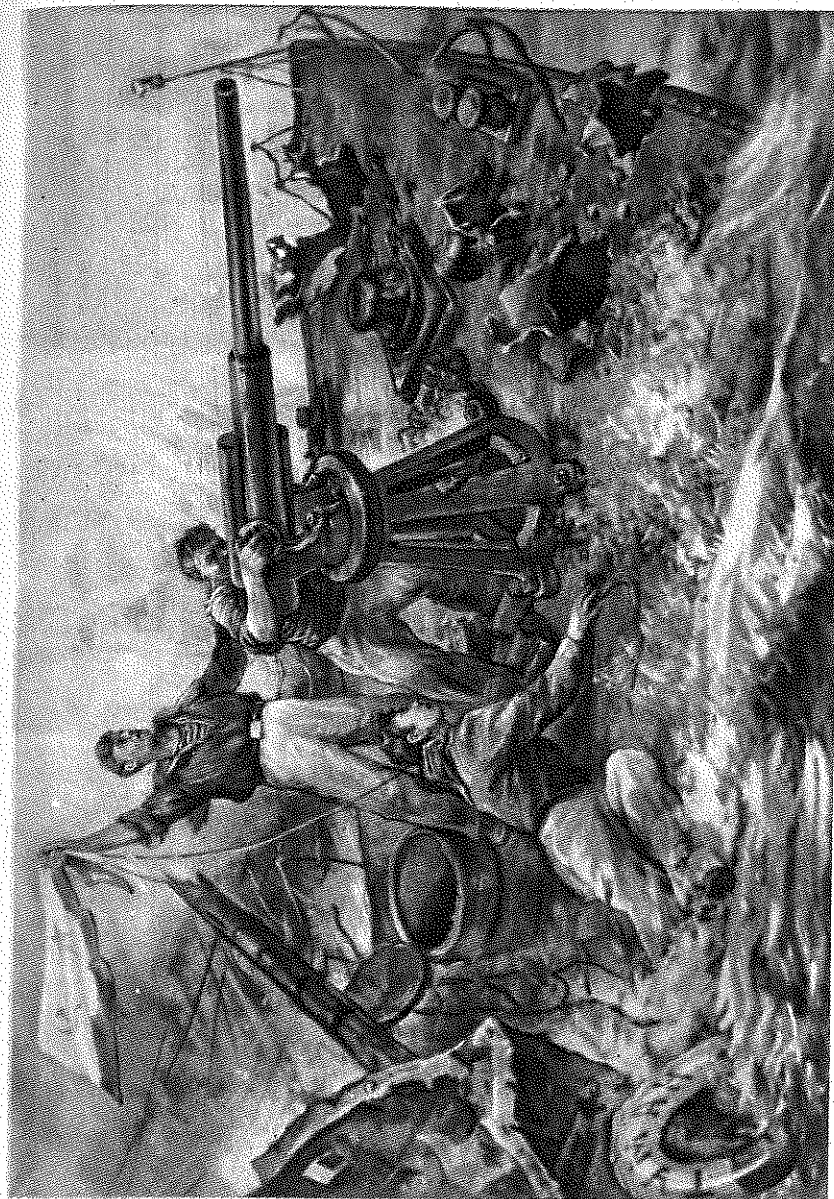
Синеватое мерцание лампочек выделяло из тьмы сложную аппаратуру прицельных приспособлений. На плетеных матах, позади оружейных щитов, лежали рядами стальные конусы снарядов, серебристые картузы зарядов.

Второй снарядный подхватывал с палубы двухпудовый снаряд, подавал товарищу, отправлявшему снаряд в лоток. И подбегавший следом матрос уже протягивал вынутый из картуза заряд...

Замочный выхватывал из-за пояса запальную трубку. Сверкали массивные нарезки закрываемого замка...

Ревун. Залп.

Нестерпимо яркие, прямые огни вылетали из дул. Нужно было успеть зажмуриться на мгновение, чтобы не ослепило залпом. Горячие воздушные волны били по лицам острой пороховой пылью. И снова

Подвиг моряков сторожевого корабля «Туман». 1941 год

С картины художника Р. Френца

Советская подводная лодка ведет артиллерийский бой с кораблями противника
С картины художника Л. Богомолова

комендоры сгибались у пушек, почти автоматическими движениями подхватывали снаряды и заряды.

— Слаженно работают орудийные расчеты, — сказал на мостике Фокин.

Он знал: немало поработали артиллеристы «Гремящего», чтобы добиться этой слаженности. Каждый глубоко и всесторонне изучил материальную часть.

Некоторые установщики прицела еще не так давно неясно представляли себе взаимодействие отдельных частей вертикальной и горизонтальной наводки. Командир боевой части Рудаков сам провел ряд занятий у орудий, по чертежам разъяснял комендорам взаимодействие механизмов.

Командиры орудий Афонин, Таранов, Филь добились того, чтобы любой комендор мог заменить товарища на орудии. Зорко следили все за готовностью пушек к бою. Часто на походе Гурин приказывал дать сигнал учебной тревоги. И расчеты бежали к пушкам, в густой темноте на скользкой, качающейся палубе молниеносно подносили боеприпас, работали с приборами наводки.

— Ревун!

— По врагам Родины огонь!

Содрогался от залпов «Гремящий», снаряды с ревом уносились за сопки, пламя залпов выделяло из темноты потные лица комендоров, угловатые надстройки корабля, высокий мостик, с которого сигнальщики, как всегда, неустанно всматривались в море и в небо.

У одной пушки снарядный Кудрявцев, один из самых молодых матросов «Гремящего», послал, спеша, в орудийный ствол воспламенителем вперед длинный цилиндр заряда.

Мгновенье заминки — и мог получиться затяжной выстрел, пламя опалило бы тогда весь орудийный расчет, вырвавшись из казенной части.

Но первый наводчик Салаутин не растерялся: соскочив со своего сиденья, выхватил из пушки заряд, ловко перевернул, дослал обратно в ствол. Пушка выстрелила без задержки.

— Врага не видим, но бьем его насмерть! — говорил комиссар Рожков, переходя от одного орудия к другому. — лейтенант Гаврилов сообщает: накрыты фашистские блиндажи, горит командный пункт.

К рассвету был получен приказ прекратить огонь. Выбрали якорь. Вздывая широкий бурун, корабль возвращался в базу. Усталые, но счастливые, еще полные возбуждения после успешной стрельбы, спускались в кубрик сменившиеся с вахты комендоры. Задерживались на юте — покурить у обреза.

Старший политрук Рожков — худой, узколицый, в реглане, кое-где побелевшем от морской соли, присел между выюшкой и зенитным автоматом, поднявшим к небу прямой хобот ствола. Вынул кисет с табаком, бумагу, закурил вместе с матросами.

— Ну, герои, лейтенант Гаврилов сообщил — благодарит нас пехота! Неплохо помог друзьям на суше «Гремящий».

Корабль ускорял ход. Внимательно нес вахту у кормового среза, около черных стеллажей с глубинными бомбами, сероглазый минер Осипов. Подошел к обрезу покурить смуглый ловкий командир зенитного автомата Лапин. Из люка возле выюшки, приподняв тяжелую крышку, выглянул, глотнул свежего воздуха, блеснув белыми зубами, отчаянный плясун и футболист Матвеев — и снова исчез в румпельном отделении.

И вдруг две широкие вспышки озарили небо за сопками, донесся немного спустя гул мощных взрывов.

— Похоже — наши пошли в наступление, фашистам в боезапас угодили, — сказал Рожков.

Позже выяснилось — разведчики морской пехоты, продвинувшись вперед во время стрельбы «Гремящего», подорвали боезапас гитлеровской береговой батареи. Это и были те взрывы, которые так взволновали моряков «Гремящего», дававших с берега корректировку.

*Штурман гвардейского эсминца «Гремящий»
ЕМЕЛЬЯН ИВАШЕНКО*

ПЕСНЯ «ГРЕМЯЩЕГО»

Путь море нас штормом встречает —
«Гремящий» не сбавит свой ход,
И стая стремительных чаек
Проводит гвардейцев в поход.

Нам штурман все курсы проложит.
На мостике наш командир.
За счастье, которое жизни дороже,
В бои он не раз нас водил.

Моя подруга, не скучай,
С тобою встретимся мы вскоре.
Мы в бой идем за вольный край,
За наше Баренцево море.

Готовы к борьбе предстоящей,
Торпеды и бомбы «на товсь!»
Огнем своих пушек «Гремящий»
Врага уничтожить готов.

Где враг ни появится — только б
Найти нам его поскорей!
Форсунки «на полный» и в топках
Бушуют потоки огней.

Кончая поход на рассвете,
Когда переливом огней
Навстречу нам Сириус светит,
Приятно подумать о ней.

О ней вспоминаешь все чаще,
И в такт твоим мыслям волной
Качает любимый «Гремящий»,
Идущий с победой домой.

Моя подруга, не скучай,
С тобою встретимся мы вскоре.
Мы в бой идем за вольный край,
За наше Баренцево море!

Артиллерист

Норд-вестом качало полярное море,
Мы курс проложили к чужим берегам
И вышли из базы, чтоб в огненном споре
Настигнуть и уничтожить врага.

На мостике, в сумерках снежных и мгlistых,
Где фосфором светят приборов круги,
Фигура знакомая артиллериста —
На целую голову выше других.

Миль пройдено морем свежающим много,
Отмечены штурманом точно места...
И вдруг — силуэт. Боевая тревога!
Корабль развернулся. Бойцы на постах.

Снаряды в стволах — и движением скорым
Со щелканьем сдвинуты поршни затворов.

Готово! Огонь ты открыть приказал,
И с грохотом вырвался пламенный залп.

А ты наблюдаешь, и воле твоей
Послушны движенья десятков людей.

Корабль маневрирует, ринувшись в бой,
Разрывы снарядов у нас за кормой.

Команда: «Два больше!» и сразу: «Три вправо!»
И враг окаймлен огневою оправой.

Он ищет спасения в быстром движеньи,
Но ты переходишь на пораженье.

Смертельные залпы — противник горит...
Над морем начало полярной зари.

Герой Советского Союза
ВАЛЕНТИН СТАРИКОВ

ПРОРЫВ В ПЕТСАМО

Холодные лучи сентябрьского солнца еще пробивались из-за горизонта, скользя по низким, темным облакам, окрашивая их в оранжевый и бурый цвета. Тени стали длиннее и гуще.

Я только что позвонил по телефону на пирс дежурному соединению подводных лодок, доложив, что мы готовы к выходу в море. В ответ последовало приказание задержаться, пока не вернется с моря другая подводная лодка. Ночью была получена радиограмма. Командир сообщил, что израсходовал боезапас. Ему разрешили оставить позицию и возвратиться в базу. Мы ждали его с большим нетерпением: от него я должен был получить последние данные об обстановке в районе позиции, ибо шел туда же.

Матросы в ватной одежде, в сапогах или обшитых валенках сидели на скамейках, вкопанных в землю, вокруг обреза с водой и курили махорку. Друзья с других лодок, как всегда, вышли их провожать. Некоторые матросы, ведя разговор, прогуливались по пирсу. Каждый, уходя в море, на всякий случай давал своему другу всякого рода поручения. Один просил отправить родным заказное письмо, другой переслать матери деньги, не успев этого сделать сам. Одним словом, почти у каждого, кто уходил в море, находилось какое-либо поручение своему близкому другу, остающемуся на берегу.

Ко мне подошел комиссар нашего подразделения. Он еще раз напомнил мне о той большой ответственности, которую несу я как командир и единственный коммунист на лодке, экипаж которой почти целиком состоял из комсомольцев. Затем стал расспрашивать меня о людях, их настроениях. Я вскоре почувствовал, что комиссар, спрашивая меня о том или ином матросе и офицере, делал это скорее не для того, чтобы убедиться в правильности собственного представления о человеке, а чтобы проверить, насколько хорошо я знаю свой экипаж, помочь мне советом, если я в ком-нибудь ошибался.

Разговор был прерван сообщением, что в базу входит ожидаемая нами подводная лодка. Действительно, из-за мыса уже показался ее смутный силуэт. Два орудийных выстрела раскатисто прогремели в гавани, стесненной высокими берегами. Эхо гулко прокатилось в горах. Это был салют лодки, возвратившейся с победой. Два выстрела означали, что потоплено два транспорта противника...

* * *

Мы отходили от пирса. Черная тень, падавшая от причала, удалялась от нас все дальше и дальше, теряясь на общем фоне затемненного берега. Солнце уже давно зашло. Видимость из-за сплошной облачности была неважная, но достаточная для того, чтобы ориентироваться по затемненным створным огням. Эти огни, казалось, были нашими последними провожатыми и долго еще светили нам вслед. Но скоро и они исчезли, растворившись во мраке.

Погода свежела, качка с каждым часом усиливалась. На мостике стало холодно и сыро. Брызги то и дело обдавали голову и плечи. Когда прошли последнюю линию дозора, я проинструктировал вахту и спустился вниз к штурманскому столу, на котором лежала навигационная карта с проложенными на ней курсами. Я был уверен, что все на своих местах и каждый матрос знает свои обязанности.

Уверенность командира в своих людях появляется в результате тесного общения с ними не только в море, но и при стоянке в базе, в результате повседневного изучения их настроений, наблюдения за тем, как они относятся к делу, как выполняют свой воинский долг.

Если командир не знает своих людей, он не может быть уверен в том, что каждая отданная им команда будет быстро понята и правильно выполнена.

Командир, изучивший свой экипаж, знает слабые и сильные стороны каждого офицера, старшины и матроса. Он знает, кого можно послать на палубу ночью во время сильного шторма, знает, что, если на вахте стоит новичок, способный растеряться при внезапной перемене обстановки, отдыхать надо «одним глазом».

...За вечерним чаем обменивались мнениями о походе только что вернувшейся лодки.

— Товарищ командир! Мы пойдем в Петсамо? — как бы невзначай спросил меня инженер-механик лейтенант Смычков.

— Не знаю, — ответил я и внимательно посмотрел на него, стараясь по выражению лица, глаз, по тону голоса уловить, почему он вдруг задал этот вопрос.

— Я думаю, наш экипаж подготовлен к такой операции не хуже других, — заявил мой помощник старший лейтенант Шекин. — Но никто не станет рисковать кораблем и людьми во имя спортивного интереса. Пойдем, если в этом возникнет необходимость.

— Алексей Семенович, безусловно, прав, — добавил я, обращаясь к Смычкову. — Нельзя так ставить вопрос: пойдем в Петсамо или не пойдем? Все будет зависеть от обстоятельств.

— Согласен, — примирительно откликнулся Смычков и добавил: — А мне очень хотелось бы побывать там.

Это было сказано просто, искренне, чистосердечно и рассеяло все мои сомнения.

Четверо суток пребывания на позиции не принесли никаких результатов. Бесперывный поиск у берегов противника пока что был бесплодным. И море и берега пустыньны. Лишь кое-где, словно прильнув к расщелинам, ютятся маленькие деревянные постройки, да темные жерла береговых орудий торчат над гранитными глыбами...

Наступила пятая ночь. Через десять минут всплытие. Каждый скручивает себе из газеты «козью ножку» и набивает в нее чуть ли не полпачки махорки, чтобы накуриться сразу за все время, проведенное под водой.

Заядлые любители курева приучились утолять свою табачную жажду и в подводном положении. Одни пытаются сосать махорку, другие по нескольку часов не вынимают изо рта пустой прокуренной трубки, третьи — более терпеливые, все чаще и чаще посматривают на часы, подсчитывая, сколько осталось до всплытия. Старшины и матросы уславливаются между собой, кому первому выходить на перекур.

Раздается сигнал к всплытию. Все вмиг разбегаются по своим местам. Вахтенный сигнальщик с биноклем, висящим на шее, стоит уже в боевой рубке, где свет погашен, чтобы глаза смогли привыкнуть к темноте. Акустик внимательно вслушивается в морские шумы. На поверхности штормит.

Работают помпы — осушаются трюмы. Наконец инженер-механик докладывает о готовности к всплытию.

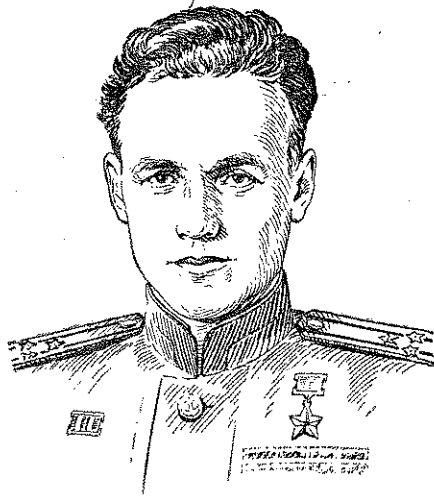
«Горизонт чист!» — раздается громкий, уверенный доклад акустика из рубки.

Боцман перекладывает рули, исполняя команду «всплывать». Старшина трюмных машинистов быстро открывает воздушный клапан: раздается сильный гидравлический удар и громкое шипение воздуха, вытесняющего воду из системы. Лодку раскачивает с борта на борт. Отдраивается люк. Через образовавшуюся щель с глухим шумом вырывается наружу тяжелый, спертый воздух, которым мы дышали много часов.

Свежий воздух действует опьяняюще, кружит голову. На мостик выскакивает сигнальщик и, быстро осмотревшись, докладывает:

— Горизонт чист.

Несколько раз чихнув, дизель развивает обороты. Лодка, вздрогнув, устремляется вперед, борясь с атакующими ее волнами. Один за другим поднимаются в рубку матросы и жадно затягиваются табачным дымом. Первую минуту все молчат, затем начинается разговор, и то вполголоса, чтобы вахта в центральном посту могла слышать все команды вахтенного офицера.

Герой Советского Союза
капитан 1 ранга
Валентин Георгиевич Стариков

Началась зарядка аккумуляторной батареи. Изрядно вымокнув наверху, я спустился вниз и стал слушать работу приемника в радиорубке. Радист Лебедев что-то быстро писал на бланке. Через минуту он вручил мне радиограмму с известием, что в районе «Л» в 16.00 обнаружен конвой противника в составе двух больших транспортов и шести сторожевых кораблей охранения, идущий в Петсамо.

«Этот должен быть наш», — подумал я.

Определили, что противник подойдет к Петсамо не раньше четырех часов. До этого времени мы успеем закончить зарядку и за два часа до вероятного подхода конвоя будем ждать его у входа в бухту. Правда, эти расчеты требовали некоторого уточнения. Следовало также

иметь в виду второй вариант атаки, если мы пропустим противника и не сможем перехватить его перед входом в порт.

Решение принято. Офицеры поставлены в известность о двух возможных вариантах.

Зарядку аккумуляторной батареи закончили. Мне лично оставалось окончательно продумать план действий с учетом возможных неожиданностей. Много было продумано раньше — еще до выхода в море.

В час ночи мы подошли к точке погружения. Двигаться дальше в надводном положении было опасно: мы вошли в зону действия наблюдательных постов противника. Через полтора часа достигли входа в порт.

Команда отдыхала, и только одна смена, молча, сосредоточенно, несла вахту.

Рулевой горизонтальщик не отрывал глаз от дифференциатора и глубомера. Время от времени он переключивал горизонтальные рули, держа заданную глубину. В боевой рубке, окутанный полумраком, прижавшись левым плечом к борту, неподвижно застыл рулевой Соколов, который всего лишь две недели тому назад прибыл на лодку и за время похода успел освоить управление вертикальным рулем в подводном положении.

В лодке стояла напряженная тишина, которая прерывалась лишь слабым, убаюкивающим свистом воды, обтекавшей борт, однотонным гудением гирокомпаса да временами шумом электрических приводов рулей.

Попытка обнаружить противника при входе в Петсамо оказалась безуспешной. По всей вероятности, корабли врага, имея большую скорость, прошли в порт раньше того времени, когда мы достигли предполагаемого района встречи.

В девять ноль-ноль, выслушав доклад штурмана относительно нашего места, я отдал приказание ложиться на курс, ведущий в порт Петсамо. Нужно было приступить к осуществлению второго варианта атаки — прорваться в порт и атаковать транспорты там, не дав им возможности разгрузиться.

* * *

День был солнечный, но ветренный. Белые барашки, бежавшие по воде, маскировали бурун, образующийся от перископа. Это обстоятельство позволяло нам всплывать, не подвергаясь особому риску быть обнаруженными.

По кораблю объявлен ранний завтрак. Разговоров не слышно. Все думают о предстоящем бое, о том, что ждет нас в ближайшие часы и минуты.

— Пришли в точку! — доложил штурман.

Серединой узкого прохода мы шли в бухту — логово врага.

Я решил пройти по отсекам, побеседовать с личным составом. Молодого торпедиста Матяжа спросил, не растеряется ли он, если будет трудная обстановка.

Матяж ответил просто и ясно:

— Зачем теряться, товарищ командир, от этого совсем плохо бывает. Теряться нельзя.

Открытый взгляд его немного раскосых черных глаз подтверждал, что он говорит именно то, о чем думает.

В другом отсеке старшина группы электриков Мартынов, не стесняясь, спросил меня:

— Мы в Петсамо идем по приказанию, товарищ командир?

— Нет, а что? — ответил я на вопрос вопросом.

— Да так просто, — немного замаялся Мартынов.

— Вы боитесь? — по-товарищески спросил я, стараясь вызвать его на откровенность.

— Как вам сказать! Немножко страшновато, — уже улыбаясь, ответил он.

— Чего же страшного, ведь вы идете не один, а с нами вместе, — шутивым тоном сказал я.

— Это верно, товарищ командир. Вместе-то не страшно. Главное, застать бы там кого-нибудь... Чтобы игра стоила свеч.

Секретарь комсомольской организации Лебедев на мой вопрос: «Ну как настроение?», выражая общее мнение, ответил: «Экипаж наш комсомольский, и не к лицу нам бояться трудностей».

Эти короткие беседы убедили меня в том, что матросы выдержат любые испытания, только бы уничтожить врага.

Нелегко командиру принимать решение. На его плечи ложится труднейшая задача — создать условия, при которых экипаж сможет с честью выполнить свой воинский долг. Малейшая оплошность или растерянность командира могут привести к катастрофе.

— Через десять минут входим в фиорд, — доложил мой помощник.

Я подошел к столу, на котором в развернутом виде лежала карта, и задумался над тем, что нас ждет впереди. Хотелось лишь одного — во что бы то ни стало прорваться к цели и уничтожить ее.

— Алексей Семенович, — обратился я к Щекину, — следите за счислением, через полчаса всплывем под перископ. Если нам никто не помешает — осмотримся, определимся. Поста́м противника трудно будет обнаружить нас далеко внутри фиорда.

Все лишние механизмы с целью уменьшения шумов было приказано выключить, в том числе даже систему регенерации воздуха. За бортом был едва слышен слабый свистящий звук гребного винта.

Все на своих местах: одни стоят, облокотясь на что-либо, другие, глядя в трюм, сидят над раскрытым люком палубного настила, третьи, присев на корточки, задумчиво теребят в руках ветошь. Лица у всех напряженно сосредоточены.

Мне показалось, что в лодке стало прохладно. Я накинул реглан. Время тянулось мучительно медленно. Сознание возрастающей опасности, навстречу которой мы шли, заставило меня еще раз проанализировать свое решение, оценить все шансы за и против.

«Все ли достаточно надеются на себя?» — подумал я и внимательно посмотрел на тех, кто находился поблизости. Что-то прекрасное было в каждом лице, выражавшем весь внутренний мир, все богатство большой души советского человека. Общая цель, высокое сознание воинского долга и, если хотите, хорошо сознаваемая всеми опасность как-то по-особому сплотили людей.

Как ни странно, но мне показалось, что только сейчас я узнал этих людей такими, какие они есть. И они стали мне еще более близкими и родными.

Война только что началась. И я сам не мог еще уверенно сказать: годен ли я для войны, смогу ли выдержать ее суровые испытания, сумею ли подавить в себе присущие всем людям те или иные слабости и оправдать свое назначение? То, что ожидало нас, было серьезным экзаменом для меня и всего нашего экипажа.

Ожидание становилось невыносимым. Каждому хотелось чем-то занять себя, отвлечься хотя бы на короткое время. Мне не терпелось подняться в рубку, осмотреться, и я с трудом сдерживал себя, чтобы не надеть глупостей. Поднять перископ раньше времени — значит испортить все дело. Нужна выдержка. Годами воспитывается это необходимое качество командира-подводника. Все его действия в бою должны подчиняться только здравому смыслу и расчету. Удаливость, наступатель-

ный порыв, как следствие пылкого темперамента, — хорошие качества военного человека, но при известных условиях. В подводном же флоте более, чем где бы то ни было, нужно держать темперамент под контролем рассудка.

Мы медленно входили в фиорд.

Наконец подошло время всплыть под перископ. Даю команду. Боцман быстро вращает штурвалы, переключает рули на всплытие. Стрелка глубомера медленно подходит к цифре, отмечающей перископную глубину.

Я уже был в рубке и терпеливо ожидал момента, когда можно будет поднять перископ. Следя за дифферентом и глубиной, нажал электрическую кнопку, и перископ с шумом пошел вверх. Мы больше всего опасались, чтобы малоизвестным нам течением не оказаться отгесненными к берегу. Поэтому, как только был поднят перископ, я прежде всего оценил наше место относительно берегов.

Вот что представляла собой картина окружающего нас внешнего мира, каким я его видел в перископ. Справа и слева возвышались отвесные, обрывистые, двухсотметровой высоты скалистые берега. Ощущение такое, будто мы находимся в каком-то глубоком колодце с отвесными гранитными стенами. Поэтому и фиорд казался более узким, чем он был в действительности. Впереди выступал темный мыс, резко выделявшийся на ярко освещенной солнцем поверхности залива. За этим мысом находилась гавань, которая была сейчас нашей заветной целью. В тот самый момент, когда я намеревался опустить перископ, в поле зрения пролетела чайка; ее неожиданное появление заставило меня вздрогнуть.

Снова погрузились. Я подошел к карте, на ней уже было нанесено наше место.

Мой помощник, работая со штурманом, не ошибся в расчетах — истинное место лодки почти совпало со счислением. Теперь более уверенно, но попрежнему осторожно, крадучись, мы продолжали идти вперед. Если мы не обнаружили себя и нам не помешают, через полчаса будем в гавани.

По расчету мы уже подходили к мысу, от которого следовало сделать поворот, так как прямо по носу в 500—600 метрах находился берег. Снова всплыли под перископ и во-время: из-за мыса открывалась гавань. Я подал команду приготовить аппараты к выстрелу и с замиранием сердца принялся рассматривать порт.

Показалось, что на рейде пусто: не было видно ни одного корабля. Меня охватило неприятное чувство: неужели и здесь опоздали? Я видел весь южный берег гавани: пустой причал, немного в стороне от него, на возвышенности, знакомая по рассказам разведчиков гостиница, окрашенная в белый цвет, где жили немецкие офицеры. Вращая перископ в сторону гавани, напряженно, до режущей боли в глазах, всматривался в береговую черту, прощупывая взглядом каждый камень, каждую складку местности.

И вдруг кровь прилила к голове: у западного причала, тесно прижавшись друг к другу штевнями, стояли два транспорта. Один — товаро-пассажирский с белой палубной надстройкой, другой — грузовой. Первый водоизмещением десять-одиннадцать тысяч тонн, а второй — семь-восемь тысяч. Разгрузочные стрелы на них были приподняты. На гафелях развевались красные флаги со свастикой в белом круглом поле.

Чувство неудержимой радости охватило меня, и я крикнул: «Транспорты!»

Команды одна за другой быстро понеслись по отсекам, еще быстрее шли доклады об исполнении. Даю команду на руль — лодка медленно покатила вправо. Тесная гавань позволяла стрелять торпедами только на медленной циркуляции.

Решение возникло сразу — топить оба транспорта. Осторожность действий меня уже почти не занимала, о скрытности поздно было думать. Мы прорвались к цели, обманув бдительность врага. Нам удалось пройти у него под носом незамеченными, и теперь все в наших руках. Крест нитей перископа медленно наползал на нос переднего транспорта.

— Пли!

Через несколько секунд я снова подал эту команду. Сильный толчок в корпус лодки был своеобразным сигналом — торпеды вышли из аппаратов. На поверхности воды появились голубые полосы. Вот они пересекли поле зрения перископа и, быстро вытягиваясь, как по линейке, устремились в сторону противника.

Лодка пошла носом вверх — начала быстро всплывать. Нужно было, не теряя ни секунды, погрузиться, чтобы не подставить себя под обстрел береговых батарей.

В центральном посту началось движение. Инженер-механик не отрывая глаз от контрольных приборов. Он, кажется, ничего не замечает вокруг себя и не слышит ничего, что не имеет отношения к его ответственной работе. Время от времени жестами правой руки он отдает своеобразные «команды». Их может понять только трюмный Тюренков, привыкший к этому немому языку. Тюренков следит за каждым движением своего командира. Одной рукой старшина виртуозно управляет реостатами помп, другой быстро находит, открывает или закрывает нужный клапан среди десятков других таких же клапанов, уверенно направляет быстрые потоки воды по нужным каналам в этом сложном лабиринте трюмной водяной системы, напоминающей кровеносную систему живого организма. Растеряйся он и открой тут же рядом расположенный такой же по виду клапан — и все дело будет испорчено. Тюренков внешне спокоен, не суетлив, но быстр в движениях. Закончив одну манипуляцию и доложив об этом стоящему рядом с ним инженер-механику, он переходит к другой, третьей...

— Лодка погружается! — доложил боцман Хвалов, стоящий на горизонтальных рулях.

— Загнали, наконец, — облегченно сказал Смычков.

В центральном посту снова стало тихо.

Два глухих мощных взрыва за кормой отчетливо дошли до нашего слуха, и затем словно охотничьей картечью кто-то обсыпал весь корпус лодки. Это дошла до нас отраженная взрывная волна.

— Наши торпеды! — громко доложил мичман Иванов из первого отсека.

Да, это были взрывы наших торпед.

Увеличив ход до среднего, мы легли на обратный курс. Конечно, было бы лучше увеличить ход до полного, но на это я решиться не мог. Неизвестно, что ждало нас впереди, а пока требовалась строгая экономия электроэнергии.

Первые пять минут после взрыва торпед никто в лодке не разговаривал. Однако понемногу напряжение спадало, послышались разговоры, кое-кто высказал мнение, что за свой непрошенный «визит» мы, видимо, отделаемся очень легко, что наш удар был внезапен и противник до сих пор не может прийти в себя.

И действительно, мы шли уже восемь минут, а погони еще не было слышно. Невероятно, но факт! Идя сюда, я ожидал всего, но никак не допускал мысли, что нам удастся уйти безнаказанно. Послышались шутки. Матросы, глядя друг на друга, смущенно улыбаются, как бы признавая за собой вину в том, что слишком переоценили ожидаемую опасность. Как будто каждый говорил себе: «Черт оказался не таким уже страшным, каким мы размалевали его в своем воображении». Те, кто до зала держал себя молодцевато, несколько кичились этим, другие, не сумев скрыть волнения, сейчас старались скромно отмолчаться. Настроенные экипажа заметно поднималось.

Стало немного шумно, но я умышленно не вмешивался в разговоры. Возрастающая уверенность людей, что все обошлось как нельзя лучше, придавала им новые силы, которые могли понадобиться, быть может, в самое ближайшее время. Я не разделял общего настроения. Противник в Петсамо достаточно опытен. Ему уже приходилось иметь дело с советскими подводными лодками, и молчание его неспроста. Он, конечно, имеет силы для преследования нас, и вопрос только в том, через сколько времени сможет появиться над нами и где мы будем в этот момент, как далеко от выхода из фиорда.

— Где мы находимся? — спросил я у помощника, который, нагнувшись над столом, почти не отрываясь от карты, с исключительной педантичностью почти каждую минуту отмечал точками наше место.

— Как раз над тем пунктом, где лодка нашего предшественника упала на грунт, — сказал Шекин и наколот ножкой измерителя наше предполагаемое место.

Я взглянул на карту: мы находились на середине фиорда, перед самой узкой частью его.

Время шло. Противник не давал о себе знать, и многие уже забыли об опасности. Обмен впечатлениями о пережитых событиях был основной

темой разговора в отсеках. Голоса становились все громче и возбужденнее. Мало-помалу в разговор начали втягиваться и офицеры.

В центральном посту около боцмана сидел Смычков и мечтал об обеде.

— Поросенка бы сейчас с гречневый фаршем... Ух, и разделали бы мы его... Как ты думаешь, Леша? — смеясь, обратился он к Щекину, который, облокотясь на штурманский стол, стоял в невозмутимо спокойной позе и, казалось, не слушал своего приятеля. Но после продолжительной паузы Щекин сказал:

— На это я тебе потом отвечу...

— Когда же? — снова спросил Смычков, немного удивившись, но Щекин промолчал. Смычков глубоко вздохнул. Через минуту он уже с аппетитом

доедал шпроты, на всякий случай оставленные им, повидимому, еще от завтрака. Мичман Иванов в это время всю орудовал на камбузе, приготавливая щи и второе. Из отсека уже потянуло запахом свежих щей.

В лодке стал ощущаться недостаток кислорода. Чтобы не вызывать лишнего шума, я воздерживался запускать систему регенерации. Дышать становилось все труднее. Любое движение вызывало сильную одышку. Боцман Хвалов, широко расставив ноги, с трудом медленно раскручивал литые колеса штурвалов ручного привода горизонтальных рулей. В нормальных условиях, при ежедневной проверке механизмов, Хвалов крутил их так, что колесо развивало скорость не менее ста оборотов в минуту. Сейчас у него был вид сильно уставшего человека. Влажные волосы в беспорядке слиплись на лбу. Не имея возможности освободить руки, он поминутно сдувал с кончика носа крупные капли пота.

— Тяжело, товарищ Хвалов? — спросил я.

Хвалов резко повернул голову. Лицо его мгновенно расплылось в широкую добродушную улыбку. Хриплым голосом он ответил:

— Немножко устал, но это ничего, только бы выйти отсюда скорее.

Эта мысль занимала, конечно, не только одного Хвалова. Каждый думал о том же. То и дело кто-нибудь украдкой поглядывал на судовые часы, торопя время, которое, казалось, шло слишком медленно.

— Осталось две минуты до подъема перископа! — доложил штурман.
— Наконец-то. Сейчас всплывем и осмотримся. Если наверху все благополучно, то, пожалуй, действительно можно надеяться на благоприятный исход дела, — подумал я.

Но не успел я дать команду всплывать, как почувствовал, что мы пошли с дифферентом на корму. Я повернулся лицом к глубомеру и дифферентометру. Дифферент продолжал увеличиваться, лодка всплывала.

— Вы что, спите, боцман? Я же не давал приказания всплывать. Отводите дифферент, черт побери! — крикнул я не сдержавшись. Лодка могла вот-вот проскочить перископную глубину и вынырнуть.

В центральном посту началось движение, необычное для нормального всплытия, и через несколько секунд Хвалов громко и взволнованно доложил мне, что лодка не слушает рулей.

«Вот и началось», — подумал я, не понимая еще, что случилось. В первую секунду я, признаюсь, растерялся, не знал, что предпринять, так как не мог сразу понять причины столь странного поведения нашего корабля. Но замешательство, охватившее меня, продолжалось только один момент. Сознание ответственности за корабль и людей заставило меня быстро овладеть собой и собраться с мыслями. Самым правильным в этой неожиданно сложившейся ситуации было решение дать полный ход назад и разобраться в обстановке. Так мы и сделали.

Носом показались на поверхность. Нас, вероятно, заметили. До выхода из фиорда еще далеко, а препятствие впереди может задержать нас.

Не зная точно места нахождения подводной лодки, противник имеет мало шансов на ее уничтожение глубинными бомбами. Но мы были в худшем положении: враг знал, где находится наша лодка. Продувая систерну и снова ее заполняя, мы вынуждены были каждый раз выпускать наружу воздух. Воздушный пузырь под давлением в три и больше атмосферы с шумом вырывался из-под открытого клапана вентиляции и, дойдя до поверхности воды, разрывал ее, образуя при этом огромную пенистую шапку площадью в несколько квадратных метров.

Подводная лодка невольно каждый раз точно показывала свое место, давая противнику прекрасный ориентир для бомбометания.

Положение осложнилось: впереди препятствие, характер которого установить пока еще трудно. Наверху слышны разрывы ныряющих снарядов береговых батарей, сзади приближаются катера-охотники, шумы их винтов становятся все яснее.

Полный ход назад вернул лодку в нормальное положение, она снова стала управляемой. Но уже появились корабли противолодочной обороны.

Каждая минута промедления смертельно опасна. Даю самый полный вперед в надежде прорвать препятствие и вырваться из фиорда, но лодка снова перестает слушаться управления и на этот раз стремительно идет на глубину, быстро увеличивая дифферент на нос.

Мне стало ясно: препятствие, выросшее впереди и не пропускающее нас, — противолодочная сеть. Попали в западню. Впереди — сеть, может быть, с патронами, сзади — замкнутый контур гавани противника. Всплывать нельзя — явись жертвой сосредоточенного артиллерийского огня. Фашистские подводные лодки, попадая в подобное положение, обычно всплывали с белым флагом. Для советских людей это не выход: если все возможности прорваться исчерпаны, они предпочтут смерть позору.

Предпринимаем еще несколько попыток прорваться через полотнище сети, но тщетно. При последней попытке лодка запуталась носовыми горизонтальными рулями в ячейке сети. Ни сильный передний ход, ни самый полный назад, ни раскачивание кормовой части по глубине и по горизонту путем работы винта и продувания кормовой группы систерн — ничто не могло вырвать лодку из цепких объятий сети.

Воздух и электроэнергия иссякают так быстро, что их хватит не больше, чем на полтора часа борьбы за жизнь. Где-то рядом рвутся бомбы, взрывы их совпадают с моментом, когда мы стравливаем наружу воздух из средней систерны. Отдельные взрывы совсем вблизи от борта, но мы во-время смещаемся в сторону от места, где всплывает пузырь, и лодка уклоняется от прямых попаданий. Сторожевые суда противника подошли к сети и стоят, слышна работа их моторов на холостом ходу. Создается впечатление, что и бомбить-то нас они как следует не собираются. Стоят и ждут, ждут, когда мы всплывем. Но плохо они знают советских подводников...

Мы могли всплыть, но только для того, чтобы сделать последнюю отчаянную попытку прорваться над сетью или, не колеблясь, принять смерть, дорого отдав свои жизни. Но этот момент еще не наступил.

Снова я приказал дать самый полный назад и все свое внимание сосредоточил на контрольных приборах управления. Почти одновременно последовал доклад старшины группы электриков Мартынова, того самого Мартынова, с которым я беседовал по душам накануне прорыва в гавань. В его голосе не было слышно страха или подавленности, наоборот, докладывал он бодро. «Крепитесь парень, молодец», — подумал я.

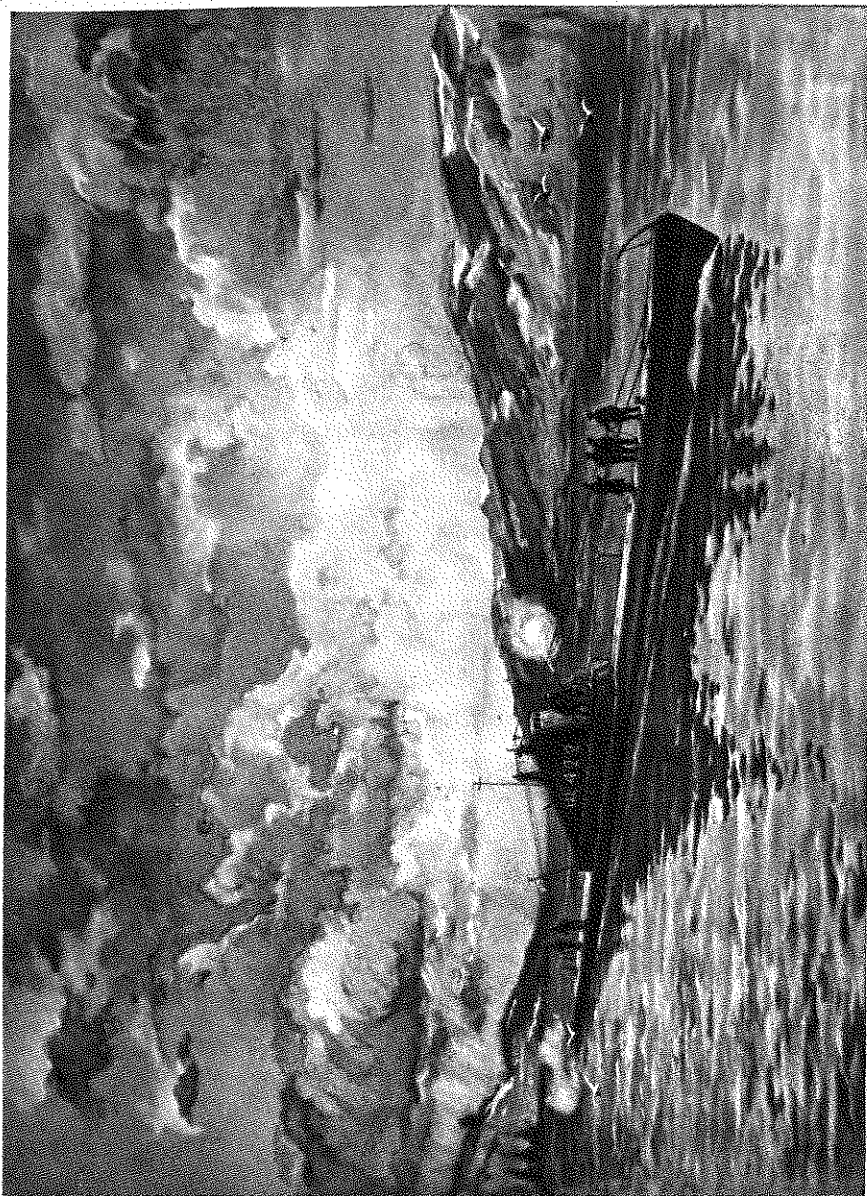
Лодка сильно задрожала, и винт за кормой загудел от быстрого вращения. Сначала очень медленно, потом все быстрее и быстрее рос диферент на нос. Пузырек диферентометра подходил все ближе к границе шкалы прибора. Наконец, он скрылся за металлической обоймой. Трудно было судить о величине диферента, — прибор уже ничего не показывал, но каждый из нас, затаив дыхание, чувствовал, что диферент продолжает расти. Я вздрогнул, когда на палубу упали и затем покатались по ней какие-то тяжелые предметы.

Смычков схватил меня за руку и с тревогой напомнил, что диферент увеличивать больше нельзя — может разлиться электролит аккумуляторов, и тогда все кончится. Пожар, взрыв...

У берегов врага

Линогравюра художника В. С. Бибинова

Возвращение с победой. 1943 год

С картины художника В. Сенчукова

Напоминание было излишне. Я отлично помнил об этом и сам, но надеялся, что, прежде чем это произойдет, мы сумеем вырваться из цепких объятий сети.

Дифферент продолжал расти. Нервы напряжены до предела. Командиры аккумуляторных отсеков Зубков и Облицов застыли, низко склонившись над открытыми лючками аккумуляторных ям, направив электрические фонарики на крышки контрольных элементов. Наблюдающему со стороны показалось бы, что они вот-вот крикнут нечто такое, что всех приведет в ужас. У меня было ощущение, что я тоже не выдержу и прикажу остановить ход. Холодный пот выступил на лбу. Сзади кто-то тяжело дышал. Сухость во рту и в глотке вызывала какое-то неприятное колющее ощущение... Вдруг легкий рывок, и быстрое изменение дифферента. Пузырек дифферентометра снова показался из-за «железки» и побежал к нулевому делению шкалы, стрелка глубомера вздрогнула, пошла влево...

— Вырвались! — почти одновременно не воскликнули, а скорее прокричали несколько человек, стоящих возле меня.

— Держите глубину тридцать метров, — приказал я боцману, который уже переключивал рули.

Но мы не вырвались. Мы только оторвались от сети. Начались новые попытки прорваться, но уже не путем разрыва, а путем обхода препятствия.

На двадцатой минуте после тщетных поисков прохода, скользнув бортом вдоль сети, мы снова за что-то зацепились. Лодка потеряла ход и стала тонуть кормой. Но нам удалось развернуться. На этот раз мы быстрее освободили нос, хотя и велик был риск — намотать части сети на винт.

Я решил предпринять попытку вырваться в море, поднырнув под сеть. Отдал приказание идти на предельную глубину погружения. Медленно пошли на глубину, имея небольшой дифферент на нос. Наверху, где-то в глубине фиорда, снова послышались взрывы. Каждый взрыв сопровождался миганием электрических лампочек, осыпалась пробка теплоизолирующего покрытия, но никто уже не обращал на это внимания.

Еще одно неприятное обстоятельство давало себя знать — недостаток кислорода. Трудно двигаться, сосредоточиться на чем-нибудь. Сердце учащенно билось, началась одышка. Люди в трюмах обливались потом. Я приказал включить регенерацию и дать в лодку кислород.

Мы начали очередной штурм сети.

Боцман, на которого были устремлены все наши взоры, мог первым почувствовать малейшее изменение в поведении лодки, но он стоял спокойно. С момента, как был дан малый ход, прошло около десяти минут. Вдруг лодка снова начала терять управление, дифферент пошел на нос, на предельной глубине погружения оказалась все та же сеть. Я остановил ход, выжидая, когда лодка, погрузившись еще глубже, медленно выравнивает дифферент.

Сильное обжатие корпуса уже давало себя знать: стальная оболочка слегка пощелкивала.

«Хоть бы снова не запутаться на этой, уже смертельно опасной глубине, где каждый метр погружения создает для лодки угрозу быть раздавленной силой забортного давления», — подумал я.

Даю самый полный вперед. Команда быстро выполнена. Но вновь произошло что-то неладное. Лодка опять ткнулась носом в сеть, не прорвала ее, потеряла ход и стремительно пошла на глубину. По всем отсекам пронесся неимоверной силы треск. Палубный железный настил выпучивался под ногами. «Слезы» заструились в местах соединения забортной арматуры с прочным корпусом. Еще секунда — и все было бы кончено. Но... приказ об аварийном продувании группы систем и самый полный назад были выполнены мгновенно: лодка медленно пошла на всплытие.

Итак, сеть непреодолима, а энергоресурсы неумолимо истощаются. Что делать? Неужели все кончено?

За бортом послышалась серия взрывов. Это корабли противника сбросили малые бомбы, да, к счастью, и на сей раз мимо.

У меня возникло еще одно, кажется, самое последнее решение. Мичману Иванову приказал собрать ручные гранаты и открыть артиллерийский погреб.

Скоро в люке кормовой переборки центрального поста показалась голова Иванова.

— Гранаты собраны, товарищ командир, — тихо, сдерживая волнение, доложил мичман.

— Откройте крышку артиллерийского погреба, — приказал я ему.

— Есть, — ответил Иванов.

Заметив вопросительные взгляды Смычкова и Щекина, я посвятил их в план дальнейших действий.

— Я не вижу возможности преодолеть сеть под водой, надо сделать последнюю попытку проскочить над сетью. Мы используем внезапность нашего появления и неизбежное замешательство противника, откроем артиллерийский огонь по ближайшим кораблям и дадим одновременно полный ход вперед. Противник, разумеется, также будет вести огонь из всех видов оружия, в том числе и из пулеметов, стремясь уничтожить всех, кто окажется на мостике. Жертвы неизбежны, но во время перестрелки мы успеем миновать сеть и погрузиться. На случай, если не сможем погрузиться и противник попытается захватить нас в плен, я и дал приказание держать наготове артиллерийский погреб... По всплытии я и часть артиллерийского расчета выйдем наверх с ручными гранатами. Очень возможно, что нам придется вступить в рукопашную схватку. Две гранаты возьмите вы, Смычков. Вы бросите их в артиллерийский погреб по приказанию с мостика: «Взорвать корабль». Мой помощник будет находиться в рубке и, если я выйду из строя, вступит немедленно в командование кораблем, — сказал я Смычкову и пристально посмотрел ему в глаза. Взгляд его был чист и спокоен.

Смычков поспешно рассовал гранаты по карманам кофачки.

— Ваше приказание будет выполнено! — спокойно ответил он.

Я посмотрел на окружающих. Хотелось увидеть, как восприняли мое решение все остальные. Не было никаких сомнений в том, что каждый, кто находился в центральном посту, слышал то, о чем я говорил намеренно громко, но все делали вид, что заняты только своим делом. Зубков, сидевший попрежнему у открытой переборки центрального поста, когда наши взгляды встретились, низко опустил голову и начал старательно вычерчивать гвоздем какой-то вензель на краске переборочного комингса.

Признаться, его взгляд несколько смутил меня. Мне показалось, что Зубков да и другие товарищи безмолвно спрашивают меня: нет ли другого, более надежного и менее рискованного выхода из положения?

«В самом деле, — подумал я, — люди нашего экипажа привыкли исполнять все мои приказания. Они, не колеблясь, исполнят и последний мой приказ. Погибнут все, как один, смертью героев, хотя об этом, быть может, никто и никогда не узнает. Просто где-то в официальном документе будет отмечено, что подводная лодка по неизвестным причинам не вернулась с моря... Как смогут узнать наши товарищи о том, что мы дорогой ценой отдали в бою свои жизни и до последнего вздоха были верны Родине и Коммунистической партии».

Я мучительно ишу этот другой выход. Чтобы выиграть еще несколько минут, приказываю дать задний ход.

— Товарищи, — обратился я к окружающим. — Мы находимся в сложной обстановке. Мне надо принять очень ответственное решение. За вами остается право совещательного голоса. Я готов выслушать каждого, пока позволяет время. Прошу докладывать, только как можно короче.

Первым взял слово Смычков.

— Лучше достойная смерть, чем позорный плен, — сказал он. — Но ведь у нас еще есть воздух и электроэнергия. Мы можем еще держаться, товарищ командир!

— Да, какое-то время мы продержимся, — согласился я. — А что будем делать, когда у нас полностью иссякнут энергоресурсы?

В это мгновение меня осенила дерзкая мысль.

Подозвав Смычкова и Хвалова, объяснил им новую задачу.

— Все ясно! — бодро отрапортовал Смычков и в ту же минуту начал отдавать нужные приказания.

— Так точно, все ясно! — вслед за Смычковым отозвался Хвалов и, на секунду оторвавшись от штурвала, оттянул полу свитера, вытер покрасневшее лицо и, откинув мокрые от пота волосы, занял прежнее положение. Он заметно ободрился, только частое дыхание выдавало его непомерную усталость. Щекин попросил разрешения передать ведение счисления молодому штурману и помочь Хвалову. Я не возражал.

Через минуту Смычков доложил: лодка удиферентована, боцман точно держит глубину.

Я приказал соблюдать полную тишину и докладывать мне обо всем, что слышно за бортом.

Снова томительное ожидание. Лодка, как бы на ощупь, медленно, крадучись, идет вперед. Мысленно отсчитываю расстояние, отделяющее нас от сети. Взоры всех устремились на боцмана и на приборы управления. Смычков, упершись одной рукой в шпангоут подволока, а другой в лебедку перископа, не сводит глаз с приборов. Его волнение проявляется только в том, что время от времени он барабанит пальцами по лебедке перископа.

«А вдруг снова неудача?» — от одной этой мысли становилось холодно.

— Противника не слышно, — сообщил Щекин и вопросительно посмотрел на меня. — Может быть, он остался позади нас?

Действительно, уже около получаса корабли противника ничем не обнаруживали своего присутствия.

— Товарищ Лебедев, — обратился я к акустику, заглянув в отсек, где в рубке за полуоткрытой дверцей, согнувшись, сидел Лебедев с наушниками на голове и медленно вращал маховик компенсатора. — Вы слышите противника?

— Катера справа и слева от лодки, — доложил Лебедев и добавил: — Стоят без хода или имеют очень малый ход. Я хорошо слышу моторы, но не слышу работы винтов.

По моим приблизительным расчетам, мы подходили к сети.

В центральном посту совсем тихо, слышно тикание судовых часов, висящих над столом, и периодическое сухое потрескивание репитора гирокомпаса.

Вдруг лодка вздрогнула и качнулась, слегка изменив дифферент. Пузырек дифферентометра покатился к носу, остановился на четырех градусах и медленно пошел обратно — к нулю. Кровь ударила в голову. Мне показалось, что сердце перестало биться... Еще момент, и все решится...

— Дать толчок полным ходом и затем остановить винт! — приказал я.

Прошли, вырвались! Трудно было сдерживать радость. Хотелось обнять всех, кто находился рядом со мной. Но надо было попрежнему соблюдать спокойствие. Еще неизвестно, что ждало впереди. Приказал дать малый ход вперед и опустить лаг, чтобы убедиться, что винт чист и что мы идем вперед, оставив позади себя злополучную сеть.

Через минуту Мартынов доложил, что нагрузка на вал нормальная, а Зубков звонким веселым голосом сообщил, что лаг дает отсчеты. Теперь не было никаких сомнений в том, что мы вырвались. Я поздравил своих товарищей. Матрос Мамкин, который уже стоял у переговорной трубы, дублировал мои слова по всем отсекам. В лодке все снова ожило.

...Прошло около получаса с тех пор, как мы форсировали сеть. Теперь можно было всплыть под перископ и осмотреться.

— Нам крепко повезло, — сказал я Щекину, который вместе со мной поднялся в рубку. — Идем почти серединой фиорда и через четверть часа будем уже на выходе.

Осмотревшись, я опустил перископ и приказал уходить на глубину. В центральном посту остался Щекин. Я пошел во второй отсек и, сев на диван, только теперь почувствовал невероятную усталость. Голову так и потянуло к подушке. Но отдыхать было рано. Ни один сколько-нибудь серьезный командир корабля не позволит себе отдых в такой обстановке, хотя бы до этого ему пришлось двое, трое или даже четверо суток, не смыкая глаз, находиться на своем боевом посту.

Сели за обед. Но едва успел я притронуться к тарелке с ароматными щами, как поблизости раздался огромной силы взрыв. Корпус лодки задрожал. Я бросился в центральный пост. Там был полумрак: от взрыва лопнуло сразу несколько плафонов и лампочек. Одно за другим отдаю необходимые приказания. Остановлен компрессор. Лодка уклоняется, зарывается в глубину, на полном ходу резко делает поворот. Снова раздается взрыв такой же силы.

— Бомбят, сволочи, по курсу. Хорошо, что хоть мы во-время отвернули, — сказал я.

— Проворонили нас, спохватились, да поздно вато, — проговорил Смычков.

Бомбежки больше не было, не обнаруживалось никаких признаков надводного противника. Идя на глубине, мы снова легли на нужный курс. Через полчаса нам подали обед. Настроение у всех было веселое, приподнятое. В четвертом отсеке, где питалась команда, стоял непрерывный хохот.

Не удивительно, что обед несколько затянулся. Всем было весело, и я не торопил людей: до всплытия оставалось еще много времени. После обеда приступили к уборке, что всегда делается перед всплытием, так как в надводном положении даже при полном штиле наблюдается небольшая качка. Любители покурить нетерпеливо поглядывали на часы, иногда выразительно чмокали губами, предвкушая первую глубокую затяжку после такого тяжелого дня.

Хотя до всплытия оставалось еще двадцать минут, но почти у каждого была уже в руках свернутая цыгарка. Я сидел в кают-компании за столом, когда в люке переборки, отделяющей второй отсек от центрального, появилась голова Тюренкова, который предупредительно доложил:

— Товарищ командир, ваша трубка уже набита табаком...

Все офицеры добродушно рассмеялись наивной выходке Тюренкова. Она, как потом выяснилось, была вызвана желанием матросов, соблазнив командира прелестью курения, склонить его на решение всплыть раньше намеченного срока. Для этой цели и был откомандирован ко мне Тюренков.

Сдерживая смех, я искренне поблагодарил Тюренкова и, посмотрев на часы (до намеченного срока всплытия осталось еще пять минут), отдал приказание всем занять свои посты и готовиться к всплытию. Не прошло и полминуты, как последовал доклад о том, что все стоят по местам. Время выполнения приказа было поистине рекордным.

Как только рубка показалась над водой, мы отдраили крышку люка. Я придержал люк в полуоткрытом положении, пока не сравнялось давление. Затем решительно развернул маховик, и тяжелая литая крышка медленно подалась вверх.

Поднялись на мостик. Чистый прохладный морской воздух действовал одурманивающе. У меня закружилась голова и потемнело в глазах. Такое состояние продолжалось недолго. Придя в себя, я еще раз осмотрелся кругом.

Стоял полный штиль. Плавная, едва заметная зыбь слегка переваливала лодку с борта на борт, и вода с тихим, спокойным журчанием перекачивалась через носовую и кормовую палубы.

Небо без единого облачка украшено мириадами ярких звезд. Лунная дорожка пересекала морскую гладь, бежала прямо к лодке, разливалась бледным светом по темнозеленому корпусу корабля.

Мне казалось, что никогда мир не был таким прекрасным, хотелось жить, очень хотелось жить, и каждый, кто выходил на мостик, не мог удержаться от восклицания: «Как хорошо! Какая чудесная погода! Какой замечательный вечер!»

Смычков, которому, так же как и всем, не хотелось уходить с мостика, попросил разрешения отстоять верхнюю вахту, дублируя вахтенного офицера.

— Сегодняшняя ночь, — сказал он вполне серьезно, — напоминает мне один киевский вечер, когда я впервые объяснился в любви девушке, которая потом стала моей женой.

Наверх поднялись Мартынов и Иванов. Мартынов поинтересовался, виден ли сейчас берег противника. Я ему показал на горизонт, в южной части которого на светлом небосклоне отчетливо вырисовывалась длинная темносиреневая, тающая в ночной дымке зубчатая стена высокого скалистого берега.

— Вот эту ложбину видите? — спросил я, показывая на приметный с моря вход в Петсамо.

— Видим, — ответили оба.

— Так вот, это и есть тот самый фиорд, в котором мы побывали.

— Мы еще вернемся к этому берегу? — спросил Мартынов.

— Конечно, вернемся, — ответил я.

МАКС ЗИНГЕР

ПОХОД С ГАДЖИЕВЫМ

крылся северный город, но все еще виднелись знакомые до подробностей родные берега. Прошло немного времени, растаяли и их очертания. Подводная лодка продолжала свой путь среди необъятного океанского простора.

Сильнее чувствовалась широкая могучая волна. Перед рассветом, не доходя до боевой позиции, погрузились и пошли на перископной глубине. Когда, по расчетам штурмана, рассвело, подняли перископ. Подводники, оглядывая горизонт, приближались к своей боевой позиции — месту, где предстояло искать и топить корабли врага.

Очередная смена вступила на вахту.

Командир корабля Уткин поднимал время от времени перископ. Хотелось скорее обнаружить цель. Но, к огорчению командира, горизонт попрежнему оставался чистым.

Лейтенанта Арванова считали на корабле счастливым: на его вахте обычно происходили встречи с врагом. Счастье и на этот раз не изменило ему: вскоре после выхода Арванова на вахту был обнаружен в перископ транспорт. С большой скоростью он шел на запад.

В отсеках послышался сигнал торпедной атаки. Командир дивизиона капитан второго ранга Магомед Гаджиев выбежал из каюты командира в центральный пост. Арванов поспешил в торпедный отсек. «Вот-вот, — думал лейтенант, — прикажут дать залп».

Уже скомандовали: «Товсь!» Должна была последовать команда «Пли!» Но ее почему-то не давали. Это нервировало и лейтенанта Арванова и торпедистов. Арванову вдруг показалось, что он не расслышал приказа или, того хуже, прозевал команду. От этой тягостной мысли его бросило в жар. И только было собрался лейтенант запросить о причине необычной задержки торпедного залпа, как последовало неожиданное приказание:

— Лейтенанта Арванова в рубку!

Приказание было передано предусмотрительно негромко, чтобы торпедисты сгоряча не ошиблись и не выстрелили, приняв любое громко произнесенное командиром слово за долгожданную команду «Пли!»

Рядом с Уткиным стоял Гаджиев. Он торопливо застегивал ватную фуфайку.

— Расстрелять транспорт сможете? — спросил Гаджиев лейтенанта.

— Так точно, товарищ капитан второго ранга. Только разрешите посмотреть на цель.

Лейтенант сразу понял: из-за дальности расстояния невозможно атаковать торпедами быстроходный транспорт, он ускользнет безнаказанно. Командование решило попытаться поразить транспорт артиллерией.

— Смотрите! — разрешил Гаджиев.

Арванов глянул в перископ. Транспорт продолжал идти своим курсом. Лейтенант определил дистанцию и опустил перископ.

— Все в порядке! — доложил он.

— Всплываем, командир! — сказал Гаджиев Уткину.

С шумом освобождались от водяного балласта систерны подводной лодки. В отсеках казалось, что рядом шумит могучий водопад.

Успех дела решали теперь секунды. Гаджиеву не терпелось. Он считал, что все делается медленнее обычного. И не удержался, сказал механику:

— Быстрее!

Старший механик продувал балласт. Воздухом высокого давления была выжата из систерны вода. Облегченный корабль всплывал из морской пучины. Стрелка глубомера быстро двигалась по циферблату.

Все на подводном корабле были захвачены чувством предстоящего поединка кораблей в море — один на один, как подтверждал акустик, внимательно выслушивавший шум транспорта. Но больше всего волновались артиллеристы. Наступил редкий случай привести в действие свое оружие. Арванов нетерпеливо щелкнул пальцем по глубомеру, как бы поторапливая стрелку. Хотелось скорее вверх, к орудиям.

Боцман, следивший за глубомером, доложил:

— Товарищ командир, можно открывать люк!

Уткин быстро открыл люк. Все, кому полагалось по расписанию артиллерийской тревоги, выскочили наверх.

Командир продолжал вести лодку полным ходом на сближение с целью.

— Прибавьте обороты! Выжмите из машины все, что можно! — торопил Уткин старшего механика.

Вся в бурунах и пене подводная лодка шла наперехват вражеского транспорта. Крутая волна разбивалась о нос корабля и с шипением сбегала по корме в море.

Арванов всматривался в далекий силуэт. «На этот раз, кажется, не уйдут!»

Он не отрывал глаз от бинокля. Все заметнее становился транспорт, отчетливее вырисовывался его контур. Фашисты уже обнаружили подводную лодку и первыми открыли огонь.

Цветные линии трассирующих снарядов протянулись, словно щупальца, от фашистского транспорта к советскому кораблю.

Поединок начался...

Уткин продолжал вести корабль полным ходом на врага, стрелявшего из всех своих пушек.

Сигнальщики докладывали о недолетах снарядов противника. Уткин, стоя на мостике, потирал руки от удовольствия.

— Не доплывают! — пошутил старшина у носового орудия.

Выйдя на параллельный курс, Уткин открыл стрельбу. Третьим залпом цель была накрыта. Об этом доложил наблюдатель. Это видели и сами мастера огня. Небо ярко осветилось.

Гаджиев сказал Уткину:

— Я недоволен подачей снарядов.

Гаджиеву показалось, что подача снарядов происходит медленнее возможного.

Уткин наклонился над рубочным люком:

— Внизу! Быстрее подавайте снаряды!

Уткин был недоволен вдвойне. И тем, что снаряды поступали наверх медленно, и тем, что об этом сделал замечание командир дивизиона. Почувствовал себя неловко и управляющий огнем. Замечание Гаджиева относилось и к нему. Не обеспечив бесперебойной подачи снарядов наверх, лейтенант снижал скорострельность подводной лодки.

— Быстрее подавай снаряды! — вторил он командиру.

Комиссар соединения подводных лодок Козлов, находившийся на мостике и наблюдавший за ходом боя, спустился вниз по рубочному трапу. Узкий люк затруднял работу, снаряды продолжали поступать медленно. Люди, работавшие на подаче, сбросили с себя ватники. Стало жарко, несмотря на сентябрьский полярный холод.

— Внизу! Меняйте личный состав! Больше снарядов! Больше снарядов! — не утерпел Гаджиев.

Во время боя голос Гаджиева принимал металлический оттенок, об этом знали на подводной лодке еще по прошлому походу, из которого вернулись «без выстрела» — без победы.

Комиссар соединения прошел по отсекам, побывал у артпогеба, проследил весь ход подачи снарядов. Он подбадривал матросов. Речь его доходила до матросского сердца, — не первый год служил комиссар в советском Военно-Морском Флоте.

Герой Советского Союза
капитан 2 ранга
Магомед Имадутдинович Гаджиев

— За Родину! Дружнее, орлы!

Снаряды пошли вверх непрерывающимся потоком. В отсеках слышно было, как один за другим наверху раздавались выстрелы.

Артиллеристам даже на морозе было нестерпимо жарко. Шапки-ушанки сбились на затылки. То и дело слышался хриповатый голос лейтенанта, отдававшего короткие команды.

Гаджиев наблюдал в бинокль за происходившим вокруг. Он заметил, что транспорт вдруг резко повернул под защиту своих береговых батарей.

— Командир, не дайте разбойнику уйти к берегу! — шепнул Уткину Гаджиев.

Командир подошел вплотную к Арванову. Артиллеристы били метко. Много снарядов попало точно в транспорт. Расстояние до цели было десять кабельтогов. Вдруг раздался предостерегающий голос Гаджиева:

— Смотреть кругом! Не увлекаться транспортом!

Непонятным показалось Арванову это предостережение. Ведь враг еще не добит! Сам же Гаджиев не раз повторял суворовские слова: «Недодрубленный лес опять вырастает». В чем же дело?

Лейтенант опустил бинокль, недоуменно взглянул на Гаджиева и... не узнал своего начальника. Лицо Гаджиева было багровым не то от резкого ветра, не то от возбуждения, зрачки расширились, темносерые с просинью глаза сверкали и казались совсем черными. Его короткие приказы действовали, как взмахи руки дирижера на отлично сыгранный оркестр. Вот когда сказывался весь характер Гаджиева. Он проявлялся целиком лишь в бою.

Пот струился по лицам матросов и старшин, но некогда было его смахнуть. Люди глохли от стрельбы. Они знали одно: надо бить, надо как можно скорее потопить вражеский корабль.

И тем более непонятным казалось Арванову предостережение Гаджиева: не увлекаться транспортом! Не выдержав, Арванов сказал:

— Товарищ капитан второго ранга, не могу отрываться от транспорта! Он — наплаву. Не добит...

— Не тебе говорят! Не тебе! — ответил Гаджиев, поглядывая на берег в бинокль. — Стреляй, управляй огнем! Добивай гадов!

Предупреждение Гаджиева относилось не к артиллеристам, а к сигнальщикам, увлеченным боем и из-за этого ослабившим свое внимание к берегу. И сигнальщики поняли Гаджиева.

Один за другим слышались короткие донесения:

— На берегу движение противника!

— Готовят самолет к спуску на воду!

— Самолет спущен!

Командоры продолжали стрелять. Подводная лодка била по тонущей уже цели. Снаряды со свистом впивались в транспорт, дырявили борт. Нос его поднялся, корма осела, но он еще медленно двигался, стремясь, очевидно, выбраться на берег. Наконец, его пушки умолкли. Погас над морем цветной фейерверк.

По переговорной трубе передали вниз:

— Капитан второго ранга выражает благодарность личному составу!

В ответ грянуло дружное «ура».

Наблюдатель доложил:

— На нас идет самолет!

Он будто сообщал о каком-то совершенно незначительном деле. К этому был он приучен, чтобы излишне не возбуждать и без того разгоряченных в бою людей.

Уткин скоординировал «срочное погружение». И в какие-то секунды лодка скрылась под водой.

Самолет сбросил всего лишь две бомбы. Они разорвались вдалеке. Через несколько минут после погружения подводники услышали взрыв. Лодку закачало. Это взорвались котлы на транспорте.

Море поглотило его.

— С победой, товарищи! — объявил по отсекам Гаджиев.

— Хорошо поработали! — прибавил сдержанный всегда Уткин. — Не стыдно и в гавань возвращаться.

АНДРЕЙ ПЕТРОВ

В ПРЕДДВЕРЬИ ОКЕАНА

и всплеска. По заливу шел буксир.
Дымилась пряда легкие тумана.
Откроешься ли ты, полярный мир,
И правда ль мы в преддверьи океана?

На скалах снег. Живая белизна
Во мраке чуть заметно проступала.
Как странно, что такая тишина
Была в ту ночь. Вода едва дышала.

На небе многоцветные лучи
Сплелись, играя, в призрачное знамя.
И вдруг, чуть проступающий в ночи,
На скалах город вырос перед нами.

Большая гавань. Круглые бока
Подводных лодок. Миноносцев трубы
Едва над стенкой высятся, пока
Идет вода отливная на убыль.

Укрыл брезент орудия... Мороз...
И выбелил чехлы на славу иней.
Стал с руку толщиной обмерзший трос.
От холода в груди дыханье стынет.

Какая воля зданья возвела?
Как строятся дома в таких широтах?
И скольких славных гордые дела
Еще узнает юный город флота?

Он говорит: «Не все еще. Пстой!
Не все в морях освоены пространства.
Осталось и тебе! Работай! Строй!
Трудись с железной силой постоянства».

Нас учат наша партия, страна
Ковать победу честно и упорно...
Я шел в подплав. Какая тишина!
Но эта ночь была кануном шторма.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

В ПРАЗДНИЧНУЮ НОЧЬ

Вечером 6 ноября маленький отряд разведчиков уходил в глубокий тыл врага. Начальник разведки собрал участников в тесной комнатке штаба.

— По последним сведениям, гитлеровцы здесь, на побережье, совершают перегруппировку. Вы высадитесь ночью и проверите, попрежнему ли их батареи и прикрытие находятся на Северном мысе. Если их там нет, то уничтожьте все, что ими там построено, а если они там, то уничтожьте все это с ними вместе.

Начальник окинул взглядом присутствующих.

— Эту ночь с шестого на седьмое ноября вам придется провести в тылу врага. Постарайтесь, чтобы она была праздничной для нас и печальной для них.

Разведчики строились во дворе, уже здесь почти невидимые в своих белых халатах на фоне снега.

С разрешения начальника в эту праздничную ночь с отрядом в качестве рядового бойца шел и я.

Маленький катер бросало то вверх, то вниз; заливаемый водой, он все же шел полным ходом, чтобы удлинить время разведки, высадив людей на берег точно к наступлению полной темноты.

Командир отряда, бывший кавалерист и веселой души человек, неприязненно поглядывал на всходящую над горизонтом полную луну.

— Вот она, диалектика, — заметил он, показывая на широкий лунный свет, расплывавшийся по волнам, — то, что радовало в молодости, огорчает в зрелые годы. Луна... Вот уже пятый месяц, как она мой личный враг, а ведь когда-то бывало... Э, да что там вспоминать!

Катер уже шел вдоль вражеского берега. Неделю назад на моих глазах оттуда два часа фашисты обстреливали шрапнелью один из наших мотоботов. Но сейчас все было тихо. Только в стороне, еще дальше на запад, были видны короткие вспышки орудий бившего по берегу эсминца.

Начинался отлив. Катер дошел до гряды подводных камней и ближе подойти не мог. Тогда двое краснофлотцев из команды катера, не дожидаясь чьего-либо приказа, прыгнули в ледяную воду. Они стали по пояс в воде, чтобы помочь высаживающимся.

Разведчикам предстоял поход, они должны были идти в него с сухими ногами, и краснофлотцы одного за другим заботливо, как детей, выносили на берег своих товарищей. Это была дружеская услуга, безмолвная и не претендующая на благодарность, одно из проявлений благородной солдатской дружбы.

Был сильный накат волны, и многим, в том числе и мне, не повезло, мы набрали полные сапоги воды, но от купания по пояс все-таки все были спасены. Безмолвно собравшись на берегу, мы пошли длинной цепочкой. До цели нашего путешествия отсюда восемь — десять километров по крутым, занесенным снегом и обледеневшим прибрежным скалам. Намокшие в воде полы халатов мгновенно обледенели и, коробясь, гремели и шуршали при движении. Восстанавливая драгоценную для нас тишину, мы на ходу разминали халаты пальцами.

Впереди шла тройка, бывшая здесь уже не один раз. Они шли, вглядываясь в каждую щель, в каждое пятно на снегу, ища следы. Но следов не было — только мелкая заячья пропись да похожие на человеческий след полоски в снегу, там, где по крутому склону скатывались к воде выдры.

Скалы громоздились одна на другую. Издали каждый раз казалось, что здесь не пройти, но мы подходили ближе и находили какую-то щель, уступ, по которому можно вскарабкаться еще на десять метров выше. Хуже всего были голые, почти отвесные склоны, где снег ровным слоем покрыл скалу. Обдурный ветром, он тверд, как камень, и отчаянно скользок. Достаточно одного неудачного движения, и человек, скользя по спуску, летел вниз на добрых десять метров.

Шедший впереди меня командир отряда поскользнулся и мгновенно полетел далеко вниз. Разведчик Харабрин, бросившись ему на помощь, не удержался и пролетел еще на пять метров ниже. Когда они, наконец, выкарабкались, кто-то шепотом заметил:

— Прямо тебе суворовский переход.

Прихрамывающий после падения, но попрежнему не унывавший командир повернулся.

— Запрещаю это слово, — сказал он.

— Почему?

— Потому, что сначала надо добиться суворовских результатов, а потом уже говорить о суворовских переходах.

Наконец был дан короткий привал. Легли в снег в тени огромной скалы. Кто-то посмотрел на часы — было двенадцать ночи.

— Седьмое ноября...

Да, седьмое, и кто-то шепотом начал вспоминать, как он проводил эту ночь в прошлом году у себя дома в Днепропетровщине.

Впереди, далеко в белом тумане виднелся противоположный берег. Очень далеко мгновенно погасшей синей искрой там мелькнули фары машины.

— Наши ездят, — сказал кто-то.

И в эту минуту всем было очень важно знать, что где-то там, на нашем берегу, на наших машинах ездят наши, свои.

Обледеневшие халаты теперь сослужили нам хорошую службу — они стояли торчком, закрывая нас от продувавшего насковозь ветра.

Едва мы двинулись снова, как шедший впереди Ковалев наткнулся на линию связи. Тонкий провод соединял немецкие передовые позиции со штабом. Подложив камень, провод разрубили кинжалом и, на несколько метров обрезав, затоптали концы в снег. Пусть теперь найдут. На протяжении следующего километра, не поленившись, повторили эту операцию еще три или четыре раза.

Теперь было уже близко. Гряда высоких каменных сопек спускалась к далеко выдававшемуся в воду острому мысу. Разделившись на три группы, мы поползли, обходя сопки с трех сторон и постепенно поднимаясь на них. Ночь светлая; кроме луны, по небу, переливаясь от края до края, проходило северное сияние. И все-таки в тридцати шагах на

снегу ползущие люди казались просто заснеженными уступами скал. Даже темные пятна сапог и автоматов не выдавали нас. Здесь, на этой каменной почве, они казались кусками камня, выступавшими из-под снега.

Мы поднимались по склону все выше и выше. Теперь, если фашисты были здесь, они должны были в эту светлую ночь уже заметить нас. Но все тихо. Наконец мы доползли до первых землянок. По всем признакам они оставлены день или два назад. В них висели фонари и лампы, в сложенных из кирпича печках лежали недогоревшие дрова. Ближе к мысу, на скале, высилось несколько построек складского типа. Все двери были наглухо заперты.

Кто-то торопливо попросил «рвануть их гранаткой». Избегая преждевременного шума, командир запретил это. Его помощник, взяв несколько бойцов, прикладами в пятнадцать минут справился с дверьми.

Помещения действительно оказались складами: в них были навалены отруби, мука, завернутые в прозрачную бумагу с немецкими штампами «кирпичи» пополам с отрубями приготовленного хлеба. Рядом были свалены мешки кофе, цикория, яичного порошка, большие плетеные бутылки со спиртом. В общем склады были наполовину полны.

Недалеко от складов, за прикрытием, была брошена искалеченная горная пушка. Брошенная пушка — это было еще понятно, но брошенные немецкие склады с провиантом вызывали удивление. Нет, конечно,

гитлеровцы не совсем ушли отсюда. Они, очевидно, только меняли части, и не сегодня-завтра новая рота должна была прийти на этот пустынный участок фронта. Именно для нее оставлен этот провиант, с великим трудом завезенный сюда по единственной выючной тропинке.

Да, конечно, это так. Я невольно вспомнил немецкого капитана, на днях взятого нами в плен. Я его видел три дня назад в штабе на допросе. Он сидел грязный, обтрепанный, в тощей шинели и неопрятном белье, его уже сутки кормили нашим сытным пайком, и все-таки он улучил минуту, когда допрашивающий склонился над протоколом, и, вытащив из кармана данный ему в запас сахар, жадно грыз его. Поймав мой взгляд, он вдурно стыдливо заторопился, — ему, офицеру германской армии, видимо, было неудобно, и все-таки он грыз этот сахар, он отъедался. Чувство застарелого голода было сильнее его.

Я невольно вспомнил эту сцену, когда увидел склад с немецким продовольствием. Конечно же, они вернутся сюда. Если бы они ушли совсем, они бы выскребли здесь все до последней горсти муки, до последнего зернышка кофе.

Командир отдал приказ радисту вызвать по радио отстаивавшийся где-то далеко в море катер. В тишине чуть слышно застучали точки-тире нашего радио.

Склады решено было сжечь. Катер по нашему вызову подошел к берегу. Все было уже готово к поджогу. Разведчики один за другим взбирались на катер. Дождавшись, когда закончится посадка, мы вчетвером, оставшись последними на берегу, облили бензином доски и ящики, в пирамиду сложенные нами посреди склада, и подожгли. Спускаясь к берегу, перепрыгивая с камня на камень, мы видели, как сквозь щели дверей проникают пока, еще едва заметные, тусклые красные языки огня.

Было еще темно, но дело близилось к рассвету. Катер тихо отвалил от берега. Мы уже пол часа шли по бурному заливу, когда, наконец, склады разгорелись всюю.

Неожиданно для нас пожар принял внушительные размеры. Над берегом высился огромный столб огня. Он то падал, то высоко поднимался. Внутри что-то рвалось с большой силой. Очевидно, кроме продовольствия, где-то в подвалах находились еще и боеприпасы. Ну что же, тем лучше. Дальше будут помнить эту праздничную ночь.

Мы шли к своим берегам.

Был уже рассвет, когда мы, высадившись с катера, шли через город, изрядно прозябшие, но веселые. Мы хорошо встретили правдик, его будет чем вспомнить. Праздничная ночь кончалась. У подъездов домов колыхались на ветру родные, знакомые с детства, наши красные флаги. С серпом и молотом!

ДМИТРИЙ КОВАЛЕВ

ДРУГ МОИ

Через час нам в бой идти с отрядом.
Слышишь,
Через час нам в бой.
Так давай на камне сядем рядом,
Перекурим, друг мой дорогой.
Папирос прислали мне, — так, слышишь,
От души затынемся с тобой.
Дым неповоротливый над крышей,
Гаснущие искры над трубой.
Над скалой отвесной — месяц полный.
Снег — как сталь...
Нам выпало с тобой
В многозвездную такую полночь
Выйти на победный, смертный бой...
Медленно туман над морем всходит.
Над мохнатыми кустами — тень.
Говорят, что при такой погоде
Птицы замерзают в высоте.
Лунный свет скользит по каскам белым.
Тусклые, горят концы штыков.
У товарищей заиндевели
Брови и углы воротников.
Дверь скрипит:
Выходят краснофлотцы,
Паром вырывается тепло.
Над землянкой свет, волнуясь, льется —
Небо все сияньем занесло.
Блещет скал отвесная ограда
И залив, изогнутый дугой...
Становись в строю со мною рядом,
Друг мой лучший,
Друг мой дорогой!

МАКС ЗИНГЕР

У ВРАЖЕСКОГО БЕРЕГА

ашистский транспорт делал противолодочные зигзаги, спасаясь от атак советской подводной лодки, но капитан-лейтенант Видяев продолжал преследовать противника.
— Пот прошибает, — пошутил Видяев, снимая шапку-ушанку и вытирая взмокший большой умный лоб. — Но рано иль поздно, а будешь ты мой.

У него и мысли не было о том, чтобы отступить. Усмотренная в море цель должна быть поражена. Ложиться на обратный курс к родной базе, не сделав по врагу успешного залпа? Ни за что.

— Давай, командир, подгребем к мысу, — предложил командир соединения капитан второго ранга Иван Александрович Колышкин, стоявший рядом с Видяевым в тесной рубке. — Нам до мыска ближе, а транспорт туда обязательно подойдет. Там мы его встретим и атакуем.

Командир «Шуки» Видяев понимал Колышкина с полуслова. Лодка, пройдя напрямую, будет у мыса раньше транспорта. Действительно, легче и вернее получится атака...

Видяев приказал взять левее. Наступал решительный момент. Молодому офицеру, недавно принявшему командование лодкой, хотелось быть всегда таким же спокойным, как Колышкин. Тот во время глубоких бомбежек жевал сухари, показывая полное пренебрежение к опасности, напевал бывало вполголоса, стоя у перископа в рубке и следя за противником в окуляр. И это не казалось рисовкой. Самобытен и по-народному прост Колышкин. Стоя рядом с таким командиром, хотелось во всем быть похожим на него...

Все произошло с кинематографической быстротой. Торпедная атака Видяева удалась. Транспорт, задрал нос кверху, кормой ушел под воду, но тут же началась отчаянная бомбежка. Фашисты преследовали «Шуку» шесть часов подряд. Надо было маневрировать, уклоняться от разрывов, обманывать противника, менять ходы, глубины, курсы, отходить от берегов. В эти грозные часы сказалось умение Колышкина и Видяева выводить корабль из опасного положения.

Видяев вновь снял шапку-ушанку и вытер лоб, когда лодка оторвалась от преследователей. В перископ виделось пустынное, хмурое, в белых барашках море. По временам совсем застилало горизонт снежным зарядом.

Снежный заряд! Кто на Крайнем Севере не знает этих слов! Сильнейший снегопад, сменяющийся на короткое время прояснением, за которым следует еще более сильная метель...

И хоть совсем еще близко был вражеский берег, все же в жизни личного состава корабля наступал тот приятный момент, когда всем становилось ясно: победа одержана, боезапас израсходован удачно, и значит — скоро в родную базу, скоро встреча с друзьями.

В центральном посту нес вахту старший помощник командира Александр Каутский. Его фигура склонного к полноте человека мало соответствовала представлению о внешности лихого подводника. Был он малоподвижен, лыс и скорее походил на почтенного преподавателя или деятеля науки. В то же время он обладал прекрасными морскими качествами: любил море и корабль, в опасный момент никогда не терялся, морской болезни не знал.

В опасности он, подобно Колышкину, становился спокойнее вдвойне. В походе Каутского заботило и состояние механизмов и настроение матросов. Он замечал и расстроенное лицо первогодка, и беспокойство хлопотливого боцмана, и нервозность старшины, доискивался до причины и старался устранить ее.

Каутский собирался, как рачительный старпом, поговорить с коком о том, чтобы по случаю победы подать к чаю не галеты, а сливочное печенье, сгущенное молоко, сыр, копченую колбасу. Он увидел командира, заглянувшего в радиорубку, услышал, как тот торжественно-приподнято сказал радисту:

— Через пятнадцать минут всплываем! Запросите «добро» в базу.

Значит, поход заканчивался. Эта новость мигом облетела отсеки.

Колышкин прошел в шестой отсек, чтобы отдохнуть хоть четверть часа. Он и в походе никогда не ложился на койку в сапогах. К этому приучил себя еще с юных лет, плавая матросом, а затем шкипером на волжских баржах. Бывало уставал так, что казалось — лишь бы добраться до койки. Но привычка брала свое: моряк обязательно разулся и аккуратно ставил сапоги возле койки, чтобы в любое время мгновенно обуться и действовать.

Вот и сейчас он разулся, вытянулся под кожаным регланом и заснул сразу, как человек с крепкими нервами.

Его разбудил грохот взрыва и шум хлеставшей в отсек воды. Колышкин выбежал в центральный пост, где распорядился Видяев.

— Докладывайте! — приказал он вахтенному офицеру.

Взрыв произошел во время всплытия. Инженер-механик не растерялся и тотчас продул все систерны. Освобожденную от водяного балласта лодку выкинуло на поверхность, словно пробку. Она всплыла, отдуваясь, словно кит.

Колышкин, Видяев и еще несколько человек поднялись на мостик. Еще не все потеряно! Корабль наплаву. Люди целы.

Но радость оказалась преждевременной...

Нельзя было узнать красавец-корабль, изуродованный миной. В седьмом отсеке показалась вода. Она просочилась через кормовую переборку. Поступала вода и через задние крышки торпедных аппаратов.

В полузатопленном отсеке остались люди. Они живо задраили отсек, чтобы спасти любимый корабль, разулись, порезали свои валенки и стали затыкать пробойны войлоком.

Электромоторы не проворачивались. Верхнюю крышку люка седьмого отсека вырвало, как дерево с корнем во время урагана. Рубочный люк перекосило. Видяев отрядил двух матросов в легководолазных костюмах для осмотра гребных винтов. Вместо винтов были обнаружены жалкие культяпки.

Подводный корабль не мог более двигаться самостоятельно, не мог и погружаться. Замолкли двигатели. Тихо стало в отсеках. Каждый понимал положение: корабль без хода, в минном поле, на виду у врага, под дулами близких береговых батарей. Пока подводников спасал лишь снежный заряд. На некоторое время он надежно спрятал лодку от фашистских наблюдателей.

Комиссар Табенкин ходил из отсека в отсек и беседовал с людьми. Его спокойный, неторопливый разговор отгонял от матросов мысль об обреченности.

Колышкин сказал Табенкину:

— Пусть командиры всех боевых частей займут людей делом. Это отвлечет от ненужных размышлений. Спокойствие и точное выполнение приказов!

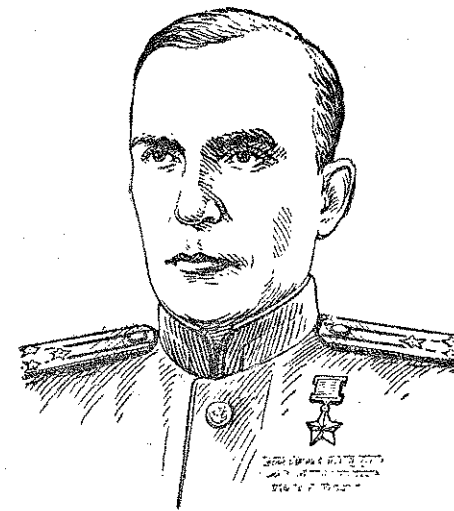
Видяев отозвал в сторону Каутского, тихо сказал:

— Саша, проследи за исполнением приказа капитана второго ранга. Все люди должны быть заняты. А секретные документы, — снизив голос до шепота, добавил Видяев, — приготовить к уничтожению.

И наклонившись к самому уху помощника, прошептал:

— В артпогреб заложите незаметно подрывные патроны.

Командир обратился к помощнику на «вы», подчеркивая этим всю серьезность сложившейся обстановки.

Герой Советского Союза
капитан 1 ранга, в год выпуска книги
контр-адмирал
Иван Александрович Колышкин

Каутский вскоре тихо доложил Видяеву:

— Подрывные патроны на-товсь! Скрытность действий соблюдена! Холодок пробежал по спине командира. Неужели корабль обречен?

Колышкин заглянул в радиорубку. Главную станцию сорвало с амортизаторов, реостаты вырвало.

— Товарищ капитан второго ранга, — начал было старшина радист Рыбин, — радиостанция вышла из строя...

Колышкин поднял руку, остановил доклад старшины.

— Обстановка такая, старшина, — сказал он. — Мы в четырех милях от берега противника. Без хода. Погружаться не можем. Ясно? Найдите любой способ передать эту радиограмму. Действуйте быстрее. Дорога каждая минута. Сейчас все зависит от вашего умения и вашей настойчивости. Покажите, на что способен радист-североморец!

Старшина Рыбин служил на этом подводном корабле еще при монтаже радиостанции, знал всю аппаратуру. Он стал ловко и быстро соединять оборванные концы. Реле не срабатывало, не получалось контакта. Рыбин вызвал на помощь акустика.

— Садись, друже, на ключ, — предложил он ему, а сам уселся на палубу, замкнул реле карандашом, припер правой ногой дверцу шкафа высокого напряжения и сказал коротко:

— Действуй!

Надо было передать командованию шифровку — свои координаты и текст: «Подорвался на mine. Хода не имею. Погружаться не могу. Прошу оказать помощь...»

В радиорубку заглянул Видяев, протянул Рыбину бумажку, сказал многозначительно:

— Передать, когда прикажу лично!

Командир ушел. Рыбин взглянул на записку и прочитал: «Погибаю, но не сдаюсь».

Открытым текстом. Все ясно. Если придется схватиться с врагом, погибнем, но не сдадимся, как подобает советским морякам.

Акустик вновь заработал ключом, вызывая главную базу. Он высказал Рыбину свои опасения:

— А вдруг не услышат? Ведь наша волна-то не сходится теперь с той, на которую настроена главная база...

— Ерунда! — сказал Рыбин. — Не сходится на какие-то копейки. Услышат! Коммунисты коммунистов услышат! Быть иначе не может!

Уверенность Рыбина успокоила акустика.

Рыбин, продолжая сидеть на палубе, подпирая ногой дверцу шкафа высокого напряжения, добавил:

— За нами сейчас все североморские рации следят!

Несколько раз показывались в радиорубке головы Колышкина и Видяева. Старшину не спрашивали ни о чем. Это был немой, но взволнованный разговор.

Надо было оторваться от берегов противника. Но как это сделать на корабле, где снигала двигательная сила? И вдруг Колышкин вспом-

нил о ледокольном пароходе «Сибиряков», на котором смелые советские полярники впервые в истории Арктики совершили за одну навигацию легендарный рейс Северным морским путем от Архангельска к мысу Дежнева. В том ледовом походе «Сибиряков» лишился гребного винта. Положение казалось безнадежным. Кораблю грозила верная зимовка в дрейфующем тяжелом полярном льду. Но здесь пришла на помощь русская морская сметка. Ледокольный пароход среди льдов, ошестинившихся высокими торосами, поднял... паруса. Целый день шел «Сибиряков» под парусами, команда взрывала ледяные перемычки, попутный ветер и дрейф помогали желанному продвижению вперед на восток. И задача была в конце концов выполнена. Северный морской путь прошли без зимовки.

По совету Колышкина, восторженно принятому Видяевым и Каутским, люди на подводной лодке занялись шитьем парусов. В дело пошла вся имевшаяся на борту парусина, чехлы. Матросы и старшины вооружились иглами и шворнями, шили...

Подводную лодку, поднявшую парус, можно было принять издали за рыбацью лайбу. Ее стало постепенно относить от берега.

Верхнюю палубу выбелило снегом. Оснащенный парусом и засыпанный снегом, подводный корабль казался сказочным.

Колышкин говорил североморцам:

— Вернемся по-хорошему в главную базу, доложу о вашей работе, орлы!

— Служим Советскому Союзу! — весело отвечали матросы.

А где-то вдалеке от подорвавшейся лодки капитан второго ранга Виктор Котельников на своем подводном корабле продолжал поиски противника. Ему мало было двух одержанных в одном походе побед. Он добивался третьей победы, старательно высматривал противника.

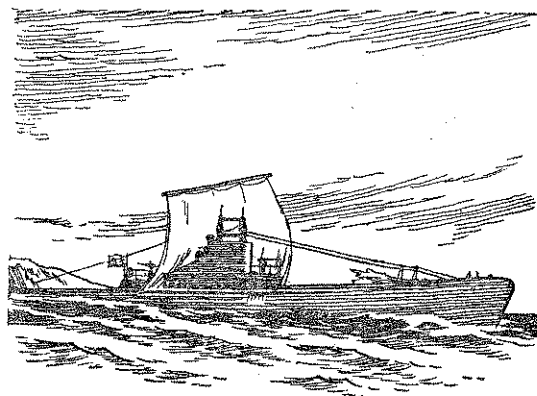
Время близилось к пяти часам утра. Помощник командира запросил разрешения погружаться. Котельников отказал:

— Часик еще погуляем. Погрузимся в шесть. Может, набежит что-нибудь на наше счастье.

Вот в это самое время на лодке Котельникова и была получена радиограмма командующего Северным флотом об оказании помощи Колышкину и Видяеву. Вернее, была перехвачена сперва радиограмма, адресованная командующим Колышкину: «К вам вышел Котельников». Это и насторожило Котельникова, заставило его подождать получения шифровки о координатах поврежденной лодки.

А на обреченном корабле у орудий на-товсь стояли люди, чтобы отразить в любую минуту возможное нападение врага. В отсеках наводили порядок, смазывали механизмы, хотя этим механизмам и не судьба была уже когда-нибудь действовать.

Снежный заряд почти совсем пронесло. Заметно развиднелось. Но штормовая погода не унималась. Показался берег противника. На высоких скалах полосами белел снег.

Лодка Видяева сливалась с берегом, и ее трудно было бы разглядеть Котельникову, подходившему мористее. Он мог пройти мимо, не заметив «Щуку».

Когда отделились от берега миль на девять, капитан-лейтенант приказал убрать паруса, чтобы облегчить Котельникову розыск пострадавшей лодки. На зловеще-темном море рядами ходили беляки. Ветром срывало их пенистые гребни.

Силуэт корабля Котельникова заметили в полдень.

— На горизонте подводная лодка! — доложил сигнальщик.

Видяев объявил тревогу. Артиллеристы развернули орудия и ждали приказа. Погибавший корабль изготовился к бою. «Свои или чужие?» — эта мысль занимала теперь каждого наверху.

— Котельников! — воскликнул, присмотревшись, Колышкин. — Другой такой лодки здесь не может быть поблизости.

Лодка Котельникова, подняв высокий бурун, едва не зашла во вражеский фиорд, но вдруг развернувшись «на пятке», в ореоле искрящихся брызг вышла прямо на «Щуку».

По всем отсекам прокатилось «ура». Видяев объявил отбой тревоги. Мощный советский подводный корабль приближался. Вот он уже совсем близко. Не теряя времени, стали заводить концы для буксировки. Но когда штормовой волной поднимало один корабль, другой одновременно опускало, и буксиры рвались, как нитки. Провозились так часа три. Уже несколько раз ударяло лодки друг о друга бортами. Пылытело немало заклепок. Ломались кнехты.

Из-за мыса вдруг выдвинулся фашистский катер и опять спрятался за мысок, не рискуя сближаться с двумя подводными кораблями. Потом показался вражеский самолет-разведчик. Он покружил над лодками и улетел. Потом фашистский летчик стал давать издали сигнальные ракеты.

Котельников торопил «Щуку».

— Сейчас подадим якорь-цепь — и все будет в порядке! — ответил Колышкин в мегафон.

Корабли вздымало на крутой волне, окатывало шипящей пеной. Те, кто был на верхних палубах, вымокли до нитки. Шум волны порой заглушал командные слова. Котельников поднял мегафон и, выждав момент, объявил, что было силы:

— От имени Военного Совета флота приказываю личному составу «Щуки» перейти на борт моего корабля!

На виду у противника, под дулами его батарей, перед входом в чужой фиорд и после того как катер и самолет противника обнаружили стоянку советских подводных лодок, мешкать было пагубно.

Наступил мучительный момент.

В задраенный отсек постучали:

— Ребята, вылезай!

— В чем дело?

— Уходим с корабля...

— Быть того не может!

— Правду говорим!

— Тогда пусть нам командир лично прикажет!

Пришлось Видяеву самому приказать матросам, чтобы отдраили отсек. Когда моряки вышли из отсека, открыв водонепроницаемую переборку, и увидели товарищей, надевавших ордена, что было необычно во время похода, они поняли все.

Рыбин обвел прощальным взглядом радиорубку, которую оборудовал своими руками, забрал все документы, по привычке выключил свет, а потом, вспомнив, что на корабле не требовалось больше экономии, вновь осветил радиорубку, чтобы не так грустно было уходить. Он взялся напоследок за передатчик, и вдруг словно от взволнованного пожатия руки навеки уходящего друга ударило его по сердцу. — Рыбин бросился из рубки. Только сейчас он осознал и поверил, что наступали последние минуты корабля, его корабля...

Лодки то сходились на волне, ударялись бортами, то расходились, и между ними виднелась кипящая вода.

Котельников приказал отвалить на своем корабле носовые горизонтальные рули, чтобы с большей безопасностью совершить приемку людей. С борта «Щуки» люди переходили на распушенные рули, с помощью товарищей поднимались на борт лодки-спасательницы.

На борту «Щуки» оставались лишь Видяев и Колышкин. Их кожаные регланы побелели от морской соли. Офицеры смотрели на «Щуку», словно не веря в ее близкую гибель. Колышкин в черной пилотке с белыми кантами, каким привыкли его видеть в боевых походах, стоял рядом с Видяевым на обезлюдевшем корабле.

Котельников зычно объявил в мегафон:

— Имею приказание Военного Совета спасти весь личный состав. Ты должен подчиниться, Иван Александрович! Без вас двоих я не уйду!

Корабли качнуло, обдало ледяной водой. Колышкин поцеловал тумбу перископа и пошел к распушенным рулям. За ним, чуть помедлив, Видяев. В последний раз взглянули они на покидаемый корабль, как смотрят на умирающего друга...

Котельников приказал готовить кормовые торпедные аппараты.

Видяев плакал. На этой самой «Щуке» он ходил еще недавно помощником командира, потом стал ее командиром... С этого корабля он не раз сходил на берег, упоенный радостью победы, радостью встречи с друзьями по оружию.

Подводная лодка отошла. На ее борту выстроилась вся спасенная команда. Раздался зычный голос Котельникова:

— Аппарат... пли!

И тут же раздался еще один голос:

— Снять головные уборы!

Это командовал Колышкин. И все, кто был наверху, обнажили головы. На воде показался едва заметный пузырьчатый след. «Щука» еще покачивалась на волне. Торпеда ударила ее в борт. Когда рассыпался водяной столб, корабля уже не было на поверхности моря.

Слезы смешались с солеными брызгами на лицах мужественных моряков. Сигнальщики доложили, что видят самолеты противника. Воздушный разведчик сделал свое дело.

Все спустились вниз. Колышкин быстро прошел в каюту командира. Хотелось побыть наедине, не видеть волнения товарищей и случайно не выдать своего...

Едва лодка всплывала, как снова показывались самолеты. Четыре раза они загоняли лодку под воду, но успеха не добились.

В каюту к Колышкину зашел Видяев. Колышкин положил руку ему на плечо.

— За нашу «Щуку» мы еще ударим, — сказал командир соединения.

— Ударим, Иван Александрович!

И голос командира погибшего корабля стал еще более суровым.

— Силы нам с тобой еще потребуются, — продолжал отчески Колышкин. — Потерять корабль, что может быть тяжелее для советского моряка. Но мужайся, Федя! Не последний раз в море! Побереги себя. Отдохни!..

Он уложил Видяева на командирскую койку, накрыл своим регланом. Хотел Видяев заснуть впервые после томительной бессонной ночи да не мог, только ворочался с боку на бок, все думал о своем корабле. Не спалось и командиру соединения.

При подходе к базе Котельников приказал выстрелить дважды в честь одержанных его кораблем побед, а затем поднял позывные погибшей «Щуки» и дал победный салют в честь потопления Видяевым транспорта противника.

— Не последний раз в море! — повторил Видяеву Колышкин.

Жизнь подтвердила эти слова.

Когда экипажу подводной лодки, которой командовал Видяев, было присвоено гвардейское звание, на боевом счету видяевцев числилось одиннадцать потопленных вражеских кораблей.

АЛЕКСАНДР МАЦЕВИЧ

В МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

1. НОЧНОЙ УДАР

у и погодка! — сказал старшина второй статьи Корнеев. Он смахнул с ресниц тающие снежинки и весело оглядел товарищей.

Никто не отозвался. Артиллеристы сидели притихшие, напряженно-серьезные.

— Наверно, отставят поход, — высказался за всех первый наводчик.

Но телефонные провода и наушники — вооружение наводчика — он все же не снимал.

— Пойдем, — уверенно пробасил Корнеев. — Что это вы раскисли? Снежный заряд проскочит — и все. Я вот потеплее оденусь.

— А сегодня надо в поход! — вмешался в разговор секретарь партбюро, второй снарядный Кундалевич. — Обязательно надо! Слышали, опять Москву бомбили!

— Москва! — Корнеев произнес это слово с гордостью. Так можно сказать только о самом любимом, самом дорогом. — Я ведь москвич. До службы работал там на заводе. Сейчас в тех краях мой братишка Георгий разворачивается, тоже артиллерист. Да еще четыре брата воюют...

Кубрик зашумел, словно улей. Каждый высказывал свою лютую ненависть к фашистским выродкам, свою великую любовь к матери-Родине.

Комендор стал «одеваться потеплее».

— Посмотрите сюда, — хитро подмигнув своим товарищам, громко крикнул краснофлотец Пустовой. — Вы только посмотрите на нашего Корнеева. Нарядился!

Пригибая пальцы, он стал считать:

— Тельняшка — раз, теплые белье — два. Свитер! Форменка! Шуба! Да и сам такой здоровенный! Нет, его, пожалуй, и снаряд не прошибет... Отданы швартовы.

Эсминец медленно отходит от пирса.

Командир корабля — опытный, бывалый моряк, знает наизусть все эти места. Он умело маневрирует в узкости. Прыгают стрелки машинного телеграфа, турбинисты, послушные приказам командира, мгновенно изменяют ход. Рулевой быстро переключивает руль, не спуская глаз с картушки.

Как всегда, на своем месте штурман — лейтенант Миронов. У него в этом походе богатая морская практика. Маяки не светят. Створных знаков нет. Снежные заряды закрыли небо, береговые очертания, воду. Миронов стоит с секундомером в руках, особым чутьем штурмана угадывая, где нужно произвести поворот.

Тревога! По скользкой заснеженной палубе в полной темноте проносятся люди. Зазвенел телефон:

— «БЧ-5» к бою готова!

— «БЧ-2» к бою готова!

Неслышно, незримо вышел в открытое море эскадренный миноносец. Чувствуется дыхание надвигающегося шторма. Дует шквалистый ветер, разгоняя волну.

Форштевень зарывается в воду. Началась килевая качка. Леденящие брызги обдают лица артиллеристов.

Снежный заряд прошел. Открылись сверкающие звезды. Заиграло северное сияние. Но любоваться красотами природы некогда.

— Усилить наблюдение!

В этом районе шмыгают вражеские подводные лодки, самолеты, встречаются плавающие мины. И сигнальщики, и комендоры, и торпедисты до рези в глазах всматриваются в падающую занавесь северного сияния (не скрывается ли в этих ослепительных узорах самолет?), в непроглядное вздохмаченное море.

Поворот. Корабль проскользнул в бухточку. Якорь летит на грунт.

— Справа по борту шлюпка! — крикнул сигнальщик.

Чуть заметное пятнышко постепенно приобретает очертания шлюпки.

На борт корабля поднимается связной. За несколько минут с частями Советской Армии устанавливается прямая связь. Еще через несколько минут в скалах грохочет орудийный залп. Слепящее пламя озаряет веселые глаза артиллеристов: началась работа!

— Хорошо, — доносится в трубку. — Дайте еще пару залпов.

Жаль, что не видно, как фашисты в ужасе выбегают из своих нор, как они мечутся по сопкам в поисках укрытия от губительного огня советских моряков.

— Перенесите огонь на сто метров вправо!

В центральном посту сложнейшие приборы быстро вырабатывают новые данные.

Ревун. Залп.

— Хорошо!

Эсминец открывает шквальный огонь.

В машинное отделение гулко доносятся орудийные залпы. Машинисты считают каждый выстрел.

— Двадцать пятый!

По скоб-трапу прыгнул в машину политрук пятой боевой части Калмыков. Он сообщает результаты.

— Земляков, Корнеев и Перервин стараются. Здорово стреляют! А вот четвертому орудью не везет. Ветер развернул корму, и орудие вне сектора обстрела...

Всю ночь ведет огонь эскадренный миноносец. Всю ночь изнуряют, изматывают противника корабельные артиллеристы. Где-то вдали слышится гул моторов. Это советские морские летчики в свою очередь бомбят вражеские скопления...

Все задания люди эсминца выполняют образцово.

К фашистам подходило подкрепление — два батальона пехоты. Снаряды, выпущенные кораблем, угодили в самую гущу. Бойцы морского отряда, действовавшие на берегу, крикнули «ура» в честь точной работы моряков эсминца.

Гитлеровцы решили, что наши части перешли в наступление. Они осветили свою позицию. Североморцы не зевали. Много фашистов покосили тогда.

Противник открыл артиллерийский огонь. Командир отряда произнес несколько слов в телефонную трубку. Секунды — и раздался залп с эскадренного миноносца. Еще залп.

— Довольно, — сообщили с берега. — От фашистских орудий колеса летят. Спасибо, товарищи!..

С тех пор, когда пехотинцы обращались в штаб флота с просьбой прислать на подмогу корабли, они, между прочим, дабавляли:

— Знаете, тот самый эсминец...

Светает. Полным ходом идет эсминец в свою базу. Снаряды и залпы лежат у орудий. Морские артиллеристы готовы снова открыть огонь по врагу.

2. В ПОЛЯРНУЮ НОЧЬ

Пришлось мне однажды беседовать с командиром пехотинцев, действовавших на мурманском направлении. Этот отряд сумел ликвидировать прорыв отборных батальонов гитлеровцев и нанести им огромный урон. Командир сказал:

— Морские летчики наводят ужас на фашистов. Они изматывают врага. А бомбят — с удивительной точностью. Мы видели, как взлетели в воздух батареи противника, как горели автомашины, рвались на земле снаряды. Мы по шуму моторов различаем, когда летят морские разведчики. Жаль, что летчики не слышат (высота большая!), как моряки благодарят их за отличную работу!

Командующий воздушными силами Северного флота объявил благодарность подразделению Сечкина за боевую работу в ночь на 23 ноября 1941 года. Вот об этой ночи мне и хочется рассказать.

Комиссар снял телефонную трубку.

— Ну, синоптики! Что там на сегодня предскажете?

Летчики, ведшие оживленный разговор, притихли: вопрос, можно сказать, самый существенный.

— Прекрасно. Значит, у нас в порядке...

Лица летчиков просияли.

— А как у фашистов. Что?.. Низкая облачность?.. Туман? Эх, синоптики, — в сердцах сказал комиссар, — вечно погоду испортят!

Позднее сообщили, что тумана не предвидится.

Адъютант Крапивин собрал летчиков, штурманов, стрелков-радиостов — боевые экипажи воздушных кораблей. Он подробно объяснил задание. К линии фронта подтягивались подкрепления. Надо было сорвать планы фашистского командования и ударить по этим подкреплениям. Штурманы тут же сделали прокладку. Все, что можно было подготовить, готовилось на земле.

Крапивин — один из тех адъютантов, которые умело сочетают штабную и летную работу. Этот неутомимый человек всюду успевает. Он и разработает в деталях операцию и сам полетит выполнять боевую задачу...

Ночь сверкала звездами. В морозном воздухе играло, переливаясь, северное сияние.

На аэродроме притаились морские разведчики, готовые к бою. У самолетов — техники, мотористы, оружейники. Они осматривали, ощупывали, проверяли. Ни разу за месяцы Отечественной войны материальная часть самолетов, обслуживаемых ими, не выходила из строя, не откачивала в воздухе!

...Уже гудит мотор самолета Сечкина. На этом самолете мне разрешили сегодня лететь. Уже вспыхнули огоньки, обозначающие направление старта. Первым взлетел Сечкин, за ним — Кнут. Это неразлучная пара. Словно чайка, ныряет в воздушном океане самолет Кнута. Я всматриваюсь, и мне кажется, что вот-вот ведомая машина врежется в плоскость нашего самолета. (Позже, на земле, Кнут мне сказал, что расстояние между плоскостями самолетов действительно небольшое — несколько метров.) Это, конечно, опасно, но в такой тьме чуть отстаешь — потеряешь из виду самолет. Кнуту не легко: он все время регулирует газ и смотрит «в оба».

Голубовато-серебристое пламя выбивается из выхлопных патрубков и причудливым светом озаряет кабину. Фосфорятся приборы. Я не различаю цифр, не вижу направления стрелок. А Сечкин ведет по ним самолет. Впереди — штурман Баташев. Он по пояс высовывается из кабины. Хотя штурман и стоит на ветру, его ничто не проберет. Комбинезон на меху, унты, шлем и очки, на лице маска, предохраняющая от мороза, — все это сделано любовно, доброту.

Я смотрю вниз и ничего не вижу, кроме белых пятен на земле и темной полоски залива.

А штурман выглядывает, сличает землю с картой и... все видит.

Сечкин подтолкнул меня локтем.

— Смотри!

Слева от нас мелькнули два силуэта.

— Самолеты.

— Чьи?

— Может быть, наши. А может, противника...

Летчик кричит, но сквозь гул мотора едва улавливаешь его голос. Лицо Сечкина спокойно и сосредоточенно. Он следит за приборами.

Перед вылетом нас предупредили, что в воздухе вражеские самолеты. Встреча морского разведчика с истребителем противника — удовольствие не из приятных. Гидросамолет по своим тактико-техническим данным уступает сухопутной машине. Но... приказ получен. И ни при каких обстоятельствах советский летчик не свернет с курса.

Может быть, нас не заметили. Может быть, это были свои.

— Проходим позиции противника, — кричит Сечкин.

Альтиметр показывает 3000. Смотрю вниз. В воздухе вспыхивают какие-то странные рыжеватые язычки. Сечкин толкает меня — штурман приготовился сбрасывать бомбы.

Разочарование! Я прозевал самое главное — бомбовый удар. Не заметил, как отделились бомбы, как они взрывались внизу, как мы вдруг оказались над своим аэродромом.

Я думал, будут слышны разрывы зенитных снарядов.

Оказывается, мотор все заглушает.

Рыжеватые язычки, прыгающие в небе, и есть разрывы снарядов!

Пока Сечкин докладывал о выполнении задания, оружейники подвесили новые бомбы, матросы заправили машину бензином и маслом.

И снова вылетает Сечкин. На этот раз в ровном гуле чуждые нотки: мотор «барахлит». Машина тяжело набирает высоту.

— Придется вернуться, — слышу недовольный голос летчика. Сечкин оборачивается ко мне и насмешливо добавляет: — А что тогда напишешь в газету! Опять будешь жаловаться — ничего не видел...

Но Сечкин, конечно, не стал возвращаться: не в его это правила, хотя над линией фронта летчик еле-еле «натянул» 1500 метров. Опасно, конечно, — даже зенитные автоматы бьют выше...

Яркое багровое пламя ударило в глаза, осветило плоскости. Теперь нельзя не понять — огонь зениток! Сечкин отвернул влево.

Зенитки нащупали нас опять. Снаряды рвутся где-то вблизи. Штурман, словно дирижер, машет то левой, то правой рукой — и соответственно его знакам летчик подворачивает самолет. Мы лавируем среди рвущихся снарядов.

Но вот Баташев вскидывает обе руки кверху и застывает в одном положении. Это означает — «так держать!» Теперь уже некогда применить противозенитный маневр. Под нами цель.

От плоскостей плавно отрываются бомбы. Они сперва клонятся стабилизаторами, потом опрокидываются и летят вниз. На врага! На фашистских гадов!

Не прошло и полминуты, как внизу, на сопке, вспыхнуло огромное пламя. Ярким отблеском отразилось оно на плоскостях...

Возвращаемся.

На посадочной дорожке лег широким лучом прожектор. Купаясь в ослепительном свете, самолет скользит на лыжах. Потом вдруг сразу становится темно: прожектор выключили.

Теперь только узнаем, что на самолете Кнута повреждения: осколком снаряда сорван держатель подкрыльного факела, разбит отличный фонарь.

...Аэродром. Уходят и приходят морские разведчики.

Летчик Киселев прибегает на командный пункт.

— Задание выполнено, все в порядке, — докладывает он.

— Нет, не все в порядке, — вносит поправку воентехник Баканов. — Одну лыжу совсем разворотило. Живого места нет.

— Неужели при посадке?

Это большая неприятность. У Киселева всегда была безукоризненная, «чистая» посадка.

— Да нет, — успокаивает летчика техник, — снарядом разбило.

Самолеты готовятся к очередному вылету.

— Товарищ командир, — просит Киселев. — Я полечу. Сел ведь с такой лыжей. И взлечу.

— А зачем зря рисковать?.. Товарищ Баканов, сумеете установить новую лыжу?

— В темноте, конечно, не легко, — раздумчиво произносит техник. — Но... попробуем. — И он бежит к самолету.

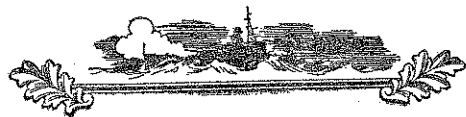
И вот техники и мотористы при мигающем свете ручных фонариков поднимают машину домкратом. Вот они уже расконтрили болты, прикрепляющие лыжу к шасси... А в это время оружейники подвешивают бомбы, заправляют самолет бензином и маслом.

За несколько минут до намеченного срока Баканов доложил Сечкину о готовности самолета к вылету. Надо было видеть, какой радостью блеснули глаза Киселева.

Я посмотрел на часы. Четыре минуты первого. 23 ноября. Кончился пятый месяц Отечественной войны и начинался шестой.

...Всю ночь громили врага морские разведчики. С линии фронта передавали, что горят деревни, где расположились фашистские войска и штаб корпуса, что прямым попаданием уничтожена колонна противника. А машины приходили и уходили.

В небе все ярче разгоралось северное сияние. Оно то закрывало звезды серебристой кисеей, то окружало их трепещущими люстрами, то пылающими жар-птицами играло над притихшим морем.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

ОДНОФАМИЛЬЦЫ

Нигде на всем фронте теперь нет такого короткого дня и такой длинной ночи, как здесь. На тысячи километров к югу тянется линия великого фронта. Но к северу отсюда нет ничего, только ледяное море, катящее свои холодные валы от самого Шпицбергена. Сухопутный фронт обрывается здесь у прибрежных скал Муста-Тунтури.

Уже пять месяцев идут бои за хребет Муста-Тунтури. Бои начались еще летом, когда покрытые скудным мхом и лишайником холодные скалы еще иногда согревались редким северным солнцем. Бои продолжались осенью, когда бешеный северный ветер сбивал с ног и, раскачав, ударял о зубцы скал смельчаков, на веревках поднимавшихся с уступа на уступ. Бои продолжают сейчас, когда многометровые пропасти завалило снегом, когда от холода трескаются камни и вода замерзает на краях кружки прежде, чем поднесешь ее к губам.

Меняются времена года, но все попрежнему, не уступив ни одного вершка каменистой заполярной земли, дерутся наши роты в скалах Муста-Тунтури. И все так же в оперативных сводках говорится о седьмом пограничном знаке, о безымянном озере, о верхнем плато.

Земля здесь измерена вершиками. Каждую расщелину, каждый камень мы запомнили здесь на глаз и на ощупь. Здесь нельзя ошибаться и путать, нельзя ночью по ошибке проползти на тридцать метров дальше, чем нужно. Ибо тридцать метров здесь — это дистанция от нас до врага. Иногда она увеличивается до пятидесяти, очень редко до ста. Враг подошел вплотную, подошел, как мог ближе, к самому гребню хребта. Ему казалось, что еще сто, пятьдесят, тридцать метров и он, перевалив через гребень, вырвется на равнину. Но как раз эти тридцать метров ему и не удалось пройти ни в июле, ни в августе, ни в ноябре.

Фашисты так близко, что слышно, как они разговаривают.

Здесь нельзя было зарыться в землю, потому что здесь нет земли — только камень. И окопы стали расти вверх. В расщелинах скал воз-

никли сложенные из камней перегородки и перекрытия, выросли метровой толщины стены с бойницами. Узкий голый, как стол, гребень хребта стал мертвым пространством. Каждый вершок его пристрелян с двух сторон — с северных скатов нами, с южных врагами. И даже когда еще не замерзло лежавшее посреди плато узкое горное озеро, воду все равно приходилось поднимать на веревках в котелках снизу. Пятнадцать метров до озера были непреодолимым расстоянием.

Завоевание каждого метра скалы — это десятки жизней. Взять этот потерянный метр обратно — значит тоже заплатить за него кровавой ценой. Секунда трусости и нерешительности одного бойца назавтра обернется десятками смертей для его товарищей. Занятый сегодня немцами окоп должен быть завтра взят обратно. Здесь некуда пятиться, некуда отступать. Здесь надо побеждать или умирать. Умирать, но держаться.

И на скалах Муста-Тунтури за пять месяцев воспиталось суровое племя бойцов, не умеющих отступать и привыкших видеть смерть перед глазами ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Здесь воспитались бесстрашные спокойные люди, мастера гранатного боя, рукопашной схватки; люди, привыкшие жить по неделям без огня, в промерзших каменных щелях; люди, умеющие терпеливо, сутками, ждать возможности «тихой смерти» — молчаливым ударом кинжала покончить с задремавшим всего на одну минуту врагом...

Когда подвиги, лишения и опасности становятся повседневными, люди скупо говорят о них. Они перестают их замечать и за собой и за другими. И если в их устах прозвучит все-таки короткая убежденная похвала, то, значит, за этой похвалой стоит длинный ряд подвигов.

Как и всюду на фронте, как в каждой части, и здесь на Муста-Тунтури есть одна фамилия, которую всегда называют первой, с которой начинают и которой кончают каждый рассказ о подвигах своих товарищей.

Эта фамилия — Данилов. Вернее — Даниловы. Потому что их двое.

Огромный, молчаливый, спокойный ленинградец — сержант Александр Данилов и маленький неугомонный крепыш из-под Пензы — сержант Иван Данилов.

Военная судьба свела однофамильцев почти на краю света, в скалах Муста-Тунтури, а воинская доблесть и удача сделали их общую фамилию почти нарицательной. Находясь на разных вершинах хребта, зная друг друга только понаслышке, они все равно как бы связаны этой общей фамилией. Оба порознь они завоевали ей славу и вместе защищали ее честь.

Комиссар артиллерийского полка в блиндаже рассказывал мне о своем бывшем старшем звукометристе, а теперь разведчике Александре Данилове.

— Жаль, — говорил он, — что вы его не увидите. Он в госпитале — пять ран. Раньше, чем через две недели, не жду его.

Он не докончил фразы. Низкая дверь затрещала, потом зашуршала обшивка узкого хода сообщения, и в блиндаж, нагнув голову, вошел

огромный человек в полушубке и каске. Он был настолько огромен, что большой овчинный полушубок выглядел на нем почти как детская распашонка. Тяжелые руки вылезали из рукавов, крючки не сходились.

— Сержант Данилов прибыл из госпиталя, — входя, отрапортовал он густым басом.

— Ну, садись, садись, легок на помине. — Комиссар обрадованно смотрел на широкое румяное и спокойное лицо Данилова. — Очень уж быстро вернулся.

— Напротив, очень даже медленно, товарищ комиссар, — внушительно сказал Данилов. — Они, врачи, думают, что если пять ранений, то и сиди у них. Они не могут понять, что на мою комплекцию пять ранений — это все равно, что на другую одно.

— А ты бы им объяснил, — улыбнулся комиссар.

— А я и объяснил. Потому и выписали, — убежденно, без улыбки ответил Данилов.

Я попросил его рассказать о последнем бое, в котором он принимал участие.

Так же неторопливо и обстоятельно, как и все, что он делал, Данилов присел на земляной приступке, свернул папиросу и заговорил ровным голосом все помнящего и ничему не удивляющегося человека.

— Дали мне тридцать человек (если больше, то развернуться там негде) и велели выбить фашистов. Пошли мы вечером двенадцатого. Часть дороги по щелям ползли, а часть по открытому. Но что поделаешь, камень и камень — не влезешь ведь в него. Я перебежал первым, потом ребята. А огонь серьезный. Несколько ребят отстало, не перебежало. Я за ними вернулся, чтобы им с командиром веселее было через плато переваливать. Одного, Бориславского, у меня сразу же ранило. Он кричит: «Товарищ, товарищ командир!» А я ему: «Тише ты». И в самом деле, зачем шуметь? Перевязал его — и все.

У нас за этот час много ранило и убило. Тринадцать из тридцати. Я швырял много гранат, потом все вышли. Меня ранило осколками в бок, в руку и в лопатку. Меня товарищи перевязали, и я остался с семнадцатью.

Шестерых послал налево, чтобы нас не обошли, а сам остался с десятью человеками.

На вторые сутки в семнадцать часов стали наступать. Я за день собрал много — штук шестьдесят — гранат и подгреб их к себе поближе. Собрал к себе еще три винтовки. В общем хозяйство неплохое. Тут у меня еще двоих убило — сержанта моего и бойца Терейцева. А враг все ближе и ближе. Я тогда подобрал себе все гранаты: бросаю подале, чем другие. Разложил их кругом, чтобы не взорвались сразу от детонации.

— На сколько же вы их бросаете?

— Метров так на пятьдесят с лишним. На пятьдесят шесть бросал в мирное время. Да и тут, думаю, тоже не ближе, а по горячке, может, даже и дальше.

...Стали фашисты бить гранатами, пулеметами и минометами. У края площадки лежал камень. Я засел за него. Сзади склон, спереди каменное плато, а за ним противник.

Я встал между двух камней. Они хотя и высокие, другим, может, до головы, а мне в полгрудь. Ребята ниже меня залегли, потому что зачем зря всем рисковать. Я один пока держаться мог.

Площадка была метров тридцать, мне нельзя было пустить на нее фашистов. Свои гранаты я израсходовал. Тогда ребята стали мне заряжать их и подавать снизу. Целиком, в рост, я так врага и не видел. Только станет в полроста — как пуцу гранату, так и нет его. Это сначала, а потом такой дым от гранат и мин поднялся, что почти ничего не видно.

Только и слышишь: капсюль у них щелкает — значит, бросают. И как длинная деревянная ручка мелькнет над дымом, тут и сам бросаешь туда, откуда она летит.

Все же гранаты у нас почти кончились. Тогда я прилег за камень, сверху, прямо на ребят. Я ведь вон какой, их без малого всех своим телом один прикрыл. Может, думаю, тяжеловато им, но зато ничем до них через меня не достанет.

Тут меня опять ранило в пальцы правой руки, в шею и глаз. Глаз залило кровью, ничего не видно. Поднялся, швырнул наугад последние три гранаты и вдруг слышу сзади голоса русские — подкрепление идет. Только и сказал я им: «Наконец...» Больше ничего и выговорить не мог.

А когда огонь немножко затих, сполз я вниз к командиру.

«Как, — говорю, — быть? У меня бинта нет. Я свой истратил, Бориславского перевязывал».

Он приказал: «Ползи к санитарам». Я пополз. Ребята мне помогли, сделали перевязку и воды дали — я ведь два дня ни глотка не пил. Вот и все событие...

— Да, все, — подтвердил комиссар, — только за исключением одной маленькой подробности. Данилов забыл сказать, что после первого ранения у него правая рука не двигалась. Так он двое суток и дрался одной левой. Поэтому-то ему ребята и заряжали гранаты. Он сам не мог.

— Нет, я всей рукой не мог, а пальцами мог, — поправил Данилов. — Зажму руку между колен, чтобы не тряслась, и пальцами могу шевелить.

Рядом с Даниловым лежала только что снятая с головы фашистская каска.

— Вот ношу, — сказал он, с пренебрежением подталкивая ее ногой. — Мою проковыряли гранатой — я эту взял. Ничего, ношу. Пока служит мне лучше, чем прежним хозяевам...

Через несколько дней я встретил второго Данилова.

Это было у подножия Муста-Тунгури. Низкое северное солнце, едва успев показаться, уже скрывалось за гребнями скал.

Сержант Иван Данилов, маленький крепкий человек, в запорошенной колючим снегом шинели, стоял против меня на фоне скал и уще-

лий, откуда он только что вернулся. Он говорил, ожесточенно кивая головой в сторону Муста-Тунгури, и, словно стараясь ускорить этим рассказ, помогал себе быстрыми объясняющими жестами рук.

— Нашей роте один пулемет жить не давал, никак не пройдешь. Тогда мы вдвоем пошли — я и красноармеец Волков. Пошли наверх, чтобы уничтожить пулемет, не дававший нам подняться. По щелям подползли к самому пулемету и гранатами взорвали трех гитлеровцев. Один бежал, но его тоже настигла пуля по дороге. Мы остались на сопке. У нас было два автомата. Мы залегли и стали ждать нападения. Нагородили себе из камней окопы. Прекрасный у нас блиндаж получился. Дом сложили своей, бойцовский. Здесь же это просто.

Сначала нас обстреливали ружейным и пулеметным огнем. Потом видят — не взять и стали по нас двоим бить всей минометной батареей. Всю сопку избили, только в нас не попали, а так вообще кучно били, не плохо.

К вечеру Волков пошел вниз для связи, а я остался. Впереди была лощина, а за ней еще одна сопка. Там фашисты. От меня до них только эта лощина — и все. Сутки я просидел на сопке. Не хотел ее оставлять, нарочно остался, думаю: ну вот теперь мы узнаем, какая ты есть скала, Муста-Тунгури. Так и высидел до тех пор, пока свои со всех сторон не подошли: Уже патроны как раз кончались. Думал, на кулаки придется переходить.

— Что же ты не говоришь, как ранен-то был? — спросил кто-то из присутствующих.

— Да это раньше...

— А в голову — это тоже раньше?

— Нет, в голову — это позже. Да это так, не в счет. На каске разорвалось. Только побрызгало. Крови, правда, много было, но рана неглубокая, пустая. Дело так было. Сидел я, пока стемнело, отбивался. Потом наши подошли, и гранатный бой начался. Поползли вперед по сигналу — два пистолетных выстрела. Фашисты сверху гранатами. Под таким огнем веселей идешь. Живость появляется в движениях. Добрались до вражеских окопов, забросали их гранатами, я подобрал там карабин, шесть гранат и засел в щели.

Через пять минут они в контратаку пошли. Прямо на меня один фашист выскочил. Я хотел его только подранить и стащить к себе, чтобы «язык» был. Но замешкался с винтовкой — а он за камень. Пришлось его гранатой рвануть, а то еще убежал бы, чего доброго. Потом еще трое выскочило. Снял их из автомата. Автомат у меня хороший, строчит, как швейная машинка. Тут меня остальные фашисты заметили, я крайний слева был. Стали подползать, гранаты бросать. Приспособились: как бросят, так прямо мне на голову. Их граната долго шипит, я возьму ее за ручку и назад. Три бросил, а четвертая ударила в край скалы и мне на каску упала. Я страхнул ее с каски на камни, а она перед самым лицом разорвалась. Поранила мне лицо, щеки, шею, ногу. Кровь горлом пошла. Я бросил свою последнюю гранату и пошел назад отбиваясь.

Дополз до уступа, вижу — тут двое ребят раненых, один в ногу, другой в спину. Один плачет, говорит: «Перевяжи, если можешь, изойду кровью». Я на него свой бинт истратил. Хотел рубашку рвать, но сперва спросил у них, как у меня у самого: сильно кровь идет? Нет, говорят, подсыхает. Ну, если так, я перевязывать себя не стал, рубашку не порвал.

Один из наших от бессилия в лощинке винтовку оставил. Пришлось обратно мне ползти за его винтовкой, потому что какой же он боец без винтовки. Только я вернулся, меня в поясницу осколком мины ударило. И пошли затем фашисты бить по всему этому месту.

Что же делать: раз идти, так идти. Один раненый сам пошел, а второго я на плечи взял. А фашист опять мину. Я кинулся на лапки, на живот лег, как змея какая-нибудь, и ничего. Раненого же на спине у меня маленько трянуло. «Ничего, — говорю ему, — держись, Ванька (его Ванькой звали)!» Так и отвел я их до своих — это твердо помню, а что потом было, хуже помню. Лег и дышать не могу, устал. Вот такие бои у нас были.

Над Муста-Тунтури садилось солнце. Закинув на плечо автомат, Иван Даңилов поглядывал на юг. На лице его была написана досада. Этому неугомонному человеку не сиделось на месте. Он бы с удовольствием сегодня же вернулся обратно на Муста-Тунтури и провел бы эту ночь с оружием в руках, в засаде вместе с только что вернувшимся из госпиталя своим однофамильцем и незнакомым другом Александром Даниловым.

Начинало совсем темнеть. Между скалами Муста-Тунтури, на секунду освещая их зубы, мерцали короткие минометные вспышки.

Морской пехотинец
АНАТОЛИЙ КРЕМНЕВ

В ГОРАХ НА РЫБАЧЬЕМ

В горах на Рыбачьем пурга и метели.
Сковали морозы бескрайний гранит.
Холодные ветры не раз прошумели
В ущельях, где русский фашистов громит.

Матросы, матросы — орлиное племя!
Не вы ли, под рокот полярных морей,
В суровое время, военное время
Бесстрашно дрались под огнем батарей.

Пусть ветер полярный гудит, не смолкая,
Снега заметают пустынную даль.
Матрос-автоматчик, душа молодая,
В бою закалился, как крепкая сталь.

И верных сынов никогда не забудут
Свободные люди, советский народ.
Рассказывать внукам предания будут,
Как бился за Родину Северный флот.

КОНСТАНТИН ДЕНЩИКОВ

НА ТАРАН!

В море штормило. Шторм сменялся туманами и снежными рядами. Размеренно шла жизнь на корабле. Внимательно следили за водой и воздухом сигнальщики, зорко смотрели за своими секторами.

Уже много суток корабль находился в море, но люди чувствовали себя бодро и уверенно.

В одну из морозных ночей очередная смена стала на вахту. На мостик поднялся вахтенный командир лейтенант Садиков. У носовой пушки стали старшина второй статьи Чижев и краснофлотец Потапов.

Густой туман окутывал горизонт. Четырехбалльный зюйдовый ветер гнал волны, с грохотом бившие в борт корабля.

Глаза уже начали привыкать к ночной мгле. Чижев, внимательно глядя в поверхность моря, заметил черное пятно. Увеличиваясь с каждой секундой, оно принимало форму корабля.

Несомненно, это был враг!

— Силуэт корабля, справа сорок, дистанция четыре кабельтова!.

Доложив вахтенному командиру, Чижев бросился заряжать орудие. Краснофлотец Потапов мгновенно снял надульник. Пока звучала боевая тревога и люди, срываясь с мест, занимали свои посты, Чижев открыл огонь.

Первый снаряд — с недолетом! Он поднял фонтан воды вблизи силуэта. Второй — угодил в цель. Третий!.. Четвертый!.. Пятый!.. Снаряды Чижева били прямо в носовую часть фашистской подводной лодки. Теперь уже она была ясно видна. Командир корабля лейтенант Киреев приказал открыть по ней еще и пулеметный огонь.

Корабль североморцев шел на сближение с врагом. От нескольких секунд зависел исход боя. — Не дать уйти фашистам, уничтожить лодку тараном! — решил командир. Комиссар — старший политрук Мышкин — поддержал это решение.

— Самый полный вперед!

Разрезая форштевнем волны, корабль шел на таран!

Подводная лодка готовилась к срочному погружению. Люки были задрены, людей на мостике незаметно.

— Не уйдешь!

Североморцы замерли на своих постах.

Страшный удар потряс корабль. С самого полного хода он врезался тяжелым форштевнем в борт фашистской подводной лодки. На полтора метра! Корабль вздрогнул, качнулся. Лодка висела на его форштевне. Так он и продолжал двигаться вперед около минуты.

Чижев, глянув за борт, разочарованно заметил:

— Нет ни одного бандита! Хотя бы одного для интереса вытащить за волосы...

— Самый полный назад! — передал командир в машинное отделение.

Корабль освободился от лодки.

Удар был рассчитан точно. Он угодил в отсек с аккумуляторными батареями. В пробоину хлынула вода. Смешиваясь с кислотой, она пеннлась и кипела пузырями хлора. Высоко задрал нос, с креном до сорока градусов на левый борт, лодка медленно пошла ко дну.

Поставив вежу на месте гибели лодки, корабль прошел вперед, развернулся и стал бросать глубинные бомбы.

Командир отделения минеров старшина второй статьи Бачин отлично провел бомбометание. С каждым взмахом флажка поднимался за кормой всплеск воды от сброшенной бомбы, и через мгновение следовал оглушительный взрыв.

Командир отделения радистов старшина второй статьи Соболев немедленно проверил в радиорубке весь диапазон коротких и длинных волн. Он установил, что лодка не успела сообщить о своей гибели. Операция была проведена умело, быстро и решительно. Она продолжалась всего три минуты. В 6.13 началась атака, в 6.14 дали полный ход, в 6.15 уже таранили.

Радостное чувство законной гордости испытывал каждый на корабле. Это был первый таранный удар на Северном флоте.

БОРИС ЯГЛИНГ

ВОСЕМЬ МИНУТ

Москва в те дни готовилась нанести контрудар. Москвичи воевали всюду — на Севере, на Юге, под Ленинградом и в Подмоскovie. Москвички работали на фабриках, заводах и в госпиталях, собирали подарки бойцам. Девушки, жившие под Москвой, на станции Люблино, отправляли свои посылки фронту. Аня укладывала в пакет папиросы, конфеты, бритвенные ножички, печенье, носовые платки, на которых алым шелком было вышито слово «Вам». Девушка не знала, кому достанется ее посылка. Она написала в записке: «Дорогой боец! Шлю вам подарки и желаю наилучших успехов в борьбе с фашизмом. До свидания! Когда-нибудь увидимся. Пишите мне ответ, как только получите подарок, по адресу: Московская область, Люблино. Будьте живы и здоровы, побеждайте врага. Аня».

Фамилию Аня забыла подписать. И комендор подводник-североморец Чигрин, которому достался подарок Ани, не знал, как адресовать ей ответ. Пока посылка Ани шла на Север, Чигрин был в море и участвовал в походе, не имевшем примера в истории подводной войны. В открытом морском бою советская подводная лодка сразилась со своим самым опасным врагом — кораблями противолодочной обороны.

Под вечер, когда стал утихать бушевавший несколько дней шторм, подводники «подгребли» в тот самый фиорд, где произошел этот небывалый бой. Здесь лодка осталась «переночевать» на глубине. Торпедисты Филиппов и Соколов улеглись отдохнуть. Аппараты были наготове. На крутых боках торпед по смазке была выведена небольшая, но выразительная надпись: «Кровавой собаке Гитлеру от торпедистов советской подводной лодки». Был предложен, правда, и вариант надписи покрепче, но решили остановиться на этом.

Когда забрезжил рассвет, наблюдение усилилось. Именно здесь, в этом фиорде, должны были проходить фашистские караваны.

К полудню, наконец, показался пыхтевший транспорт — солидное грузовое судно тысяч водоизмещением, а может быть и больше. Его сопровождали сторожевой корабль и два катера.

— Атакуем?.. — В вопросе Гаджиева звучало не сомнение, а решение. Это был седьмой поход Гаджиева с начала войны. Один из опытейших подводников-североморцев, он больше, чем на час-два, не задерживался на берегу. На борт этой подводной лодки он попал, едва вернувшись из другого победного похода. Отдыхать было некогда.

— Разумеется, — подтвердил командир лодки Малофеев.

Торпеды с матросским «посвящением» ринулись к цели. Взрыв! Второй!

— Погружаться! — На поверхности шумели винты кораблей. Ближе, ближе... И тут рванула первая глубинная бомба, сброшенная сторожевиком. Бомбы рвались то сериями, то по одной. Остановится лодка — и взрывы прекращаются.

— Будем всплывать и топить артиллерией! — предложил Гаджиев.

Это было неслыханно дерзкое решение. На поверхности лодку поджидали три хорошо вооруженных вражеских корабля.

По сигналу подводники приготовились к прыжку. Едва рубка показалась над водой, как люк был отдраен и все они, офицеры Гаджиев, Малофеев, Гранов, Виноградов, комендоры Чигрин, Егоров, Конопелько, Соловьев, Жикулин, как были, — в кителях, фланелевках, а некоторые даже без шапок, — выпрыгнули на мостик. Сторожевик шел прямо на лодку, посылая орудийные залпы и цветные струи трассирующих пуль. Открыли огонь и катера. Всплески рвущихся снарядов ложились все ближе к лодке. Взвизгнули пули, чиркнув по корпусу.

Комиссар Гранов, кок, радисты — все, кто мог, подавали снаряды.

— Бей, братва, фашистских гадов! — кричал сигнальщик Звягин. И братва била. Здорово била.

Огонь по врагу был открыт через мгновение после того, как всплыла лодка, в пятнадцать часов семь минут. Через три минуты — в пятнадцать десять — был потоплен сторожевик, в пятнадцать двенадцать затонул катер, в пятнадцать пятнадцать стал удирать второй «охотник».

Сторожевик разнесло прямым попаданием в центр корабля с пятого выстрела. Видимо, угадали в боезапас. В густом дыму сверкнуло желтое пламя и истаяло вместе с кораблем. От катера тоже вскоре только дым пошел. Второй катер оказался благоразумней, юркнул куда-то за скалу.

— Вон его «усы» у берега, товарищ командир! — волновался наводчик Солсеев. — Разрешите всыпать ему?

— Нет, это не «усы», — сказал Малофеев, взглядевшись в бинокль. — Это прибор. Удрал, подлец!

Подводники разошлись по отсекам. Лодка двинулась в путь. Все вспоминали подробности, и каждый рассказывал, что делал во время боя и что происходило рядом с ним.

БОЕВОЙ СЧЕТ СЕВЕРОМОРЦЕВ

*По сообщениям Советского Информбюро
за июнь — декабрь 1941 года*

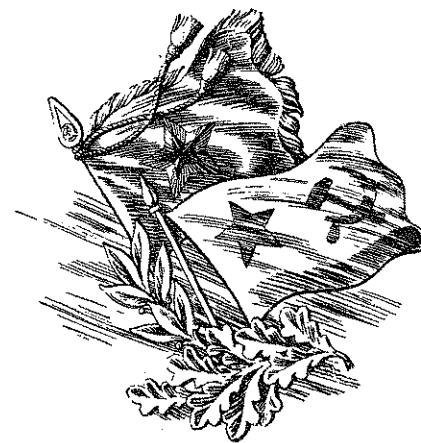
С первых дней Великой Отечественной войны корабли советского Северного флота повели активные боевые действия на вражеских коммуникациях. Североморцы в суровых условиях северных морей искали врага, навязывали ему бой, беспощадно топили фашистские корабли и транспорты.

За первые шесть месяцев войны — до конца 1941 года — корабли Северного флота потопили 32 фашистских транспорта, 2 сторожевых корабля, 1 подводную лодку и еще 1 подводную лодку захватили в плен в Баренцовом море.

Кроме того, береговая артиллерия флота потопила у врага 3 транспорта, 2 катера (из них один — торпедный), 1 тральщик.

СЕВЕРОМОРЦЫ НАСТУПАЮТ

НИКОЛАЙ ПАНОВ

ДЕСАНТНИКИ

Из поэмы «Баренцево море»

Замаскированный морской травой,
Среди обломков черного гранита
Светлел обломок рамы ветровой
С подстреленного в сопках
«Мессершмитта».

Сквозь мутноватость этого стекла
Лучи заката мягко освещали
Некрашеное дерево стола,
Заваленного странными вещами.

Здесь были пачки писем и газет
С шрифтами непривычного рисунка,
Набор фотографических кассет,
Разорванная полевая сумка,
Двух парабеллумов
Литая сталь,
Морской бинокль
С мерцаньем стекол Цейса,
Крестов железных черная эмаль
И кепи с лепестками эдельвейса.
И моментальных снимков пестрота,
Измятых и разорванных местами...

Вот транспортов высокие борта
Под флагами с ползучими крестами...
Дошчатые постройки лагерей.
Кругом — гористых снежных далей глянец...
Смеющиеся лица егерей
С глазами конквистадоров и пьяниц.
Вот на сугроб
Безусый егерь влез

И скалит зубы, радостный донельзя...
На обороте надпись:
«Киркенес.
Отсюда мы войдем в Россию, Эльза».
Вот лыжники у дома встали в ряд,
Глядят на вас торжественно и прямо.
Готические буквы говорят:
«Целую, Гретхен!
Мы уже в Петсамо»...
Молчат снега.
Горит рыбацкий дом.
Шюцкоровец оперся на винтовку.
И снова надпись
Пляшущим шрифтом:
«Дорога в Мурманск.
Мы вошли в Титовку».

У командира был усталый вид.
Перебирая фотографий стопки,
Он говорил:
— Убит... Убит... Убит...
Всех этих истребили мы на сопке...
Мы пили из консервных банок чай.
Я, делая короткие заметки,
Разглядывал, как будто невзначай,
Прославленного мастера разведки.
Мне не забыть его чудесных глаз,
Когда, склоняясь над блокнотом белым,
Орлов неторопливый вел рассказ,
Вертя в руках
Трофейный парабеллум.

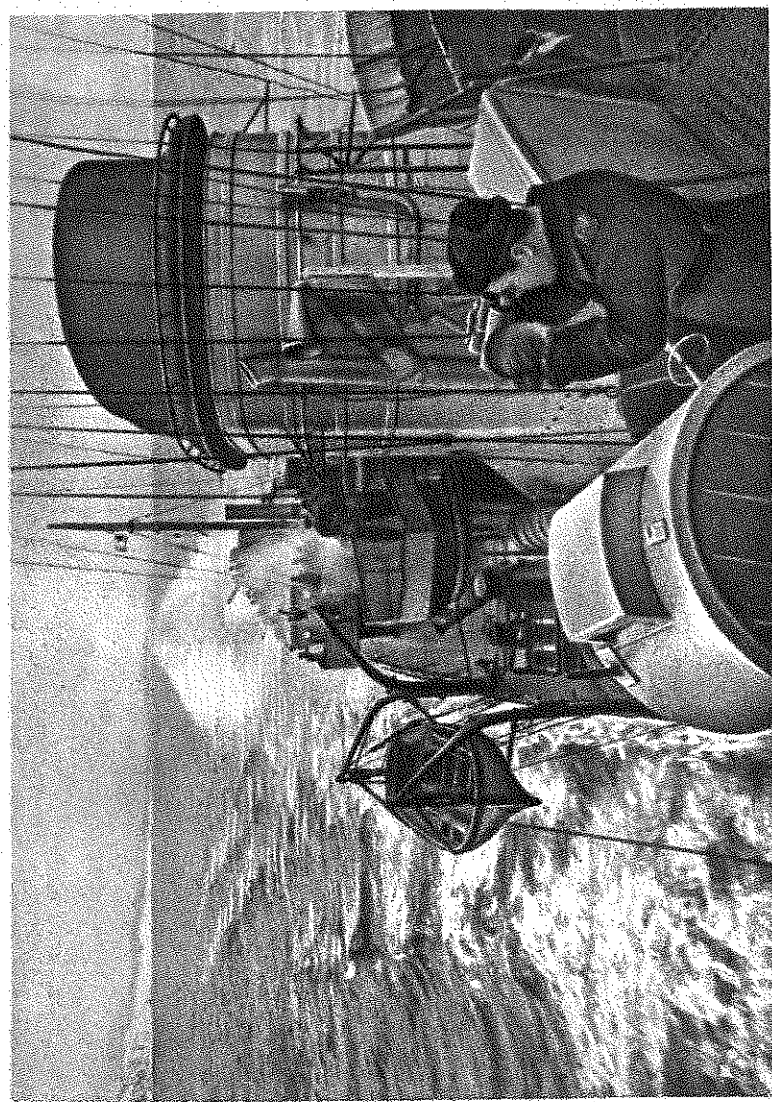
Топилась печка.
Пахло табаком.
Две койки у стола стояли рядом.
Я знал, что здесь вдвоем с политруком
Живет рассказчик —
Командир отряда.
Но мы вдвоем сидели у стола.
Бежали тени по пустой постели.
Землянка будто в сумерках спала,
И лишь трофеи
На столе блестели.

... Померкло снова небо,
Но Орлов
Уже определился по светилам.

Полуостров Рыбачий. Разведчики отправляются на выполнение боевого задания

Гвардейский эскадренный миноносец выходит в море

Фото Н. Верникова

Они блеснули золотым пунктиром,
Космические вихри проколов.
Была задача перед командиром:
Ударить по врагу,
Зайдя с тылов.

Над океаном — высь крутой стены,
И будто циклопические соты
Кольцом стальных шипов оплетены,
Ее вершину
Покрывают дзоты...
Где в море обрываются высоты —
Небрежнее они защищены.

Отряд высаживался в темноте.
Плескались волны из безлунной дали.
На палубе, в горячей тесноте,
Разведчики нетерпеливо ждали
И шепотом чуть слышно обсуждали:
Что встретит их
На вражьей высоте?

— У дзотов проволока в два ряда...
— Придется подорвать гранатой...
— Да...
— Здесь берег поднимается отвесно.
— Я первый влезу
И подам вам трос.
Где не пройдет олень —
Пройдет матрос,
Тем более разведчик, как известно!

И вот уже толкнулся в камни бот,
Трап переброшен через темный борт.
Громада камня
Звезды заслонила.
Уходит вверх
Отвесная гора,
И под ногами — липкая кора
Морской травы и слизистого ила.
Гранитный срез обрывист и высок.
Но чей-то палец трещину нашупал.
Вцепились ногти в мокрый мох...
Бросок! —
И вот осилен неприступный купол.
Петля кремнистый выступ обвила...
Бойцы ползут

Из мглистого тумана...
Все круче каменные купола,
Все дальше, дальше под ногами
Мгла
Стучащего о скалы океана.
Оттягивает шею автомат,
За пазухой —
Гремучий груз гранат.
Скользнув,
Нога над пропастью повисла.
Рука вцепляется в непрочный куст...
В ушах — ломающихся веток хруст,
И в темноте
Черника пахнет кисло.

И, может быть, немецкий часовой
Уже сюда бинокль направил свой...
У амбразур — встревоженные лица...
Сейчас блеснут прожекторы
С высот,
И каждый скрытый, затаенный дзот
Огнями длинных вспышек озарится...

Но мрак непроницаем,
Как мазут,
И океан внизу
Гудит все глуше...
И снова вверх разведчики ползут
По обнаженной, по отвесной суше.
Пока из тьмы, где верхних скал гряда,
Не прозвучало хриплое:
— Вер да?

Как напряженно вслушивался он,
Стрелок альпийский,
Неизвестный егерь.
Летел во мглу скалистый темный склон,
Внизу белели волны
В быстром беге...
Подумал ли о вечном он ночлеге?
Почувствовал ли смерть со всех сторон?

Орлов у гребня
В серый камень врос...
Вокруг него разведчики лежали.
Рука заоченела на кинжале,
Колочий ветер
У корней волос.

— Вер да?..
И пальцы горло немца сжали,
И замер недоконченный вопрос.
И, будто тяжесть сбрасывая с плеч,
Орлов поднялся
Перед блиндажами:
— Теперь — вперед!
Патронов зря не жечь.
Работать аккуратнее — ножами.
С врагом не нянчиться.
Своих беречь...

И бросился с бойцами политруком
Туда, где спящие чернели дзоты.
Но вспыхнула ракета
В небе вдруг,
Залив холодным пламенем высоты
Загрохотали в дзотах
Пулеметы,
Зажегся воздух
Трассами вокруг.
Наружу выбегали егеря...
Метались —
В трассах голубых и алых.
Блестели золотые якоря
На рукавах разведчиков — в овалах...
Зеленый свет дрожал на черных скалах
На блещущем оружии горя...

— Я с автоматом в двери блиндажа
Вбежал... —
Сказал Орлов, трофеи тронув.
— Враги полуодетые, дрожа,
Метались — посреди смятенья, стонов...
Я молча спусковой крючок нажал
И разрядил все семьдесят патронов...

Рассказчик неожиданно умолк,
И в пальцах заблестела зажигалка.
— Все, как обычно...
Крики, тени, свалка...
А впрочем — из разведки вышел толк.
Измучились. Друзей погибших жалко...
Но выполнили свой военный долг.
Давайте спать...
И узкая рука,
Сжимая трубку, задрожала странно.

— Ложитесь на постель политрука...
Героем был... Погиб товарищ рано...
У самого прибора океана
В камнях
Мы схоронили моряка...

...Я рано утром с жесткой койки встал.
Еще тонули в сумерках трофеи:
Эмаль крестов
И погнутый металл —
Страница заполярной эпопеи.
Ржаного хлеба сельский аромат
Вставал над ноздреватыми ломтями...
На стол небрежно опершись локтями,
Радист с подлодки
Чистил автомат.

Я вышел.
Дождь блестел на валунах.
Дул ветер —
Нестихающий и свежий.
Светили вместе солнце и луна.
Туман тянулся
С финских побережий...
И вновь кругом кремнистая земля —
Жилище заполярного солдата:
Каюта каменного корабля,
По волнам скал
Плывущего куда-то.
Все больше заполнял землянку свет.
Исчезла сна тяжелая истома.
Орлов сказал:
— Всем кораблям привет!
Мы здесь в гостях,
А в море будем дома.
Блестел фуражки золотистый краб,
Желтела книга в старом коленкоре...
И он сказал:
— Придете на корабль —
Увидите, за что мы любим море!

ПАВЕЛ МИХРИН

НА МЫСЕ ПИКШУЕВ

Из записок участника десанта

1

Поступил приказ подготовиться к посадке на машины для следования к пирсу Эйно. Еще раз мы проверили и подогнали оружие, чтобы оно не стучало при скрытом движении во вражеском тылу и действовало безотказно в бою. Для большей маневренности и быстроты натиска нас снабдили автоматами и полуавтоматами, гранатами, штыками и ножами. Хотя становилось уже по-осеннему холодно, мы были одеты в одни армейские гимнастерки с желтыми якорями на рукавах, над локтем левой руки. На случай дождя имелись свернутые в скатки плащ-палатки.

Поздно вечером мы сели в автомашины и с потушенными фарами направились по извилистому, каменистому шоссе Рыбачьего к месту посадки на корабли. В Эйно уже ожидали нас катера под командованием капитан-лейтенанта Бабанова и старшего лейтенанта Бубыкина. Там находился также командующий Северным оборонительным районом генерал-лейтенант артиллерии Кабанов, лично следивший за операцией. Вместе с командиром бригады морской пехоты полковником Рассохиным и начальником политотдела бригады Надежиным он проинструктировал командиров катеров и десантных групп, пожелал нам удачи и отдал приказ на посадку.

Каждый катер — «морской охотник» брал небольшую группу десантников, значительно меньше, чем мог взять. Это делалось для того, чтобы в случае повреждения или потопления одного из катеров остальные могли бы немедленно прийти на помощь, снять с пострадавшего корабля десантников и продолжать выполнение задачи.

Стрелка показывала 23 часа, когда отчалил наш первый катер. На нем находилась группа захвата — усиленный взвод автоматчиков под командованием двадцатидвухлетнего лейтенанта Василия Мануйлова. Его взводу предстояло первым высадиться на вражеский берег, захватить плацдарм для остальных десантников и удержать его любой ценой.

Погода благоприятствовала нам. Стояла облачная ночь. Со стороны занятого противником берега дул сильный, завывающий ветер. Разбушевавшийся Мотовский залив заглушал шум нашего катера, темнота хорошо маскировала его.

Рассекая высокие пенистые волны, бежавшие навстречу нам вместе с вражеским берегом, наш катер стремительно приближался к скалам мыса Пикшуев. Нет тяжелее ощущения, чем то, которое испытываешь, подходя в кромешной тьме к молчаливому берегу, занятому врагом, не зная, что тебя там ожидает.

Все ближе и ближе береговые скалы. Все больше и больше напряжение. На сосредоточенных лицах автоматчиков были написаны решимость и непреклонная воля. Обвешанные гранатами и автоматами, плоскими штыками и финками, мы стояли в кубрике около трапа на верхнюю палубу, готовые в любое мгновение выскочить наверх для высадки на молчаливую и страшную в те минуты, но родную нам землю.

Еще несколько томительных, показавшихся нам вечностью, минут — и прозвучала команда: «На палубу!» Катер замедлил ход, подошел к самому берегу. Ни одного выстрела оттуда. Значит, мелькает в сознании, питлеровцы не заметили катер. А может быть, враг решил заманить нас на берег и там уничтожить?

Первым прыгнул на выступ скалы сигнальщик Барминский. За ним — остальные. Через несколько секунд весь взвод был на берегу, молча занял по команде Мануйлова полукольцевую оборону, а Барминский уже сигнализировал карманным фонариком другим, подходившим со стороны Эйно кораблям ударной группы.

Катера подходили шахматным строем. Противник попрежнему молчал. Все шло без заминки. Но когда одному из катеров оставалось до берега всего метров пятьсот, он наскочил на подводный камень. На этом катере были моряки главной ударной группы.

Командир взвода лейтенант Головань приказал добираться до берега вплавь. Первым бросился в леденящие волны залива уроженец Кривого Рога старшина первой статьи коммунист Лысяк. Вскоре весь взвод был уже на берегу.

2

Не задерживаясь, группа старшего лейтенанта Белозерова обошла левый фланг противника и двинулась к высоте «Картошка». Белозеровцы шли цепочкой на дистанции видимости друг друга. За Белозеровым двигался штаб со взводом автоматчиков, дальше — группа прикрытия лейтенанта Маткина.

Впереди всех бесшумно скользили разведчики во главе с лейтенантом Георгием Поярко и политруком Александром Сумароковым. При отсутствии здесь дороги или даже тропки, видимой в темноте, разведчики должны были вывести нас в тыл вражеских батарей по отрогам скал, среди ручьев, болот и озер.

150

Ветреная осенняя ночь и сильно пересеченная местность надежно укрывали нас от врага, но чем дальше удалялись мы от берега, тем больше вновь возрастало напряжение.

Чтобы не напороться на минные поля, Поярко и Сумароков вели нас в обход лощин и плоскогорий по крутым склонам сопки. Благодаря их искусству мы точно в назначенное время благополучно достигли места встречи с группой Грачева и Исаева, которая, по плану командования, должна была высадиться левее нас.

Командир отряда майор Андрей Прохорович Боровиков приказал нам ждать на западном склоне высоты.

Проходит десять, пятнадцать, двадцать томительных минут. Моряков Грачева и Исаева все еще нет. А ведь в той группе почти половина всего отряда.

Может быть, они высадились не там, где нужно? А может быть, — страшно было и подумать об этом, — наши товарищи уничтожены при высадке?

Командир подошел к рации, приказал вызвать полковника Рассохина. Связавшись с ним, сообщил условленным кодом:

— Отряда Грачева и Исаева нет. Решаю начать без них.

— Согласен! — последовал ответ.

Командир отряда приказал Белозерову приготовиться к штурму вражеских пушек и тяжелых минометов.

3

Этот артиллерийский пункт фашистов находился, по нашим расчетам, недалеко от высоты «Картошка». Чтобы выявить его точное местонахождение, было заранее решено заставить орудия этого пункта открыть огонь по Мотовскому заливу, где несколько наших катеров должны были по сигналу Рассохина обнаружить себя и вызвать огонь врага.

Вскоре раздался залп немецких орудий — как раз оттуда, где они, по нашим предположениям, и должны были быть. Белозеров сообщил, что отчетливо видит батарею по вспышкам, возникающим не более чем в ста метрах от нас, и просил разрешения немедленно атаковать.

— Атакуйте, — ответил Боровиков, — да так, чтобы навсегда отучить фашистов появляться на Пикшуеве!

Одновременно он вызвал по радио нашу береговую артиллерию. Она должна была поставить позади нас мощный заградительный огонь, чтобы помешать подброске подкреплений вражескому гарнизону.

С воем полетели, один за другим, через наши головы крупнокалиберные советские снаряды, с огромной силой стали ударяться о скалы. Все содрогалось от разрывов. Стоял сплошной гул от рвущихся снарядов и дробящихся скал.

Этого только и ждали готовые к броску североморцы.

151

Перерезав телефонные провода, тянувшиеся от батареи во вражеский тыл, оставив для прикрытия бойцов лейтенанта Маткина, мы устремились к вражеским пушкам и минометам, изрыгавшим из темноты огненные языки. Когда нам осталось до них метров пятьдесят, взвилось в ночное небо две белые ракеты, и моряки отделений Лысяка и Сулимова первыми обрушились на гитлеровцев. Сухие очереди наших автоматов, разрывы гранат смешивались с криками раненых.

— Ноль цена нашему десанту, если не доставим командованию «языков»! Не бросать гранат в землянки, пока не возьмем пленных! — крикнул старший лейтенант Белозеров. Он бежал во главе нескольких морских пехотинцев к видневшемуся недалеко блиндажу.

Дав для острстки две автоматные очереди по верхней части двери, старший лейтенант вбежал с тремя бойцами в блиндаж, освещая путь карманным фонариком.

В блиндаже стояла мертвая тишина. Слышно было, как в соседней комнате, за закрытой дверью, тикают стенные часы. Белозеров дал еще одну длинную очередь по этой двери. Оттуда послышались знакомые всем нам по предшествовавшим вылазкам в тыл врага робкие слова:

— Камерад, камерад!

Фашисты всегда, когда им приходилось туго, употребляли это слово!

Наставив дула автоматов, матросы распахнули дверь и осветили темную каморку фонарем. В углу жалась трое гитлеровцев с поднятыми руками.

Они стояли в одних нательных рубашках, освещенные тусклым лучом фонарика. Неожиданно было для них наше появление! Один из них едва успел натянуть френч на левую руку. Судя по свинцового цвета поганам и галунам на френче, он был обер-лейтенантом.

Казалось, Белозеров вот-вот нажмет спусковой крючок автомата и обер-лейтенант получит причитающуюся ему долю советской земли. Но Белозеров превозмог душившую его ненависть и приказал автоматчикам во главе со старшиной второй статьи Мартыновым отвести пленных на берег, любой ценой доставить их на наш катер.

В это время один за другим раздались оглушительные взрывы. Саперы коммуниста Аришева, заложив в стволы орудий и минометов тол и обложив их минами и снарядами, взорвали вражеские батареи вместе со складом боеприпасов. Трассирующие снаряды, ракеты и пули тысячами огненных брызг осветили предутреннее небо.

4

У Грачева события развернулись не так, как предполагалось по плану. Все четыре взвода его группы должны были высадиться в одном месте — в высохшем русле впадавшего в залив ручья, а высадились они, по ошибке командиров катеров, в трех местах — правее и левее заданного. Едва успели они зацепиться за берег, как были встречены ружейно-пулеметным и минометным огнем.

152

Первыми наткнулись на врага десантники младшего лейтенанта Федорова и лейтенанта Стрелкова. Сначала наши моряки приняли немцев за товарищей с другого катера. Однако Стрелков, увидев на обрывистой скале смутные силуэты людей, спросил условленный пароль. В ответ с береговой скалы полетели гранаты, из тьмы застрочили пулеметы, взвилась зеленая ракета, с воем, напоминающим звук сирен, полетели фашистские мины. Ранен был Стрелков. Упал Федоров, смертельно раненный в живот... Сразу вышли из строя все офицеры.

В эту тяжелую минуту прозвучал повелительный голос старшины первой статьи коммуниста орденосца Вячеслава Довнара:

— Командование взводом принимаю я. Ни шагу назад. Да и отходить нам некуда. Слушайте мою команду. Умитбаев, Шестаков, Попов, Вешагин — живы? Ползком ко мне!

Краснофлотцы, хорошо знавшие Довнара по предыдущим боевым походам, услышав его голос, облегченно вздохнули.

Бесчисленное количество тоненьких струек святающегося металла, прорезая густую темноту, летели с трех сторон туда, где, прижавшись к камням, лежали наши моряки. Когда только слышишь жужжание пуль — это еще не так страшно. Иное дело, когда видишь их в виде огненных стрел, летящих сотнями, да еще с разных сторон, по направлению к тому месту, где находишься ты. Кто хоть раз попадал под концентрированный огонь трассирующих пуль или снарядов, никогда не забудет этого!

Но Вячеслав Довнар, не растерявшись, решил навязать свою волю фашистам, прежде чем они перейдут в атаку.

Опыт профессионала-разведчика помог Довнару вывести оставшихся в живых бойцов из-под огня. Затерявшись во мраке, десантники ползком продвигались вперед. Вот возникли оплетенные колючей проволокой рогатки, ограждавшие занятую фашистами высоту. Десантники бесшумно прорезали в проволоке проход. Стали подниматься на высоту.

Вдруг взвилась впереди яркая белая ракета и метрах в ста впереди десантники увидели очертания большого блиндажа. Моряки припали к камням, а когда ракета погасла, еще быстрее поползли вперед.

Часовой, шагавший у блиндажа, был свален, не успев крикнуть. Довнар и Шестаков, распахнув дверь, вбежали в блиндаж. Офицер, находившийся там, схватился было за кобуру, но раздались выстрелы автоматов Довнара и Шестакова, и офицер ткнулся щекой в телефон. Были истреблены и находившиеся в блиндаже солдаты.

Забрав штабные документы, полевую сумку офицера, десантники выбежали наружу. Довнар поднял над головой ракетницу. Взвилась в небо ракета, за ней — вторая.

По этому знаку моряки, оставленные Довнаром в резерве, тоже пошли в наступление. Наши гранаты и пули, а также две непонятные сигнальные ракеты, пущенные Довнаром с немецкого командного пункта, потеря с пунктом телефонной связи — все это сделало свое дело. А тут еще показались языки пламени над блиндажом командного пункта,

153

подожженным Довнаром, и почти одновременно донеслись с левого фланга гитлеровской обороны частая стрельба и огромной силы взрыв. Это Утимбаев со своими орлами расправлялся с немецкими минометами.

Уже не было в живых комсомольца Николая Попова, со своими бойцами атаковавшего вражеских пулеметчиков с тыла. Раненный в голову, он продолжал вести бой, успел бросить в дот противотанковую гранату. Его наповал убил фашистский автоматчик. Началась рукопашная. Советские моряки пустили в ход приклады и кинжалы. Через пятнадцать минут опорный пункт противника перестал существовать.

Около семидесяти вражеских трупов валялось у ног горстки советских героев. Было захвачено четыре дзота, два дота, склад с боеприпасами, электростанция с ветродвигателем, четыре ротных и два батальонных миномета, другое военное имущество. Все это сделали двадцать семь советских морских пехотинцев.

Так закончился первый этап десанта на мыс Пикшуев, длившегося еще не один час, после того как группы бойцов Грачева и Исаева — два взвода под командованием лейтенантов Зуева и Долгова — соединились с нами у большого безымянного озера, недалеко от маяка, возле которого находились основные укрепления противника. После жестокого боя был взят штурмом и этот пункт, уничтожена находившаяся позади него береговая батарея, с начала войны державшая под обстрелом Мотовский залив, мешавшая нашим кораблям снабжать всем необходимым бойцов заполярного переднего края.

ЯРОСЛАВ РОДИОНОВ

СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ

ескозырка с ленточкой,
А над ней цветет
Золотыми буквами:
«Северный флот».

Кто идет уверенно
Сквозь пургу и лед
С боевым заданием?
— Северный флот.

Кто в беде товарищу
Руку подает?
Кто врагу не нравится?
— Северный флот.

Кто на суше яростно
Бой с врагом ведет?
Кто героев выковал?
— Северный флот.

Кто фашистам на море
Жару поддает?
Кто на дно пускает их?
— Северный флот.

Пусть в огне губительном
Враг не раз прочтет
Эту надпись грозную:
«Северный флот».

Н. МИХАЙЛОВСКИЙ

КАТЯ

В годы войны на полуострове Рыбачий насчитывалось всего три или пять деревянных домиков, и почти все люди жили в землянках. Госпиталь тоже помещался под землей в маленькой полутемной, правда очень сухой, землянке. Он состоял из двух комнат: приемного покоя и единственной палаты. Койки в этой палате располагались в два этажа, были покрыты чистым бельем и стегаными ватными одеялами. Здесь было тихо и уютно.

Попав в госпиталь, боец сразу же узнавал весь его немногочисленный персонал: маленькую круглолицую Шуру, славившуюся своей экономяностью; старшую сестру Марусю, долговязую мрачную девицу с ее неизменным вопросом по утрам: «Как спали, товарищи?»; усатого санитаря Андрея Петровича — единственного мужчину в этом подземном царстве, — он же и дровосек, и официант, и парикмахер; и наконец высокую, румяную Катю Гордиенко.

Дежурство Кати было праздником для всей палаты. В этот день никто не жаловался на боль; Катя то присядет на край постели и начнет писать под чью-то диктовку письмо, то рассказывает какую-нибудь забавную историю, сама при этом еле удерживаясь от смеха. А то читает вслух, иногда останавливаясь и вставляя что-нибудь от себя, по-украински.

А придет время врачебного обхода — и Катю не узнать: она становится серьезной, сосредоточенной, сопровождая врача. И не трудно догадаться, что она, должно быть, самая опытная из медсестер; ухаживает за врачом, и Катя опять, как девочка, бегаёт по палате и выполняет предписания врача. Не просто протягивает больному порошок, а всыплет ему в рот да еще скажет при этом: «На, хлопец! Запей водой и бувай здоровенек».

Целый день она на ногах и даже ночью стирает белье бойцу или при копилке вяжет на спицах какие-нибудь особенные кружевные занавески для госпиталя.

Кем она была до войны? Как попала на фронт? В каких боях уча-

ствовала? В ответ на это Катя всякий раз строила уморительную гримасу и отшучивалась:

— Як вси, так и я...

Даже подруги Кати очень мало знали о ней. Прибыла она сюда недавно из батальона морской пехоты, а что было раньше и как она воевала прежде, — не знал никто из ее друзей.

Как-то раз в глухую осеннюю ночь, во время дежурства Кати, двери землянки широко распахнулись и на носилках внесли человека, завернутого в серое байковое одеяло. Он стонал. Катя поспешила навстречу. Она размотала бинты и готовилась уже обрабатывать рану, но в эту минуту явился врач. Он сбросил шинель, надел халат и, склонившись над носилками, взял раненого за руку.

— Пульс очень слабый, — тихо сказал он. — Включите свет.

Санитар соединил проволочки аккумулятора, и землянка озарилась ярким светом. Врач осмотрел рану, еще раз пощупал пульс и приказал Кате:

— Кровь! Быстрее кровь!

— Кровь последняя, — сказала Катя, передавая сосуд с консервированной кровью.

— Этого мало. Надо минимум триста граммов.

— Больше нет, — виновато проговорила Катя и, как бы спохватившись, поправилась: — Впрочем, есть, товарищ майор, моя кровь.

Майор не удивился.

— Какая у вас группа? — деловито спросил он.

— Первая.

— Подойдет!

Катя засучила рукав и провела наспиртованной ваткой по руке...

Раненый был спасен.

К утру он пришел в сознание, оглядел палату, умиротворенно улыбнулся:

— Как это меня сюда угораздило...

— Если бы не переливание крови, — сказал кто-то, — вам бы и до утра не выжить. А крови, как на грех, не было.

— Откуда же взяли? — безучастно спросил раненый.

— Дивчина одна. Украиночка...

— Опять украинка, — оживился он.

— Что значит опять?

— Один раз украинка выводила нас из окружения, теперь украинка дала кровь... Эту как звать?..

Когда раненый узнал, что ее зовут Катя, он даже приподнялся от неожиданности.

— Такая краснощекая, веселая, да?

И только в это утро обитатели подземного госпиталя узнали многое о недавнем военном прошлом медсестры Кати Гордиенко.

... Год назад в районе Западной Лицы в темноте к пирсу подходили катера, выделенные для десантной операции. Было морозно, с моря дул

острый норд-ост. По узким обледеневшим крутым трапам на палубы сходили морские пехотинцы. Они несли на плечах пулеметы, минометы, ящики с боезапасом, мешки с продовольствием. Кто-то чиркнул спичкой, и полковник — командир бригады морской пехоты — заметил высокую стройную женщину в шинели с противогоазом, вещевым мешком и санитарной сумкой.

— Дочка! — воскликнул полковник. — А ты как сюда попала?

— Я с вами в десант пойду, — отвечала она.

— Позволь, дорогая, ты же ранена, — рассудительно заявил полковник.

— Рана уже давно зажила!

— Как зажила! Не могла так быстро зажить. Придется отставить, дочка, — отечески проговорил полковник и принялся раскуривать трубку. В этот миг полковника куда-то отвлекли, а «дочка» проскочила на катер и затерялась среди бойцов. Это и была Катя — медсестра батальона морской пехоты, которую не раз на комсомольских собраниях ставили в пример.

И действительно, трудно было найти среди медицинского персонала более неприхотливого и выносливого, чуткого и внимательного человека, чем Катя Гордиенко. Никому не приходилось слышать от нее жалоб на трудности службы в условиях сурового Заполярья. А трудности эти были поистине неисчислимы. Жизнь в землянках, постоянная забота о топливе, походы за несколько километров в поисках охапки хвороста, частые передвижения с одного места на другое; дежурство в боевом охранении буквально в нескольких метрах от траншей противника, когда одно неаккуратное движение стоило человеку жизни, и еще многое такое, на что подчас жаловались старые служивые, не раз побывавшие на войне, — Катя Гордиенко переносила с какой-то особой легкостью. Не потому, что ей было действительно легко. Никто и не подозревал, как часто мечтает она о сухой, светлой комнате и о мягкой постели, о том, чтобы хоть на один день снять шинель, ватник и увидеть себя в легком батистовом платье с цветочками, какие она любила носить на Украине.

Хотелось и потанцевать и погулять с молодыми людьми. Многого хотелось, но само сознание говорило: нельзя. Пока идет война, всю свою жизнь надо подчинить одной благородной цели, все силы отдавать во имя нашей победы над врагом.

С самого детства, с пионерских лет в ней воспитывалось это сознание долга перед Родиной. Еще в лагерях, когда устраивались военные игры и Катя получала какое-либо задание, уже тогда она начала понимать, что такое долг перед коллективом. Никаких препятствий для нее не существовало. Она не боялась глухого леса, переплывала быструю реку, карабкалась на деревья — и все во имя того, чтобы выполнить задание, не уронить чести юного пионера.

И всегда, чем больше препятствий возникало у нее на пути, тем большее упорство проявляла маленькая Катя. А когда она вступила

в комсомол, это чувство ответственности еще больше укрепилось в ее сознании. И проявлялось оно в мелочах повседневной жизни: в небольших делах, таких, как посадка деревьев и уход за ними, выпуск стеновой газеты, и, разумеется, прежде всего в учебе.

Катя понимала, что долг комсомольца — хорошо учиться. Она подавала подругам пример, как можно терпеливым, усидчивым трудом до всего дойти, понять то, что кажется совершенно непонятным, и усвоить эти знания не на неделю или на месяц, а на всю жизнь.

С такими драгоценными качествами, воспитанными нашей советской действительностью, пришла Катя добровольцем на военную службу и вызвалась идти туда, где казалось труднее всего, — на север, в Заполярье, на самый крайний рубеж советской земли, каким был полуостров Рыбачий.

Тяжелые бои вела морская пехота, особенно в первые месяцы войны. Фашисты любой ценой стремились взять Мурманск, а чтобы отвлечь их силы от главного направления, корабли Северного флота несколько раз высаживали в тыл противника тактические десанты, которые неделями вели напряженные бои. В одной из таких операций Катя и получила ранение. Долго не хотела она, чтобы ее эвакуировали на Большую землю. Жила одной думой скорее поправиться и опять в бой, но рана как назло не заживала, и это доставляло Кате немало переживаний. Каждый день по утрам Катя сама себе делала перевязку, она считала преступлением оставаться в госпитале, когда вся бригада готовится к новой десантной операции.

... Глухой ночью при сильном ветре и высокой крутой волне катера подходили к побережью, занятому врагом. Сперва оно казалось таинственным. Окутанное темнотой, это побережье таило в себе зловещую опасность. И впрямь: достаточно было первому отряду катеров подойти к берегу, как множество осветительных ракет повисло в небе, сразу стало светло, как днем. На берегу, в скалах, замелькали желтые вспышки. Десантники прыгали в воду и сразу же открывали огонь. Им сравнительно быстро удалось уцепиться за берег и оттеснить немцев в тыл. С первым броском десанта высадилась и Катя Гордиенко.

В медсанбате, на берегу, она посушилась, переделась и пошла вперед с наступающими частями.

Деревянную лодочку, в которой на севере вывозили раненых с поля боя, она добыла в том же медсанбате; эта лодочка и санитарная сумка — вот было все оружие Кати Гордиенко. Она укладывала раненых в лодку, вывозила их из-под огня и укладывала под глыбами гранита, а отсюда санитары на санях эвакуировали их в тыл.

Рядом с полем боя было снежное убежище. Над ним часто появлялись немецкие бомбардировщики, но гранитные глыбы надежно защищали раненых.

Чем дальше продвигался наш десант, тем больше сопротивления встречал он на своем пути. В одном месте разгорелся сильный бой за сопку. Тут особенно туго пришлось Кате. До медсанбата было сравни-

тельно далеко, а люди нуждались в неотложной помощи, и она растирала снегом свои окованные руки и прямо на морозе накладывала жгут, делала перевязки.

Налетела пурга, враги начали обходить одно из подразделений, как раз то самое, к которому добровольно «прикрепилась» Катя.

Катя собрала всех раненых, а сама пошла впереди группы. Ее рана после недавнего боя давала себя знать. Рядом с Катей шел, с трудом удерживая в руках автомат, раненый солдат. Катя то и дело подбадривала его, и на худом, небритом лице солдата вспыхивало подобие улыбки.

Она поддерживала его под руку. На повороте почувствовала, как он всем телом грузно обвисает на ее руке. Катя сбросила рукавицы и, ухватившись за автомат, скомандовала:

— Отдайте, я понесу, а вы наденьте мои рукавицы.

И так они шли еще очень долго: Катя с автоматом через плечо и солдат, снимавший то и дело рукавицу и согревавший на ходу в своей руке руку девушки.

По стопам Кати, по ее следу цепочкой шли остальные раненые. Отступление прикрывала небольшая группа наших бойцов. Был момент: на вершине сопки появились люди, махавшие руками, дескать, «сюда, сюда идите...» Раненые уже обрадовались, закричали: «Ура! Наши!» Катя настороженно посмотрела вперед и скомандовала остановку. И когда с сопки застрочил, захлебываясь, пулемет, стало ясно, что это хитрость, к которой не раз прибегал враг.

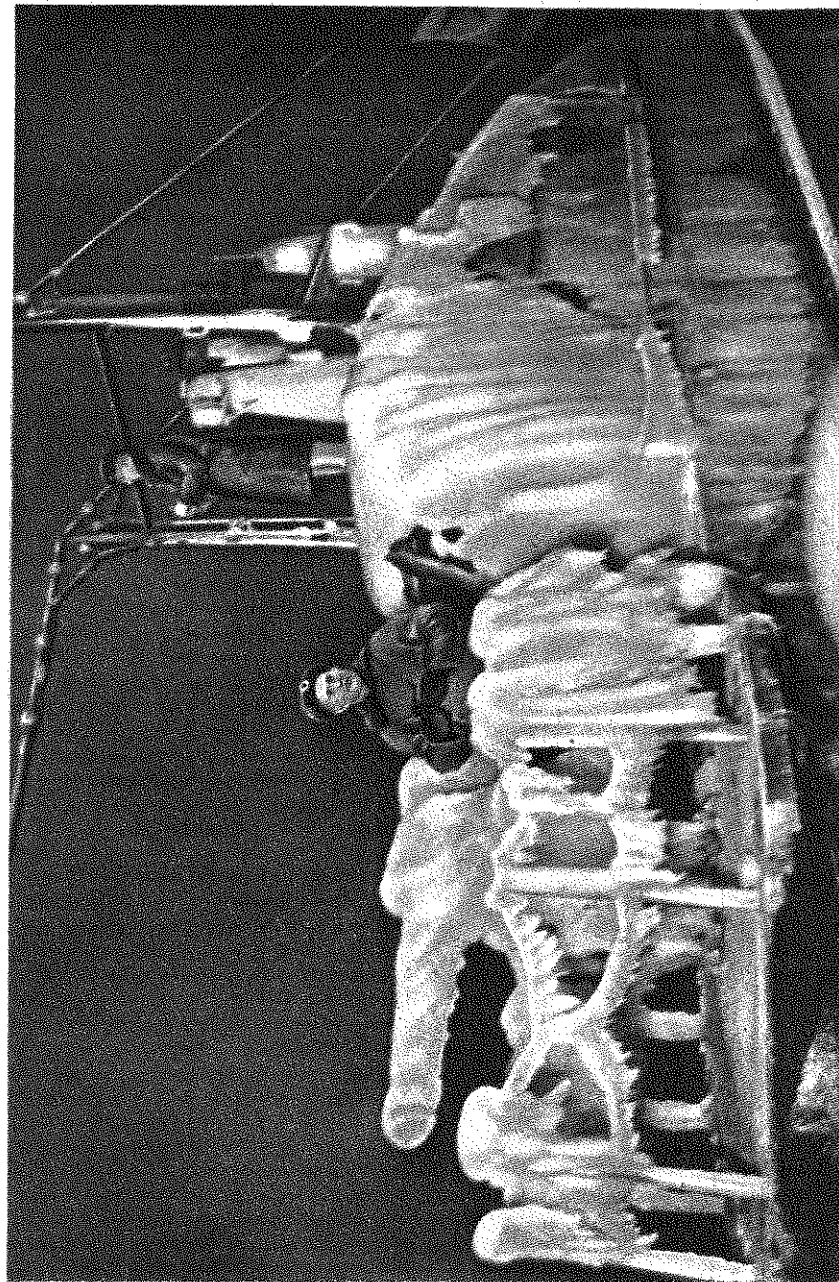
Пришлось Кате с ранеными немножко отойти и повести их обходным путем. Трудно сказать, сколько еще времени шли они и сколько смертельно опасных положений подстерегало Катю. Известно только, что раненых она вывела. Среди них был и человек, посвятивший теперь всех в эту историю. Ему-то Катя отдала тогда свои рукавицы, а теперь отдала кровь.

— Неужели все-таки она? — твердил солдат, с нетерпением ожидая ее появления на дежурстве.

...Катя очень тепло встретилась со старым знакомым, долго вздыхала, усевшись на краешек его постели, а после обхода врача так же деловито и бесцеремонно, как и в других случаях, высыпала ему на язык серый порошок и скомандовала:

— На, хлопец! Запей водой и бувай здоровенек.

С этого дня все в госпитале смотрели на Катю уже совсем по-новому, а она, кажется, так и не догадалась, что все окружающие знали теперь о ее прошлых боевых делах.

После штормового похода

Фото Н. Веричука

Краснознаменная багаря Северного флота в обороне Заполярья
С картины художника А. Казанцева

Офицер морской пехоты
ВАСИЛИЙ АНТОНЕНКО

В АТАКУ — ЧЕРЕЗ ЧАС

На небе звезды. Тишина.
В атаку — через час.
И бледнолицая луна
С меня не сводит глаз.

И для меня уж нет луны,
Есть образ дорогой.
Я узнаю лицо жены,
Без времени седой.

С тех пор, как мы разлучены
Кровавою войной,
Глядит любимая с луны,
Благословляет в бой.

И шепчет нежно: «Победи!
Иди вперед всегда,
И я тебя прижму к груди,
Как в прежние года».

На небе звезды. Тишина.
В атаку — через час.
И бледнолицая луна
В бой провожает нас.

ИЛЬЯ САМОЙЛОВ

РАЗВЕДЧИКИ

ГРАНИТНЫЙ ПОЛУОСТРОВ

Разведчики были кто в кожаных брюках и свитере, кто в ватной куртке, кто одет как лыжник; все — в тельняшках. Катер шел по темному заливу, была безлунная ночь. Немцы укрепились на гранитном полуостровке, который далеко вдается в море. Нужно было высадиться на вражеский берег и пробиться к перешейку, на котором висит этот полуостровок.

Люди вышли из кубрика. На палубе не было видно, что зоркий Курносенко — зеленоглазый, веснушчатый, что у Леонова волосы темные, выются, и глаза глубокие, суровые, а у Барышева внимательные, как будто изумленные, и он всегда, кажется, прислушивается к чему-то.

Катер подошел к берегу близко и сел на мель, — он был перегружен бойцами. Издалека видны были вспышки немецких выстрелов. Трап опустился в воду. «Скучно будет, кто маленький ростом — вода по пояс», — пошутил Барышев и прыгнул в воду. Он небольшого роста.

Когда разведчики сошли, катер сразу снялся с мели.

Командир отряда приказал Виктору Леонову прорваться с двенадцатью разведчиками к перешейку.

Разведчики взбежали на берег, — он там не очень крутой, — и увидели линию связи. Телеграфные столбы стояли, укрепленные камнями, линия была стационарная, надо было ее перерезать. Один становился другому на плечи, третий взбирался на второго и резал провод. Это было похоже на работу гимнастов. А валить столбы было некогда.

Леонов перебежками проскочил несколько лощин и высоток и залег на склоне сопки, почти у самого моря. Бой начался.

Огневые точки немцев на полуостровке были укреплены солидно: колотый гранит взят на цемент, — это прочные блиндажи. Гитлеровцы вели отсюда сильный огонь.

Немецкие мины рвались близко; когда начался прилив и вода поднялась, мины стали рваться в воде: так близко подошло к разведчикам море.

Противник поднял в воздух авиацию. «Мессершмитты» снижались, — нашим видны были желто-черные фашистские кресты на них, — авиационные пулеметы били по земле.

Леонов решил с горсточкой разведчиков выбить фашистов из блиндажей и держаться до вечера, а отходить в темноте.

«ДЕРЖАТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО!»

Под ногами у младшего лейтенанта Шелавина разорвалась мина, и его ранило в обе ноги. Потом тяжело ранило старшину Кашутина. Он крикнул Леонову: «Наверно, не выживу!», но продолжал ползти вперед. Когда Кашутин ослабел, он сказал еще: «Бейте их, сволочей, держитесь до последнего!»

Зиновий Рыжечкин, младший сержант, проскочил под огнем к Леонову; в одной руке у него был автомат, в другой — полуавтомат. Рыжечкин успел открыть стрельбу, но его ранило миной. Он знал, что вынести его — дело опасное и не просил помощи, берег товарищей. Но они подползли к нему все-таки, и Барышев сказал: «Ничего, Чижик, мы тебя вынесем сейчас!» — Рыжечкина звали в отряде Чижиком.

Когда его оттащили к своим, стало видно: рука у него висит, голова изранена. Он попросил командира: «Витя, вытри мне глаз» — его заливало кровью. Рыжечкина умыли, напоили перед смертью водой, накрыли плащ-палаткой, и он умер.

С обеда (вернее сказать — с обеденного времени, потому что обеда не было) у Леонова уже не было потерь. Шелавина, раненного в обе ноги, спасли. Бойцы Леонова подползли к нему близко, кинули тряс, Шелавина обвязали концом; он лег на живот, согнул в коленях и поднял раненые ноги, его потянули волоком и вытащили из-под огня.

Леонов продолжал бой. Лежать было холодно. Люди промокли, не ели, курить было нечего. Фашисты штурмовали с воздуха.

Разведчики держались. Курносенко и Бабилов били бронебойными пулями по вражеским амбразурам.

Блиндажей было пять-шесть. Когда разведчики подавили огневые точки на левом фланге, фашисты выкинули белый флаг, и часть их вышла из блиндажей. Но в то же время враги стали накапливаться на правом фланге: они готовились открыть оттуда ливневый огонь. Леонов разгадал обман и приказал срезать автоматной очередью вылезших солдат. И блиндажи, наконец, замолчали — один за другим.

В ЛОЩИНЕ

Под вечер, когда человека еще хорошо можно различить, фашисты пошли в атаку. Они зашли с тыла, стреляли и шли с криком. Их было много, гораздо больше, чем наших. Момент был критический.

Раненый Шелавин сидел с маузером, готовый застрелиться, чтоб не достаться врагу живым.

Жданов взорвал себя гранатой. Он в первый раз был в бою. «У него была мысль, что выхода нет», — сказали о нем его товарищи. Разведчики своим боевым опытом уже знали, что раньше времени поминать нечего, что если уж взрываться, так вместе с гитлеровцами, полонив той же гранатой много врагов, и они, увидев, как Жданов взорвал себя гранатой, не считали этот поступок храбрым, а говорили о Жданове с сожалением, как о человеке, который не боялся смерти, но на себя не надеялся, оказался неопытным бойцом и — погиб.

Всего ближе немцы, идя на наших, подошли там, где было много камней. Они спрятались за этими камнями, установили пулеметы.

Разведчики подавили гранатами пулеметы и, когда подошли вплотную, гитлеровцев там уже не оставалось, валялся залитый вражеской кровью боезапас...

Когда разведчики прорвались к лощине, было уже темно. Фашисты стали бросать над лощиной осветительные ракеты. Михеев, раненный в левую руку, продолжал драться при свете ракет наравне с другими. Гранаты хорошо рвались на камнях, разбиваясь на множество осколков. Но очередь тяжелого пулемета Михеева рассекло, как пашкой: рука у него отвалилась, кровь хлынула горлом. Он только успел сказать — Курносенко расслышал: «Я умираю, отомсти гадам!..»

День кончался, начиналась ночь: в этот день Курносенко перестрелял шестнадцать вражеских солдат.

Разведчики пробились через лощину. С полуостровка они прорвались на материк и вышли к морю.

«ЕСТЬ, СТРОИТЬ ПЛОТ!»

Ночью Леонов с товарищами лежал на берегу и ждал, не подойдет ли катер; он не знал, сняты ли уже все остальные люди, высадившиеся вчера. А неподалеку, в темноте, лежал с четырьмя разведчиками старшина Александр Никандров, который днем прикрывал Леонова с тыла.

Выйдя к берегу, Никандров увидел на камне этикетку от шоколада «Балет». Этот шоколад был у наших, значит, кто-то из них был уже здесь. Потом Никандров услышал голоса: говорили по-русски, но был ли это Леонов или кто другой из наших, узнать было трудно. Напротив на сопке сидели гитлеровцы, подняться выше и посмотреть было нельзя, и Никандров решил спуститься к самому заливу.

Там он замаскировался и стал наблюдать за заливом.

Часов в десять утра Никандров увидел катер и стал семафорить. Он выбрал расколотый камень, вложил туда газетную бумагу, зажег ее, потом вынул пули из трех патронов и, высыпая порох на горящую бумагу, сигнализировал вспышками. Сверху, чтобы фашисты не заметили огня, его прикрывали плащ-палаткой, а дыма от пороховой вспышки нет. Фашисты не заметили огня. Но на катере тоже не увидели сигналов.

Катер ушел, и ребята порасстроились: они подумали, что их считают погибшими.

Никандров поговорил с бойцами, лицо у него было озабоченное, но твердое. Это очень надежный человек, товарищи знали, что ему можно во всем верить, и они верили. Никандров сказал:

— Мы пять суток сможем прожить без пайка — будем есть ягоды. Если не дождемся катера, станем пробиваться через линию фронта. А пока ждем — надо готовить плот.

— Есть, строить плот! — сказали разведчики.

В камнях лежали восемь бревен, — их прибило прибоем. У развороченной землянки на берегу валялась проволока и какая-то большая металлическая банка, больше ведра, может быть, от дымовой пашки. Ее тоже можно было прикрепить к плоту, она могла поддержать на воде хотя бы одного человека и увеличить пловучесть плота. Одно весло на берегу тоже валялось. И можно было бы досками подгрести.

Никандров сказал, что надо учесть время прилива, что плот надо спускать на воду в ноль часов, когда начнется отлив, — тогда его не занесет к немцам.

Плот надо было строить, но сначала лучше было выждать — катер мог еще прийти...

«КАТЕР-КАТЕР!»

Никандров продолжал жечь костер, он был на корабле сигнальщиком и теперь знал, на каком расстоянии будет виден огонь. Он осмотрелся кругом: нет ли фашистов? Потом разжег такой костер, который было бы не видно с немецких батарей, и снова стал сигнализировать вспышками. Он писал одно слово: «Катер-катер». Он сигнализировал долго.

И вечером катер появился на темной воде залива; на нем шел комиссар разведчиков Дубровский.

Дубровский сказал командиру катера Ляху: «Не могу я примириться с мыслью, что наши погибли, не могло этого быть, хотя двенадцать минометов било по участку, где они днем вели бой, и немцы на этот участок выпустили полторы тысячи мин и полстолько снарядов. Но не такие это ребята, чтобы пропасть».

Дубровский верил в своих людей, а командир катера поверил Дубровскому — он решил подойти к вражескому берегу еще раз. И с катера

*Дважды Герой Советского Союза
капитан-лейтенант, в год выпуска
книги капитан 2 ранга
Виктор Николаевич Леонов*

увидели огонь на берегу. Катер дал белую ракету, Никандров ответил с темного берега белой трассирующей пулей.

Наши на берегу!

Через час катер стал подходить; за это время он вызвал с базы катер прикрытия, чтобы поставить дымовую завесу. И тут Дубровский увидел с палубы еще какие-то чуть заметные огоньки на берегу. Это сигнализировал Леонов: он лежал на берегу в двухстах метрах от Никандрова, не зная, что Никандров затаился рядом. Теперь, когда катер шел к берегу, Леонов сигнализировал фонариком «Пигмей». Он писал: три точки, три тире и опять три точки. Потом сигналы прекратились, «Пигмей» сломался. Но место уже засекали, и на катере знали теперь, что на берегу ждет помощи не одна, а две группы разведчиков.

Прикрывающий катер поставил завесу и открыл огонь; фашисты заметили, и заработали их минометы.

Катер, на котором шел Дубровский, подошел к берегу. Комиссар разведчиков лег на палубу за кнехт с автоматом. Дубровский знал каждого из своих разведчиков по голосу и хотел сначала окликнуть людей на берегу.

Катер шел в боевой готовности, пушки и пулеметы были наведены на берег. Дубровский окликнул и узнал Никандрова по голосу. Потом закричали другие.

Трап спустили прямо в воду. Дубровский и разведчик Мотовилин бросились к Никандрову. Они обнялись.

Потом катер прошел левее, чтоб снять остальных разведчиков, голоса которых слышал Никандров: это был Леонов со своими бойцами.

С катера кто-то крикнул:

— Пашка Барышев, жив?

— Жив!

— Тут, — сказал потом Барышев в кубрике, — даже в очень холодную воду приятно было лезть на радостях.

И он влез на палубу катера в плащ-палатке, в руке канат, на котором тащили Шелавина, а через плечи два автомата и две винтовки.

— Спустились в кубрик — кто руки жмет, кто целует, — согрелись, водочки дали. По сто граммов не получилось, — сказал Барышев, — всего было восемьсот граммов на всех, но водочка такая сладкая показалась...

«А взялась она вот откуда, — объяснил Дубровский, — тем, кто раньше шел на катере, выдали по двести граммов, но мы выпили только по сто граммов, а остальное поберегли — может, пригодится для товарищей. И пригодилась».

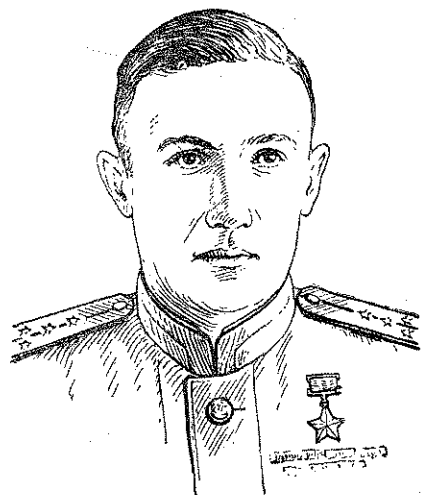
Герой Советского Союза
С. КУРЗЕНКОВ

САФОНОВ И ЕГО УЧЕНИКИ

Воля к победе и стойкость, мужество и искусство — вот основные черты летчика советской авиации. Он всегда ищет врага, вступает с ним в бой, несмотря на то, что порой противник вдвое и втрое многочисленнее его. Продолжая традиции героических русских летчиков, традиции великого летчика нашего времени Валерия Чкалова, соколы морской авиации самоотверженно сражались с немецко-фашистскими захватчиками. Они били врага над Черным и Балтийским морями, уничтожали его на Севере и в предгорьях Кавказа.

Навсегда останется в нашей памяти образ талантливейшего летчика-истребителя североморца Бориса Феокистовича Сафонова. Он показал пример творческого подхода к своей боевой подготовке. Он готовился к войне с учетом той обстановки, в которой придется вести воздушные сражения. Его тактика знаменательна тем, что в ней учитывались особенности североморского театра. Умело использовать сильно пересеченную местность, сложные метеорологические условия, полет на минимальной высоте, над волнами свинцового моря и добиться внезапности атаки по врагу; выпустить прицельную очередь с минимальной дистанции — таковы особенности всех воздушных боев, в которых участвовал, которыми руководил Сафонов.

Классическим примером высокого мастерства остается бой Бориса Сафонова над Мурманском, когда он одной очередью, как бритвой, отрезал хвост немецкому бомбардировщику. Наши летчики долго будут изучать сражение, разыгравшееся 30 мая 1942 года над Баренцевым морем, когда Борис Сафонов и его друзья летчики Покровский, Орлов и Кухаренко обратили в бегство целую армаду фашистских самолетов. Борис Феокистович блестяще использовал силу внезапности. Он лично один за другим сбил четыре вражеских бомбардировщика и довел свой личный счет уничтоженных самолетов до двадцати пяти.

Герой Советского Союза
капитан Павел Иванович Орлов

Дважды Герой Советского Союза Сафонов, Герои Советского Союза Бринько и Антоненко заложили основы новой тактики морских истребителей. Изучая их опыт, перенимая их методы, подражая их мужеству и отваге, росли и совершенствовались сотни наших летчиков-истребителей.

* * *

... В ноябрьский день 1941 года летчик Алексей Шведов первый раз вылетал на штурмовку оборонительных линий противника. Это был серьезный практический экзамен, проверка боем приобретенных под руководством Сафонова навыков. И Шведов этот экзамен выдержал. Сломив жестокое сопротивление фашистских летчиков, наши истребители нанесли врагу тя-

желые потери. Самолет Шведова был поврежден зенитным снарядом, но ученик Сафонова не вышел из боя и благополучно возвратился на свой аэродром.

Через несколько месяцев Шведов участвовал в ударе по крупному немецкому аэродрому. На подходе к цели наши истребители встретились с большой группой фашистских самолетов. Несмотря на трехкратное численное превосходство врага, летчики, воспитанные Сафоновым, продолжали выполнять боевое задание. Гитлеровцам удалось подбить самолет ведущего нашей группы. Шведов немедленно принял командование. Один из «мессершмиттов» зашел в хвост самолету молодого летчика Савина. Шведов, ни секунды не колеблясь, бросился на помощь другу, подставил под удар свою машину, свою жизнь.

Савин благополучно ушел от опасности, но самолет Шведова был поврежден. Алексей с трудом посадил свою искалеченную машину. Кругом были враги. Фашистские истребители обстреливали советский самолет и летчика на земле. Обливаясь кровью, Шведов начал выбираться из кабины. Но в этот момент его снова атаковал «мессершмитт». Шведов закрыл голову парашютом. Пули и снаряды рвали в куски плоскости и кабину полуразрушенного самолета. Один из снарядов разорвался в кабине. Осколки его разбили шлемофон, повредили ухо и голову летчика. Вторым снарядом Шведов был ранен в ногу и потерял сознание.

Он пришел в себя, когда заполярные сумерки уже окутали сопки. Стыснув зубы, Шведов вылез из разрушенной кабины, достал бортпаек, лыжи. Аптечка была разбита. Собрав разорванные в клочья бинты, Шведов кое-как перевязал ими раны и, пошатываясь, пошел на восток. Он

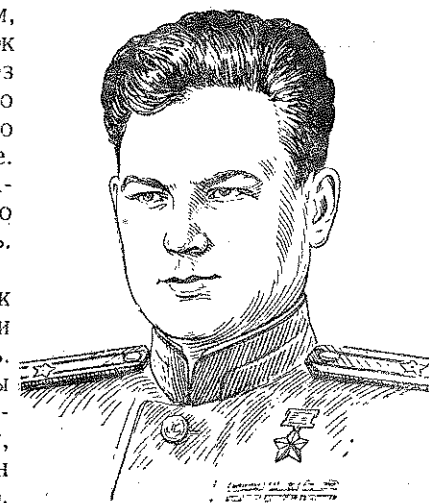
знал — там родная земля, аэродром, боевые друзья. Шесть суток шел летчик через болота, озера, перебирался через горные речки и крутые сопки. Много раз у него, израненного, истекающего кровью, возникала мысль об отдыхе. Но он гнал ее от себя. Он знал: останавливаться нельзя — это равносильно прекращению борьбы, это — смерть. И Шведов продолжал идти.

На шестые сутки Алексей пересек линию фронта. Пехотинцы подобрали летчика и отправили его в госпиталь. Врачи сделали все возможное, чтобы спасти ему жизнь. Через полтора месяца затянулись раны, и, еще слабый, Алексей Шведов пришел в полк. Он хотел идти в бой и добился своего. Через короткое время истребитель, управляемый Шведовым, снова наносил удары по вражеским бомбардировщикам и кораблям, по пехоте и огненным точкам.

В эти же дни завоевал себе славу бесстрашного и умелого воина другой ученик Сафонова — капитан Мозеров. Особенно он отличился в бою, развернувшемся над заполярными сопками 10 мая 1942 года. Тридцать шесть истребителей врага попытались нанести удар по группе морских пехотинцев, которых поддерживали девятка советских истребителей и пять бомбардировщиков.

Разбившись на несколько групп, «мессершмитты» с разных направлений бросились в атаку. Летчики-гвардейцы, обученные и воспитанные Сафоновым, приняли бой. Уже в первые минуты они точным огнем вывели из строя два фашистских истребителя. Но «мессершмитты» продолжали атаку. Пикируя двумя шестерками сверху в лоб, а двумя четверками справа и слева, они с большой дистанции открыли бешеный огонь из пушек и пулеметов. Фашистские летчики рассчитывали разбить строй наших самолетов, а затем, используя численное превосходство, уничтожить их по одному. Наши летчики сами перешли в контратаку и сбили еще один вражеский самолет.

В третьей атаке фашистам удалось поджечь самолет капитана Мозерова. Летчик мог спастись, воспользовавшись парашютом. Но воспитанник Сафонова Мозеров предпочел другое. Он решил помочь своим друзьям тем, что оставалось в его руках, — своей жизнью. Я видел, как горящий самолет Мозерова вырвался вперед и, объятый пламенем, перешел в пикирование. Два «мессершмитта» погнались за ним, рассчитывая безнаказанно добить его. Но когда они подошли на короткую дистанцию,

Герой Советского Союза
майор (в 1950 году — полковник)
Сергей Георгиевич Курзенков

горящий самолет Мозерова сделал крутую горку и врезался в «Мессершмитт-110». От страшного удара вражеская машина разлетелась в куски. После этого тарана фашистские летчики прекратили атаки и вышли из боя.

Первую победу третий ученик Сафонова — Павел Орлов — одержал в январские дни 1942 года. Немецкий «Хеншель-126» назойливо висел над нашим передним краем. Попытки уничтожить его долго не давали результата: «хеншель», обнаружив опасность, быстро уходил на свою территорию.

Изучив повадки врага, Орлов на минимальной высоте сумел открыто сблизиться с «хеншелем». Заход снизу позволил ему добиться внезапности. Две точные очереди — и фашист навсегда прекратил свои полеты к переднему краю нашей обороны.

Павел Орлов быстрее других овладел сафоновским стилем боя. Он одерживал одну победу за другой. В июньские дни 1942 года Орлов уже летал ведущим. Он научился, как Сафонов, внезапной атакой разбивать строй противника и спокойно, как учил Сафонов, с минимальной дистанции уничтожать вражеские самолеты. Стремительно сблизившись с противником, Орлов обычно делал две атаки: одну — справа, другую — слева и короткими очередями разбивал моторы «юнкерсов» и «хеншелей». Наблюдая за тем, как ведет бой Орлов, мы всегда восхищались и немножко завидовали его спокойствию, выдержке, законченности маневра и точности стрельбы. Это был стиль настоящего мастера, подлинного аса. За очень короткий срок Орлов лично сбил двенадцать вражеских самолетов, из рядовых летчиков вырос до командира большого подразделения.

Таких летчиков в нашей авиации, в ее морском отряде сотни, тысячи. Они стали мастерами воздушного боя, потому что непрерывно учились, а в сражении вели себя, как подобает сынам великого советского народа.

НИКОЛАЙ ПАНОВ

ГВАРДЕЙЦЫ-САФОНОВЦЫ

1. КАПИТАН КОВАЛЕНКО

Работал я раньше стеклодувом, — сказал мне капитан Коваленко, командир гвардейской эскадрильи истребителей. — Стаканы я выдувал в Киеве, на заводе Червонная Гута. А с воинского учета снят был медкомиссией вчистую. У меня нога повреждена с детства...

Капитан сидел за досчатым, самодельным столом в землянке командного пункта. Ватник и высокие кирзовые сапоги придавали ему какой-то особо «производственный» вид среди окружавших его летчиков, одетых в кожаные куртки и меховые унты.

— И вот что интересно, — задумчиво улыбнулся Коваленко. — Помните, на заводах обычно доски-плакаты вывешивались возле проходной: кто на чем едет — от черепахи до самолета. Я на этих досках обычно в самолете красовался, норму перевыполнять удавалось. И как взяли меня в армию по спецнабору, товарищи шутили: ты уже к самолету привык. Просись в авиацию.

Зазвонил телефон. Коваленко торопливо поднес трубку к уху.

— Давайте все наши в готовность один! — негромко сказал он, вешая трубку. Летчики выбегали наружу по крутым земляным ступенькам. Капитан выбежал за ними.

Малиновый лоскут ракетной вспышки полыхнул над аэродромом. В полумраке полярного весеннего дня ревели пропеллеры самолетов. Вспрыгнув на овальное крыло, капитан вскарабкался в кабину.

Механик подал ему парашют, помог надеть шлем и застегнуть ремни. Истребитель пробежал по коричневой, влажной, еще кое-где покрытой снегом земле, взмыл в облака.

Сержант Бокий, старший лейтенант Покровский, капитан Орлов вылетели вместе с командиром. Над безбрежными полярными снегами, над ледяным серым морем и скалистыми конусами сопков вел Александр Коваленко в бой гвардейскую эскадрилью.

Была весна 1942 года. Одиннадцать сбитых вражеских машин числились уже на личном боевом счету Коваленко. Он провел свыше двухсот боевых вылетов и тридцать воздушных боев.

Огромным летным мастерством, тактической сметкой и разумной отвагой знаменит боевой друг и соратник майора Сафонова. Лишь за полтора весенних месяца 1942 года эскадрилья Коваленко, входившая в часть, которой командовал Борис Сафонов, уничтожила 20 «юнкерсов» и «мессершмиттов».

— Нужно, чтобы противник дрогнул, почувствовал, что ты перед ним не отступишь — тогда твоя победа! — говаривал Коваленко во время разбора проведенных боев. — Если враг испугался — он уже мертв. Тогда тесни его, бей в уязвимые места, вгоняй в море и в скалы.

Однажды, вылетев в бой, Коваленко один попал в самый центр вражеской эскадрильи. Он не растерялся. Бросаясь в лобовые атаки, пользуясь тем, что вражеские летчики боялись перестрелять друг друга, он не только вышел невредимым из боя, но и сбил фашистский самолет.

В другой раз, израсходовав весь свой боезапас, Коваленко увидел, что «мессершмитт» заходит в хвост ведомого Бокия. Капитан с бездействующими пулеметами кинулся на врага, сделал вид, что хочет расстрелять его в упор. Фашист дрогнул, обратился в бегство, наш летчик был спасен.

Однажды пять истребителей напали на Коваленко в тот момент, когда он, сбив фашистский самолет, устремился вслед за ним — посмотреть, как гитлеровец врежется в скалы... Уходя, Коваленко стал маневрировать между сопок. Пользуясь складками местности, пролетая в ущельях, ниже вершин низкорослых березок и сосен, он сумел уйти от погони.

Знаменитый бой восьми гвардейских сафоновских самолетов с двадцатью пятью вражескими машинами капитан назвал шутя «вальсом Штрауса». Перехватив летевшую на бомбежку Мурманска группу бомбардировщиков и «мессершмиттов», гвардейцы врезались в ее строй и пятьдесят километров преследовали врага.

Только уже возле своего аэродрома гитлеровцы решились перейти в контратаку. Капитан приказал своей эскадрилье выходить из боя на бреющем полете.

Самолеты сафоновцев уходили, кружась над самыми скалами сопки. Гвардейцы держались все вместе, не дали противнику разбить строй эскадрильи. Они сбили три «мессершмитта» и вернулись на базу, уже израсходовав весь боезапас. Здесь помог им закон советских воинов: никогда не оставлять товарища в беде, всегда действовать вместе. Когда «мессершмитты» в этом бою окружали самолет Коваленко, сержант Бокий принял удар на себя. Когда туго пришлось Бокию, капитан Орлов спас его, бросившись в лобовую атаку...

Окончен боевой вылет, самолеты приземляются один за другим. Легко и точно касаются они колесами земли, подруливают к своим ка-

понирам. И гвардии капитан Коваленко, отстегнув ремни, выпрыгивает из кабины.

Ноют мускулы рук от непрерывной работы штурвалом. Шея над воротником ватника покраснела от напряжения — все время нужно оглядываться в воздухе, смотреть, нет ли врага с боков, в каком положении самолет ведомого.

— На небе нет камня, чтобы за ним спрятаться, — сказал мне капитан со своей характерной, чуть насмешливой улыбкой.

Он шел по аэродрому, полный возбуждения полетом. Он расхаживал взад и вперед молча, словно вновь переживая все подробности проведенного боя. В эти первые минуты после приземления лучше не спрашивать его ни о чем. Немного погодя он соберет летчиков эскадрильи, проведет подробный, точный разбор вылета.

После разбора Коваленко шутит, весело разговаривает с товарищами за обедом в столовой. Но вот он возвращается на командный пункт — и перед нами снова настороженный, взыскательный командир — человек, полный неиссякаемой энергии, боевой выдумки и отваги.

2. СЕРЖАНТ БОКИЙ

Коренастый человек в кожаном потертом костюме осматривал готовый к вылету самолет. Он обошел широко расставленные крылья, вспрыгнул на плоскость, тщательно проверил моторы и оборудование кабины. Темные пальцы его жестких рук ловко скользили у рычажков и кнопок механизмов.

Когда мы подошли к капониру, он повернул к нам смуглое, озабоченное лицо и вновь принялся за работу. На обветренной коже, около самого глаза светлел треугольник широкого шрама.

— С ним вот вместе мы все боевые вылеты проводим, защищаем друг друга, — сказал мне капитан Коваленко. — Это мой ведомый, сержант Бокий.

По первому впечатлению Бокий, так же как и Коваленко, был больше похож на мирного рабочего, чем на летчика-истребителя гвардейца. И действительно, в недавнем прошлом — он ростовский слесарь. Не порывая с производством, вступил, незадолго до начала войны,

Герой Советского Союза
подполковник
Александр Андреевич Коваленко

в городской аэроклуб, в свободное время осваивал теорию и практику летного искусства.

Большие трудности встретились ему на пути к летному мастерству.

— Когда впервые взлетел с инструктором на учебном самолете, — рассказывал сержант, — показалось, что никогда, наверное, не смогу самостоятельно летать. Все так и бежит перед глазами, так и проскакивает, никак не сосредоточишь внимания.

Немного ошеломленный сошел он на землю после первого полета.

— Что — трудно? Думаете — не справитесь? — спросил его инструктор аэроклуба.

— Справлюсь! — помолчав, сказал Бокий.

Ни на мгновение не отказался он от своей мечты — стать летчиком. Упорство, воля к победе живут в его крови. Он привыкал к учебному самолету, внимание уже не рассеивалось. Уже самостоятельно он водил верткую крылатую машину.

Он стал военным летчиком. Его направили истребителем на Северный флот, зачислили в полк, которым командовал Борис Сафонов.

Серьезнейшее испытание ждало Бокия в одном из первых боев.

Встретившись с «мессершмиттами», советские «ястребки» рассредоточились, и им не удавалось снова собраться в боевой строй. В эти мгновения Бокий почувствовал опять, что его внимание не поспевает за стремительными темпами воздушного боя.

Кругом была ослепительная голубизна. Из прямых клубящихся колонн облаков внезапно выскакивали, как гудящие снаряды, вражеские самолеты. Пулеметных очередей не было слышно, но внезапно снопы пуль пронеслись как будто у самых ушей. Бокий не успевал прицеливаться, а противник уже пронесся мимо, исчезал в облаках.

Огромным усилием воли Бокий сосредоточил внимание. Он заметил — вражеские самолеты летят один за другим, замкнутым кольцом. Ему пришла в голову дерзкая мысль — улучив момент, он сам вошел в это кольцо, пристроился в хвост «мессершмитту».

Затаив дыхание, поймал он на прицел летящий впереди самолет, нажал гашетку. Фашист задымил, стал падать. И в тот же момент задрожал «ястребок» Бокия, горячим ветром сорвало очки сержанта... Его самолет был тоже подбит, падал над вражеской территорией, в скалистое, темное ущелье сопки.

Но недаром Бокий до тонкости изучил свою машину! Он стал маневрировать, тянуть к своему аэродрому. Вдруг остановился пропеллер, и Бокий почувствовал, что ранен, глаза заливала кровь. Но он стал планировать — и дотянул до переднего края, сел в глубокий снег замерзшего озера на родной земле.

К весне 1942 года он провел свыше десяти боев, сбил четыре фашистских самолета. Неизменно, когда с гвардейского аэродрома уходил в бой капитан Коваленко, его сопровождает ведомый — сержант Бокий.

— Лучшая боевая единица — это пара самолетов! — сказал мне сержант. — Основная моя цель в воздухе: любой ценой прикрыть коман-

дира. А командир меня тоже в обиду не даст. И главная наша задача — первыми увидеть врага, разбить его строй внезапным ударом.

Восемнадцать самолетов противника шли на бомбежку Мурманска. Наши истребители зашли между ними и солнцем. И едва тяжелые корабли гитлеровцев стали, выходя на цель, разворачиваться над заливом — эскадрилья Коваленко врезалась в их строй.

Охраняя хвост командирского самолета, Бокий увидел: Коваленко сбил «юнкерс», серыми брызгами разлетевшийся вниз, на скалах... Фашистский самолет заходил в хвост машины капитана. Бокий прицелился в голову врага, в прозрачный купол над фюзеляжем. Он увидел, как стеклянный колпак сорвало с фашистского самолета, летчик упал головой вперед, а самолет перевернулся и рухнул в скалистую пропасть...

Давно прошли времена, когда боевая машина Бокия казалась ему как-то посторонним, трудно управляемым организмом. Теперь он чувствует самолет всем своим существом, в воздухе как будто сливается с ним.

После боя он выпрыгивает из кабины, с аппетитом ест, слушает патефон, играет с увлечением в «козла» в землянке командного пункта, пока не раздастся телефонный звонок.

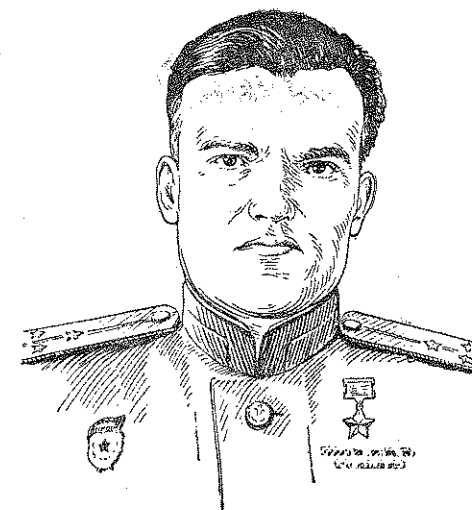
— Давайте все наши в готовность один, — негромко говорит капитан Коваленко.

И через несколько мгновений Бокий уже сидит в кабине своего самолета — маленький, немного угловатый, с обветренным жестким лицом и крепкими рабочими руками. Вслед за ведущим он поднимается в воздух — к новым боям и победам.

3. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ПОКРОВСКИЙ

На стене землянки командного пункта эскадрильи висел большой разграфленный лист. Это «Доска почета» эскадрильи. Против фотокарточек летчиков-передовиков тянулись ряды коротких заметок о проведенных ими воздушных боях.

Под одной из фотокарточек была подпись: «Старший лейтенант Покровский». Против карточки — несколько лаконичных сообщений.

Герой Советского Союза
старший лейтенант, в год выпуска книги
подполковник Николай Андреевич Бокий

Герой Советского Союза
подполковник
Владимир Павлович Покровский

вспрыгнул на плоскость самолета, сел в кабину, поднял в воздух свой истребитель.

По образованию Покровский — штурман дальнего плавания. С первых дней войны сражался бок о бок с Сафоновым. По возрасту он один из самых юных летчиков эскадрильи.

Он почти ровесник революции, родился в 1918 году в Ленинграде. Двадцати лет окончил морской техникум, но плавать ему не пришлось — он был направлен по комсомольскому набору в школу летчиков-истребителей.

О молодости Покровского свидетельствовал только, пожалуй, его голос — совсем юношеский, становившийся почти нежным, когда летчик говорил о своих боевых друзьях.

Покровский славился выдержкой, разумной осторожностью во время боевых полетов. Но были моменты, когда он шел на предельный риск, не считаясь с количеством самолетов, с которыми приходилось вступать в бой. Это бывало, когда нужно было прийти на помощь товарищу, попавшему в беду.

— Был такой случай, — спросил я старшего лейтенанта, — когда наш летчик выбросился на парашюте с горящего самолета и гитлеровцы могли расстрелять его в воздухе, если бы на помощь не пришел другой истребитель?

«4 марта. На сержанта Савина навалились два «Мессершмитта-109». На помощь сержанту поспешил старший лейтенант Покровский. Он в упор с восьмидесяти — ста метров расстрелял врага. «Мессер» загорелся и рухнул на свой аэродром. Это шестой самолет, сбитый Покровским.

3 апреля. Заметив выше себя «М-109», Покровский пошел в лобовую атаку. Подбитый враг перешел на бреющий полет. Но Покровский не выпускал его из виду и короткими, меткими очередями загнал в землю...»

7 апреля... 12 апреля — даты следующих сообщений.

Я увидел Покровского у широкого оливкового крыла его боевой машины. Высокий, богатырски сложенный, в простом ватнике и меховых унтах, он казался медлительным, тяжеловесным. Но по боевому сигналу он с необычайной легкостью сел в кабину, поднял в воздух свой

— Был такой случай... — небрежно сказал Покровский и хотел заговорить о чем-то другом.

— А кто бы здесь мог рассказать об этом подробнее? — настаивал я.

— Что же, могу рассказать, — нехотя ответил Покровский. Он был как будто чем-то смущен. — Хотя не о чем особенно рассказывать. Шел бой с фашистами в районе нашего аэродрома... Я тогда летал на «И-16». Оглянулся — вижу: Алагуров оторвался от строя, «чайку» его враги подожгли. Алагуров прыгнул с парашютом, скользит к земле, а «мессер» вьется вокруг, норовит расстрелять его из пулемета. Я бросился на фашиста, две очереди дал. Жму снова на гашетку, а пулеметы не работают. Весь боезапас вышел. Я и пошел на таран. А у того нервы не выдержали, отвернул, ушел в облака. Алагуров приземлился благополучно.

Покровский замолчал, чуть улыбнулся, машинально пригладил волосы.

— Неловко потом получилось. Я Алагурова в госпитале навесил — успел его все-таки фашист в ногу ранить. Спрашивает друг: «Не знаешь, кто это тогда был на «И-16»? А я таких разговоров не люблю. Говорю ему: «Не знаю». А он потом узнал, что это был я. Вышло так, что я будто соврал.

И в этом коротком эпизоде — весь Владимир Покровский: олицетворение дружбы, скромности, боевой отваги наших сафоновцев-гвардейцев.

Герой Советского Союза
И. ФИСАНОВИЧ

ПЕСНЯ СТРОЕВАЯ ПОДВОДНАЯ

Нет выше счастья, чем борьба с врагами,
И нет бойцов подводников смелей.
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Простились мы с родными берегами.
Крепчает шторм, и волны хлещут злей.
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

В морскую глубь на смертный бой с врагами
Идет подлодка, слушаясь рулей.
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Утоплен враг, идем сквозь сталь и пламя.
Пускай бомбят: посмотрим, кто хитрей!
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Любимые, встречайте нас с цветами.
И хоть на свете вы нам всех милей,
Но нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

БОРИС ЯГЛИНГ

ПОДВОДНАЯ ВОЙНА

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ

Команда лодки готовилась к отплытию, когда мимо краснофлотцев, работавших на верхней палубе, вестовой пронес хорошо знакомый всем старенький чемодан. И тут все поняли, что с лодкой пойдет Колышкин, и повеселели. С ним в походе интересно, и рука у него умелая и счастливая.

Возвращаться с моря без успеха вообще огорчительно, а на этот раз было бы и вовсе тяжело. Соседи по базе — подводники Лунина — потопили в походе три фашистских транспорта. Никто, правда, не объявлял о начавшемся соревновании, но оно зародилось и негласно уже существовало. Отправляясь в море, соседи лунинцев считали для себя обязательным пустить ко дну не меньше трех гитлеровских кораблей.

Дни, когда не топят врага, кажутся пустыми. О таких днях не любят вспоминать. Ну, поштормовали, волнишка потрепала, пришлось, конечно, всем потрудиться. Временами нелегко приходилось, но это все обыкновенные дела. Главное началось потом. Очень подсадовали, правда, в первые дни похода. Искали у самых вражеских берегов и — хоть бы один фашист!

Радио сообщало, что в шести портах Норвегии патриоты взорвали германские корабли с войсками и боеприпасами. Может быть, в этом и причина. На фарватерах одни ботишки остались — топить некого...

Вечером семнадцатого января комиссар зашел в радиорубку. Москва передавала последние известия. В конце выпуска диктор прочел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза кому-то из подводников, кому именно из-за помех в эфире разобрать не удалось. Несколькими часами позже, ночью (уже начались новые сутки), в центральный пост принесли расшифрованную радиogramму. Военный Совет Северного флота и командование североморских подводных лодок сообщали об Указе Правительства, поздравляли капи-

тана второго ранга Колышкина с присвоением звания Героя Советского Союза и желали ему новых побед во славу Родины.

— Не может быть! — сказал Колышкин. — Тут какая-то ошибка. Проверьте расшифровку.

— Все правильно, товарищ капитан второго ранга. Все точно. Разрешите поздравить по-нашему, по-подводному.

Кок притащил в центральный пост поднос со стопками, и все дружно выпили за здоровье Ивана Александровича Колышкина, первого героя-подводника и первого героя-североморца.

По переговорным трубам и по телефону поздравления шли из всех отсеков.

— Внизу! — прогудел в трубу вахтенный командир. — Передать капитану второго ранга с мостика самые сердечные поздравления.

— Есть, передать с мостика самые сердечные поздравления! — весело откликнулся «центральный».

— Спасибо, товарищи! — тихо, но твердо сказал Колышкин, — вам и всем, с кем я плавал на Севере и плечом к плечу воевал на подводных лодках. Мы сплывались, сдружились, мы воюем и побеждаем вместе, ценой общих усилий. За великую награду постараюсь отблагодарить Родину и партию боевыми делами.

Он пожал товарищам руки — все чувствовали, что он очень взволнован, — и пошел к штурману посмотреть на «место» лодки.

В тот же день была объявлена первая за поход торпедная атака. Ее окрестили на лодке «психической», потому что фашистский транспорт появился неожиданно совсем близко и мог ускользнуть. В таких случаях некогда точно рассчитывать залп, больше полагаешься на глазомер. Командир быстро повернул лодку, и торпеды настигли гитлеровский корабль. Едва он затонул, как из-за скал понесся курсом на перископ катер-охотник. Глубинные бомбы! Уйти от них удалось легко, но теперь фашисты знали, что в этих водах — советская подводная лодка.

Вахтенный командир доложил о встретившейся на курсе рыбацкой лайбе. Командир лодки и Колышкин внимательно осмотрели ее в перископ.

— Подозрительно, — сказал Колышкин. — Очень подозрительно. Со всем другую рыбку ловят эти рыбаки.

На палубе старенькой лайбы под бурными парусами копошились рыбаки. Они были заняты своими снастями и как будто ничем не могли угрожать подводной лодке. Но Колышкин оказался прав. Стоило лодке убрать перископ и отвернуть, как на нее посыпались глубинные бомбы. На поверхности слышался шум винтов. Паруса на «ловушке» оказались декорацией. Замаскированный «охотник» поджидал добычу, а теперь, видя, что она ускользает, преследовал ее.

Бомбежка прекратилась так же неожиданно, как и началась.

— Лайба отходит! — доложил акустик.

Всплыли под перископ и действительно увидели, как мчалась к берегу лайба-«ловушка» — быстроходный вооруженный противолодочный катер.

— Заманивает, подлая, — усмехнулся Колышкин. — Думает, клюнем и погонимся. Толку от нее мало, если потопишь, а свяжись — неприятностей не оберешься. И без нее дела хватит. Найдем врага поувесистей.

Скоро нашли врага «поувесистей» — большой фашистский транспорт. Его сопровождали миноносец и сторожевик. Атаковали, потопили транспорт и ушли снова под глубинными бомбами, сбив со следа гитлеровские военные корабли.

Переносить бомбежки в подводной лодке тяжело. Но все познается в сравнении. И самое грозное, что больше всего запомнилось каждому на лодке, произошло позже. Это была бомбежка, которую испытали подводники после потопления третьего фашистского транспорта. Его сопровождали два боевых корабля. Конвой пробирался у самого берега, чертя замысловатые противолодочные зигзаги. Атаковать было очень трудно не только потому, что корабли часто меняли курс, но и потому, что мешала волна — на море разыгрывалась непогода. И все же удар врагу нанесли — меткий, настоящий североморский удар.

Видимо, после этого фашисты стали усиленно искать дерзкую и неуловимую подводную лодку по всему району.

Темной ночью вахтенный командир Питерский заметил вражеский миноносец. Миноносец шел на сближение с лодкой. Фашисты издали открыли артиллерийский и пулеметный огонь. Подводники едва успели прыгнуть в люк погружавшейся лодки, как над рубкой с воем пронеслись снаряды.

— Перелет! — перевел дух Питерский. — Теперь артиллерией нас не возьмешь.

Лодка стремительно падала. Над ней рвались бомбы. Миноносец видел «место» лодки, и ему легко было ее бомбить.

Колышкин бросился в рубку акустика и припал к наушникам. В этой рубке весь большой мир, оставшийся на поверхности, познается одним лишь чувством. Но чувство это, многократно усиленное аппаратурой, необычайно обострено. У шумов идущего на поверхности миноносца резкий и частый, захлебывающийся ритм, как у мчащегося поезда. Шумы винтов транспорта — медленные, вздыхающие. Шумы волн, ударяющих о борт корабля, всегда отличишь — они сильные, но беспорядочны. Шумы подводной лодки, идущей «наверху» под дизелями, ритмичны, многоголосны и напоминают ход старинных часов. Землечерпалка шумит, почти как миноносец, только от нее больше грохота.

Но сейчас мембраны наушников стучали ровным ритмом винтов миноносца и вздрагивали от взрывов бомб. Бомба в мембране — это шлепок о воду, недолгое бульканье и сотрясающий лодку взрыв. Миноносец сбрасывал серию за серией. Шлепок, бульканье, взрыв! Бомбы ложились где-то поблизости. Кто знает, где разорвется следующая. А вдруг накроет? Лодка в такие минуты совершенно беззащитна. Корпус подводного корабля выдерживает величайшее напряжение. Но са-

мое большое напряжение выдерживают люди. Мина в наземной войне, бомба, летящая с самолета, несравнимы с бомбами, рвущимися рядом с маленьким стальным кораблем в пучинах океана, с кораблем, где люди, несмотря ни на что, стойко продолжают работать. Они не ожидают покорно своей участи. Они заботятся о живучести корабля. Его живучесть — это их жизнь.

— Выдержите? — спросил как-то командир соединения одного из подводников, отправляющихся в трудный поход.

— Мы-то выдержим! — ответил североморец. — Лишь бы «железо» выдержало.

И они выдерживают. Выдерживает и послушное им «железо».

Колышкин вышел из рубки акустика и, подойдя к командиру, высказал свое мнение, какими курсами лучше уходить от миноносца. Он был обеспокоен не меньше других и собирался пройти по отсекам, «посмотреть, что делается».

Расторопность, хладнокровие и четкость распоряжений механика Лямина понравились ему.

— Правильно решаете, — одобрил Колышкин. — Сейчас проверю, как выполняются в отсеках ваши приказы. И, захлопывая за собой дверь переборки, бросил Лямину на прощание:

Инженер-лейтенант, улыбнитесь,
Ведь улыбка — это флаг «БЧ-5».

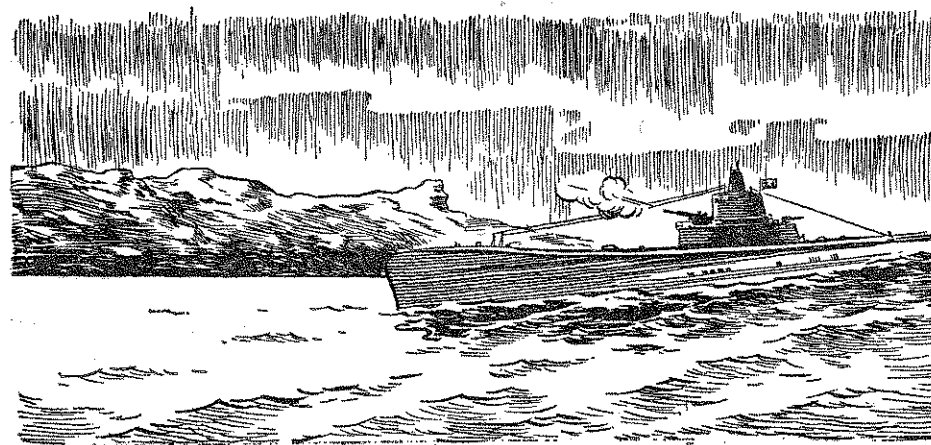
Это была испытанная шутка Колышкина, которой он поддразнивал механиков на всех подводных лодках. И хотя эту шутку Лямин не раз слышал, он все же не мог удержаться от улыбки. А Колышкин уже собирался по отсекам, зорко присматриваясь к тому, что делали люди, проверяя, советуя, подбадривая. Бомбы продолжали рваться.

Позже, на берегу, когда Колышкина спросили, что чувствовал он в часы бомбежки, он ответил просто, без всякого лукавства и игры:

— Конечно, очень трудно было. Как и всем. Но только сейчас я могу по-настоящему понять, что пережил. А там ведь все очень буднично. Думаешь только о лодке, о том, как ее в целости увести, этому подчинено все. «Личных» мыслей там не может быть. Помню вот только, что почувствовал вдруг почему-то сильный голод и попросил кока принести сухариков. Так и грыз сухарики, пока не оторвались от этого чертова миноносца. Одно слово — будни!

...В тихий морозный день лодка входила в базу. Над бухтой клубились испарения. Розовые отсветы скрытого за скалами солнца ложились на снег. Борт о борт с лодкой шел катер. Это встречал Колышкина командир соединения.

Люди, собравшиеся на пирсе, увидели, как сверкнуло над лодкой пламя орудийного выстрела. Салют в честь победы! По выстрелу за каждый потопленный корабль врага. Второй! Третий! Лодка стреляла трассирующими снарядами. Высоко-высоко взметнулась в серое небо

последняя горячая капля зеленовато-голубого света и ринулась вниз, пропав в тумане.

На сигнальном посту замигал золотой глаз «ратьера». С поста «писали» приветствие от Военного Совета.

Командир и комиссар соединения сошли с катера, обогнавшего лодку. Они проходили по пирсу перед выстроившейся для встречи шеренгой моряков. Лодка приближалась к берегу.

— Даже неудобно, — сказал Колышкин. — Все командиры, все орденосцы-подводники на пирсе строем встречают.

Он гордился этим и был растроган и немного стеснялся такого внимания, хотя понимал, что ничего неудобного тут не было. Его боевые друзья и ученики пришли встретить товарища, командира и воспитателя, первого подводника-североморца, удостоенного самой высокой в стране награды.

Лодка медленно шла параллельно пирсу и шеренге людей, и Колышкин, сдерживая волнение, смотрел на знакомые, родные лица, светившиеся искренней радостью.

— Поздравляем, Иван Александрович! — выкрикнул чей-то звонкий тенорок. — Как плавалось?

— Спасибо. Ничего плавалось. Побомбили вот малость.

Колышкин был свежо выбрит, в хорошо знакомой всем пилотке, несмотря на мороз, — должно быть, он надел ее перед самым входом в базу.

С пирса подали трапик. Колышкин вышел, и шеренга людей на берегу сразу рассыпалась.

— Новых вам подвигов, Иван Александрович!

— Новой славы!

— Спасибо, товарищи, — прочувствованно отвечал Колышкин. — Спасибо!

Разговор на флагманском командном пункте был недолгим и деловым. После короткого сердечного поздравления с победой вице-адмирал А. Г. Головкин и дивизионный комиссар А. А. Николаев внимательно выслушали доклад командира подводной лодки. Он и Колышкин развернули карты и кальки и рассказали о пути лодки, об обстановке и всех подробностях боевого похода.

— Так, так, — одобрительно кивал командующий. — Это было находчиво. Надо будет учесть и другим лодкам...

— Как личный состав? — спросил комиссара член Военного Совета Николаев.

— Воодушевлен успехом и готов к новым боям, товарищ дивизионный комиссар!

2. ИСКУССТВО ЛУНИНА

За окном розовело солнечное ночное небо полярного лета, с зеленых мшистых скал тянуло гарью далекого торфяного пожара, а здесь, в мастерской, среди нагромождений холстов и подрамников, стоял густой запах красок, лаков и скипидара. Художник был недоволен:

«Ехал на Север специально портреты героев писать. Всех написал, а этот неуловим. То в море, то занят. Ремонт, говорит, проверка механизмов. Только по приказанию своего контр-адмирала явился. Да и то без «Золотой Звезды» и без орденов. Вот и рисуй теперь все его награды «наизусть».

С портрета смотрело широкоскулое лицо Лунина с крепко сомкнутым упрямым ртом. Веселое лукавство притаилось в мелких морщинах у глаз, но глаза не смеялись — зоркие, пристальные, спокойные серые глаза.

— Хорошо? — спросил художник.

— Хорошо, конечно, — ответил политработник. — Вы же мастер. Но, если откровенно говорить, это не портрет подводника.

— Почему?

— Праздничный он у вас. Так не воюют. Я хотел бы видеть его таким, какой он в море, на мостике подводной лодки. Огромный, в рыжем авиационном комбинезоне, в болотных сапогах, в кожаной шапке-ушанке, лицо коричневое, покрытое солью, настороженность, напряжение войны в глазах, воля... В море люди не в парадной форме, как на портретах, а в замасленных ватных штанах и куртках, в меховых шапках, в рукавицах. Это правда жизни. Это и правда искусства.

— А вы видели кого-нибудь из наших героев в море?

— Видел. Хотите, расскажу?

— Расскажите, — попросил художник.

— Царский подводный флот тоже умел воевать. Русских подводников немцы всегда остерегались. Но в те времена особые нравы были. Соберутся офицеры, первый тост провозглашают по традиции за первого подводника — Иону во чреве китовом. Серебряный браслет-цепочку на

руке носили, с золотыми звеньями за каждый год подводного плавания. Утверждали, что подводником нужно родиться — особая каста. Неверно это!

Самые молодые наши герои Стариков и Фисанович родились и росли в городах, далеких от моря. Учились в школе, в фабзавуче, работали на заводах. Они повторили биографию миллионов молодых советских людей, из которых одни стали инженерами, другие — врачами, третьи — агрономами. Комсомольцы Стариков и Фисанович пошли в военно-морское училище, избрали профессию командира-подводника. Как они плавают и воюют, сами знаете.

Магомед Гаджиев — коренной горец, в юности был кавалеристом, стал учителем подводников, новатором в подводном плавании. У него свой стиль. Торпедой он топит охраняемый транспорт и, если нет другого выхода, неожиданно всплывает и уничтожает фашистские боевые корабли огнем пушки.

Колышкин — тот из матросов. Волгарь, сын матроса и сам матрос. Он и крестьянствовал в родной деревне, и на заводах слесарил, на волжских баржах и пароходах в юности поплавал вдосталь, до самого призыва во флот. Любит плавать! От кронштадтского краснофлотца до североморского командира-подводника прошел путь. Он и постарше других — ему за сорок, бывалый человек, с большим опытом, и профессиональным, и житейским.

И Луин — настоящая «морская косточка». Он родился в Одессе в семье капитана. Дом его детства стоял на Пересыпи, над Арбузной пристанью, окнами к морю. Плавал матросом, учился в ростовской «мореходке», ходил на парусных кораблях, командовал учебным парусником «Вега», был совторгфлотским капитаном, командовал танкерами, стал командиром подводного корабля.

Лучше, конечно, все-таки, если подводник из моряков. Душа морская воспитана в нем, а навыки подводника — дело наживное. Морская душа особенная — открытая, сильная, чистая. Был бы у меня сын, я бы только во флот его послал.

На корабле струсить нельзя, бежать некуда. Надо действовать. И сознание этого входит в кровь. Потому и дерутся так моряки на суше. Всем пример! Это все корабль в человеке воспитывает. «Сплавались!»

Представляете себе лунинскую атаку «Тирпица»? Так решительно и дерзко можно атаковать, лишь когда абсолютно уверен в своих товарищах. У Лунина принцип — «плавать без дураков». Растяпу перевоспитает. Если неисправим — выгонит. Церемониться не станет — он требовательный. В море учит людей. Соберет их, когда лодка на глубинах, и всю их работу за день обсудит, на все ошибки укажет. У него на лодке теперь лучшие специалисты. С ними он и вышел в атаку на фашистскую эскадру.

К нашим берегам приближался караван судов с оружием для Красной Армии. Было известно, что немецкая эскадра в море и собирается напасть на этот караван. Обстановка для подводной лодки самая

тяжелая: незаходящее солнце арктического лета и полный штиль. В надводном положении донимают фашистские самолеты, в подводном — достаточно чуть-чуть задержать перископ над поверхностью, и лодку заметят. В штилевом остеклявшем море перископ виден издалека. А нужно было ни в коем случае не обнаруживать себя, напасть на «Тирпиц» врасплох. Число срочных погружений было рекордным в этом походе: вражеские самолеты непрестанно рыскали над морем. Рекордной была и быстрота срочных погружений.

Один «юнкерс» очень близко уложил свои бомбы, повредил лодку. Из-за этого повреждения имели право в базу вернуться, но не вернулись. Механик лодки потом говорил: «Если бы мне до войны кто-нибудь сказал, что я буду плавать с таким повреждением и с таким запасом отрицательной пловучести, я бы счел его сумасшедшим. Все-таки тринадцать лет на лодках, кое-что соображаю. Но плавал. А может, я еще не перестроился на военный лад? Наверно, еще не перестроился». И от этой мысли он развеселился.

Трюмные машинисты во время срочных погружений работали с такой быстротой и автоматизмом, что потом во сне шевелили руками, повторяя привычные движения. На лодке потешались над ними: «Совсем как Чарли Чаплин в «Новых временах». Но война требует искусства, быстроты и автоматизма действий. Поэтому лунинцы и побеждают. Всплывают заряжаться, балласт еще не продут, а уже пускают дизель, включают на зарядку аккумуляторов. Сигнальщик самолет заметил — вахтенный командир не вызывает Лунина на мостик, а сам командует: «Срочное погружение!» И все тотчас валяется в люк. Миг — и лодка уже на глубине. Каждый работает искусно и ловко — «на полную катушку». Вот это и называется «сплавались».

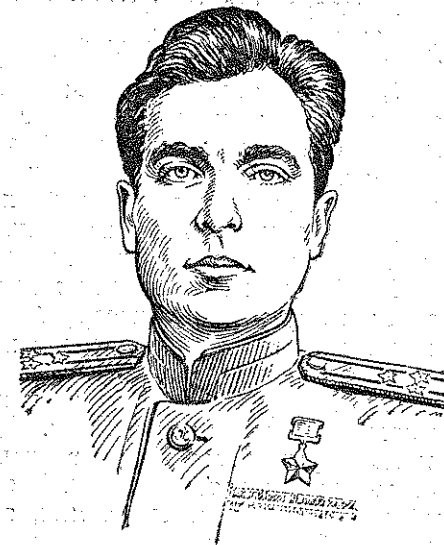
Когда старпом Лукьянов увидел в перископ далекий силуэт корабля, ему показалось, что это идет германская субмарина. Он приказал убрать перископ, подвернул лодку на боевой курс, отдал команду «торпедная атака» и вызвал в рубку Лунина.

Перед этим акустик несколько раз докладывал: «Слышу шумы», но на поверхности был полный покой.

Теперь лодка шла навстречу фашисту. Лунин на мгновение приподнял перископ и отчетливо увидел силуэт не лодки, а миноносца. За миноносцем виднелись другие корабли. Лодка продолжала идти вперед под водой, а шумы усиливались. Вскоре они стали слышны и без акустических приборов.

Эскадра шла встречным курсом, и когда Лунин снова приподнял перископ, лодка была уже среди фашистской эскадры. Он развернул перископ, совершив полный круг... «Миноносец! Миноносец! Линкор «Шеер»! Миноносец! «Тирпиц»!» Лунин снял свою просоленную и промасленную кожаную шапку и бросил ее на металлический настил. «Убьем «Тирпица»! Ударим по «самому»!» — сказал он решительно, но без всякой торжественности. А минута эта для любого нашего подводника была бы весьма торжественной.

«Тирпиц» — новейший и крупнейший германский линкор. Он вошел в строй уже во время войны. «Шарнгорст» и «Гнейзенау» подбиты британской авиацией и ремонтируются в портах, «Бисмарк» потоплен англичанами, собрат «Бисмарка» «Тирпиц» — последний козырь и последняя надежда фашистского флота. Его водоизмещение около пятидесяти тысяч тонн, скорость до двадцати восьми узлов. Мощностные механизмы этого пловучего гиганта — сто пятьдесят пять тысяч лошадиных сил. Длина корпуса по ватерлинии — почти четверть километра, ширина — тридцать шесть метров. Вооружение — восемь 380-миллиметровых пушек, двенадцать 149-миллиметровых, шестнадцать 105-миллиметровых, кроме того, пушки-автоматы и пулеметы. У него толстая броня и прочная система противоминной защиты.

Герой Советского Союза
капитан 1 ранга
Николай Александрович Лунин

Когда англичане в мае 1941 года в четырехстах милях от Бреста топили близнеца «Тирпица» «Бисмарка» почти в упор огнем орудий многих кораблей и всадили в него пять торпед, — все-таки «Бисмарк» держался наплаву. Понадобились еще две торпеды, чтобы отправить его на дно. Большой живучести корабль!

Лунинская атака «Тирпица» была самой дерзкой и самой сложной за все время подводной войны. Почти час длилась атака. Пятнадцать раз Лунин приподнимал перископ, менял курсы лодки, но все не отдавал команды: «Пли!»

Торпедисты, как и большинство людей на лодке, даже не знали, кого они сейчас поразят. Такова уж особенность подводной войны. Отсеки лодки изолированы. Командир один видит и знает, что происходит на поверхности. Он принимает решения, полагаясь на свой опыт и на безотказную помощь и исполнительность экипажа.

Наконец, переговорная труба передала приказ Лунина: «Пли!» — и торпеды пошли на врага. Эти мгновения до взрыва всегда кажутся долгими. А потом все услышали два гулких и звонких взрыва. Но люди в отсеках все еще не знали, кому они нанесли удар. Эскадра уже отвернула, опасаясь новых атак. Преследовать подводную лодку гитлеровцы не решились. Они не сбросили ни одной глубинной бомбы. Эскадра ушла совсем далеко, когда до лодки донеслись новые мощные взрывы. Это, должно быть, рвался боезапас на торпедированном лунинцами «Тирпице».

Назавтра, утром, самолеты нашей авиаразведки увидели фашистскую эскадру. Она жалась к берегам, отходя на запад десятиузловым ходом. Значит, «Тирпиц» был серьезно поврежден.

О Луине нельзя сказать: «Ему везет». Отвага Лунина в бою зиждется на точном знании, искусстве, опыте, на расчете, на выдержке, на умении сплотить людей своей твердой волей, непоколебимой верой в победу. Его люди в любой атаке знают: с таким командиром и в прошлый раз победили и сейчас победим.

После атаки «Тирпица» Лунин снова ходил в море, потопил минный заградитель и два сторожевых корабля.

На берегу его встречали с оркестром, криками «ура». Девушки преподнесли ему и его комиссару большие букеты полярных цветов. Лунин извинился перед девушками, что не успел побриться, — поход был не из легких, некогда было.

Его подводный крейсер проник к фарватерам фашистских кораблей, защищенным минными полями. Корабли шли в кильватер по узкому водному пути. Когда Лунин вышел в атаку, фашисты не могли маневрировать, уклоняться от торпед. Им угрожали собственные мины. Но они пошли ко дну не от своих мин, а от лунинских торпед. А подводный крейсер Лунина невредимым покинул заминированный район и благополучно вернулся в базу. Повезло Луину? Не в этом, конечно, дело! Умеет воевать — вот и все.

Начинал войну Лунин на другой лодке, на «Щ-421». Потом уже перевели его на подводный крейсер. Экипажу «Щ-421» тяжело было расставаться со своим командиром, очень любили его на лодке. Походы под командованием Лунина принесли «Щ-421» славу и почетное звание краснознаменной. В этих походах тоже были замечательные по мастерству и смелости атаки. Под командованием Лунина «Щ-421» потопила семь фашистских кораблей водоизмещением около пятидесяти тысяч тонн.

Цель подводной войны — потопить возможно больше кораблей противника. На счету Лунина, Колышкина, Гаджиева, Старикова, Видяева и других подводников-североморцев солидные цифры тоннажа пушенных на дно фашистских судов. Но героизм подводников нельзя измерить только этим. Командирам-гвардейцам принадлежат самые отважные прорывы в базы гитлеровцев, самые смелые, самые трудные и самые истребительные атаки. Как можно учесть в тоннах значение торпедного удара по «Тирпицу», или постановку мин с подводной лодки на тыловых вражеских фарватерах, или потопление в поединке фашистской подводной лодки (тоннаж ее не велик, а цель это важная), или, наконец, просто сложный разведывательный поход в тыл фашистов?

Подводники любят цитировать чью-то, запомнившуюся им еще в училище фразу: «Командир лодки должен обладать достоинствами искусного рыболова, спокойного следопыта, предприимчивого охотника, иметь хладнокровие невозмутимого моряка, пылкое воображение романиста и ясный здравый смысл делового человека». Другими словами — разум,

волю, мужество, способность к длительному напряжению. Состояния порыва, аффекта, свойственные людям «короткого дыхания», в подводной войне не приносят успеха. Победу в бою советским героям подводной войны приносят их личные, в совершенстве развитые качества — стойкость и выносливость моряка, терпение охотника, отвага, решимость и дерзость воина, холодный аналитический рассудок и горячее человеческое сердце советского патриота, коммуниста. Они становятся героями не потому, что ищут награды, а потому, что любят Родину.

Наши летчики отлично знают, что ждет их в воздухе, но каждый раз вылетают в бой не колеблясь. Наши подводники знают, что ждет их в море, но снова и снова, презирая смерть, идут искать и топить врага. В этом и разница между «стать» героем и «быть» героем повседневно. Стать героем можно и случайно, а быть героем возможно только тогда, если тебя ведет очень большое и сильное чувство. А что может быть в каждом из нас сильнее и больше любви к Родине?

Поэтому и герои у нас не одиночки. И становится их все больше. Будущие герои — в народе, среди рядовых советских людей. Они ходят по нашей родной земле, ходят в моря, в бою, не страшась опасностей, потому что у них есть великая цель в борьбе. Они борются, побеждают, закаляются в боях. И однажды к ним придет признание. Оно придет к ним, победителям, вернувшимся с моря на подводной лодке, закопченным, с воспаленными глазами, небритым, измазанным соляром, усталым от сурового и мужественного труда подводной войны.

3. МОБИЛИЗАЦИЯ ЧУВСТВ

В момент атаки боцман краснознаменной «М-172» Николай Тихоненко стоит в центральном посту — у горизонтальных рулей. Тихоненко ведет лодку в атаку на ровном киле, чтобы торпеда пошла хорошо и легче было удержать лодку, облегчившуюся после залпа, под водой. В его руках судьба корабля. Если перископ слишком высоко приподнимается над водой, скрытность атаки будет нарушена и лодка может стать жертвой вражеских самолетов и катеров-охотников. Если перископ нырнет, командир потеряет цель и лишится возможности атаковать противника.

— Подвсплыви, боцман, — слышит Тихоненко позади себя быстрый и резкий шепот командира.

Это значит, что волна захлестывает, ослепляет глаз перископа. Тихоненко неуловимым движением «подправляет» рукоятку рулей, и лодка чуть всплывает. На сто миллиметров, — больше не нужно и нельзя — ювелирная работа.

В стеклянной трубке диферентометра перед боцманом вздрагивает в розовой воде пузырек воздуха. Пузырек как раз посредине шкалы — «малютка» идет на ровном киле. Колеблются стрелки на глубомерах — по ним всегда можно знать, на какой глубине находится лодка. Один

аксиометр* показывает, на сколько градусов переложены носовые рули, другой — кормовые. Тихоненко смотрит на приборы (за всеми сразу нужно наблюдать одновременно), слушает и исполняет приказы командира, но ведет лодку, повинувшись особому, шестому чувству подводника. Это — чувство лодки.

Чтобы управлять лодкой, нужно не только знать ее, но и чувствовать ее повадки. Ногами, упирающимися в замасленный стальной лист, руками на рулях, каждым нервом, всем сердцем, всем существом Тихоненко чувствует, что сейчас сделает его лодка.

У каждого боцмана-подводника свой «почерк». Иные предпочитают держать носовые и кормовые рули параллельно. Тихоненко кладет их «враздрай». Он всегда находит наиболее выгодное постоянное положение для основных рулей и в помощь им лишь слегка маневрирует вспомогательными. Лодка, как выражаются подводники, «играет» в его руках.

«Малютка» чувствительна к перемещениям груза. Механик Каратаев «солиднее» всех на лодке. Когда он переходит из отсека в отсек, боцман перекладывает рули, выравнивая киль. Для командира приходится диферентовать лодку меньше — он весит мало. И совсем почти неощутимы переходы акустика Шумихина.

Часто в спокойные часы передвигаются по отсекам агитаторы. Боцмана только предупреждают:

— В центральном! Перехожу на корму.

И Тихоненко тотчас восстанавливает равновесие.

В надводном положении боцман несет вахту на мостике. Над ним подшучивают: его вахты несчастливы, всегда фашистские самолеты прилетают. Но дело тут, вероятно, в том, что зоркий и наблюдательный Тихоненко видит больше других. Боцман всегда заметит врага, как бы далеко или высоко он ни находился. Был случай, когда фашистский хищник неожиданно вынырнул из облаков прямо над головой.

— Самолет! — крикнул Тихоненко и мгновенно оказался внизу у своих горизонтальных рулей.

Лодка погрузилась с резким диферентом на нос. «Спикировал боцман», — подтрунивали потом над ним. Ничего не поделаешь, от самолета нужно убираться побыстрее. В такие минуты только бы не провалиться на критические глубины, где лодку может раздавить, и тогда, как говорит присяжный остряк лодки электрик Полковский, «друзья будут лишены возможности принести цветы на наши могилы».

В пылу атаки Тихоненко безошибочно перекладывает рули глубины, не глядя на приборы.

— Раз, два, три, четыре, — с привычными интервалами считает он про себя, подвигая рукоятку. И — можете проверить — носовые рули переложены точно на четыре градуса.

А для кормовых у него особый счет:

* Аксиометр — прибор, показывающий положение руля относительно диаметральной плоскости корабля.

— Ноль раз, ноль два, ноль три.

Кормовые рули переложены точно на три градуса. Это чувство времени.

Неопытный человек не ощущает движения лодки под водой. Моторы работают, и, даже если лодка потеряла винты, новичку покажется, что она идет вперед. Но боцман не ошибается. Он чувствует движение лодки на глубинах, каждый ее поворот. Это чувство пространства.

Подводная лодка идет по вражеской бухте. Командир принял к перископу. Он говорит быстро и возбужденно обо всем, что видит «наверху». У пирса — большой фашистский транспорт. Сейчас — атака. Командир на мгновение умолкает и после томительной паузы говорит раздельно и протяжно:

— Аппараты...

В это время, не дожидаясь особой команды, Тихоненко уже перекладывает рули.

— Пли!

Рули уже переложены. Торпеда вышла из аппарата, но облегченная лодка не вырвется на поверхность и враг не будет знать, откуда был нанесен удар.

...В центральном посту рядом с боцманом — командир подводной лодки, командиры боевых частей. В отсеках — товарищи. Еще одно чувство. Иногда его называют чувством локтя, потому что, идя в атаку, локтем чувствуешь рядом дружескую руку товарища. Это высокое чувство советского человека — чувство коллектива. Советский подводник мужественен и скромен, хладнокровен и вынослив, умеет работать в коллективе дружно, для общего дела, для общей победы. Таков и Тихоненко.

...Подводная лодка атакует врага. Боцман орденосец Николай Тихоненко наклонился над рукоятками рулей. Его мышцы, нервы, воля, чувства напряжены. Каждым биением сердца, каждой кровинкой помочь лодке нанести удар!

Где-то совсем рядом, на поверхности, фашистский корабль. Через минуту, пылая и распадаясь на обломки, он рухнет на дно...

ДМИТРИЙ КОВАЛЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БАЗУ

Подводнику Гаджиеву

Летит туман, редая на рассвете,
Висит гранит над черной глубиной.
С упругих волн срывает гребни ветер
И мне в лицо бьет дробью ледяной.

Меж белых сопок, над пучиной пенной
Дымится город. Облака бегут.
Мелькают корабли во мгле, как тени,
И маяки сигнальные ревут.

На лодке — толстый лед. Расправив плечи,
Усталый боцман песенку басит.
Мы в базу входим. Нефть плывет навстречу,
Пыхтят моторы, грузится буксир.

Скрипит причал, весь инеем одетый,
Бойцы таскают ящики, тюки.
Недаром ждут посылки и привета
Товарищи мои — фронтовики.

Орудие, промерзшее в дороге,
Сейчас я разверну — и прогремит,
В тумане вспыхнув, выстрел. Берег вздрогнет,
И кто спешил — задержится на миг.

— С победой! — скажет он...
А враг, тоскуя,
Голодный, коченеющий в горах,

Еще глядит с надеждой в даль морскую,
Где появиться транспорту пора.

Но море, к ночи налетевшим валом
Обкатанные глыбы шевеля,
В шипящей пене выбросит на скалы
Обломки взорванного корабля.

Н. МИХАЙЛОВСКИЙ

АКУСТИК ИЗ ВЕТЛУГИ

Он — один из лучших акустиков Северного флота, в полном смысле слова классный специалист.

Однажды он показал мне свой дневник, и я обнаружил такую запись:

«Решил стать учителем. Воспитывать детей — это в моем представлении самый интересный и нужный труд, самое широкое поле для творчества».

Анатолий Шумихин стал учителем. В новом кирпичном здании ветлужской средней школы он обучал ребятшек, собравшихся сюда из многих колхозов района. Долгие зимние вечера сидел молодой педагог с красным карандашом в руках за проверкой тоненьких ученических тетрадей. Его вдохновляли уроки у школьной доски, когда не замечаешь даже, что ты весь перепачкался мелом. Он любил эти уроки. Это была его жизнь, его творчество.

И вот ветлужский учитель, паренек с высоким лбом мыслителя и детской улыбкой, попадает в начале войны на Северный флот, становится подводником. На подводной лодке много специальностей. Он выбрал самую трудную — акустику.

Если на ленточке матросской бескозырки вы увидите золотые буквы: «Подводный флот», вспомните о людях, которые во время Отечественной войны долгие недели и месяцы проводили в море, в борьбе и лишениях. Вспомните тех, кто жил в маленьких, тесных отсеках, куда не проникает дневной свет, где нельзя сделать лишнего движения, где нужно экономить все, вплоть до воздуха. Вспомните Анатолия Шумихина.

— У нас нет учителя исполнительнее и трудолюбивее Шумихина, — говорили о нем в Ветлуге.

— У нас нет приборов точнее ушей Шумихина, — шутя говорили о нем матросы-подводники на Северном флоте.

Он мог спать под ритмичный стук дизелей, но как только в лодке водворялась тишина, сразу же просыпался и его уши улавливали малейший звук моря. Он безошибочно различал вдалеке различные типы кораблей. По высокому металлическому тембру шума винтов угадывал

подводную лодку, по чавканью — транспорт, по воркованью — сторожевой катер.

С таким умелым и верным помощником, как Шумихин, командир подводной лодки уверенно атакывал вражеские корабли.

Густая завеса тумана стояла над морем. Лодка уже не первый день искала противника. Шумихин вращал штурвал прибора и протягивал в море невидимые щупальца своего слуха. Время шло. Не было слышно никаких признаков каравана. Но вот акустик уловил потрескивания, похожие на электрические разряды. Постепенно они усиливались, переходили в шум, наконец, стало очевидным, что караван приближается.

Шумихин сообщил пеленги кораблей. Штурман произвел расчет. Командир лодки решил атаковать ближайший транспорт. Когда все было наготове и оставалось произнести одно слово «пли», командир в последний раз поднял перископ. Атака состоялась. Точным ударом транспорт был потоплен.

На войне Шумихин приобрел большой опыт, и найти конвой стало для него сравнительно простым и привычным делом. Он говорил:

— Обычно я окончательно вхожу в свою роль после атаки.

После торпедной атаки, в мучительно долгие часы бомбежек, от спокойствия и выдержки акустика часто зависела судьба лодки. А острые положения бывали у подводников часто.

После одной успешной атаки группа фашистских кораблей охранения бросилась преследовать обнаружившую себя подводную лодку. Был штиль, море отсвечивало зеркальной гладью. На лодку в короткое время обрушились тридцать две глубинные бомбы. Шумихин слышал, как вдалеке прошел сторожевик, и доложил командиру. Отвернули в сторону. Но вот новый шум. На лодку шел тральщик. Шумихин мгновенно докладывал, лодка циркулировала. Новые взрывы неслись со всех сторон. Шумихин выглянул из рубки: все люди на постах. Он снова слушал. Опять подходили вражеские корабли, и, услышав доклад Шумихина, командир снова давал приказание уклониться.

В который раз бомбы взрывались неподалеку от лодки! В отсеках погас свет. Вышли из строя многие приборы. От нервного напряжения у Шумихина тряслось колено и дергалось веко над правым глазом. Но он чувствовал рядом командира, ставил тверже ногу, жмурился, скрывая слабость, и, включив боевое освещение, продолжал слушать и докладывать.

— Хитрая у них тактика, товарищ командир. Два корабля бросают бомбы по корме, а два заходят вперед и слушают...

И, не успев окончить фразу, снова докладывал, что корабли идут на лодку. Лодка маневрировала и снова ускользала из-под прямых ударов глубинных бомб.

Командир находился в двух метрах от акустической рубки и следил за малейшими движениями Шумихина.

— Товарищ командир, противник стопорит ход, сейчас нас будут слушать.

— Стоп ход,— передавал командир в центральный пост.

— Опять включили машины. Идут на нас слева.

— Право руля! — приказывал командир.

Так проходили долгие изнурительные часы. Дышать становилось трудно. Во рту пересыхало. Но Шумихин не смел даже на несколько секунд оторваться от приборов. Он манипулировал штурвалом, внимательно выслушивал один борт и сразу переводил стрелку на другой. В этом крошечном аду среди грома разрывающихся бомб он точно определял курс вражеских кораблей и докладывал. Командир понимал акустика без слов, замечал, где застыла стрелка пеленгатора, и уже отдавал команду в центральный пост.

При участии Шумихина экипаж лодки потопил тринадцать вражеских кораблей. Учитель, ставший моряком, был награжден двумя орденами Красного Знамени.

...Как-то раз на Северный флот пришло письмо. Ветлужские школьники приглашали Шумихина возвратиться после войны в их школу. Они писали, что, несмотря на трудности военных лет, нынешней весной заново побелили все классы, покрасили парты и разбили под окнами чудесный фруктовый сад.

Это письмо Шумихин прочитал, вернувшись из очередного похода.

«Друзья мои,— ответил он в Ветлугу своим ученикам,— сегодня я приблизился еще на один шаг к возвращению в нашу школу. Мы потопили тринадцатый вражеский корабль. У меня сегодня такое чувство, будто я перешел в следующий класс».

ПОДВИГ «СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА»

В экипажах этих судов не было военных моряков. Только некоторые матросы да специалисты из машинной команды служили срочную службу на боевых кораблях, но с тех пор прошло немало времени, многое было позабыто, а между тем война потребовала и от торговых моряков знаний военного дела и боевого умения.

Случилось так, что на севере встретил войну пароход «Старый большевик». Как и на других торговых судах, на палубе «Старого большевика» установили зенитные орудия и пулеметы. Пока в Архангельске было еще сравнительно тихо, команда обучалась тому, что может потребоваться в военных условиях,— заряданию, наводке, правилам стрельбы.

После обеда на полубаке у орудия собиралась вся команда: капитан Иван Иванович Афанасьев, его помощники, мотористы, электрики, радисты. Даже буфетчица Мария Ильинична Фуфаева и пожилая уборщица Евдокия Афанасьевна Петрова — даже они выходили на полубак, терпеливо слушали объяснения руководителя и старались собственными руками пощупать пушку, ее затвор и спусковой механизм.

«Пригодится!» — говорили они. И на самом деле пригодилось. В открытом море во время воздушных налетов, когда каждый член экипажа

превращался в бойца, эти женщины ничем не уступали мужчинам. Так же по боевой тревоге занимали места у пушек и во время боя подносили снаряды.

Первый далекий рейс пароход «Старый большевик» совершил в 1941 году. Вторично он шел груженный боеприпасами для Советской Армии в мае 1942 года в составе большого конвоя под охраной военных кораблей.

Место «Старого большевика» было в самом конце конвоя, и всякий раз при налете фашистских бомбардировщиков и торпедоносцев он подвергался большей опасности, чем остальные корабли.

К этому времени изменилась тактика подводных лодок противника. Они действовали не в одиночку, как в самом начале войны, а группами, «волчьими стаями», выжидая конвой и преследуя его буквально по пятам днем и ночью.

Особенно велика была опасность торпедирования во время воздушных налетов. В такие минуты все следили за самолетами, а фашистские подводники в расчете на то, что внимание рассредоточено, как раз и выходили в атаку. Достаточно было на минуту ослабить наблюдение за морем, прозевать едва заметный среди океанских волн бурн торпеды — обязательно жди взрыва и гибели корабля. К тому же летом на севере нигде не скроешься от самолетов. В полярный день лучи солнца круглые сутки освещают море и корабли выделяются отчетливо, как на экране.

В районе острова Ян-Майен над конвоем появился первый воздушный разведчик. И начиная с этого часа и до прихода в Мурманский порт, на протяжении девяти суток, моряки не знали ни отдыха, ни покоя.

Жестокий бой разгорался не один раз. Всеми средствами оборонялись корабли: стреляли зенитные орудия, пулеметы, автоматы. В разгар атаки бомбардировщиков «звездный налет» на конвой совершали самолеты-торпедоносцы. Они шли на атакуемый корабль с разных сторон, в нескольких десятках метров от него сбрасывали торпеды и, не меняя курса, пролетали над транспортами, обстреливая из пулемета всех, кто в это время находился на палубе.

Все чаще и чаще воздушные налеты соединялись с атаками подводных лодок.

Капитан «Старого большевика» Иван Иванович Афанасьев беспрерывно находился на мостике и только в редкие минуты затишья позволял себе роскошь спуститься в каюту и, не снимая прорезиненного пальто, наспех выпить стакан крепкого чая.

Афанасьев — человек особого склада. В четырнадцатилетнем возрасте начал он трудовую жизнь. Плавал двадцать четыре года, побывал во всех частях света. Главная черта его характера — невозмутимость, спокойствие. В часы боя это спокойствие обычно передавалось окружающим. За свою большую морскую жизнь, за два десятка лет плавания по обоим полушариям, в борьбе со штормами, туманами, непогодой выработал он в себе сильную волю, огромную выдержку. И когда у других, казалось, сдавали нервы, Иван Иванович делал спокойное движе-

ние рукой и говорил: «Ничего, проскочим». Это «ничего, проскочим» стало девизом всего экипажа.

Было четыре часа. Над водой и над корабельными надстройками еще стлалась голубоватая дымка тумана, а за этой коварной дымкой где-то на большой высоте уже гудели моторы. Конвой приближался к нашей земле, и по штурманским расчетам скоро должны были появиться берега острова Медвежий.

Иван Иванович стоял на мостике и пытался в бинокль рассмотреть самолеты. Нет, их трудно увидеть — они летят слишком высоко.

— Выскочат из молока и угостят нас как следует, — с досадой говорил он, обращаясь к своему помощнику по политической части Петровскому.

— Ничего, Иван Иванович, — ответил Петровский. — Это молоко может быть как раз нам на руку. Скрывает нас, как дымовая завеса...

— Все-таки предупредите наблюдателей. Теперь надо позорче смотреть за морем и воздухом.

И, показав на небо, капитан добавил:

— Они наверняка ищут конвой.

— Есть. Будет исполнено, — ответил Петровский.

Прояснилось, ветер разорвал утреннюю дымку, в просвете стал виден далекий горизонт, и вскоре над кораблями раскинулось нежно-голубое небо.

— Товарищ капитан, самолеты! — доложил матрос. И в ту же минуту заухали пушки, застрекотали зенитные пулеметы.

Бомбардировщики шли на очень большой высоте. Их выдавал лишь едва заметный золотистый блеск да белые инверсионные полосы — следы выхлопных газов — тянулись им вслед.

Капитан внимательно следил за самолетами, не обращая внимания на оглушительную стрельбу. Пока они совершают заход — это еще ничего, а вот как только лягут на боевой курс — тут смотри в оба.

Афанасьев пустил в ход свое испытанное мастерство маневрирования.

— Право на борт!

— Лево на борт!

Одна команда следует за другой. С «самого полного» корабль переходит на «малый» и «средний».

Самолеты пикируют, не жалеют бомб. Они заходят с борта, с носа, с кормы, бомбы рвутся в воде рядом с кораблем. От взрывных волн на палубу обрушиваются каскады воды.

Орудийные расчеты, которыми командовали электрик Николай Никифорова и механик Иван Шлыков, едва успевали сбить с боевого курса один самолет, как тут же появлялись второй, третий, четвертый...

От непрерывной стрельбы нагревались стволы орудий. Женщины, обвешанные пулеметными лентами, работали у пулеметов, переносили раненых в кают-компанию, которая по боевой тревоге была превращена в лазарет.

С утра караван атаковали только бомбардировщики. После полудня к ним присоединились торпедоносцы.

Афанасьев повторял: «Усилить наблюдение».

«Смотрите вперед!» — гласит старинная морская заповедь. Теперь приходилось смотреть не только вперед: опасность подстерегала и сзади, и по сторонам.

На несколько минут установилась тишина. Слышался только всплеск воды, рассекаемой форштевнем. И снова тревожный возглас:

— Прямо по курсу торпедоносец!

Орудия вели огонь. Воздушный пират несся низко над водой. С каждой секундой дистанция между ним и кораблем сокращалась. Выстрелы пушек, треск пулеметов и резкие, отрывистые команды...

Клубы черных разрывов встали перед самолетом, сбили его с курса. Он отвернул в сторону.

Снова с мостика слышится команда: «Усилить наблюдение!»

Торпедоносец скрылся в туманной дали. Но вот он опять приближается слева, летит низко-низко над водой. Для моряков важно не упустить момент, когда он сбросит торпеду. Черные и белые облачка разрывов зенитных снарядов опять встают на его пути, мешают ему приблизиться к кораблю. Но летчик решил атаковать. В нескольких кабельтовых от «Старого большевика» он бросает продолговатую металлическую сигару, и она идет прямо на корабль, будто акула или еще какой-нибудь другой морской хищник.

— Право на борт! — командует Афанасьев, и вот уже сбиты расчеты фашистского летчика: бурун стремительно проходит за кормой в нескольких метрах от корабля. Все облегченно вздыхают.

— Сбросил одну. Другую унес с собой, — предупреждает Афанасьев. — Значит, еще пожалует и, конечно, не в единственном числе.

Передышка длится несколько минут. И вот с затемненной стороны горизонта вновь появляются торпедоносцы. На этот раз они заходят с кормы. Опять на корабле все дрожит от гула зенитных орудий и рокота пулеметов.

Торпедоносцы, выдерживая курс, идут прямо на корабль. С каждой минутой яснее вырисовываются их контуры, видны торпеды у них под фюзеляжем. Еще миг — одна торпеда срывается и скользит в воду. Крутой отворот, и она прошла за кормой «Старого большевика»...

Кто-то из моряков в горячке боя успевал вести подсчет атакам фашистской авиации. Сорок пятая... Сорок шестая... Сорок седьмая... Эта последняя чуть не была роковой для советского парохода и его мужественного экипажа.

На пароход с разных сторон упорно шла девятка пикирующих бомбардировщиков. Не помогали ни орудия, ни пулеметы, ни умелое маневрирование капитана. Вот подобно молнии сверкнуло пламя, прокатился взрыв, что-то с оглушительным грохотом обвалилось. Афанасьев упал без сознания. А как только очнулся — это произошло очень бы-

стро — увидел языки огня, вырывавшиеся из клубов густого черного дыма в носовой части парохода.

Величайшая опасность грозила судну. Под полубаком лежали снаряды, а в нескольких метрах от места пожара — взрывчатые вещества.

Афанасьев с трудом поднялся. Юноша-рулевой судорожно вцепился в штурвальное колесо.

— Товарищ капитан, мы потеряли ход!

— Спокойно! — скомандовал Афанасьев и бросил взгляд на приборы. — Машины и рулевое управление автоматически выключились от взрыва, только и всего, — сказал он своим обычным, уравновешенным голосом.

— В машине!

— Есть, в машине, — откликнулся голос внизу.

— Механизмы в порядке?

— Постараемся дать обороты, — доложили из машинного отделения.

Борьбой с пожаром руководил помощник по политической части Константин Максимович Петровский.

«Справятся! — решил Афанасьев. — Мое дело дать ход, как можно скорее — ход. Без хода корабль мертв. А кругом бой, нас добьют, если не сможем двигаться».

Старший механик Пугачев со своим помощником налаживал машину, поминутно докладывая на мостик, как спорится работа.

Кругом — море и небо, небо и море. Даже чайки и те, распластав белоснежные крылья, с криком парили, стараясь держаться подальше от горящего корабля.

Команда самоотверженно боролась с огнем. Пожар слабел. Из носовой части теперь валил только густой черный дым.

Афанасьев испытал незабываемое чувство радости, когда по переговорной трубе донесся голос механика Пугачева:

— Машина полностью в строю. Могу дать любой ход.

Это было как нельзя более кстати. Фашистские самолеты возвращались после нового удара по конвою. Один из них заметил окутанный дымом корабль и спикировал на него. Но здесь к этому времени уже водворили порядок. Правда, одно зенитное орудие на полубаке при прямом попадании бомбы было разбито, зато второе орудие и все пулеметы неожиданно для фашиста встретили его дружным огнем. И какое счастье! С первого же выстрела — попадание в бензиновые баки! Самолет загорелся и, протянув не больше ста — двести метров, упал в море.

... Афанасьев прибавил ход.

«Старый большевик» приближался к конвою. Со всех кораблей наводили на него бинокли, и когда он занял свое место в строю, на всех кораблях вслед за флагманом взвились сигналы приветствия.

Впервые за всю неделю на «Старом большевике» установилась тишина.

Все, за исключением вахтенных, вышли на палубу, стояли, склонив головы перед трупами товарищей, погибших смертью героев. Их хоронили по старому морскому обычаю. Они лежали на носилках, завернутые в простыни и брезент.

Петровский снял фуражку и поднялся на кнехт. Суровое, спокойное лицо его было обращено вдаль, к родным берегам.

Он называл одно за другим имена погибших, делая после каждого имени долгую паузу.

— Командир орудия Николай Никифороенко. Наводчик Павел Караманов. Подносчик снарядов Гергард Кухаревский. Трофим Пискус. Николай Гаврилов...

В заключение он сказал:

— Наша страна пройдет через все испытания войны так же, как прошел «Старый большевик» эту огненную дорогу. Победа над врагом будет обеспечена!

Израненный, но не побежденный корабль, мужественно боровшийся с врагом, приближался к берегам Родины.

АЛЕКСАНДР ОЙСЛЕНДЕР

«МАЛЮТКА»

Вардэ —
Пасмурная дымка,
Но под накатом штормовым
Меняет курсы невидимка,
Следя за танкером чужим.

Он отстает от каравана,
Еще не зная ничего,
А где-то в недрах океана
Судьба решается его.

И в перископ, как бы впервые
Надводный изучая мир,
Глядит на гребни штормовые
Давно не спавший командир.

Усталые темнеют веки,
Но снова в этом небольшом
И молчаливом человеке —
Все нервы стянуты узлом.

О, как трудны секунды эти,
Как ожидание томит,
Пока в колеблющемся свете
Команда «пли» не прогремит.

И только в тонком перекрестье
Громада черная мелькнет, —
Всей силой выстраданной мести
Торпеда воду распахнет.

Она пойдет неудержимо —
И в небо, танкер накрена,
Забьет фонтан густого дыма
И сумасшедшего огня.

Дрожь пробежит по океану —
И станет в Арктике светло,
Как будто мертвому вулкану
Вновь время действовать пришло.

Опять, встревожась не на шутку,
То где-то рядом, то вдали,
Начнут разыскивать «Малютку»
По всем квадратам корабли.

И если тяжело придется,
Когда в тиски зажмет беда,
Железо, может быть, согнется,
Но наши люди — никогда!

АНАТОЛИЙ КОЛОМИЙЦЕВ

ОБЫЧНЫЙ ПОХОД

Полярным днем подводная лодка капитана третьего ранга Видяева вышла в море.

Лодка крейсировала у вражеских берегов, пустынных и неприветливых. Шли сутки за сутками. Враг не появлялся. Морские дороги как бы опустели. Некоторые краснофлотцы уже начали сомневаться в том, что на этот раз удастся встретить врага. Но командир настойчиво и решительно продолжал поиск.

Лодка была на глубине, когда акустик Жучков, выглядывая из рубки, вполголоса доложил:

- Товарищ капитан третьего ранга, шум винтов!
- Шум винтов? — обрадовался заместитель командира Табенкин.
- Да, но очень слабый.

Заместитель командира прошел в центральный пост. Вахтенный офицер готовился к повороту. Это было кстати. Когда начался поворот, Табенкин спросил у акустика, слышит ли он шум и как изменился пеленг. Сейчас Жучков более уверенно заявил о шуме и пеленге. Стало ясно: идет караван.

Табенкин хотел разбудить отдохавшего командира, но в этот момент тот сам появился в центральном посту.

- Что так рано?
- Не спится что-то. Лежу, а самому так и хочется пойти посмотреть — нет ли чего-нибудь.
- Значит, сердце почуяло приближение врага! Ну, атакуй, Федор Алексеевич.

Видяев стал у перископа и осмотрел горизонт. Горизонт был чист. Но, руководствуясь докладами акустика, командир повел лодку на сближение.

Через несколько минут Видяев приказал поднять перископ. И только успел взглянуть в него, как громко крикнул:

- Вниз!
- Что такое? — спросил Табенкин.
- «Арадо» прямо над лодкой летит.

Самолеты просматривали море. Значит, где-то неподалеку идет караван...

Вражеские суда шли под самым берегом. Видяев выбрал крупный глубоко сидящий транспорт и вышел в атаку. Море было предательски гладким, а в охранении каравана насчитывалось около десятка кораблей. Сблизившись на предельно короткую дистанцию, Видяев на мгновение поднял перископ и дал залп. Через несколько секунд в лодке отчетливо услышали два взрыва.

Минут через пять послышались другие взрывы — глубинных бомб. Сколько всего противник сбросил бомб? Краснофлотец Качин, свободный от вахты, после каждого разрыва откладывал на счетах костяшки. Но, отложив сотни полторы, со злостью сказал:

— Да ну их к черту!

А враг наверху бесновался.

Корпус лодки содрогался, гасли лампочки, осыпалась обшивка, нарушалась работа некоторых приборов. Нервы у людей были напряжены до крайности. Но попрежнему спокойным, четким голосом докладывал акустик Жучков о пеленгах вражеских кораблей, быстро и точно выполняли команды стоявшие на рулях боцман Завьялов и краснофлотец Сокол, кропотливо возился у электромоторов мичман Карасев. Наконец, взрывы отгрохотали и в отсеках началась нормальная и размеренная жизнь.

Подводный корабль благополучно возвратился в свою базу. Видяева пригласили к командующему Северным флотом. Вице-адмирал вручил отважному подводнику орден Красного Знамени, крепко пожал руку и сказал:

— Поздравляю с наградой! — и, улыбнувшись, добавил: — Но это за прошлое. Последняя победа заслуживает того, чтобы о ней поговорить особо.

АЛЕКСАНДР ОЙСЛЕНДЕР

ВЕЧЕР НА БАЗЕ

Отого, что не бывает тихо
Ни зимой, ни летом, никогда,
Город называется Гремиха —
Ты видал такие города?

Их кружком не отмечают карты,
Снег их заметает с головой —
И олени, впряженные в нарты,
Пробегают улочкой кривой.

Тральщик затихает у причала —
И, на пристань твердую сойдя,
Люди разминаются сначала
После качки, ветра и дождя.

Клуб набит, толпа стоит у входа —
И под нескончаемый мотив
Тяжело танцуют мореходы,
Девушек румяных подхватив.

Девушки — все те же краснофлотцы.
Пол скрипит, курить запрещено.
Старая картина часто рвется,
Но ее пускают. Все равно.

Снова ходит вьюга за саамом,
Но и здесь, где только снег и лед,

Мы живем и дышим тем же самым,
Чем живет и дышит весь народ.

Кто сказал, что здесь задворки мира?
Это край, где любят до конца,
Как в произведениях Шекспира,
Сильные и нежные сердца!

ЮРИЙ ГЕРМАН

В ПОХОДЕ

Из повести «Студеное море»

 себя в каюте Ладынин, не торопясь, натянул брезентовые на меху брюки, свитер, теплую куртку с капюшоном, бурки. Положил в карман спички, папиросы и долго искал мундштук. Постоял, вспоминая, где он может быть, сунул руку в карман плаща и вынул оттуда мундштук вместе с желтыми осенними листьями. Посмотрел на них, чему-то улыбнулся, сунул вместе с мундштуком в карман куртки и, когда затрещали звонки, вышел из каюты...

По трапам и палубам уже гремели шаги краснофлотцев, а в репродукторах раздавался голос его помощника Чижова:

— По местам стоять, со швартовов сниматься. По местам стоять, со швартовов сниматься. По местам...

Медленный и нудный сыпался с черного неба осенний дождь. Но дождь этот не был неприятен Ладынину. Поднявшись на ходовой мостик, он с удовольствием набрал в легкие сырой, соленый, привычный воздух, с удовольствием оглядел смутно белеющие во тьме плащи сигнальщиков, с удовольствием послушал, как урчит на полубаке боцман, подумал: «Ну, вот, началась совсем нормальная жизнь», — и без мегафона сильным отрывистым голосом приказал во тьму:

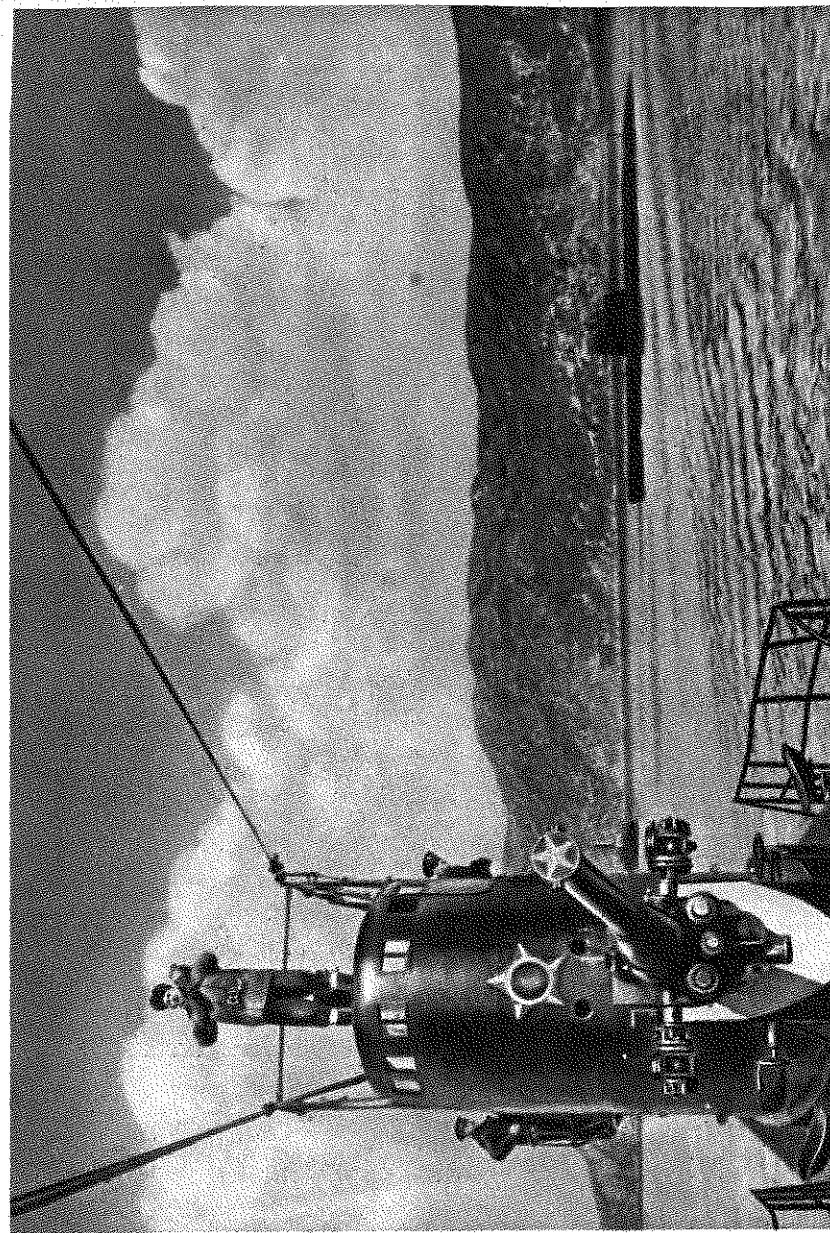
— Отдать носовой!

— Есть, отдать носовой! — с веселой готовностью гаркнул боцман.

Ровно в шесть тридцать вышли в точку рандеву и повели транспорты по назначению. Пароходов было всего два; тяжело груженные, они двигались медленно, а корабли охранения шли противолодочным зигзагом: это были опасные места, и Чижов приказывал усилить наблюдение.

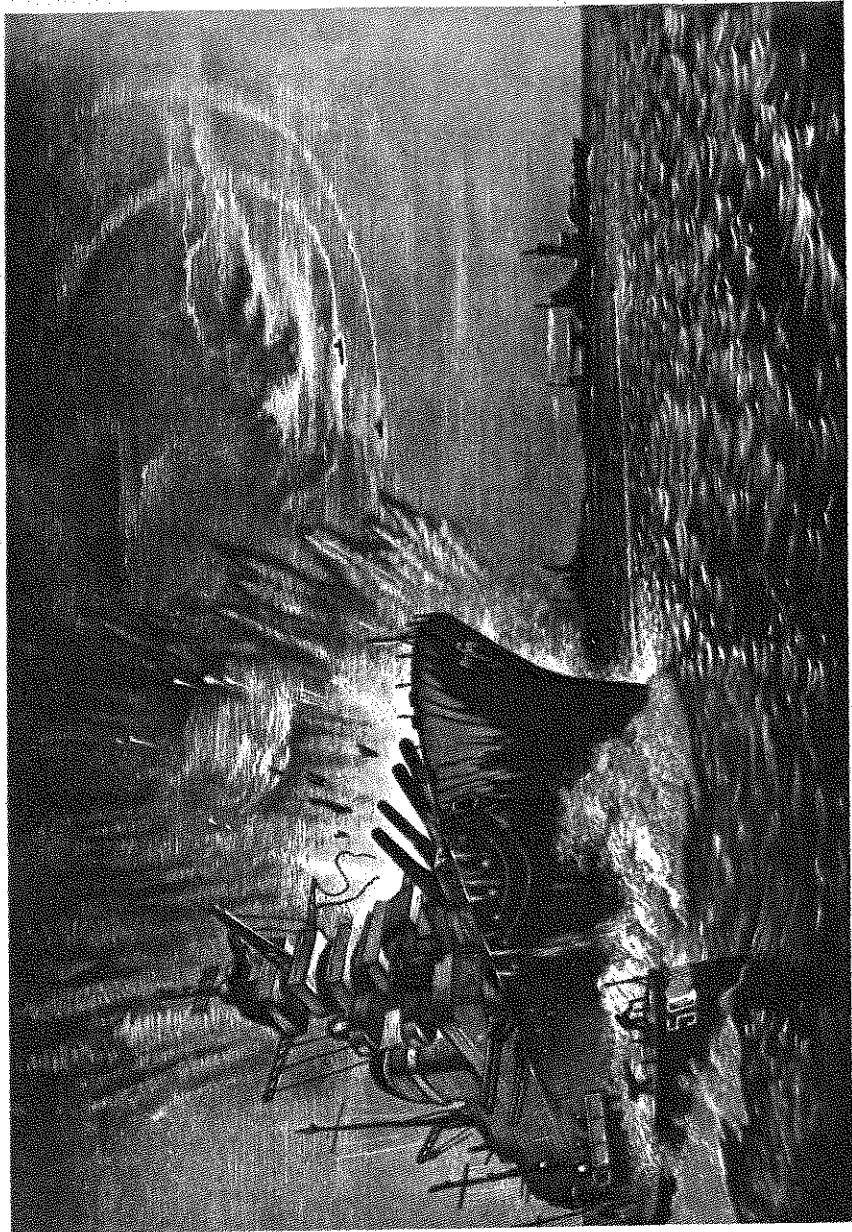
С корабля, на котором шел комдив, просемафорили тоже, чтобы усилили наблюдение, и тотчас же самолет, круживший над караваном, выпустил красную ракету.

— Перископ, что ли? — спросил вахтенный командир.

Подводные лодки выходят из базы. Курс к берегам врага

Фото Н. Веринчука

Торпедирование линкора «Гирпиц» подводной лодкой Героя Советского Союза Лунина

Литографюра художника В. Вибиева

Самолет пошел на посадку. Он тянул низко над тихой водой, и когда сигнальщик крикнул, что видит перископ, все были к этому совершенно готовы.

Ладынин повернул ручку машинного телеграфа на полный, крепко сжал зубами пустой мундштук и взглянул на тахометр*. Корабль выходил в атаку.

Утро было ясное, чистое, свежее. Сердито закричал какие-то слова артиллерист, в свисте ветра, возникшего на этом бешеном ходу, ничего не было слышно.

За кормой поднялись розоватые на солнце пенистые столбы воды, — там рвались глубинные бомбы.

У Чиждова глаза блестели от азарта, он скинул фуражку, лысина его сверкала на солнце.

Розовые думы возникли спереди — носовое орудие било ныряющими снарядами.

Опять пошли в атаку, опять сбросили бомбы. Лицо у Ладынина было мрачное, и к чаю в кают-компанию он тоже пришел мрачным.

— Что было с лодкой? — спросил Хохлов. — Удачно или неудачно пробомбили, как вы считаете, товарищ командир?

— А вы? — резко спросил Ладынин.

Хохлов промолчал. Тогда Ладынин спросил то же самое у Калугина, артиллериста.

— Поскольку наша задача была загнать ее на глубину, — сказал артиллерист, — постольку...

— «Поскольку», «поскольку», — передразнил Ладынин. — Не надо сигнальщиков дергать, — вот это действительно «поскольку». Когда им десять раз говорят, что надобно усилить наблюдение, они любой тепляк за перископ примут, даже такие сигнальщики, как Карпушенко или Жук...

Закурил папиросу и вышел не договорив.

На мостике Чиждов, попрежнему без фуражки, ел из глубокой тарелки вчерашнюю треску.

— Хорошо! — сказал он командиру. — Холодная, прямо-таки объедение. Но в консервах еще лучше. Эх, товарищ командир, приглашу я вас после войны к себе в Мурманск треску в масле кушать. Чего это вы будто сердитый?

Ладынин молчал.

А через несколько минут германский разведчик привел тройку торпедоносцев и десяток бомбардировщиков. В десять сорок пять начался бой. Торпедоносцы крутились в набежавших облаках, а «юнкерсы», вызывая на себя огонь кораблей, старались отвлечь внимание моряков от торпедоносцев.

Ладынин, выпятив нижнюю губу, неподвижно стоял на мостике. Внизу оглушительно били автоматы, и он почти ничего не слышал, —

* Тахометр — прибор, показывающий число оборотов вала машины.

сигнальщики кричали ему в самые уши, а он командовал негромко и отдельно, спокойнее, чем на учебных стрельбах, и все время защищал своим огнем неповоротливые тяжелые транспорты, увертываясь от бомб, которые швыряли «юнkersы», и ждал атаки торпедоносцев, которые хитрили и все еще крутились в рваных серых облаках. Глаза у него сузились, когда все три машины вывалились из-за облаков и строем пеленга пошли на корабли.

Фашисты упорно шли вперед, несмотря на стену огня военных кораблей и транспортов. Одна машина от прямого попадания снаряда взорвалась и мгновенно исчезла, но ведущая сбросила торпеду, и тотчас же Ладынин повернул ручку машинного телеграфа на самый полный и очень громко крикнул рулевому:

— Два градуса вправо!

— Есть, два градуса вправо! — также криком ответил рулевой и, увидев совершенно белое лицо своего командира, побелел сам.

Чижов до крови закусил губу. Такие секунды не часто приходится переживать человеку. А если и приходится, то очень редко случается рассказать потом о них.

Защищая транспорт, Ладынин решил подставить торпеду борт своего корабля. Это решение созрело в нем мгновенно и как-то само по себе. Он почти не думал, поступая так, а не иначе, — это было как инстинкт.

Но торпеда не сработала.

Первым понял, что она не сработала, Чижов. По всей вероятности, виноват был прибор Обри, — торпеда пошла на циркуляцию, и Чижов с удивлением, глупо улыбаясь, сказал:

— А? Командир? А?

— Что «а»? — спросил Ладынин. Лицо его, шея, руки, спина — все покрылось потом.

Где-то далеко в небе зудели, уходя, вражеские самолеты.

— Что же случилось? — спросил Ладынин.

— Да не сработала! — закричал Чижов. — Не сработала она, пес ее задави, ну вот не сработала — и все тут, не наша была, командир.

Но внезапно лицо Чижова стало серьезным, он близко подошел к Ладынину и сказал:

— Товарищ командир, да вы... Да знаете ли вы?..

Щека у него задрожала. Ладынин ждал. Но Чижов так ничего и не выдумал. Вздыхнул и отвернулся. А Ладынин сказал:

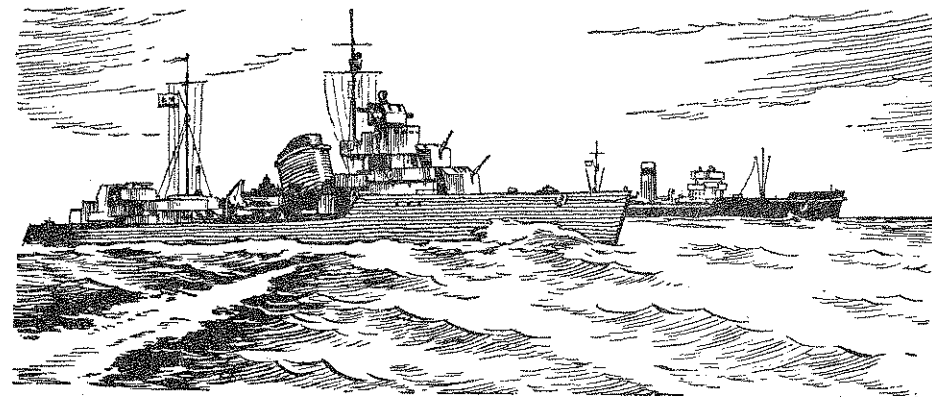
— Видно, мы, товарищ Чижов, еще не всю свою треску в масле съели. Верно?

— Точно, — ответил Чижов, — я как раз это и хотел отметить.

А внизу, в кают-компании, между тем умирал краснофлотец Мордвинов.

Тишкин сделал уже все, что мог, и все-таки Мордвинов умирал. Страшно изменившееся лицо его покрылось смертной синевой. Нос заострился. Губы стали узкими и серыми. В глазах появилось строгое выражение.

Лежать он не мог и полусидел на диване, тяжело дыша и порой задыхаясь. Но несмотря на ужасающие муки, лицо его до самого последнего мгновения не выражало страдания. Он не любил, чтобы его жалели, и когда германская бомба разорвалась у кормового ската, сразу же приказал себе держаться и быть мужчиной до самого последнего конца.

Теперь он ждал командира и, увидев Ладынина, еще не остывшего после боя, разом как-то посветлел, нашел в себе силы улыбнуться серыми губами и, сохраняя суровость в лице, спросил:

— Тут старшина Сизых перевязывался, говорил, будто мы корабль наш под торпеду подставили за транспорт. Верно это, товарищ старший лейтенант?

— Верно, — ответил Ладынин, взглядываясь в Мордвинова теплым и пристальным взглядом.

Несколько секунд Мордвинов молчал. Из рта у него пошла кровь. Тишкин вытер ему подбородок и грудь куском марли.

— Это ничего, — сказал Мордвинов, — ничего, хорошо. Как морякам положено, так и сделали.

Рука его, поискав в воздухе, нашла руку командира и со слабым усилием сжала Ладынину пальцы. Сердце Ладынина часто забилося.

— Побеспокоил вас, товарищ командир, — пытаюсь еще улыбнуться, заговорил опять Мордвинов, — насчет письма хотел сказать. Я папаше давеча написал все, как на сердце было. Письмо там, найдут. Попрошу вас, товарищ командир, про меня сами допишите. Что, дескать, погиб на посту, как полагаются там. — Он помолчал и добавил: — Все я про ваши слова насчет волков вспоминаю. Правильные слова. Что, если мы в море начнем рассуждать, будто человек человеку волк? Что тогда?

Он немного вытянулся вперед и тотчас же стал оседать, слабея с каждой секундой все больше и больше. Холодеющая рука его выпустила пальцы командира, но Ладынин крепко сжал руку матроса и наклонился над ним. Мордвинов что-то шептал. Кровь лилась из его рта.

— Все, — сказал Тишкин.

Мордвинов еще раз коротко вздохнул. Потом дыхание его стало слабеть. Ладынин снял фуражку и отошел в сторону.

На мостике он вспомнил, что одним из транспортов командует Анцыферов, и сообразил, что подставил свой борт торпедой, защищая транспорт старика капитана. И теперь никак не разубедить будет Анцыферова, что в секунды боя ему, Ладынину, и в голову не могло прийти — кто каким транспортом командует.

Теперь пойдут рассказы...

— Сигнальщик, спите? — крикнул Чижов.

Флагман передавал ратьером благодарность командиру и всему личному составу корабля.

— Ясно вижу, — сказал Чижов, — разбалуешь вас — благодарить каждую минуту...

Жук передал: «Ясно вижу».

Ладынин прикурил у вахтенного артиллериста и спросил:

— Что, Василий Петрович, задумался?

Калугин странно посмотрел на командира, поежился и пошел брать пеленг.

— Мордвинова жалеет, — сказал Чижов. — У него сердце доброе, у Калугина, совсем белый был, когда узнал, что Мордвинов помер. Да и то, Александр Федорович, молодой ведь он.

В глазах у Чижова Ладынин заметил что-то новое, помощник теперь четче и как-то серьезнее называл командира по имени и отчеству да и Жук, и Хохлов, и Тишкин, и командиры, и краснофлотцы за эти последние часы стали иначе смотреть на Ладынина. Он чувствовал это и не понимал почему. А потом вдруг вспомнил, как изменились все к Чижову после его тарана, как смотрели на него другими глазами, будто удивляясь, что не заметили в нем чего-то, как приглядывались к его хлопотливому курносому русскому лицу, будто отыскивая в этом лице какие-то новые, необыкновенные черты, и как Чижов рассердился тогда до того, что даже ногой топнул, и как кричал тогда пронзительным и глубоко обиженным голосом:

— Приходил тут один в очках, весь скрипучий. Какие, спрашивает, у вас были ощущения? Какие были особенные, нестандартные, личные ваши ощущения? Как вы при этом себя чувствовали? Что вы при этом думали? Что сказали во-первых, что сказали во-вторых, в-третьих. Ну пристал как банный лист. Ну пристал и пристал. А что я ему скажу? Какие ощущения? Какие? Не было у меня никаких ощущений. Война. Вот — война! Бить его надо — вот и все ощущения. А слова я говорил, не знаю какие...

Вот так сам сердился тогда, сам кричал и топал ногой, а теперь присматривается и говорит особенным голосом, точно он сам не отдал бы той команды, которую отдал Ладынин и отдал которую был его долг — долг военного моряка, долг командира, так же, как долгом Чижова было тогда таранить германскую подводную лодку.

Сигнальщик сердитым голосом доложил, что видит круглый предмет. Ладынин взглянул в бинокль: в серой воде, точно живая, шевелилась оторвавшаяся мина.

— Несет их, чертей, — сказал Чижов. — Это штормом посрывало, тут и напоротся недорого стоит.

Вновь заблестело зеркало ратьера — флагман предупреждал насчет мин.

— Вот сейчас туманом накроет, — сердито сказал Чижов. — Тогда попляшем.

Впереди стояла плотная, серая, вязкая стена. Чижов фыркнул носом, глядя на нее, и выслал дополнительных сигнальщиков на бак.

Флагман нырнул в туман и скрылся в нем, точно пропал бесследно. За ним растаял тяжелый анцыферовский транспорт. Чижов еще раз фыркнул носом. Когда-то, лет десять назад, у него в тумане была авария. С той поры он боялся туманов, нервничал, когда корабль попадал в туман, начинал фыркать, скрести ногтями лысину, ругался и изводил себя куда больше, чем следовало.

Сигнальщик опять доложил, что видит круглый предмет. С правого мателота тоже доложили, что по носу мина. Чижов заскреб голову.

— Лапша, — сказал Калугин, — настоящая лапша!

Длинный краснофлотец Сидельников пронзительно крикнул с бака, что видит мину. Тотчас же ее увидел и Ладынин. Круглая, черная, она медленно и зловеще покачивалась на воде совсем близко от носа корабля. Рулевой Нестеров мгновенно положил три градуса влево. Мина, все так же зловеще покачиваясь, прошла вдоль борта. Чижов фыркнул.

Вестовой принес на мостик чаю. Ладынин пил маленькими глотками, наслаждаясь теплом, и щурился на едва видневшуюся впереди корабля воду. Потом мгновенно туман рассеялся, сделалось тепло, засинело небо, заблестало солнце.

— Вот она, жизнь моряка, — сказал Чижов. — Раз-два — и в дамках. Идите обедать, товарищ командир, я вас попрошу, пора вам кушать.

— Есть, идти обедать! — весело сказал Ладынин.

В кают-компании уже был постлан ковер, и на столе лежала ска-терть. Только на одном диванчике не хватало чехла, на том самом, на котором давеча умер Мордвинов. И немножко, чуть-чуть, пахло лекарством. А больше ничего не напоминало о том, что совсем недавно, всего несколько часов назад, тут был корабельный лазарет и любитель стихов Тишкин сражался со смертью.

— Прошу к столу, — сказал Ладынин, — чем нас сегодня кормят?

Вестовой принес «вельбот» с супом.

Обедали молча. И не раз во время обеда Ладынин чувствовал, что на него смотрят, — смотрят как-то особенно, не так, как смотрели раньше. А потом вдруг перехватил взгляд зеленых глаз начхоза — удивленный и почтительный.

«Балда, — подумал Ладынин, — как будто на моем месте он поступил бы иначе».

— Хорош сегодня супец? — спросил начхоз.

— Ничего, — сказал Ладынин, — главное, что перцу много. По вашему вкусу.

Начхоз помолчал, потом спросил другим голосом — негромко и значительно:

— Товарищ гвардии старший лейтенант, а правда, что мы сегодня... этого... подставили...

— Правда, — не дослушав и раздражаясь чем-то, что было в тоне начхоза, сказал Ладынин. — Правда. И, кроме того, прошу запомнить. Прошу всех командиров запомнить, что в том, что было сделано, в том, что... — Он запутался в этих «что» и помолчал секунду. — Короче, был выполнен прямой долг, и прошу это запомнить. Было бы крайне неприятно, если из этого всякая чепуха... — Он раздражался все больше и больше. — Надо понять, что морская война, наша работа на море содержит несколько обязательных предпосылок. С этого надо начинать. Это — первая ступень. Обязательная ступень. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Понимаю, — нетвердо ответил начхоз.

— Значит, кончен разговор! — сказал Ладынин. «Теперь начнется, — сердясь сам на себя, думал он, закуривая после обеда. — Вот придем, и начнутся те же расспросы. Еще этот очкастый явится с ощущениями, спрашивать будет, какие у меня ощущения. А в самом деле, — вдруг с интересом подумал он, — какие были ощущения? Ну вот, если Варя спросит, что я в это время чувствовал. Страшно было? Было! Очень? Очень. Понимал я, на что иду? Вполне! И я шел на это? Шел! Позвольте, значит, я тогда герой?»

От этой последней робкой и неясной мысли он, сам того не замечая, покраснел до испарины и, рассердившись на себя, пошел на мостик, по привычке пригибая голову к плечу.

МИХАИЛ МИКРЮКОВ

ПУТЬ К ПОБЕДЕ

ростором бурным и ненастным,
Сквозь ночь, и штормы, и туман
Ведем мы вновь путем опасным
Североморский караван.

Суда пройдут путем тревожным.
Девиз советских моряков:
«Все невозможное возможно,
И все тяжелое легко».

Пусть шквал в полярном море воеет,
Пусть на пути коварный враг,
Мы знаем: миг морского боя —
К победе над фашизмом шаг!

БАЛЛАДА О РАДИСТЕ

Снарядом разворочена проводка,
И неподвижен агрегата вал...
На половине оборвалась сводка,
Которую радист передавал.

Но пульсом боя бурно жил эсминец, —
Кругом враги и минные поля.
Он за гостинцем посылал гостинец
Из всех орудий вражьи кораблям.

И вышел раненый радист из рубки,
Встал на ветру, не опуская глаз,
И ветер штормовой холодной губкой
Его умыл и причесал зараз.

И вот под музыку шального такта,
Под гром сражения и ветра свист
Вновь кабель на знакомые контакты
Накладывал слабеющий радист.

Он победил — исправлена проводка.
Опять гудит у агрегата вал...
Получена без опоздания свodka,
Которую радист передавал.

НИКОЛАЙ ПАНОВ

В КОТЕЛЬНОМ ОТСЕКЕ

Из «Повести о двух кораблях»

Когда после первой встречи с «Герингом» «Громовой» ушел в собственную дымовую завесу, тотчас зазвенел телефон в котельном отделении.

— Старший лейтенант Снегирев передает: дали прикурить «Герингу». Крейсер горит! Скоро снова пойдем в торпедную атаку! — сказал мичман Куликов, вешая телефонную трубку.

Котельные машинисты стояли у своих заведываний, положив пальцы на рычаги, повернув к мичману темные остроскулые лица, полные надежды, ожидания, бесконечной решимости. Белый свет фонарей, тусклый отблеск нефтяного пламени дрожали на поношенных ватниках.

Наверху только что перестал бить главный калибр. Они только что перестали слышать отзвуки залпов, видеть вспышки высоко над головами, в отверстиях вентиляторов, выходящих на верхнюю палубу.

«Подожгли крейсер! Наши комендоры подожгли крейсер!» — торжествующе думал Зайцев, шупая подшипники и регулируя работу насосов.

Они ставили дымовую завесу. Только вошли в нее, и в котельной сразу стало душно; горло сжимал запах копоти и мазута. Вентиляторы нагнетали внутрь котельной задымленный морской воздух.

— Долго еще будем дымить, товарищ мичман? — крикнул шутливо Никитин. — Этак до самого полюса океан задымим.

— Дыми, дыми! — ответил мичман Куликов. — Тебе что — себя жалко или белых медведей? Так медведь — зверь безответный, а ты после боя душ примешь в охотку.

— Мы и так до костей прокопченные — это для здоровья полезно, — подал реплику Зайцев.

Сверху опять громынуло, простонала сталь, мигнули фонари и посыпался асбест с паропроводов. Никитин крепче стиснул рычаг, пригнулся к форсунке. Сейчас ему трудно было шутить. Плохие шутки, когда корабль мчится под обстрелом врага...

Вспыхнули цветные лампочки, прозвучал сигнал, прыгнула стрелка на циферблате.

— Дали средний ход! — крикнул Куликов. — Прекратить дым!

Никитин переложил рычаги. Значит, вышли из боя! Он распрямылся, стер с лица машинное масло и пот. Он вспотел, несмотря на то, что ледяные струи вентиляции шелестели кругом.

И вновь они несли вахту: Никитин на горении, Чириков — на питании, Зайцев — у насосов. И опять с мостика дали сигнал «полный ход», и в котельной зазвучал ровный, внушающий веру в победу голос командира.

— Снова идем на сближение — ясно? — сказал мичман, выслушав речь капитан-лейтенанта. — Значит, сейчас держи ухо востро!

И все молчали, ожидая новых сигналов. «Опять в торпедную атаку пошли!» — думал Никитин, стиснув пальцами послушный металл.

Но вот что-то звякнуло, пронзительно-тонко засвистело, в уши рванулся оглушительный вой. Вся котельная наполнилась густым, белым, обжигающим лица паром.

Свистело и выло с правого борта, ничего не было видно вокруг, вместо ламп тускнели рыжие пятна, горячая белая мгла слепила глаза и забивала рот.

Первым движением Никитина было — броситься к шахте, найти задрайку, выбраться наверх. Пробит борт и паропровод! Свистело и шипело. Глухо лилась на палубу вода.

— По местам стоять, коммунисты! — прогремел голос, перекрывший все звуки.

Никитин остановился. Коммунисты! Это относилось и к нему, сразу отрезвило его. Он узнал голос Куликова. Значит, мичман жив, все в порядке.

Густо клубился пар, вентиляция несла белые горячие слои вглубь кочегарки. Никитин рассмотрел Чирикова и Зайцева, застывших рядом с ним, мичмана, расплывчатой тенью метнувшегося в сторону непрерывающегося хриплого свиста.

— Осколком... Пробиты борт и магистраль отработанного пара! — крикнул ему в ухо мичман. — Заделай пробойну в борту. Я исправлю магистраль...

— На горение встань! — пробегая мимо Зайцева, выдохнул мичман.

Никитин кинулся к борту. От форсунок отходить нельзя, но мичман предусмотрел все. Никитин увидел, как к форсункам встал Зайцев.

Никитин обогнул струю напряженно бьющего, почти прозрачного пара. Вплотную приник к борту. На высоте метра от настила из рваного отверстия в металле хлестал водопад ледяной пены. Вода падала на палубу, стекала в трюм.

Заделать пробойну... Если не заделать сейчас же, вода подойдет к топкам...

Уже работала помпа, но море жадно рвалось в пробойну. Сквозь горячий туман Никитин различал, как над нефтяной систерной, между

рядами свинцового кабеля, вода поспешно пробирается внутрь, пенистыми когтями старается раздвинуть бортовую сталь.

Он сорвал ватник, сунул в водяную струю. Его отбросило назад вместе с ватником, сзади струя пара обожгла шею. Солено-горькая вода невыносимым холодом сводила разгоряченное тело.

Никитин снова кинулся на струю, и она отбросила его снова. Он свернул ватник плотнее, зажал им пробойну сбоку, но вода вытолкнула ватник обратно.

— Спinoй зажимай! — крикнул Зайцев. Зайцев метнулся было на помощь другу, но вспомнил: от форсунок отходить нельзя, котел продолжает работать.

«Действительно, спиной», — подумал Никитин.

Он бросался лицом вперед и потому не выдерживал, отступал перед яростью моря. Но теперь он прижал скрученный ватник к лопаткам, повернулся к морю спиной, всунул в пробойну ватник и тотчас же притиснул плечом.

Море снова толкало его, давило, как ледяная гора.

Ноги скользили по маслянистой палубе, но он ухватился за выступ нефтяной систерны, нашел точку опоры. Ватник сдвинулся было, Никитин чувствовал, как острый край пробойны вонзился в мускулы спины. Но все-таки стало легче, водяной поток прекратился. Он заткнул пробойну своим телом.

Так он стоял, бледнея, с катящимся по лицу потом и онемевшей спиной. Словно во сне видел, как у форсунок Зайцев регулирует пламя, как под ногами уменьшается слой воды, как в свисте пара мичман Куликов заделывает пробойну магистрали.

...Когда осколок пробил борт и магистраль, в первый момент ужас перехватил горло мичмана.

Пробита магистраль — значит, все кончено, всех обварит паром, котельная выйдет из строя! Но тотчас же сообразил, определил по температуре и по звуку, что пробита не главная магистраль, а магистраль отработанного пара.

Он выкрикнул обращение к котельным машинистам. Доложил в пост энергетике о повреждении в магистрали...

Следующим движением было — рвануться к источнику раскаленных паров. Нашел аварийный материал не глядя, всегда имел его под рукой, на штатном месте.

Хотел обмотать голову ватником, но это помешало бы работе. Подбежал к паровой струе сбоку, так, чтобы она не задела лица.

Хрипело, рушилось на палубу море. Он ввел в действие помпу, он видел, как, сорвав ватник, к пробойне бежит Никитин. Всмотриваясь в магистраль, мичман стал сдирать изоляцию вокруг поврежденного места.

Его обожгло сразу. На руках были рукавицы, но пар пронизал их, будто их и не было на руках. Невыносимый белый огонь обдал пальцы, казалось, по ним ударило свистящее лезвие. Он чуть не выронил инстру-

мент, чуть не лишился сознания от боли, от все растущей нечеловеческой боли в руках. «Но магистраль нужно заделать на ходу, — думал мичман, — нельзя выключить пар, лишить корабль скорости хода, которую требует командир».

Он тщательно обнажал поврежденный металл, и каждый нерв кричал: «Довольно, отдерни пальцы!» Пар бил широким, злым веером, охватывая пальцы кругом. Руки слабели, казалось — нельзя сделать ни движения больше. Но он старался не думать о боли, думал о своем корабле, о героях коммунистах, гибнувших под пытками, но не сдававшихся врагу.

Он пошатнулся, отклонился на мгновение, и влажное лезвие пара полоснуло его по лицу, глаза застлались слезами. Он опять чуть было не выронил инструмент, но продолжал работать.

И вот почти пересилил боль, стал работать быстрее, хотя непрерывно бегущие слезы застилали глаза.

Но кто-то уже подавал ему паранит, медный лист для заплат, кто-то старательно, двумя руками, придерживал бугель. Свист прекратился, лампы светили ярче. Мичман видел, что матросы аварийной группы заканчивают ставить бугель, крепко обжимают с боков болты.

Его сознание прояснялось. Магистраль блестела свежей заделкой. Мичман бросил взгляд на свои руки и тотчас отвел глаза. Рядом с ним боцман с матросами распиливали брус на упоры нужной длины.

Никитин все еще придерживал пробойну спиной.

— Потерпеть еще можешь? — бросил ему через плечо боцман.

«Могу», — хотел сказать Никитин, но не мог произнести ни слова: грудь была сжата леденящими тисками. Он только кивнул, продолжая стоять, вцепившись пальцами в нефтяную систерну. Упоры были готовы, матросы подтаскивали аварийную подушку...

— Ну, отходи, браток! — крикнул боцман. — Довольно на плечах море держать. Отходи! — повторил он.

Но Никитин не мог сделать ни одного движения. Хотел оторваться от пробойны, но она, казалось, цепко держала его за онемевшие мускулы спины.

Он только слабо улыбнулся. Увидел сбоку багровое, залитое слезами лицо Куликова.

— Не видите, что ли, — загремел Куликов. — Ослабел человек. Подсобите!

И когда матросы подхватили Никитина, оторвали от борта — море снова заревело, врываясь внутрь, но пробойну уже зажали аварийной подушкой, подперли распиленными брусками, поданными с роостр.

Над Никитиным склонялось неестественное, странно знакомое лицо, из глаз которого, не переставая, лились слезы.

«Снится мне это, что ли? — подумал Никитин. — Слезы из глаз мичмана Куликова!»

— Это я, брат, видно, торпедированных фашистов оплакиваю, — сказал Куликов, и его губы сложились в подобие улыбки. — Знаешь поговорку: «Слезы моряка наравне с кровью ценятся».

— «Геринга» торпедировали, товарищ мичман? — спросил Никитин.

— Торпедировали «Геринга»! Торпедировали! — счастливым голосом прокричал мичман.

И, теряя сознание, падая в глубокий, крутящийся мрак, Никитин увидел попрежнему ровно горящее пламя в топке, стоящих возле друзей, увидел аварийную подушку, зажимающую пробойну, которую он закрывал собой, чтобы сохранить жизнь родному кораблю.

ВЛАДИМИР РУДНЫЙ

В МЕРТВОЙ ДОЛИНЕ

Лейтенант Анатолий Бородин за эти сутки смертельно устал. Накануне вечером из фиордов Норвегии потянулся долгожданный туман. Как мутный паводок, он залил перешеек между полуостровом Средним и материком, и лейтенант поднял на ноги свой отряд.

Передний край проходил над перешейком — от губы Кутовая до губы Малая Волоковая в Варяжском заливе. Напротив, на материке, от залива до залива, угрюмой черной грядой, перевитой белыми полосами вечного снега, лежал хребет Муста-Тунтури. На его вершинах залегли гитлеровцы. У подножия этих гор на гряде обрывистых скал и сопок держалось наше боевое охранение. Между передним краем и опорными пунктами простиралась Мертвая долина. Зимой снежные бури хоронили в ней людей. Летом всю ночь, как фонарь, над ней торчало солнце. Под бурым мхом громоздились обломки шифера и гранита, похожие на холмики могил: в неглубоких ложбинках стыла черная вода; голая каменистая долина была открыта вражескому огню. Но и зимой и летом матросы лейтенанта Бородина спускались в долину, доставляя своим товарищам в боевое охранение пищу и оружие. Туман облегчал эти походы: лейтенант доложил о нем на флагманский командный пункт на Рыбачий и тотчас отправил в путь первую группу подносчиков. К их возвращению лейтенант получил приказ создать на опорных пунктах определенный запас; одновременно с приказом на помощь пришла группа автоматчиков из соседней роты.

Туман уже рассеялся, однако и вторая группа прошла удачно. На обратном пути гитлеровцы обстреляли ее, но все же к исходу ночи все подносчики вернулись на сборный пункт, выполнив задание.

Лейтенант собирался уже отпустить людей на отдых, но утром начальник санитарной службы потребовал немедленно вынести из блокауза раненых для эвакуации в госпиталь. На этот раз лейтенант пошел в боевое охранение сам.

За ночь солнце покинуло карнизы гор, перекаатилось за океан и вновь выплыло на востоке, за нашей спиной. Теперь ясное утреннее

солнце освещало Мертвую долину, оно било немцам в глаза, и противник, к счастью, не мог вести прицельный огонь.

Разгрузив на опорных пунктах термосы с горячим завтраком и мешки с гранатами, матросы взяли на плечи раненых и двинулись за лейтенантом в обратный путь.

Все было бы хорошо, не подведи Виноградов — новичок, только накануне прибывший на фронт. При первых же выстрелах он бросил свою ношу и весь мокрый от пота предстал на сборном пункте перед лейтенантом и товарищами.

Рука лейтенанта невольно потянулась к кобуре. Он с трудом сдержал себя и отвернулся. Ему противно было смотреть в мокрое лицо этого рыжего малого. Он скользнул взглядом поверх плеча Виноградова — позади стояли темнолицые матросы, на Виноградова смотрели злые, беспощадные глаза.

— Значит, — процедил сквозь зубы лейтенант, — струсили?

— Струсил, — безвольно и равнодушно повторил Виноградов.

— Раненого товарища бросили? Знаете, что за это полагается?

Виноградов вяло смотрел в землю; он качался, словно не находя в ней опоры. Матросы двинулись к нему, сомкнули тесный круг.

В круг протиснулся худощавый и такой же длинный, как и лейтенант, матрос, — он только что бережно положил на носилки двоих раненых, — это был Степан Борцов, одессит, отчаянный человек, известный тем, что однажды он пролежал в Мертвой долине сутки без движения, обманывая фашистского снайпера. На спине у него был тогда мешок с продовольствием, но он грыз землю и не шевелился, сутки не ел и перехитрил все же врага, потерявшего цель на однообразном просторе мшистого склона. Борцову лейтенант поручил присматривать за новичком.

— Я подобрал раненого, товарищ лейтенант, — доложил Борцов.

— Подобрал? — резко повторил лейтенант. — Мне ваше геройство и так известно. Остановить вот его надо было и заставить поднять.

— Виноват, товарищ лейтенант, — смутился Борцов. — Разрешите я потренирую этого сачка? Может быть, из него хоть половина матроса выйдет?

— Давайте. И запомните, Виноградов: вы уже должны считать себя под трибуналом. Посмотрим, как сумеете искупить свою вину. Можете идти.

Борцов вывел Виноградова из круга, и до лейтенанта донесся его шипящий голос:

— Шоб ты у меня, козьявка рыжая, рисовал пример с меня. Или ты узнаешь неприятный характер Степана Борцова...

Вскоре лейтенанту доложили, что Борцов — в четвертый раз за сутки — взял груз и вместе с Виноградовым ушел на самый тяжелый опорный пункт, на пути к которому, помимо Мертвой долины, надо было преодолеть еще одно препятствие: по веревочному трапу влезть на абсолютно отвесную высокую скалу.

Было пять часов дня, когда лейтенант, измученный событиями этих беспокойных суток, забрался в свою землянку и прилег на топчан; а в шесть его уже трясли за плечо и сквозь сон он услышал назойливый голос связного:

— Заряд... Заряд идет, товарищ лейтенант. Пурга...

Он спустил ноги с топчана.

В печурке гудел ветер. У окошка, выходящего прямо на скалистую землю, прижалась к стеклу полевая мышь — на ее шубке таяли неустойчивые хлопья свежего летнего снега.

Лейтенант надел ватник и вышел из землянки.

Со стороны Норвегии быстро надвигалось темное сетчатое облако пурги; оно росло над Варяжским заливом и вскоре должно было затуманить всю Мертвую долину плотнее любой дымовой завесы.

Лейтенант потер снегом лицо и прошел за высоту к землянке помощника командира батальона.

Там, в лощине, закрытой от фашистов склоном сопки, уже собирались матросы. Помощник командира батальона распределял между ними мешки с грузом, аккуратно разложенные на снегу. Лейтенант пересчитал людей и приказал брать поклажу.

— Помните, товарищи: вы несете фашистам смерть! — сказал лейтенант, и все поняли, каким событием вызвана вдруг эта напутственная речь. — То, что у вас за спиной, нужно товарищам, чтобы бить врага. Не донести — преступление. А уж бросить...

Он сделал угрожающую паузу и тут же хрипло спросил:

— Борцов вернулся?

— Нет, товарищ лейтенант.

— Что же с ним случилось? Поглядывайте на пути. Не попутал ли его там этот...

По знаку лейтенанта все направились к исходному рубежу.

У гребня сопки передние обождали оставших, и возникла колонна, подобная сказочному каравану в горах.

Лейтенант поднялся на гребень сопки — последней перед спуском в Мертвую долину. Он окинул взглядом безмолвное пространство внизу и угрюмые отроги Муста-Тунтури, поднял руку и крикнул:

— Ну, друзья, поплыли...

Вслед за лейтенантом подносчики гуськом поднялись на гребень.

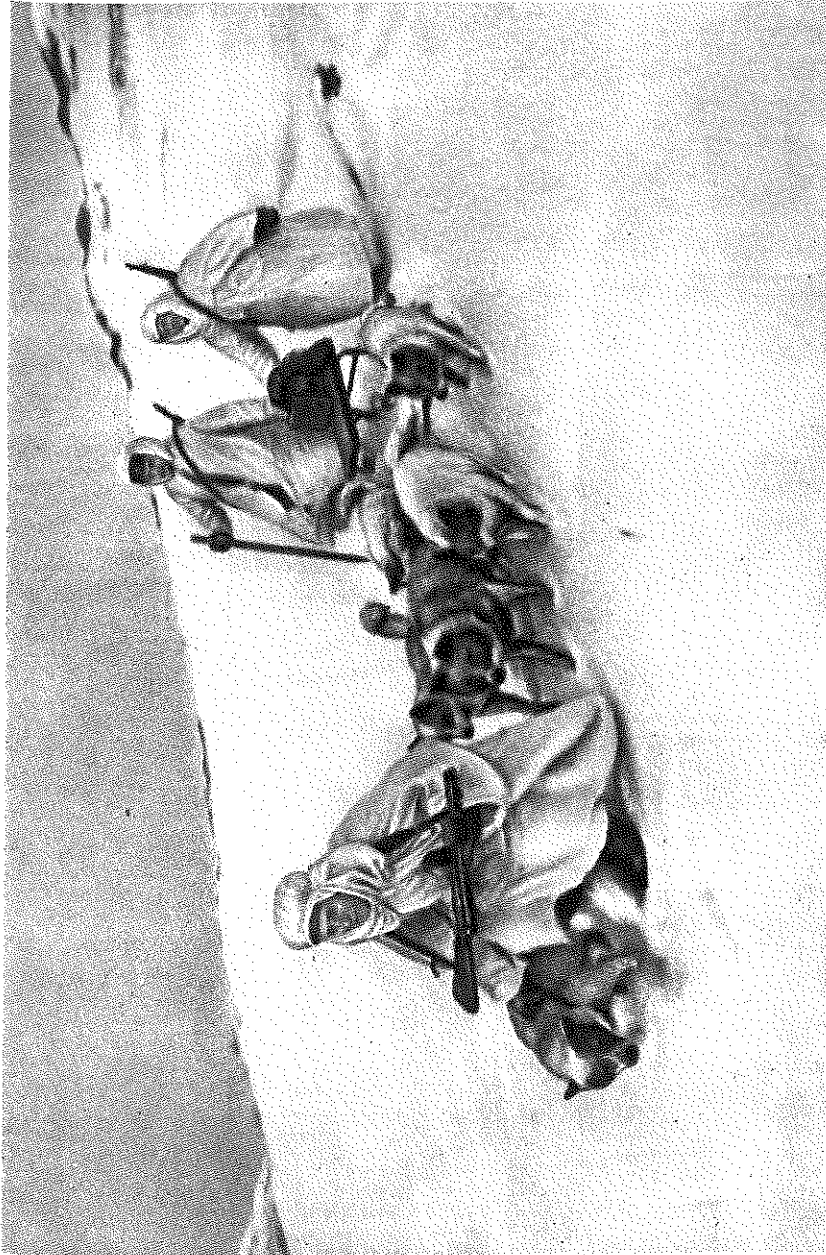
И тотчас на немецкой стороне, вдоль горной цепи каскадом посыпались огоньки, вся долина заволочлась сизым дымом разрывов, перемешанным с взлетающим к небу подснежным мхом; над передним краем завязался огневой бой. С нашей стороны раздельно и экономно отвечали батареи полевой артиллерии и минометы; постепенно к ним присоединялся треск из опорных пунктов — стреляли из автоматов и винтовок.

Колонна на гребне высоты смешалась и исчезла. Она растаяла в зелени спуска, в дыму, в снегу и в тумане надвигающейся пурги, как ныряющий в бурное море пловец. Люди бежали в долину, не отстрели-

Возвращение «Малютки» из боевого похода

Фото Е. Халдея

Бойцы службы наблюдения и связи направляются на ремонт поврежденной линии

Фото Е. Халден

ваясь, по двое и поодиночке, изредка плашмя бросались на землю и превращались в обычный тут бугорок, затем вновь поднимались и бежали либо в сторону, либо вперед. У каждого на пути было свое, не раз проверенное укрытие — ложбинка либо камешек. Каждый по-своему чертил маршрут, и в этом проявлялось тонкое умение, чутье, искусство маневра, подобное маневру самолета в воздушном бою либо корабля в морском сражении. Разница только в том, что, лавируя по незащищенному пространству, никто из этих храбрых людей не мог стрелять — они были безоружны. Но за спиной они несли фашистам смерть.

Первые цепи пересекли долину и уже подходили к подножию скал, а на высоте возникли силуэты новых групп; подобно своим предшественникам, они тут же рассыпались по долине, и уже трудно было за каждым из них уследить.

Все происходило в нарастающем напряженном темпе, подобно своеобразной психической атаке, очень темпераментной и настойчивой, когда любой ценой атакующий стремится достигнуть цели. Только в атаке этой было много хитрости и выдумки, матросы запутали противника, рассеяли его внимание, рассыпавшись по всей долине, и вскоре над ними уже кружилась и завывала летняя пурга.

Не зря на полуостровах этим людям дали ласковое морское имя «ботики», сравнивая их работу с действиями моряков малого флота, с самоотверженностью экипажей мотоботов, проникающих в любую погоду в самые опасные и глухие уголки моря. Именно мотоботы наиболее удачно проскакивали мимо немецких батарей к Рыбачьему из Полярного, доставляя те грузы, толику которых несли в этот час на себе «ботики» в боевое охранение. Быть «ботиком» считалось почетным на переднем крае полуостровов, каждый знал, что «ботик» — геройски храбрый человек, что он не боится пройти два-три километра под плотным огнем противника, что он идет не только в редкие часы туманов или снежных зарядов, но и при ясном летнем небе, ходит через долину по два и по три раза в день, исполняя приказ командира.

Мертвая долина вся была в огне. Заряд прошел, и снова над землей стояла ясность. «Ботики» возвращались.

Лейтенант встречал их на сборном пункте. Они вручали ему расписки, полученные у командиров опорных пунктов взамен сданного груза. Кроме официальных отметок, многие приносили оттуда, со скал, наспех написанные карандашом на обрывках газетной бумаги слова благодарности «подносчикам жизни». Борцова все еще не было.

Лейтенант опрашивал по телефону каждый из опорных пунктов. Из некоторых отвечали, что приходило много матросов с грузом, и был ли именно Борцов, трудно запомнить. Из того опорного пункта, куда он сразу направился, сообщили, что Борцов с каким-то веснушчатый парнем приходил еще днем, но после этого как будто не появлялся.

Лейтенант тревожно расспрашивал каждого вновь прибывшего матроса, не видел ли тот где-либо Борцова раненым.

Все заверяли, что в Мертвой долине никого нет; лейтенант не понимал, что могло случиться с этим ловким и смелым человеком, которому уже шестнадцать раз сопутствовала удача.

«Ботики» разбрелись по землянкам.

Землянка лейтенанта всегда привлекала «боевой актив» — опытных, испытанных подносчиков, совершавших уже второй десяток рейсов. Это был своеобразный клуб храбрецов, где после каждого удачного похода пели песни и «травили» всякие морские побасенки.

И сейчас в «клубе» от тесноты стало темно и жарко. Люди, не спавшие вторые сутки, почему-то не склонны были сейчас отдыхать. Принесли гармонию, она попала в искусные руки, и под ее звуки кто-то затянул:

...После боя сердце просит музыки вдвойне...

Можно было подумать, будто все забыли о пропавшем товарище и, довольные своим благополучным возвращением и часом наступившего покоя, увлеклись пением. Но это было не так.

При каждом телефонном звонке матросы настораживались, обрывали музыку и пение и выжидательно смотрели на лейтенанта — не узнает ли он что-либо новое.

Время от времени дверь землянки открывалась, в нее всовывались делегаты из других землянок и тихо спрашивали:

— Не пришел?

Лейтенант ждал утреннего часа, когда солнце снова будет бить гитлеровцам в глаза, чтобы послать на розыски.

И когда все истории уже были пересказаны, все песни перепеты и гармонист вернулся к той песне, с которой начали, в двери появилась фигура Борцова. Он был в грязи и еле стоял на ногах. За ним боком протиснулся Виноградов. В землянке стало совсем тихо.

— Где пропадали? — спросил лейтенант.

— Тренировались, — хрипло произнес Борцов. — Сани разгружали. Те, что застряли там с весны...

— Целый воз? — удивленно воскликнуло несколько человек.

— Так точно, товарищ лейтенант. Можете проверить... — Борцов протянул расписки опорных пунктов на боевой груз с застрявших в Мертвой долине тяжелых саней.

Лейтенант отложил расписки в сторону, на врытый в землю самодельный столик, строго посмотрел на Виноградова и, обращаясь к Борцову, спросил:

— А этот как?

— Товарищ лейтенант, — Виноградов, попрежнему потный и даже в темноте сверкающий своими веснушками, выступил вперед. — Стыдно мне, товарищ лейтенант, — задыхаясь, прошептал он. — Стыдно. И страшно было... в первый раз, — он заплакал и прислонился к двери.

Все отвернулись. Гармонист рванул что-то неразборчивое, потом вернулся к прежней мелодии, никак не мог совладать с ней, бросил баян на койку. Лейтенант знаком позвал Борцова.

— Ну как? — тихо спросил он матроса.

— Погода удачная, товарищ лейтенант. Еще потренируем. Носить он будет. Только голову немножко подбирает, — и Борцов присоединился к товарищам, затянувшим новую песню.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Вечером в привычный грохот переднего края у Муста-Тунтури ворвались звуки далекой артиллерийский дуэли и бомбежки. Кто-то вбежал в землянку и, волнуясь, крикнул:

— Поночевного бомбят!..

Захватив бинокли, мы поспешили на соседнюю сопку.

В ослепительно синем пространстве над Матти-Вуоно, где, как золотой корабль на рейде, бросило на ночь якорь незаходящее солнце Севра, шныряли самолеты врага: мы насчитали девять «юнкерсов» и четыре «мессершмитта». В небе их преследовали мохнатые пятна разрывов.

На море мы увидели густую дымовую завесу: мы поняли, что за этой завесой скрываются фашистские транспорты с войсками либо снарядами — целью, которую должна поразить наша правобережная береговая батарея; но различить, что происходит с этой целью, не представлялось возможным. Что было на земле, на берегу залива, где находились пушки Поночевного, — мы тоже не видели.

В землянке горячо обсуждали: потопил Поночевный транспорт или пропустил? Отбился он от гитлеровцев или потерпел урон? Судьба батарейцев была в эту ночь у каждого на уме, и я решил утром отправиться к Поночевному.

На другой день, примерно на полпути к батарее, в расположении штаба морской пехоты я привязывал к коновязи батальонную кобылу по имени «Треска» — по медлительному характеру она была сушей воблой.

Тут же стояло еще несколько оседланных лошадей и среди них «Ревель» Федора Поночевного.

Оказалось, что капитан приехал по вызову командующего на разбор последней стрельбы. Возле дороги поджидала генерала многочисленная группа штабных и артиллерийских офицеров. Среди них был и Поночевный — румяный, светловолосый крепыш; он принимал слабое участие в общей беседе, лишь изредка щурил глаза, морщил невеликий свой нос и, по-украински смягчая согласные, немного надуваясь, приговаривал:

— Будет сегодня нам драйка! Ох, Хфедор Мехфодьевич, я так чую, что на двадцать шестом году твоей холостяцкой жизни будет тебе свадьба с бубенцами...

Рядом молча стоял Соболев — командир соседней батареи. К ним подошел однокашник по училищу Захаров — тоже командир батареи; он бросил взгляд на кители товарищей — дырочки над клапанами их карманов свидетельствовали о наличии орденов у каждого; потом он глянул на свой орден Красного Знамени и, покраснев, пробормотал:

— Пожалуй, и я свой орден спрячу. Так-то лучше будет.

— Далеко ли убираете свою славу? — иронически осведомился стоявший среди офицеров толстяк-полковник.

— Не на парад приехали, товарищ полковник, — ответил за Захарова Поночевный. — В баню в орденах не ходят.

— Чует кошка за собой грешок?

— Генерал вызвал — драйка будет, — уклончиво подтвердил Поночевный. — Так что мы уже подготовились.

— Да, генерал не любит в сводке слово «повредили». Он требует топить транспорты, — сказал полковник и отвернулся в сторону бухты Пуманки, где уже показалась машина командующего.

Я вскочил на «Треску» и направился к морю, решив обождать капитана на батарее.

Командный пункт был расположен в обычных на безлесном берегу Матти-Вуоно нагромождениях камней. Темный, сложенный из плит коридор вел в помещение командира. Переборка из тонких досок, выброшенных морем с какого-то потопленного корабля, делила это помещение надвое: на дежурную комнату впереди и каюту позади, где жил Поночевный.

В дежурной комнате возился с планшетом какой-то лейтенант. Тут же находился и вестовой капитана — щупленький паренек матрос Степушонок; он подбегал к телефону и, скороговоркой называя позывной батареи и свою фамилию, выпаливал:

— «Остров», Степушонок слушает! Вестовой капитана, так точно! Капитан у командующего, очень занят! Тут есть помощник, передаю трубочку! — и подзывал к аппарату лейтенанта.

Степушонок сообщил мне некоторые подробности случившегося накануне. Бой начался с недоразумения. Севернее батареи в заливе стоит пустынный островок, куда матросы ходили на шлюпке за птичьими яйцами. Обнаружив там выброшенные морем бревна, они из озорства

соорудили нечто вроде макета пушки. Немного спустя три «юнкера» промчались к островку, разбомбили деревянный макет и подняли в воздух весь птичий базар. Но потом все повернулось тяжело. Под прикрытием дыма гитлеровцы вывели из Петсамо три транспорта. На нашу батарею сразу обрушились и бомбы, и огонь многих пушек. Поночевный нес потери, но из боя не выходил. Однако его не поддержал сосед, в задачу которого входило уничтожить дымзавесчиков, и все три транспорта, подбитые батареями, приткнулись где-то в бухточке у противоположного берега. «Повреждены» — это не «потоплены», и батареи вместе с командиром переживали неудачу.

Поночевный вернулся лишь ночью, едва не загнав своего «Ревеля». Он был не в духе, ворчал и на вопросы отвечал нехотя.

— Соседа генерал снял, на юг поедет, — мрачно сообщил капитан. — Ругал нас, плохо учимся. Думал, руку на прощанье не пожмет. Руку, однако, протянул, но сказал: «А тебя, Поночевный, предупреждаю: хоть один транспорт пропустишь — тоже поедешь на отдых, на юг». Так что, Степушонок, держите чемодан наготове, — капитан деланно засмеялся и со вздохом сел за стол.

Степушонок принес с камбуза блины с медом и северный деликатес — лук с маслом. К столу подсади другие офицеры. Желая отвлечь командира от мрачных дум, вестовой пытался развеселить его рассказом о батарейных историях. Но Поночевный не слушал. Он тердил:

— Ну, Хфедор Мехфодьевич, коли лиха не хочешь, держись! С завтрашнего дня будем тренироваться по «ПАСу», — внезапно обратился он к помощнику. — Придется вам, лейтенант, попотеть вместе со своим командиром над Правилами артиллерийской стрельбы, если не имеете тайного желания спровадить меня с позором на юг. Поночевный с полуостровов не уедет ни-ку-да!..

И в ту же ночь он начал занятия — и на КП, и на орудийных расчетах. Ночью батареи не спали — сумеречное ночное время самое удобное для морских переходов, и артиллеристы усиленно стерегли залив. Было затишье, фашисты не появлялись. Поночевный выполнял приказ генерала — занимался учебой.

Шла ночь на понедельник. Капитан обошел позиции у моря, загля-

Капитан, в год выпуска книги
подполковник
Федор Мехфодиевич Поночевный

нул в землянки, прошел к кромке залива. Затишье его тревожило. Он вглядывался в молчаливую даль, не сомневаясь, что гитлеровцы готовятся к очередному прорыву. Он ждал и жаждал боя.

В дежурной комнате сержант принимал по телефону пятиминутную сводку погоды. Ветер все время менялся, а видимость колебалась от нуля, когда налетал снежный заряд, до девяноста кабельтово, когда заряд проскакивал мимо, оставив на камнях быстро тающую снежную пленку.

На КП капитан вернулся к утру, когда все батареи после отбоя отдыхали. Принесли газеты за десять дней, капитан сел их читать. В одной из газет он нашел свою фотографию, решил, что «не похож, слишком красив», потом увидел под фотографией дружескую эпиграмму:

Удел врага всегда плачевный,
Когда стреляет Поночевный.

Он прочитал эти строки вслух и насупился:

— Хорошо бы эта газета генералу на глаза не попала. Слава — все-таки тяжелая штука. Попробуй теперь промазать — позор на весь флот. На разборе генерал так и сказал: «Награды вас ко многому обязывают, хотя вы их и по карманам попрятали...»

В девять утра капитан лег, приказав Степушонку до одиннадцати ни в коем случае не будить. В десять, услышав сквозь сон спокойный голос дежурного сержанта: «Фашисты зажгли дымовые шашки», я бросился к постели капитана.

— Федор Мефодьевич, будет бой!..

Постель была уже пуста и заправлена. Поночевный находился в рубке. Я вышел из командного пункта. Море на редкость спокойное, и даже простым глазом можно было различить далекие берега Норвегии. На пределе зрения колебались силуэты транспорта, двух тральщиков и четырех маленьких катеров. Караван шел в нашу сторону, направляясь к Петсамо.

На скалистых мысах, ограничивающих вход в бухту, немцы жгли дымовые шашки. Оттуда по воде навстречу транспорту ползли две черные распухшие змеи, они превращались в сплошной длинный коридор. Низко над водой летели шесть гидросамолетов. Они чуть опередили черный дым и брызнули позади себя белыми облачками — эти облака столь стремительно росли и распространялись, что вскоре белое смешалось с черным, затмило и солнце, и море, и чужой берег и образовало такую муть, что никакой взгляд не мог ее прошибить.

Вдоль протянутых по камням и земле проводов к оружейным позициям пробежали связисты. Расчеты зарядили орудия. Транспорт подошел к предельной дистанции, и с секунды на секунду должен был начаться бой.

И вот на нашем берегу вспыхнуло пламя первого и второго выстрелов; все видели всплески снарядов впереди фашистского корабля и за ним — он сразу же попал в вилку. Но немец находился уже перед самой

дымовой завесой, вошел в нее, и дальнейшая прицельная стрельба по каравану исключалась. Тут же с занятого фашистами берега и из порта Петсамо открыли огонь тяжелые дальнобойные батареи: нас обдало землей и сланцевой крошкой.

На море возникли новые катера. Они провели вторую стену дымовой завесы прямо в открытое море навстречу каравану. За ними волокли третье облако гидросамолеты — фашисты стремились обезопасить свои корабли тройной стеной. Прозвучали выстрелы орудий рядом: соседняя батарея, которую принял старший лейтенант Захаров, открыла огонь по катерам и гидросамолетам.

А над дымом из чистого неба вынырнула группа «мессершмиттов» и «фокке-вульфов»: девятнадцать самолетов шли к нам на штурмовку.

В рубке — тесной каютке в скалах, разгороженной плащ-палаткой надвое, — находились Поночевный, его помощник и радист. Капитан сидел на высоком стульчике у стереотрубы в той части рубки, которая выходила к морю. Одной рукой он держал трубку телефона, соединенного с флагманским командным пунктом и с оружейными позициями, другой — поворачивал в смотровой щели стереотрубу, стремясь поймать хотя бы на долю секунды силуэты исчезнувших в дымовой завесе вражеских кораблей.

Стоял сплошной гул, взрыв набегал на взрыв, и камень скал во сто крат умножал этот грохот. В раскаленный сизосиний воздух над батареей взлетали кусты сухой северной березки вместе с нависшей на корнях землей. Поночевный ворчал:

— Вся Европа им снаряды подает! Тратят боезапас без совести и без толку. Четырьмя батареями на меня одного работают!

Он зло отфыркивался, когда в рубку залетала мелкая щебенка, и не сводил с однообразного дыма на горизонте глаз; он искал и искал цель, понимая, что немцы не зря ее так оберегают. И вдруг, видимо, желая ободрить батарейцев, капитан речитативом пропел в телефон:

Любил я очи голубые..

«Сверху», с флагманского командного пункта, пророкотал смешок — генерал слушал.

— Товарищ Покатаев, — окликнул Поночевный командира одного из орудий, — как себя чувствуете на новом месте?

— Лучше всех, товарищ капитан.

— Будет сегодня треске кормежка?

— Обязательно, товарищ капитан. Свеженького ей поджарим.

— То-то же, а то, глядишь, отощает она.

Порыв ветерка внезапно раздвинул дымовую завесу, и в возникшем окошке мелькнул расплывчатый игрушечный силуэт корабля:

— Помощник! Что там дальномерщики, ослепли, что ли?

— Видят транспорт в просвете дымзавесы, — спохватился помощник. — Дистанция шестьдесят восемь кабельтово. Курс — зюйд-ост. Петденг..

— Наводить! — закричал Поночевный. — Быстрее наводить, всем орудиям!

Батарея тут же дала залп, помощник быстро взял поправку искомандовал новый залп. Над нами, штурмуя позиции, визжали самолеты, черной тенью они мелькали перед смотровой щелью. Но все внимание батарейцев было устремлено к немецким егерям, которые спешили на Муста-Тунтури. Бомбы падали близко, но расчетам некогда было даже оглянуться и посмотреть. Батарея вела огонь. Поночевный скомандовал очередь, и у всех нас радостно дрогнуло сердце, когда в замыкавшемся уже над фашистским кораблем окошке дымзавесы блеснул огонь попадания.

«Ура-а-а!» — отдаленно донеслось с орудий, и Поночевный тут же ответил по телефону на этот возглас:

— Молодцы, товарищи! Добавить им еще, скорей, помощник!

Когда ветер открыл новое окошко в дыму и мы увидели раненый корабль и возле него шлюпки и катера, наши снаряды добились врага: мутный силуэт его накренился и пошел ко дну.

Телефон донес с какого-то орудия тенорок:

— Вечная память, вечная память!..

И снова «сверху» пророкотал смешок генерала.

От первого попадания до гибели корабля прошло девять минут. Караван повернул, скрылся в дыму и вышел из него лишь на границе горизонта. А вражеские артиллеристы обрушили на батарею еще столько снарядов, что, казалось, им уже негде падать.

— Шесть батарей по мне работают! — не то сердито, не то с гордостью подсчитывал Поночевный. — Доставляю же я им хлопот. О, слышите? — он обрадованно поднял палец и прислушался: с тыла донеслись раскаты наших дальнобойных. — Теперь ими займется Кокорев. Помощник, дробь! Передайте личному составу поздравление по поводу победы! — капитан закрыл футляром окуляры стереотрубы и вышел из рубки.

Вскоре помощник доложил капитану, что противник выпустил по батарее 264 тяжелых снаряда и сбросил 19 бомб. Потерь не было.

— Месяц назад за один бой они дали сюда 728 снарядов, — похвастал Поночевный, — и тоже толку ни на грош. Учитесь, товарищ помощник, как не надо стрелять...

Когда все кончилось и с дымом сражения улетели последние самолеты, а на обоих берегах смолкли раскаленные орудия, с моря внезапно донеслась стрельба. Мы выбежали из КП. Поночевный тревожно глянул вдаль, потом в небо и расхохотался:

— Ох, жулики! Над морем боезапас расстреливают, чтобы от начальства не попало...

Вечером я пошел с Поночевным на берег к заливу.

Он переходил от воронки к воронке, по побитым, израненным скалам, отмечал, где рана новая, а где новая попала на старую, еще глубже расковыряв гранит и сланец.

Он нагнулся к чахлым ветвям северных растений, поломанным и изрезанным взрывами и осколками, с жалостью смотрел на вырванный из земли куст, замечал какой-нибудь листок, зеленый, молодой, и восклицал:

— Смотрите, настоящая весна. Растет все-таки...

В побитом кустарнике возле моря заливалась неведомая птица; у нее был голос соловья; Поночевный заметил, что вот уже три года он ее слушает и не может ни в одной книге найти ее имени. Он остановился над северной вербой, с наслаждением вдыхая ее аромат.

— Подумать только, до чего природа живуча, — сказал Федор Мефодьевич. — Камня на камне тут нет. А верба цветет. Цветет и не гибнет — душа радуется.

В холоде Баренцова моря еще струился пороховой чад.

Капитан приник к слабому растению, жадно впитывая в себя ароматы скупой весны.

Было до странности тихо кругом, только птица пела, и море ей подыгрывало, вечернее море, похожее в этот час на расплавленный металл, вытекающий из раскаленного огнями боев края нашей земли.

НИКОЛАЙ БУКИН

ПРОЩАЙТЕ, СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ...

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет,
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.

А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля...
Растаял в далеком тумане Рыбачий —
Родимая наша земля.

Корабль мой упрямо качает
Крутая морская волна,
Поднимет и снова бросает
В кипящую бездну она.

Обратно вернусь я не скоро,
Но хватит для битвы огня.
Я знаю, друзья, что не жить мне без моря,
Как море мертво без меня.

Нелегкой походкой матросской
Иду я навстречу врагам,
А после с победой геройской
К скалистым вернусь берегам.

Хоть волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля,
Но радостно встретит героев Рыбачий —
Родимая наша земля!

ЛЕВ КАССИЛЬ

БАТАРЕЙНЫЙ ЗАЯЦ

Из фронтовых записей

Далеко на севере, на самом краю нашей земли, у холодного Баренцова моря, стоит батарея знаменитого командира Поночевного. Тяжелые пушки укрылись в скалах на берегу, и ни один немецкий корабль не может пройти мимо нашей морской заставы. Стоит только вражескому кораблю сунуть нос к этим берегам, как начинают бить могучие орудия Поночевного. Если взять все пушки Поночевного и взвесить их, а потом подсчитать, сколько бомб и снарядов обрушили немцы с начала войны на этот клочок земли, то выйдет, что вся батарея весит в пять раз меньше, чем страшный груз, сброшенный на нее врагом...

Но люди выжили, вытерпели, устояли.

Недавно я был на батарее Поночевного. Весь берег там разворочен бомбами. Чтоб пробраться к скалам, где стоят пушки, надо перелезть через большие ямы — воронки от разрывов.

Некоторые из этих ям так просторны и глубоки, что в каждой из них уместился бы цирк с ареной и местами для зрителей. А по краям этих громадных воронок виднелось еще по четыре-пять углублений меньшего размера.

С моря дул холодный ветер. Он разогнал туман, и я рассмотрел на дне огромных воронок маленькие круглые озера. У воды сидели на корточках батарейцы Поночевного и мирно стирали свои полосатые фуфайки. Все они недавно были моряками и нежно берегли матросские тельняшки, которые им остались на память о флотской службе.

Меня познакомили с Поночевным. Он мне сразу понравился. Веселый, немножко курносый, с хитрыми глазами, смотревшими из-под козырька морской фуражки. Едва мы разговорились со знаменитым командиром, как сигнальщик на скале закричал:

— Воздух!

— Есть! Завтрак подан, — проговорил Поночевный, оглядывая небо. — Сегодня завтрак будет горячий. Укрывайтесь!

Небо загудело над нами. Двадцать четыре «юнкерса» и несколько маленьких «мессершмиттов» летели прямо на батарею. За скалами

громко, торопясь, застучали наши зенитки. Потом тонко заверещал воздух. Мы не успели добраться до укрытия, земля охнула, камни завизжали над нашими головами. Твердый воздух ушиб меня и повалил на землю. Я заполз под нависшую скалу около берега и прижался к камню в своем ненадежном убежище. Рядом со мной никого не было. Я слышал, как пронзительно выли над нами моторы. Это самолеты пикировали, чтоб с полного разгона пониже и вернее сбросить свои бомбы на нас. Я чувствовал, как ходит подо мной каменный берег.

Грубый ветер взрывов толкался мне в уши и волок из-под скалы. Цепляясь за землю, я, что есть силы, зажмурил глаза, но под веки мне проникал горячий и частый блеск огня.

От одного сильного и близкого взрыва глаза у меня сами раскрылись, как раскрываются окна в доме при землетрясении. Я уж было собрался опять зажмуриться, как вдруг увидел, что справа от меня, совсем близко, в тени под большим камнем, шевелится что-то белое, маленькое, продолговатое, вроде куриного яйца. И при каждом ударе бомбы это маленькое, белое, продолговатое смешно дергалось и снова замирало. Меня так разобрало любопытство, что я уже не думал об опасности, не слышал взрывов. Мне только хотелось узнать, что за странная штука шевелится там, под камнем. Я подобрался ближе, заглянул под камень и рассмотрел белый заячий хвостик. Я подивился: откуда он здесь? Мне известно было, что зайцы тут не водятся.

Грохнул близкий разрыв, хвостик судорожно задергался, и я поглубже втиснулся в расщелину скалы. Я очень сочувствовал хвосту. Самого зайца мне не было видно. Но я догадывался, что бедняге тоже не по себе, как и мне.

Потом наступила тишина, которой не сразу поверили мои наболевшие уши. Раздался сигнал отбоя. И тотчас я увидел, как из-под камня медленно, задом, выбирается крупный заяц-русак. Он вылез, поставил торчком одно ухо, затем поднял другое, прислушался. Потом заяц вдруг сухо, дробно, коротко пробил лапами по земле, словно сыграл отбой на барабане, и запрыгал к батарее, сердито прядая ушами. Белый, высоко прижатый хвостик мелькал на темносером мшистом склоне берега.

Батарейцы собрались около командира. Сообщали результаты зенитного огня. Оказывается, пока я там изучал зайкин хвост, зенитчики сбили два фашистских бомбардировщика. Оба упали в море. А еще два самолета задымили и сразу повернули домой. У нас на батарее бомбами повредило одно орудие и осколком легко ранило двух бойцов. Артиллеристы обещали Поночевному исправить орудия к вечеру. Раненые заявили, что в госпиталь они идти не согласны, к завтраму сами поправятся.

И тут я опять увидел косога. Заяц, часто подергивая кончиком своего горбатого носа, обнюхал камни, потом заглянул в капонир, где укрывалось тяжелое орудие, присел столбиком, сложив на животике передние лапы, осмотрелся и, словно заметив нас, прямехонько направился к Поночевному.

Командир сидел на камне. Заяц подскочил к нему, забрался на колени, оперся передними лапками на грудь Поночевного, дотянулся и стал усатой мордочкой тереться о подбородок командира. А командир обеими руками гладил его уши, прижатые к спинке, пропускал их через ладони...

Никогда в жизни не видел я, чтоб заяц держался так вольно с человеком. Случалось встречать мне совсем ручных заек, но стоило коснуться ладонью их спины, и они замирали от ужаса, припадая к земле. А этот держался с командиром запанибрата.

— Ах ты, Зай-Зайч, — говорил Поночевный, внимательно осматривая шкуру своего приятеля. — Ах ты, нахальная зверюга... Цел, косоплет, не покорябало тебя? Не знакомы с нашим Зай-Зайчем? — спросил он меня. — Это мне подарочек разведчики с Большой земли привезли. Паршивенький был, малокровный такой с виду, а у нас отелся, подобрел. И привык ко мне зайчатина, прямо ходу не дает. Так и бегают за мной. Куда я, туда и он. Обстановка у нас, конечно, для заячьей природы не очень подходящая. Сами могли убедиться, шумно живем. Ну, ничего, наш Зай-Зайч теперь уже малый обстрелянный. Даже ранение имел, сквозное. — Поночевный взял осторожно левое ухо зайца, расправил его, и я увидел зарубцевавшуюся дырочку в лоснящейся плюшевой, розовой изнутри коже. — Осколочком прошибло. Ничего. Теперь зато в совершенстве изучил правила ПВО. Чуть налетят — он уже мигом где-нибудь укроется. А один раз было так... Без Зай-Зайча была бы нам полная труба. Честное слово! Долбили нас часов тридцать кряду. День полярный, солнце на вахте круглые сутки бессменно торчит, ну, вот фашисты и пользовались. Как это в опере поется? «Ни сна, ни отдыха измученной душе...» Так вот, стало быть, отбомбили они, наконец, ушли. Небо в тучках, но видимость приличная. Огляделись мы — ничего как будто не предвидится. Решили отдохнуть. Сигнальщики наши тоже притомились, ну и проморгали. Только смотрим, Зай-Зайч тревожится чего-то. Уши наставил и передними лапами чечетку бьет. Что такое? Нигде ничего не видно. Но знаете, какой у зайца слух! Что же вы думаете, не ошибся зайчатина. Все звукоулавливатели опередил. Сигнальщики наши только через три минуты обнаружили самолеты противника. Но я уже успел на всякий случай команду дать заранее. Приготовились в общем к сроку. С того дня уже знаем: если Зай-Зайч ухо наставил, чечетку бьет, — следи за небом.

Я поглядел на Зай-Зайча. Задрал хвостик, он резво прыгал на коленях у Поночевного, искоса и с достоинством, как-то совсем не заячьим, озирает стоявших вокруг нас артиллеристов...

БОРИС ЛАВРЕНЕВ

МОРСКИЕ ОХОТНИКИ

СЕВЕРОМОРСКИЕ ТЕМПЫ

Команде морского охотника стало известно, что вместо уехавшего в отпуск старшего лейтенанта Маккавеева катер поведет в море сам командир отряда капитан-лейтенант Константинов.

И людям катера хотелось делать свое привычное боевое дело особенно четко, чтобы не ударить лицом в грязь, показать начальнику свой маленький боевой корабль в лучшем виде.

Поэтому и боцман Белоусов особенно внимательно проверил материальную часть своего пулемета, и командир носовой пушки старшина первой статьи Ходоровский — гордость отряда, «профессор артиллерии», лишние пять минут поговорил со своим расчетом о том, что идти на врага, имея на борту командира отряда, — большая честь для моряка, и эту честь нужно заслужить.

В назначенный срок легкий трапик, перекинутый на соседний катер, закачался от крутой морской поступи. В зеленоватом походном комбинезоне, подбитом пушистым теплым мехом, капитан-лейтенант вошел на палубу, оглядел катер и людей глубоко посаженными серыми пристальными глазами и взбежал на мостик. Звякнул машинный телеграф, завыли моторы, и, отделившись от соседей, охотник развернулся к выходу из губы. Он шел все быстрее, и на воде из-под низко осевшей кормы расплывался нежнозеленый пенящийся след.

Море встретило катер негостеприимно. У Баренцовой бочки был припадок обычного дурного настроения. Резкий ветер вздымал тяжелые крутые валы, рвал с гребней верхушки и разносил мелкой водяной пылью. Охотник то нырял в провалы, то выскакивал, отряхиваясь, как утка, от воды, доплескивающей до мостика. Моторы грохотали на полную скорость — операция требовала максимальной быстроты, предстояло разыскать в море потерпевший аварию мотобот. У него скис «сверхсрочной службы» болиндер. Волна и ветер гнали мотобот смертельным дрейфом на зюйд-вест к неприятельскому берегу, где уже жадно клацали замками пушек береговые батареи. Нужно было взять бот на буксир и отвести его на тихую воду в родную гавань.

— Бот справа, курсовой...

Капитан-лейтенант Константинов взглянул по указанному сигнальщиком направлению. Там, среди пены, маячило беспомощно барахтающаяся черное пятнышко.

Старшина первой статьи рулевой Васильев переложил руль, направляя катер на это пятнышко. Бот сильно захлестывало волной, и было видно, что ему долго не продержаться. С полного хода охотник развернулся перед самым носом бота, и боцман Белоусов метко бросил конец. Колотушка стукнулась о палубу, и люди на боте подхватили лить. Буксирный трос, заведенный за тумбу кормовой пушки охотника, вытянулся струной, дрогнул, закрипел, но выдержал, и бот покорно пополз за своим спасителем, переваливаясь на волне. Море свирепело все больше, но над катером спокойно голубело бледное, чистое небо полярной весны, огромный начищенный солнечный диск медленно полз по нему, окруженный слепящей глаза дымкой, и на охотнике зорко наблюдали за этим предательским ореолом. Оттуда можно было ждать самых поганых сюрпризов. Самолеты противника легко могли подкрасться из-под солнца и внезапно обрушиться на катер. Поэтому тотчас за заводкой буксира на охотнике сыграли боевую тревогу: слетели чехлы с пушек и пулеметов, в открытых кранцах блеснули золотом донышки гильз.

Орудийные расчеты и пулеметчики заняли места по боевому расписанию.

Катер с ботом на буксире шел уменьшенным ходом. Волна сильно и резко швыряла его, пытаясь сбить с курса, но Васильев твердо возвращал стрелку картушки в заданное положение. И все же пулеметчикам Белоусову и небольшому худощавому старшине первой статьи Радичу порой приходилось буквально висеть, вцепившись в ручки пулеметов, над бурлящей водой, доходившей выше щиколоток. Но это не беспокоило пулеметчиков. Моряки дивизиона истребителей подводных лодок давно привыкли работать на своих кораблях в любую погоду и считали такое положение вещей почти нормальным явлением.

Посылая всех чертей ослепительно горящему солнцу, протирая порой веки от едких соленых брызг, Радич и Белоусов упорно не сводили с неба болевших от напряжения глаз.

Оба они давно потеряли счет патронам, выпущенным по гитлеровским воздушным пиратам, оба перестали считать бомбы, сброшенные на их корабль. Но зато два врага, наверное, хорошо бы запомнили старшину Радича, если бы они сохранили способность к воспоминаниям после своей скоростной кончины от точных очередей пулеметчика, и Радич не терял надежды пополнить свой личный счет, и ему особенно хотелось, чтобы это произошло в присутствии командира отряда.

Внезапно Радич насторожился, — в солнечном небе сверкнула и погасла крошечная блеска. Было похоже, что купающаяся высоко в воздухе чайка проблистала на миг белым крылом, но что-то слишком высоко для чайки, и блеск крыла отливает металлом. Радич впился взглядом в подозрительную точку и, уловив новый проблеск, крикнул:

— Самолеты за кормой!

Катер уже входил в устье губы, и капитан-лейтенант Константинов решил увеличить ход, чтобы скорее довести бот до безопасного места, но едва морской охотник рванулся вперед, как трос со звоном лопнул, и освобожденный бот пробкой заплесал по зыби. Завести буксир снова? Об этом не приходилось думать — предстоял бой, и охотнику нужна была свобода для маневра. Вражеские самолеты, заходившие от солнца с высоты восьми тысяч метров, теперь отчетливо были видны. Семь «мессеров» шли аккуратным строем клина. Эта семерка за последнее время ежедневно разбойничала в этом районе. Говорили, что немецкое командование специально отобрало семь испытанных летчиков.

Фашисты шли на большой высоте — несколько тысяч метров, и Радич почувствовал досаду: враги могли проскочить мимо, не заметив маленького корабля. Но этого не случилось. «Мессеры», блеснув на солнце, вышли на боевой курс, и в следующую секунду головной ринулся в пики на катер.

Константинов нажал кнопку ревуна. Быстрая скороговорка пулеметов покатила над водой, и, вторя ей, звонко закашляла пушка. Они били почти со скоростью автоматов.

Артиллеристы-североморцы неустанной работой над своим оружием добились такой рекордной скорости огня, что гитлеровцы были уверены в установке на наших кораблях автоматических пушек, и фашистские бомбардировщики стали уклоняться от атак, предоставляя это рискованное занятие истребителям. Враг не мог понять, что советские люди, воодушевленные любовью к Родине и ненавистью к нему, могут в бою работать быстрее механизмов.

Четыреста... триста... сто пятьдесят метров... С палубы охотника ясно увидели, как от фюзеляжа «мессера» оторвались две бомбы. Радич ни на мгновение не выпускал немецкий самолет из прицела.

— Врешь-врешь, не уйдешь!

С небольшой высоты бомбы не успели набрать достаточной скорости, чтобы стать незримыми, казалось, они летят прямо на палубу.

Катер сильно мотнуло, накренило, и холодная вода с ног до головы обдала Радича. Капитан-лейтенант круто отвернул, выводя корабль из-под удара. Два фонтана пены, смешанной с дымом, вырвались из воды. Катер подпрыгнул от взрывной волны.

Теперь Радич перенес огонь на второй самолет. Он больше не занимался и не мог заниматься первым. Тот затрясся в воздухе, как подстреленная птица, и на полной скорости врезался в воду в трехстах метрах от катера.

Вторая очередь бомб взрыла море, и атаковавший фашист пошел в сторону. Пулеметы и пушки били все яростней по пикировавшим самолетам. Но теперь бомбы падали дальше от катера — проученные участю своего головного, немецкие летчики больше не решались чрезмерно снижаться. Они перенесли свои усилия с катера на беззащитный бот, вода вокруг которого бурлила от взрывов. Но это не помогло. И еще один «мессер», густо задымив, потянул бреющим полетом к берегу и врезался в береговые граниты. Остальные, отказавшись от повторной атаки, ушли на вост. Стало тихо. Только круглое пенное пятно на воде, играющее радужными отблесками бензина и масла, безмолвно рассказывало о судьбе фашистского налетчика. На поверхности не было видно никаких обломков. «Мессер», как снаряд, пробил волны, и Баренцево море проглотило его бесследно.

Прозвучал отбой боевой тревоги. Краснофлотцы стали заботливо стирать с механизмов брызги соленой воды. Радич с гордостью посмотрел на свой пулемет. Он хорошо и честно послужил в бою.

Капитан-лейтенант Константинов поздравил команду с успешным боем и подвел катер к боту, который окончательно залило. Развив полную скорость, охотник пошел в базу, где его радостно встретили поздравлениями уже извещенные по радио о бое друзья.

Команда охотника имела право гордиться победой. В этом скоротечном стремительном бою люди Северного флота показали образцовые темпы боевой работы.

Они отражены в немногословных и точных записях вахтенного журнала корабля. Стоит привести эти выразительные записи:

«12.05 сыграна боевая тревога.

14.06 из-за солнца семь «Me-109» поочередно стали пикировать на катер.

14.07 — один «Me-109» сбит катером и упал в трехстах метрах от борта.

14.08 — второй «Me-109» сбит и упал около острова».

Весь бой, в который людьми советского корабля были вложены огромная выучка, хладнокровие, расчет, выдержка и доблесть, продолжался две минуты, и каждая эта минута стоила врагу одного самолета.

У морского охотника это вторая победа. В прошлую весну пулеметными очередями катера были уничтожены также два фашистских воздушных пирата, и пулеметчики достойно отпраздновали годовщину первой удачи, удвоив количество сбитых самолетов врага.

Но на этом счете они не намерены останавливаться. Они будут истреблять врагов и впредь, с неослабной энергией и волей патриотов, ежечасно готовых на подвиг во имя священной мести за Родину, во имя великой ненависти к врагу. Они будут бить врага без устали и передышки, до полного разгрома.

ДЕНЬ КАК ДЕНЬ

Рассыльный, пробежав на носках по коридору командирских кают левого борта базы, остановился у лакированной дверцы и осторожно постучал.

— Старшего лейтенанта Рябухина срочно к начальнику штаба! — сказал он, когда дверь приоткрылась, и, не ожидая ответа, побежал дальше по коридору, чтобы передать такое же приказание старшему лейтенанту Маккавееву.

Когда командиров охотников после ужина срочно вызывают к начальнику штаба, это означает многое и в первую очередь, что спокойного вечера и просмотра очередного фильма в дружеской атмосфере кают-компании, с сопровождением кадров веселыми комментариями командира отряда торпедных катеров, для вызванных не будет. Вместо этого им предстоит самим стать участниками морского «приключенческого фильма», сопровождаемого зачастую усиленной «шумовой музыкой» пушек и пулеметов, на фоне аккомпанемента рвущихся рядом вражеских бомб.

Спустя десять минут Маккавеев и Рябухин, сменив кители на боевые комбинезоны, стояли на мостиках своих катеров, готовясь к походу. А в 20.15 оба катера уже скрылись за оконечностью островка, и о них напоминали оставшимся только медленно тающие в спокойной темной воде павлиньи хвосты пузырчатой пены.

Выйдя в горло залива, катера взяли курс к северо-западу в широкий морской простор, прикрытый легкой серебристой дымкой полярного вечера, мало чем отличающегося от ясного полудня средней полосы.

Боевое задание было простым и ясным. В заливе, один берег которого был занят врагом, а противоположный оборонялся нашей армией и частями морской пехоты, где вся водная поверхность насквозь простреливалась береговыми батареями врага — неприятельский снаряд накрыл следовавший обычным рейсом вспомогательный пароход. Пароход за-

просил по радио катера для оказания помощи и сопровождения в порт назначения. Сдав пароход, катера должны были принять и сопровождать обратно в залив номерной буксир, ведущий баржу со снарядами и взрывчаткой для наших частей на полуострове.

В 22.15, приближаясь к берегу, охотники обнаружили медленно ползший с небольшим креном пароход. Подойдя поближе и установив опросом, что он может следовать самостоятельно и повреждения, нанесенные снарядом, несмертельны, катера встали по бортам парохода и на малом ходу повели пострадавшего домой, как заботливые санитарки, поддерживая под руки, ведут раненого бойца.

В течение двух часов ничто не нарушало спокойствия этого медленного путешествия. Море было тихим, как пруд, вдоль бортов ласково рокотала ледяная темноизумрудная вода, золотое вечернее небо переливалось всеми цветами. Но около полуночи сигнальщик одного из охотников Баскаков заметил мелькнувшие на западе темные черточки двух самолетов. Катера мгновенно оцетинились навстречу врагу стволами пушек и пулеметов.

Два «Ме-109», сделав круг над кораблями, пошли в атаку. Хриплый вой вражеских моторов утонул в грохоте интенсивного огня катеров. «Мессеры» не выдержали жаркой встречи, сорвались с боевого курса, и наспех сброшенные бомбы безвредно вырыли водяные ямы на большом расстоянии от катеров. Убедившись в неудаче, фашисты отвернули и скрылись на западе. После оживленного напряжения боя опять наступила сомнительная тишина, в продолжительность которой никто на катерах уже не верил. Раз враг обнаружил корабли, следовало ждать продолжения. И оно не заставило себя ждать.

При подходе к порту, куда нужно было доставить поврежденный пароход, сигнальщики катеров снова обнаружили на высоте около трех тысяч метров семь фашистских налетчиков. Полными ходами закружив возле охраняемого парохода, командиры охотников начали ожесточенный бой. Гитлеровцы на этот раз действовали смелее и нахальнее, стараясь добить уже подбитый корабль. Бомбы падали близко, катера подпрыгивали от разрывов и заливались брызгами от всплесков, над головами моряков пронзительно выли осколки. Но, израсходовав весь запас бомб, фашисты и на этот раз улетели не солоно хлебавши.

— Бодрая жизнь, — весело сказал своему расчету командир кормового орудия, член партбюро отряда морских охотников, краснофлотец Муравьев, сдвинув назад шлем и вытирая лицо. — Сегодня будем иметь непрерывную программу удовольствий.

Но гитлеровцы, видимо, не решились продолжать атаки над портом, где к огневым средствам катеров могли присоединиться зенитные батареи, и ввод в порт пострадавшего парохода и последующий вывод в море буксира с баржей прошли беспрепятственно.

К вечеру катера вошли в узкое пространство залива, где на одном берегу находились наши части, на другом — противника. В этом темном, насквозь простреливаемом вражеской артиллерией канале «бодрая

жизнь», о которой упоминал Муравьев, немедленно возобновилась. В 18.14 сигнальщик Бойко обнаружил над берегом два стремительно пронесшихся «ФВ-189». Огня по ним за дальностью расстояния открыть не пришлось. Но нужно было держаться начеку. Самолеты явно вели разведку, чтобы обнаружить катера и навести на них авиацию.

В 19.10 из-за высокой гранитной сопки на угрюмом мысе с воем вырвались четыре «мессершмитта» на высоте тысячи метров. Проскочив над катерами, они попарно стали пикировать на буксир и баржу. Первая пара положила бомбы в 60 метрах от баржи. Вторая была сбита с курса точной стрельбой пулеметчиков.

Еще эхо орудийного грома и пулеметного треска катилось над водой и прибрежными скалами, когда краснофлотец Баскаков обнаружил восемь новых самолетов противника с другого борта.

Мгновенно орудия и пулеметы развернулись в противоположную сторону. Обстановка становилась сложной. Оба катера действовали самостоятельно, и наводчики едва успевали ловить в перекрестья прицелов ныряющие в небе силуэты. Пулеметы глотали ленту за лентой, стволы их раскалились. Бомбы рыли воду все ближе, катера вздрагивали от толчков.

Не успели отбить эту атаку, как из-за другого мыса вырвались еще одиннадцать самолетов. Фашисты, очевидно, решили во что бы то ни стало доконать катера и баржу. Теперь они одновременно атаковали с разных сторон и на разных высотах. Небо и море обратились в ураган взрывов, пронизанный красными струями трасс; рев самолетных моторов смешивался с глухим рычанием катеров, круживших немислимые петли. Старший лейтенант Маккавеев, катер которого подвергся особенно интенсивным атакам, умело и рассчитанно выводил свой маленький корабль из-под визжащего стального града.

Бомбы рвались в пятнадцати — двадцати метрах от катеров. Осколок величиной с грецкий орех пробил козырек над головой старшего лейтенанта Рябухина. Еще несколько осколков впились в борты. На палубе баржи упал раненый краснофлотец. Ведя бой, командиры катеров не без тревоги поглядывали на баржу. Одно попадание бомбы в этот пловучий пороховой погреб могло разнести в клочья и самую баржу, и буксир, и охраняющие катера. Но и в этой ожесточенной и хитрой комбинированной атаке гитлеровцы не добились успеха. Зато наводчики катеров сделали свое дело. Сначала один, а за ним и второй «мессершмитт», сильно задымив, отвалили в стороны и пошли бредущим полетом над водой к своему берегу.

— Уйдут, черти! — заволновался подносчик носового орудия катера старшего лейтенанта Маккавеева молодой краснофлотец Анненков, впервые в жизни попавший в бой, да еще в такой бой, какой не часто приходилось видеть и «старикам».

— Не уйдут, — ответил командир орудия, «артиллерийский бог» дивизиона истребителей подводных лодок, старшина первой статьи Ходоровский. — Заметь себе, молодой человек, одно правило: ежели истре-

битель задымил, то дело сделано. Бомбардировщик еще может спастись в таком положении, а истребителю — явная крышка.

И Анненков тотчас же убедился в справедливости замечания командира, увидев, как, не дотянув до берега, один из «мессершмиттов» врезался в воду. Другой скрылся за скалами. Его падения уже не видели катера. О нем позже донесли наблюдательные посты.

Разозленные неудачей воздушных атак, фашисты решили разделиться с катерами другим способом, и спустя несколько мгновений береговые батареи врага, скрытые за гребнем берега, открыли ожесточенный огонь по катерам и барже. В отлично пристрелянной фашистами узкой кишке залива снаряды ложились точно, и первые же залпы легли почти накрытиями. Тогда старший лейтенант Рябухин, вырвавшись вперед, в непосредственную близость к неприятельскому берегу, поставил дымовую завесу. Густую стену белого дыма понесло ветром на скалы, и вражеские батареи мгновенно ослепли. Снаряды продолжали кипятить воду залива, но уже бестолково и неприцельно. Немецкие артиллеристы тщетно пытались наугад нащупать корабли в непроглядной пелене дыма. Но она становилась все гуще. Вслед за дымовой завесой, поставленной Рябухиным, старший лейтенант Маккавеев поставил вторую, и весь остаток пути до места назначения оба катера, сменяясь, жгли дымовые шашки, лишив фашистов возможности рассчитанного обстрела советских кораблей.

Наконец буксир и баржа благополучно ошвартовались у пирса, и тотчас же краснофлотцы начали разгрузку опасного содержимого баржи, спешно уволакивая тяжелые ящики с боеприпасами. И только когда последний ящик был доставлен в безопасное место, на катерах сыграли отбой боевой тревоги, и люди, сбросив тяжелые шлемы, с радостью задышали чистым вечерним ветерком, шедшим с океана.

С 13.15 до 23.15 в этот день команды катеров находились в непрестанной боевой готовности «номер один» и в непрерывном бою с самолетами врага и его батареями. И в этой бурной обстановке командиры катеров с радостью убедились в спаянности, выдержке и боевой закалке молодого пополнения, — на катерах было немало молодых краснофлотцев, для которых, как и для Анненкова, этот день был первым настоящим боевым днем их краснофлотской жизни. И они не ударили лицом в грязь перед старшими товарищами, спокойно и точно работая у огневых средств и механизмов, охваченные общим подъемом, одним горячим желанием — бить врага, громить его всей силой своего оружия, всей силой молодой ненависти к поработителям и захватчикам. Они с честью выдержали тяжелое испытание и заслужили право стать равноправными членами испытанной боевой семьи закаленных «морских кавалеристов».

И их настроение лучше всего выразил боцман катера старшего лейтенанта Маккавеева Белоусов, который на вопрос: «Горячий был денек?» — флегматично ответил: «Да ничего, день как день! Одним словом, североморский».

ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ

Встреча произошла в шесть с минутами, туманным и тихим весенним утром. Морской охотник уже с полуночи уютжил море экономическим ходом под двумя моторами, неся охрану заданного квадрата. Волокна тумана, то густого и плотного, то редющего и вьющегося седыми прядями над темной, мягко шипящей за бортом водой, обволакивали корабль, оседавая мелкой холодной капелью на палубе, на крышках люков, стволах орудий, на поручнях мостика.

Моторы гудели мерно и неторопливо, и неторопливо убегала за корму пена на двух отваливаемых форштевнем волнах.

Воздух был напоен промозглой сыростью, которая заползала во все щелочки мехового комбинезона, заставляя тело непроизвольно вздрагивать, и лейтенант Иванов подумал, что было бы неплохо спуститься на мгновение в крошечную кают-компанию и опрокинуть хорошую кружку дымящегося наваристого чая, который, наверное, уже заварил на заслуженном примусе вестовой, он же подносчик кормовой пушки, Гамалей.

Дума о чае была так соблазнительна, что лейтенант уже решил вызвать из рубки на мостик помощника на те пять минут, пока командир будет нагревать продрогшее тело. Но он не успел привести в исполнение это намерение. Помешал неожиданный и нервный возглас сигнальщика:

— Рубка подлодки, слева сорок!..

Катер выскочил в это мгновение в полосу разреженного тумана, и морская поверхность, темносерая, раскачиваемая гладкой пологой зыбью, просматривалась кабельтова на три.

Командир стремительно повернулся в указанном направлении, одновременно вскинув к глазам бинокль. Сквозь серебристую муть он увидел характерный, смазанный туманными волокнами очерк рубки. Вернее, он не столько увидел, сколько угадал его внутренним зрением. Но, несомненно, лодка была там, где ее обнаружили ястребиные глаза краснофлотца Богданова.

Рассказ о том, что произошло дальше, поневоле будет длительным, хотя на деле все происшедшее уложилось в какие-то секунды, наполненные огромным и стремительным напряжением ума, воли и нервов.

Силуэт рубки в тумане был настолько неопределенным, что угадать — своя ли это лодка или вражеская, командир катера не мог. Атака могла быть предпринята только при полной уверенности в принадлежности лодки врагу, уверенности, не оставляющей места никакому, самому малейшему сомнению. Но этой уверенности у командира катера как раз не было. В тумане все подлодки так же похожи, как кошки ночью все серы.

Пока рулевой по мгновенному приказанию лейтенанта приводил катер на новый курс для сближения с лодкой, лейтенант не отрывался от бинокля, мучительно досадуя, что нельзя пробить оптикой в серой туманной мути такой туннель, который позволил бы ясно увидеть проклятую рубку. Теперь она почти скрылась во вновь наплывшей пелене

мути, и были основания опасаться, что она совсем исчезнет из глаз. Но едва лейтенант успел подумать об этом, как катер снова вырвался в полосу лучшей видимости, и рубка опять мелькнула в стеклах бинокля, чуть серее окружающего ее влажного воздуха, такая же расплывчатая и неузнаваемая. Но теперь она показалась командиру более приземистой, чем при первом взгляде, и он подумал, что лодка тоже могла заметить катер и начать погружение. Но если лодка своя, то ее командиру не было причин чересчур торопиться с уходом под воду. С другой стороны, если командиру катера позволительно заподозрить дерзкое появление в такой близости к базе вражеской лодки, воспользовавшейся туманом, то и командиру лодки не возбраняется предположить возможность прорыва в этот квадрат чужого катера, и он на равных с лейтенантом Ивановым основаниях мог опасаться неожиданной встречи.

Принять решение на глаз, доверяясь своим побуждениям и думам, было рискованно. Оставалось еще одно средство.

— Опознавательные! — крикнул лейтенант, ощущая во всем теле противную, сотрясающую дрожь от сырости и волнения, продолжая ввинчиваться взглядом сквозь призмы бинокля в белесую мглу, которую он ненавидел в эту минуту всем существом.

Над ухом у него глухо ударил ракетный пистолет, и ракеты, оставляя белые хвосты, понеслись к лодке и вспыхнули там, почти над самой рубкой, как показалось командиру катера, цветными звездами. Теперь с лодки должен был последовать ответ. Не видеть ракет там не могли. Лейтенант Иванов в момент вспышки второй ракеты уловил на влажном боку чуть видимой рубки мгновенный зеленый блик, — значит, ракета разорвалась очень близко.

Но ответа не было.

Лейтенант опустил бинокль. Сердце у него забилося необыкновенно гулко и быстро, и лейтенант ясно слышал его, оно подавляло даже рев всех трех моторов катера, переключенных на полный ход. Во рту сразу стало сухо и свело челюсти. Он оглянулся и посмотрел вниз, туда, где у пулемета правого борта стоял самый верный и надежный человек, безотказный друг и правая рука командира, боцман Светлоусов. И лейтенант увидел поднятое к мостику, покрытое капельками воды лицо боцмана с подстриженными, черными, как два мазка смолы, усиками, противоречившими фамилии Светлоусов. Боцман смотрел на командира пристально и серьезно, как будто говоря без слов о чем-то неизмеримо важном и единственно нужном в эту минуту.

Ни командир, ни боцман не произнесли ни одного слова. Это был мгновенный и решающий разговор глазами. Глаза лейтенанта напрямик спросили: «Как думаешь, Светлоусов, можно?» И, согретые тем же волнением, которое пронизывало командира, глаза Светлоусова ясно ответили: «Кройте, товарищ лейтенант, отвечать вместе будем».

И оба чуть заметно улыбнулись друг другу.

Иванов повернулся и еще раз вскинул бинокль. Теперь уже не было сомнения — рубка уходила под воду. Он различил белую пену всплеска

волны, ударившей в борт рубки, и в то же мгновение подал нужные команды.

Оставив пулемет, Светлоусов помчался на корму к глубинным бомбам, и Иванов увидел его согнутую ладную фигуру в бушлате, озаренную желтой вспышкой кормового орудия. Грохоча залпами, катер летел прямо на то место, где только что была рубка и где теперь шипел пеной маленький водоворот. Катер пронесся по нему, и сейчас же за кормой три раза глухо ухнуло, как из бочки, и лейтенант увидел знакомые кудрявые фонтаны поднятой глубинными бомбами воды. В лицо ему ударило тугой и плотной волной взбудораженного воздуха. Орудия еще грохотали. Увлеченные комендоры засыпали снарядами воду на месте погружения лодки, и лейтенант командовал прекращение огня.

Катер повернул и еще раз промчался над лодкой. На воде не было никаких обломков, но плотная, отливающая павлиньим пером, пелена соляра, все гуще, растекалась по поверхности. Лейтенант посмотрел на нее и вдруг почувствовал, что ему стало жарко. Белье под комбинезоном прилипло к телу, и, когда он снял шапку, соленая капля пота со лба затекла в глаз, и лейтенант заморгал, задергал головой.

По возвращении в базу он, не переодеваясь, направился к командиру дивизиона и, стараясь говорить неторопливо и спокойно, что стоило ему огромных усилий, доложил об атаке.

Командир дивизиона выслушал доклад, постукивая ногтем указательного пальца по портсигару, лежащему на краю стола, и это ритмичное постукивание страшно мешало лейтенанту сосредоточиться и связно излагать мысли. Потом он поднял на лейтенанта прозрачные серые глаза и коротко спросил:

— Уверены, что лодка чужая?

Не опуская головы, выдержав большим напряжением воли этот испытующий взгляд, Иванов ответил:

— Полной уверенности не имею, товарищ капитан второго ранга. Лодка не ответила на опознавательные и погрузилась с излишней, на мой взгляд, поспешностью. Считал, что при таких обстоятельствах имел основания и даже был обязан атаковать.

Командир дивизиона снял портсигар со стола и положил в карман, и лейтенанту показалось, что он сам лежит в этом портсигаре, придавленный крышками.

— Хорошо! Решение смелое, и атака проведена толково. А результата подождем. В море три лодки. Запросим и будем ждать.

— Чего ждать, товарищ капитан второго ранга? — спросил лейтенант, трудно ворочая языком, и командир дивизиона, заметив это, усмехнулся.

— Чего... чего, — произнес он, покачивая головой. — Идите отсыпаться, кавалерист, — добавил он шутливо, чтобы ободрить Иванова.

Вечером стало известно, что из находящихся в море лодок две дали знать о себе и только от «малютки», которая должна была вернуться

с часу на час, нет никаких известий. Когда лейтенант услышал это от начальника штаба, мир померк для него.

Вся его жизнь, все интересы, надежды и ожидания сосредоточились теперь на маленьком подводном корабле, не подающем признаков жизни. После ужина лейтенант убежал на катер, забился в свою крохотную командирскую каюту, лег, скрючившись, на диванчик, на котором нельзя было вытянуться даже человеку среднего роста, уткнул голову в подушку и, не переставая, думал о молчащей «малютке».

В его памяти всплывали лица ее командира и отдельных людей, которых ему приходилось встречать. Он думал о них и о себе и в бессчетный раз спрашивал себя, правильно ли он поступил. Моментами он начинал сомневаться в этом, но потом на него накатывала упрямая волна, и он твердил в подушку: «Правильно! Правильно! Рисковал, в морской службе нельзя без риска». И в эти мгновения он начинал ненавидеть «малютку» и ее командира, который не мог дать катеру ясно убедиться в принадлежности лодки и вынул его на эту атаку. Но потом он начинал ненавидеть самого себя.

Он не ответил на стук в дверь и на оклик приятеля, командира такого же катера, пришедшего звать его в Дом флота на просмотр фильма, о котором он много слышал и который стремился посмотреть. Ему казалось, что приятель пришел совсем не за тем, чтобы вытащить его в кино, а чтобы посмеяться над ним и его бедой. Он не открыл дверь и Светлоусову, настойчиво предлагавшему командиру закусить свежеподжаренным морским окуном и выпить чайку. Он даже резко огрызнулся на приглашение боцмана и, еще глубже зарывая лицо в подушку, вспоминал все свои промахи за время службы на катере, и ему казалось, что Светлоусов разговаривает сейчас в кубрике с краснофлотцами и ехидно подмигивает на корму, где в тесной коробке каюты мучается командир: дескать, могло ли получиться что-нибудь путное из такого растяпы, который смог однажды даже спутать маячные огни.

Лейтенант скрипел зубами и ругался. Потом из душевной темноты выплывали очень знакомые синие глаза, несомненно, принадлежащие Ларисе. Но и эти глаза, которые всегда находили для него ласку, смотрели теперь презрительно и строго, словно Лариса говорила: «Эх ты, моряк, обещал, что вернешься героем, а вместо фашиста потопил товарища, и теперь мне на всю жизнь позор, что полюбила такого дурака».

В плену этих беспощадных видений лейтенант провертелся всю ночь. К утру он почувствовал себя совершенно разбитым и уничтоженным, окончательно уверовав в свою преступную ошибку. Он, несомненно, потопил «малютку», иначе ему уже прибежали бы сообщить о ее благополучном возвращении. Он сел на диване, стиснув ладонями виски, и замычал. И вдруг в этот миг полного отчаяния и безнадежности сквозь тонкий деревянный борт до его слуха долетел снаружи звонкий раскат орудийного выстрела.

Он сам не помнил, как очутился на палубе в одной рубашке, под удивленными взглядами Светлоусова и вахтенного краснофлотца, оша-

левших от такого нарушения всех святых законов верхней палубы самим командиром. Он даже не видел бочмана. Он смотрел расширенными счастливыми глазами на четкий силуэт «малютки», режущей гладкое зеркало рейда.

В золотистом свете начинающегося дня лодка шла домой, известив выстрелом об очередной победе. Иванов видел приземистую фигуру командира на мостике и краснофлотцев, прочищающих пушку. И лодка показалась ему необыкновенно прекрасной. Ее темнозеленый корпус как будто излучал успокоительный свет.

У лейтенанта задрожали и подогнулись в коленях ноги. Он с трудом справился с нахлынувшей слабостью, поднял голову, встретил беспокойный и дружелюбный взгляд Светлоусова и, раздвинув губы неловкой улыбкой, сказал, стараясь говорить совершенно спокойно и весело:

— Все в порядке, бочман! Расстарайтесь горячего чайку и похарчить посущественней.

МОРСКОЙ ОРЛЕНОК

Девятнадцать лет — замечательный возраст. Единственное богатство человека в этом возрасте — неповторимая и хорошая молодость, в которой заложено все будущее, все пути и дороги.

Краснофлотцу Василию Некрасову только что исполнилось девятнадцать лет.

26 апреля 1943 года он пришел в дивизион из учебного отряда Северного флота, чтобы впервые встать на палубу боевого корабля не учеником, а равноправным членом закаленной семьи североморцев.

Он вырос в далеком краю, в могучих лесных дебрях Кировской области, и лесная обстановка отразилась на нем некоторой положительностью и степенностью характера да кряжистой крепостью его маленькой, но хорошо сбитой фигурки. А в остальном он был совершенным мальчуганом, начиная от застенчивой ребячьей улыбки, морщащей его круглый носик в пятнышках мелких веснушек, до наивного детского взгляда светлосерых веселых глаз.

И хотя другие члены команды морского охотника, на который наводчиком носовой пушки назначили Некрасова, были немногим старше нового товарища, сам он смотрел на них с робким почтением. Опаленные порохом, испытанные, неустрашимые матросы, они не раз лицом к лицу встречали в жарких схватках врага, не раз выходили победителями из жестокой борьбы с коварной и угрюмой стихией полярного моря. Некрасов с жадностью прислушивался по вечерам к кубричным повествованиям о боевых делах своего катера, краснел за свою неопытность и мечтал как можно скорее встретиться в бою с вражеской подводной лодкой или немецким самолетом, чтобы иметь право стать на равную ногу с «ветеранами» своего корабля, старшему из которых было не более четверти века.

Но случая побыть в бою долго не подвертывалось. Василию не везло. Морской охотник ежедневно ходил в походы. Некрасов по боевым тревогам занимал свое место у пушки и напряженно ждал желанной минуты, когда мычанье ревуна возвестит о начале настоящего боя. Но враги

не появлялись и, беспрепятственно выполнив задание, катер мирно возвращался в базу, где после веселого мытья в жаркой баньке команда смотрела кино в просторном трюме пловучей базы.

Жизнь на корабле ничем не отличалась от пройденной учебы в учебном отряде, и Василию Некрасову уже стало казаться, что он так и дождетя конца войны, не выпустив ни одного боевого снаряда, и придется вернуться в родной колхоз тем же необстрелянным сосунком и нечего будет рассказать друзьям-ребятам, а главное — девушкам.

Он был исполнительным и точным служакой. Командир носовой пушки старшина первой статьи Хорош был доволен новым наводчиком и подбадривал молодого товарища, но Некрасов скучал. И когда другие катера возвращались из походов, неся на бортах следы пулевых и снарядных пробоин, и краснофлотцы, еще полные возбуждением протекшего боя, рассказывали о своих впечатлениях и событиях, в которых участвовал корабль, Некрасов с досадой и завистью слушал эти рассказы.

Но, наконец, и ему повезло.

В на редкость теплый июньский день, когда Баренцево море не рычит и не свирепствует, а медленно катит ровную темноголубую волну, морской охотник ушел из базы провожать в море одну из подводных лодок, уходивших в дальний и опасный путь.

Все было, как раньше, мирно и тихо. И Некрасов был уверен, что и на этот раз придется вернуться назад, не испытав боевых ощущений. Но, когда, попрощавшись с командиром подлодки и пожелав ему по традиции «ни пуха ни пера», командир охотника старший лейтенант Да-

нилов приказал рулевому лечь на обратный курс, сигнальщик Новожилов доложил о появлении на горизонте двух неизвестных самолетов, идущих на восток. На охотнике сыграли боевую тревогу, и Некрасов, волнуясь, занял свое место у прицела пушки.

Но самолеты, шедшие на высоте трех тысяч метров, не приближались к катеру, и в солнечной дымке опознать их не удалось. Вне дистанции огня они развернулись и скрылись на западе. Некрасов снова заскучал. Не везет — да и только.

Однако не прошло и получаса, как Новожилов снова сообщил о появлении уже двенадцати самолетов с запада. Мгновение спустя самолеты на большой высоте закружились над катером. Теперь уже не было сомнений, что это враг. Некрасов узнал знакомые по учебным таблицам разбойничьи силуэты «мессершмиттов». Двенадцать самолетов против одного катера — это было немало.

Со стороны океана на воду стали наползать низкие облака. Они постепенно заволакивали небо, облегчая врагам нападение. И когда катер приближался к родному берегу, из облаков, сквозь окна, ринулись в пике три «мессера». Внезапность нападения позволила им хорошо прицелиться по кораблю. Навстречу фашистам загрохотали частые залпы катера. Прижавшись глазом к резиновой раковине окуляра прицела, Некрасов, забыв обо всем, ловил в скрещении нитей быстро несущуюся тень самолета. Он был взволнован и рад: наконец-то бой! Настоящий бой!

В грохоте пушек и реве моторов катера, полным ходом чертившего зигзаги, Некрасов слышал за собой на корме резкий треск и затем могучий, оглушающий удар, от которого катер подпрыгнул, как подброшенный ударом ноги футбольный мяч. Василий с трудом удержался на ногах. Но все шло нормально: катер выпрямился, моторы ревели попрежнему ровно, и уже только после боя комендор узнал, что ему действительно повезло. Впервые за время войны бомба, сброшенная вражеским самолетом, ударила прямо в катер. В падении она оборвала спружинивший трос релинша, скользнула по палубе боком, вырвала полметра борта и палубы над каютой командира и разорвалась в воде у самой кормы, подбросив катер, как игрушку, и выведя из строя все компасные устройства.

Но в момент происшествия Некрасову было не до случаев, не относящихся прямо к его пушке. Он продолжал ловить в прицел самолеты противника, один за другим нырявшие из просветов облаков на катер.

Внезапно что-то горячо ужалило его в шею. Потом сухо треснуло за спиной и, точно двумя железными крюками, рвануло ему кожу под лопатками. Шея и спина сразу взмокли. Закружилась голова.

— Ступай, перевяжись... ранен,— услышал он голос командира орудия.

Стиснув зубы, бледнея от боли, Некрасов отрицательно помотал головой.

— Перевяжись, говорю! — вторично крикнул командир орудия и тут же опустился на палубу, сбитый пулей.

Некрасов выпускал снаряд за снарядом. Веснушки резко проступили на его мальчишеском лице, с которого сошел румянец. Шею ломило. При каждом повороте боль пронизывала тело, но Некрасов упрямо оставался на месте. Он ни за что не покинул бы теперь своей пушки, если бы даже его отгаскивали от нее насильно. Он не хотел ощущать ни боли, ни робости, он был полон одной мыслью — бить и бить по врагу, который стремится уничтожить катер.

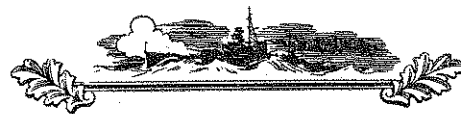
И даже когда один «мессершмитт» врезался в воду неподалеку от охотника, а остальные бросились врассыпную, Некрасов не ушел от своей пушки. Он так и оставался на своем месте, залитый кровью из трех ран, ослабевший, но бодрый и счастливый. Он был в настоящем бою, он стал подлинным североморцем, прошедшим огневое испытание, и получил право на звание бойца.

Он согласился покинуть пост только тогда, когда катер пришел в базу, ошвартовался у пирса и старший лейтенант Данилов сошел с корабля, чтобы доложить в штабе о бое.

Василия Некрасова свезли в госпиталь. Кроме раны на шее, мышцы которой разорвала пуля крупнокалиберного немецкого пулемета, спина молодого краснофлотца была пробита двумя осколками двадцатимиллиметрового снаряда.

Он с досадой выслушал приговор врача — лечь на койку и оставаться в госпитале до полного выздоровления. Он с удовольствием сбросил бы синий халат, надел бы свою разорванную осколками фланелевку и потихоньку сбежал бы на родной катер, к товарищам, в маленький кубрик, где, наверное, жарко говорят о бое и весело делятся боевыми впечатлениями.

Десятилетний моряк, сын великой страны, воспитанный на Северном флоте, он сидит на госпитальной койке. Покрытые детским пушком, его щеки горят от волнения и легкого жара, сконфуженная улыбка морщит круглый ребячий нос, но в глубине глаз появилась какая-то новая искорка. Такие искорки бывают в глазах молодых орлят, впервые взлетевших самостоятельно в высокое небо и узнавших гордую радость полета.

НИКОЛАЙ БУКИН

ПЕСНЯ О САШЕ КОВАЛЕВЕ

Из поэмы

Памяти героя-североморца
юнга Саши Ковалева

Отступила злая выюга,
Бушевавшая вчера.
В даль морскую друг за другом
Вышли наши катера.

На лету срезая волны,
Поднимая брызг фонтан,
Устремились самым полным
На фашистский караван.

Цель видна, «на-товсь» торпеды.
Сквозь огонь и вихри вод
Курс один теперь — к победам,
И девиз один — вперед!

И смертельные торпеды
Полетели на врагов,
Чтобы снова враг изведал
Силу русских моряков.

От могучего удара
Лиходеи не ушли:
Два огромные пожара
Караван заволокли.

«Больше дыма! Комендоры,
Дать покрепче огонька!
Вот не сдали бы моторы,
Ведь нагрузка велика».

254

А под палубой, в моторном,
Как всегда — без лишних слов,
Как и прежде — хладнокровно
Правил вахту Ковалев.

Вдруг удар огромной силы
Катер поднял, задержал
И в бурлящую могилу
Бросил, как девятый. вал.

Дорога сейчас секунда,
А корабль теряет ход...
Но советский воин-юнга
От беды друзей спасет.

От жары изнемогая,
Всем смертям наперекор,
Он, все силы напрягая,
Жизнь свою вдохнул в мотор.

И опять срезая волны,
На беду, на зло врагам,
Катер с боем, самым полным,
Шел к родимым берегам.

Сердце славного героя,
Комсомольца-моряка!
Будешь ты, как сердце Зои,
Над землей сиять века!

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

ПОЛЯРНОЙ НОЧЬЮ

Дто было в одну из долгих полярных ночей. То ныряя в облаках, то снова появляясь из-за гор, светила бледная осенняя луна. Неровный серый свет полярной ночи смешивал все очертания, и скалы, которые днем высоко громоздились над аэродромом, сейчас, казалось, мягко спускались к нему, их очертания заволакивало легкой дымкой.

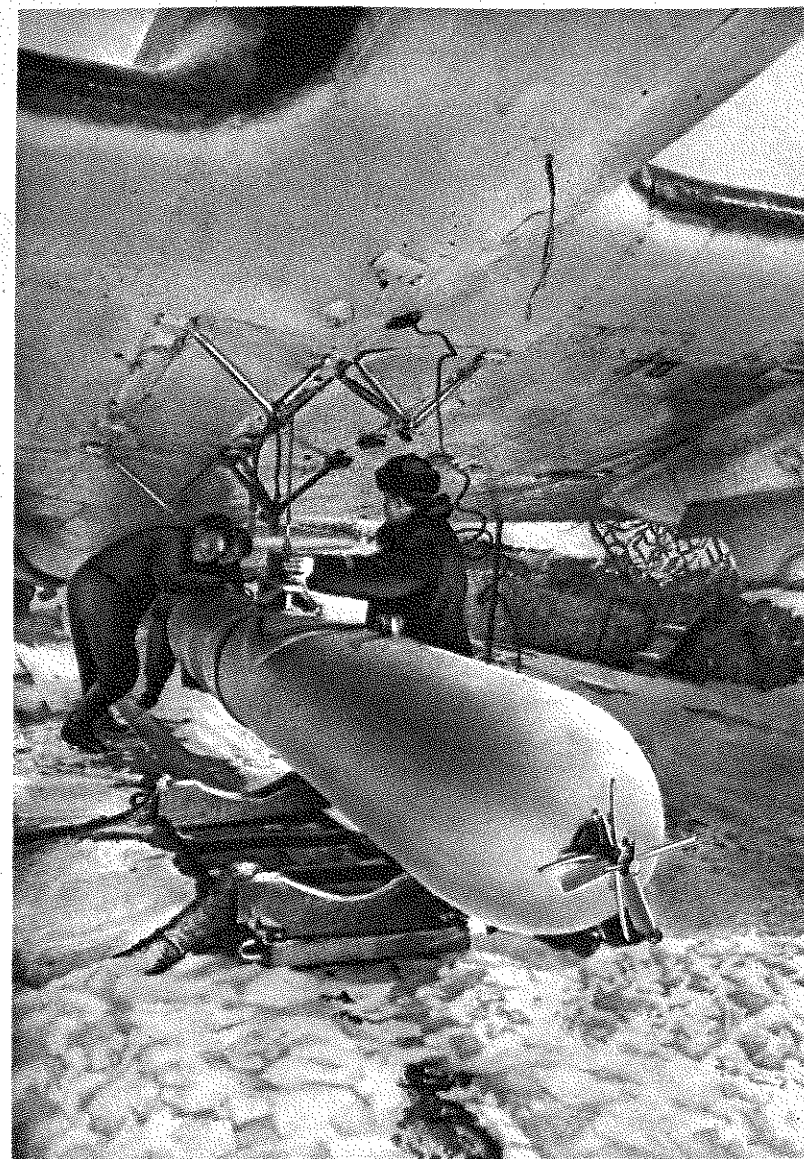
Майор Цыбулькин, выпускавший и принимавший в эту ночь самолеты, поживаясь, шагал по хрустящему снегу. Были последние минуты ожидания. Майор посмотрел на светящийся циферблат часов. Сейчас должны возвращаться бомбардировщики после налета на Луостари, уже второго за эту ночь.

Наконец привычное ухо расслышало гудение мотора; и еще через несколько секунд самолет с зажженными сигнальными бортовыми огнями стал делать круг, заходя на посадку. Судя по времени вылета, это возвращался Башкиров. Да, конечно, это он. Вот он делает круг и точно, как всегда, заходит на посадку. Но подождите: что такое? Уже совсем снизившись, он не убирает во-время газ и, явно промазывая, с ревом идет над центром аэродрома.

— Ракету,— крикнул Цыбулькин, и в воздух взвилась красная ракета, запрещающая посадку с этого захода.

Башкиров набрал высоту и ушел на второй круг. Теперь уже майор внимательно следил за его самолетом. В чем дело? На второй круг Башкиров зашел еще хуже, чем на первый, развернулся совсем близко над самым аэродромом и промазал так сильно, что о посадке не могло быть и речи.

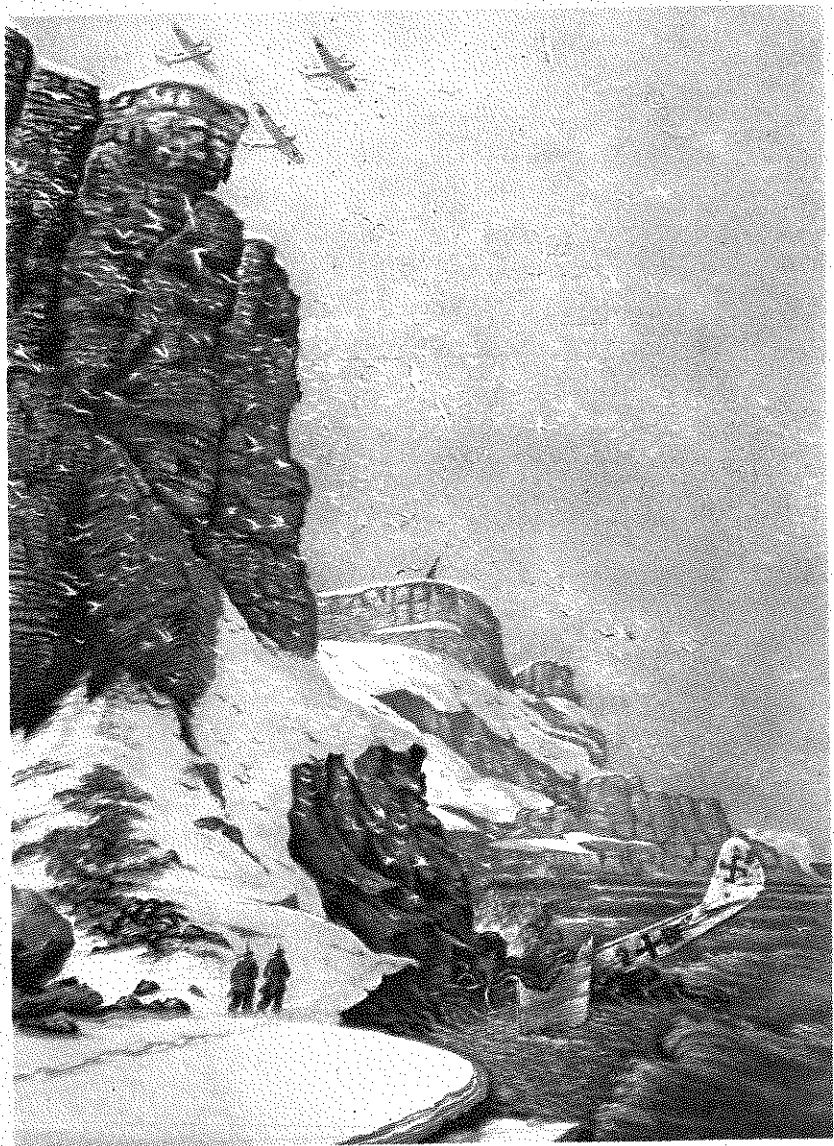
«Может быть, ранен»,— мелькнуло в голове у майора, и он, дав красную ракету, приказал идти на третий круг. Башкиров развернулся, и на этот раз, очевидно, решив садиться с запасом, ушел от аэродрома так далеко, что на мгновение стоявшие на земле потеряли звук самолета. В третий раз самолет подошел к аэродрому почти на бреющем полете. Майор приказал дать ему снизу прожектора. Самолет все снижался, снижался и уже подходил к земле с небольшим углом, но в са-

Перед боевым вылетом. Подвеска торпеды к самолету-торпедоносцу

Фото Н. Веринчука

Северный форпост

Литографюра художника В. Вибикова

мую последнюю минуту Башкиров почему-то не выбрал до конца газа, и самолет, не успев выровняться, ткнулся в землю, самортизировал и стал на нос перпендикулярно земле.

Майор побежал к самолету. Или Башкиров был серьезно ранен, или эта посадка была для него непростительной.

Прежде чем майор добежал до самолета, от него отделилась темная фигура — одна, а не две, как обычно. Майор увидел перед собой стрелка-бомбардира Губина. Его с трудом можно было узнать. Шлем у него был сбит набок, очки сдвинуты со лба наверх, а лицо темное, покрытое кровавой запекшейся коркой. Губин усталым движением приложил руку к шлему, с трудом сдвинул каблуки и сказал глухим, срывающимся голосом:

— Товарищ майор, задание выполнено. Бомбы сброшены на Луостари. Летчик убит. Привел самолет я.

Самолет стоял в странном положении, опираясь на нос и одно крыло, задрав хвост к небу. Он был совершенно цел, и казалось, что его нарочно так взяли и тихо поставили на землю, как памятник. Мимо него с огнями заходили на посадку все новые и новые бомбардировщики. Майор и Губин молча стояли рядом и смотрели, как техники вынимают из кабины холодное неподвижное тело летчика.

Всего час назад... Нет, сказать, что Губин запомнил этот час на всю жизнь, — сказать так было бы мало. Ему казалось, что в его глазах всегда будет стоять то, что он видел за этот час, что на лице своем он будет всегда чувствовать эту кровавую запекшуюся корку, что в руках его всегда останется ощущение этой ручки газа, которую он никак не может дожать до конца, что в его ушах всегда останется проклятая тишина, которая была тишиной, несмотря на рев мотора, потому что в ней не было звука человеческого голоса.

Час назад они вылетели на Луостари во второй полет за эту ночь — он и Сережа Башкиров, его пилот и старший товарищ, которому уже перевалило за второй десяток. Ночь была хорошая. Луна то показывалась, то пропадала, но главное, что редко бывает в этих гиблых местах, между гор не полз туман, и можно было разглядеть цели. Луна, когда она показывалась, была с юго-востока, и они выбрали для бомбежки заход на нее с северо-запада.

Луостари хорошо видно внизу. На этот раз их самолету было приказано бомбить помещение штаба. Они стали снижаться, маленькие квадратные домики, увеличиваясь, приближались к ним. Приходилось выравнивать машину, потому что сильный правый ветер заносил ее влево. Снизу начали бить зенитки. Башкиров развернулся прямо на батарею. Губин прицелился и сбросил первые шесть бомб. Перекрывая рев мотора, справа и сзади послышался сильный треск зенитных разрывов, и близкие вспышки осветили самолет. Теперь, сбросив бомбы, нужно было уходить вправо. И вдруг Губин с удивлением заметил, что машина поворачивает не вправо, а влево, снижаясь так, что зенитки оказались под самым брюхом самолета.

— Сергей! — крикнул Губин. — Сергей, куда ты! Надо влево. Зачем ты на зенитки?

Между тем машина уже сделала виток и со все нарастающей скоростью шла вниз. Губин приподнялся над целлулоидным козырьком кабины посмотреть, что случилось. Башкиров неподвижно сидел в кабине, повалившись головой на левый борт.

— Сережа!

Молчание. И вдруг что-то темное залепило очки Губина. Он опустил за козырек, сдвинул очки на лоб и взялся за контрольную ручку. Самолет был старого типа — такой, на каких в школах выпускают учеников в первые самостоятельные полеты, и теперь, когда он был приспособлен для войны, бомбардир сидел в нем там, где раньше, бывало, сидел инструктор.

Сосредоточив в эту секунду все внимание на контрольной ручке, Губин стал выводить машину из витка. Зенитки, совершенно остервенясь, считая, что самолет стал уже их жертвой, осыпали небо бенгальским огнем разрывов. На четырехстах метрах Губин вывел машину. Он вел ее над самыми зенитками и, развернувшись с этой высоты, сбросил на них бомбы. Он сбросил их так низко, что силой взрыва машину подбросило.

Зенитки замолчали. Губин повернул и со снижением стал уходить на восток. Он еще раз попробовал высунуться над козырьком и посмотреть, что делается с Башкировым. Башкиров сидел, привалясь к борту, все так же неподвижно, и Губин почувствовал, как по его лицу ударяет чем-то мокрым. Он опять опустил под козырек и, на секунду высвободив руку, отер ею глаза, — рука была в крови. Это была кровь Башкирова, и теперь Губин наверное знал, что Сережа убит. Осталось только его тело — тело, которое надо доставить домой во что бы то ни стало.

Губин вдруг вспомнил, как все последние три месяца, возвращаясь после бомбежек, Башкиров упорно учил его водить самолет хотя бы по прямой. «Мало ли что может быть, — говорил он, — веди, веди, пробуй». А сам, контролируя полет, иногда поворачивался и смотрел на Губина со своей обычной веселой и одобрительной улыбкой. «Держись, бомбардир, — как будто говорил он. — Держись, летчиком будешь».

Теперь он сидел впереди, неподвижный, мертвый. И кровь его, захлестывавшая козырек, покрыла лицо и очки Губина. Губин еще раз вытер глаза. Ветер резал их, в них стояли замерзавшие слезы. Лететь было трудно, невозможно было следить за горизонтом, потому что Башкиров, склонившись на борт, заслонял поле зрения. Приподнявшись над козырьком и на секунду оторвавшись от управления, Губин попробовал подвинуть тело Башкирова. Но как только он отпустил ручку, самолет качнулся и начал переходить в штопор. Пришлось отбросить эту попытку и снова взяться за ручку.

Так повторялось несколько раз. Предстояло пройти еще не один десяток километров над Финляндией, а между тем у него в задней кабине были только ручка управления да сектор газа, не было ни одного при-

бора, не было даже переключателя бензина, и если бы в верхних баках кончилось горючее, он не смог бы перевести питание на нижние баки.

Самолет шел над редкими хвойными лесами Северной Финляндии, над скалами, за которыми где-то, в десяти километрах, начинался Ледовитый океан. Все было темно, однообразно. По белым молочным шарам далеко внизу висевших сигнальных ракет, по вспышкам выстрелов Губин понял, что сейчас, в эту минуту, он перелетает линию фронта. Теперь осталось добраться до аэродрома и затем главное — сесть.

Башкиров терпеливо учил его ходить по прямой, и он делал это неплохо, но никогда Губина не покидало ощущение, что твердая и верная рука его друга каждую секунду готова исправить ошибку, выровнять самолет. Всегда они были вдвоем.

Но теперь Башкиров мертв, и Губин оставался один, совсем один. Ему предстояло самое трудное — сесть самому, без совета, без страхующей руки друга. Он много раз раньше просил Башкирова разрешить ему самостоятельно посадить самолет, но Башкиров неизменно отказывал ему в этом, говоря, что, еще не научившись летать, нечего и думать о том, чтобы садиться.

Прошло еще двадцать минут. Губин распознавал внизу знакомые очертания аэродрома. Он сделал круг и, встав в своей кабине, чтобы все-таки видеть землю через плечо Башкирова, повел самолет на посадку.

Он вспомнил разом все их полеты, совершенные вместе, все шуточные, дружеские выговоры, которые получал он от Башкирова за свои ошибки и погрешности. Он вспомнил все, что было связано с ним, с его другом, с их самолетом.

Нет, Губин должен был посадить самолет. Он рассчитал все точно и сел бы, наверное, на самой середине аэродрома, около выложенного на земле «Т», но когда уже начал снижаться все больше и больше и когда земля уже не летела, а бежала под ногами и ему оставалось только убрать совсем газ для того, чтобы сбавить скорость и выровнять над самой землей машину в горизонтальное положение, оказалось, что газ дальше не убавляется. Нельзя его убрать, как обычно, потому что последним усилием воли Башкиров удержал руку на секторе газа, и теперь эта заостренная рука, сжимавшая сектор газа, не давала до конца выжать его с заднего сиденья. Губин остался один на один с машиной, и никто уже не мог помочь ему, никто на свете.

В первую минуту, проносясь над аэродромом, Губин решил, что он все-таки сядет. Но в следующую минуту он почувствовал, что нет, он должен выйти еще на один круг, а если понадобится, то еще на один, но посадить машину так, как сажал ее Сергей Башкиров.

...Доложив, Губин отошел от самолета и стал прохаживаться по аэродрому. Ему хотелось совладать с собой — с ощущением утраты, с воспоминаниями о прекрасной солдатской и юношеской дружбе. Башкиров лежал неподвижный, беспомощный, и так же, как он ничем не

мог помочь Губину в воздухе, так и Губин ему сейчас ничем не мог помочь.

Губин чувствовал, как внутри у него что-то оборвалось, и понял, что сегодня, вот в этот час, кончилась его юность с первыми полетами, с верой в то, что все его друзья обязательно выживут.

И вместо всего этого в душе росло другое чувство — какое-то упорство, молчаливая, сдержанная ненависть мужчины. Губин закрывал глаза, и перед ним проносились приближающиеся вражеские города, села, заснеженные равнины. И туда, вниз, на эту приближающуюся землю, летели черные капли бомб. Ему хотелось мстить так, чтобы эта месть была осозаемой, как удар кулаком. Ему казалось, что он вбивает эти бомбы в землю, в самолеты, в ангары.

Сжав веки, он на секунду закрыл лицо руками и потом открыл глаза. На аэродроме было тихо. Последний самолет, делая круг, гудел где-то далеко, к востоку. Земля лежала холодная и звонкая. Голова была тяжелой: казалось, что в ней ворочается что-то большое и шумное. Губин сжал руками виски. Кожа на лице была шероховатая, и под пальцами он почувствовал застывшие капли крови. «Надо смыть», — подумал он.

Уже идя по направлению к баракам, он повернулся и увидел свой самолет. Самолет стоял, подняв хвост, черный на фоне уже начавших белеть скал. Он был цел. Завтра его поставят на колеса, поправят одну помятую консоль, и Губин вылетит на этом самолете туда же, в Луостари, где стоят эти зенитные батареи с их огненными шарами разрывов и треском, перекрывающим гудение моторов. Он полетит туда и заставит их завтра замолчать...

БОРИС ЛАВРЕНЕВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Рассказ

Баржа ушла! Ее удалось увидеть на один лишь миг, когда она уже втягивалась в тесное жерло фиорда. Норд разразился над океаном белым фейерверком снежного заряда, пролетел, утих, открыв серую мятущуюся поверхность воды. Тогда в стеклах бинокля мелькнула вползающая в проход низко сидящая корма. За ней стлался грязноватый шлейф отработанного газа. И все скрылось за грифельными обрывами скал, запорошенными в трещинах снегом.

Тогда командир 1012-го и командир звена старший лейтенант Морошко в сердцах хватил кулаком с зажатым в нем биноклем по поручням мостика. На палубе катера водворилась та знакомая всем едкая, подсаживающая тишина, которая предшествует крупным неприятностям. От такой тишины каждому хочется бежать с палубы или превратиться в невидимку. Даже люди, неповинные в неудачном обороте событий, начинают чувствовать себя неуютно и припоминают свои явные и тайные грешки за последние полгода.

Морошко поставил рукоятки машинных телеграфов на «стоп» и приказал сигнальщику просемафорить 1014-му и 1017-му: «Застопорить, ждать приказаний».

Глубокий грудной гул моторов оборвался. Пышный волан пены за кормой увял. Оба катера, шедшие сзади, тоже остановились и закачались на широкой океанской волне.

— Боцман!

Тон окрика не предвещал доброго.

— Всю команду наверх!

В сущности говоря, команда и без того была наверху, и приказание относилось только к мотористам. Но именно вызов мотористов ослабил первоначальную напряженность тишины, и она приобрела целевую установку. Из машинного люка выкарабкались мотористы, обтирая замасленные руки ветошью. Они были перепачканы и злы. Заметив это с высоты мостика, Морошко злорадно усмехнулся. Он стал над трапом и, щуря левый глаз, осмотрел выстроенных людей.

— Констатирую факт,— начал он негромко,— что на моем (он внезапно повысил голос и растянул слово)... корабле впервые за мою практику скис мотор. И скис по жалкому разгильдяйству. Еще занятнее то, что мотористы ухитрились валандаться с устранением аварии два часа сорок восемь минут.

Он в упор смотрел на мотористов. На них же обратились взгляды всей команды. Мотористы беспокойно завертели головами, словно широкие воротники форменок превратились для них в удавки. Они охотно скатились бы назад в уютное белое тепло моторного отсека, если бы их не удерживала на палубе незримая узда дисциплины.

— Это, очевидно, и есть подарок, который вы сделали мне, товарищи, в день рождения? — безжалостно спросил Морошко.

Он помолчал, как будто ожидая ответа, хотя знал, что из строя ответа не полагается и не будет. И только увидел, как лицо главного старшины Галанина медленно побагровело от подбородка до околыша сдвинутой на лоб бескозырки.

— Замечаю, что товарищ Галанин краснеет,— продолжал Морошко,— и считаю это отрядным признаком. Но остальное из рук вон. Мы не выполнили задания. Нам было приказано перехватить баржу на подходе к фиорду. А мы, потеряв ход, увидели только ее хвост. Может быть, вам вообще нравится разглядывать фашистов со стороны хвоста?

Снова молчание, и лишь кто-то вздохнул глубоко и шумно, словно под самым бортом всплыла и отфыркнулась нерпа.

Боцман Володин, стоявший непосредственно у мостика, повел колющим взглядом по мотористам и, сжав за спиной кулак, потряс им в сторону виновников. Он старался сделать это незаметно, но Морошко не пропустил этого жеста и по нему понял, что творится в боцманской душе. Разговор доходил крепко, но командир хотел еще подбавить накала.

— Небольшая честь, товарищи, служить на таком корабле. Еще меньше чести им командовать!

Старший лейтенант сознательно нажимал педали и преувеличивал значение события. Но он хотел, чтобы на 1012-м надолго запомнили происшествие.

— Больше мне нечего сказать! Команда имеет время обедать и подумать... Разойдись!

Морошко отвернулся, сел на разномжку и закурил. Разговором он был доволен. Баня вышла жаркая и должна подействовать.

Он приказал просигналить катерам: «Следовать за мной» — и отзвонил в машину «средний ход». 1012-й весело прыгнул вперед, разрезав темносиний студень встречной волны.

Морошко оглядел громадный, неустанно колышущийся океан, по которому бежали скорлупки катеров. Несмотря на холодный, хмурый день, океан, как всегда, был прекрасен. Сизый налет непогоды, оседаая на воду, придавал простору особую строгую нежность. Командир 1012-го бросил докуренную папиросу в пенящийся гребень волны и поднялся с раз-

ножки. Заглянув в картушку и приказав рулевому точнее держаться на курсе, он с полным пренебрежением к трем ступенькам трапа спрыгнул прямо на палубу, прошел, насвистывая, по узкой кромке вдоль борта и распахнул фанерную дверь рубки, похожую от камуфляжной раскраски на кусок жирафьей шкуры.

* * *

В рубке, налегая локтями на штурманский столик, вел прокладку помощник командира младший лейтенант Вагин. Он обернулся к открытой двери. Его голова без фуражки, в спутанных завитках волос странного розовато-золотистого оттенка, на тонкой и длинной юношеской шее, походила на махровую хризантему, лезущую кверху из мехового воротника кожанки, как из вазона.

— Место? — спросил Морошко.

Вагин осторожно, чтобы не обломать кончик, положил на карту карандаш и назвал координаты. Ему шел двадцатый год, он недавно кончил ускоренные курсы лейтенантов и был похож на молодого петушка. Ни голос, ни характер у него еще не определились.

— Чудное место! Прекрасное место! — кивнул Морошко, потрепав помощника по спине.

— Почему? — удивился Вагин.

— Всякое место, на котором человек чувствует себя хорошо, прекрасное,— ухмыльнулся Морошко,— а данное — особенно: и от фашистов недалеко и к дому близко.

— Возвращаемся? — спросил Вагин и осекся.

Морошко потемнел, и помощник понял, что спросил неудачно.

— Возвращаемся? — переспросил Морошко и поднял плечи.— Какая яркая мысль!

Вагин растерялся и замигал длинными ресницами.

— Я предположил...

— Всякое предположение обнаруживает сокровенные мысли предполагающего,— с деланой горечью сказал Морошко.— Куда это возвращаться и зачем? Может быть, мы одержали громкую победу и торопимся огласить родные берега громом салюта? Я что-то не заметил.

Он облокотился на столик рядом с Вагиным и долго смотрел на карту, поджав губы и слегка посапывая, потом легко распрямился.

— Пойду в каюту. Мне нужно помечтать полчаса без помех,— сказал он, открывая дверь.— Примите меры, чтоб за это время ничего особенного не случилось. А если все-таки случится,— пошлите за мной.

Каюту командира на 1012-м, как все каюты на катерах, была больше сродни средней величины платяному шкафу, чем человеческому жилью. Морошко не выносил ее и обычно предпочитал проводить время в рубке или даже в микроскопической кают-компании, где как-никак казалась просторнее.

Но думать он всегда уходил в каюту. Для этого она имела свои прелюбительности. Койка была коротка для длинного Морошко, и, лежа на спине, ему приходилось упираться подошвами в одну переборку и затылком в другую. И это неудобное положение нравилось ему. Он утверждал, что давление переборки на затылок ограничивает чрезмерный разбег фантазии и вводит мысль в строгое русло данного вопроса, не позволяя разбрасываться. И хотя друзья относились к этому утверждению скептически, старший лейтенант клялся, что это правда.

Он сбросил ушанку и лег. Приятное тепло переборки — она выходила в моторный отсек — пригрело затылок. Морошко, не поворачиваясь, завел левую руку под подушку, вытащил оттуда книгу и раскрыл ее на заложенной полоской старого наруканного галуна странице.

Так лежал он с четверть часа, весь поглощенный чтением, что было видно по его лицу. Он то закрывал глаза, шевеля губами, как школьник, заучивающий урок, то открывал и читал снова, сводя и разводя брови, морща лоб, прищелкивая иногда пальцами свободной руки и ухмыляясь. Очевидно, книга держала его в состоянии того непрерывного умственного беспокойства, в которое втягивают человека только очень затрагивающие книги. Один раз он даже привскочил, ударил себя ладонью по ляжке, восхищенно сказал: «Толково» — и снова лег.

Наконец, положив книгу на живот, он забросил руки под затылок и ушел в размышления, уставясь взглядом в подволок каюты.

Морошко перевернулся на бок. Книга свалилась под койку, но он не заметил этого. Он был захвачен думами.

Баржу упустили. Это паршиво! И особенно паршиво, что это произошло с ним, Морошко, у которого не было случаев невыполнения боевого задания. Да еще произошло в день его рождения. А задание было как раз серьезным. Пять дней назад торпедный катер лейтенанта Козловского вцепил торпеду в фашистский транспорт, который пробирался под берегом от Вардэ к Петсамо. От взрыва транспорт сильно осел кормой, но успел выброситься на прибрежные камни. На отходе Козловский потопил второй торпедой вздумавший преследовать его сторожевик. После взрыва в воде барахталось около десятка гитлеровцев. Козловский подобрал одного для допроса. Придя в себя после ледяного купания, тот показал, что на транспорте было, среди прочего груза, восемьдесят авиамоторов для смены истрепанной материальной части бомбардировочной авиации. В штабе флота логично предположили, что фашисты примут все меры к разгрузке сидящего на камнях транспорта и доставке любыми средствами моторов по назначению. И действительно, воздушная разведка уже на вторые сутки обнаружила подозрительную возню пловучих средств у мертвой туши транспорта, а произведенная позже фотосъемка установила, что моторы перегружаются на самоходную баржу. Тогда Морошко и вышел в море с задачей стукнуть баржу, не допустив ее до фьорда. Он ее не стукнул. И разболтанные бессменной работой «юнkersы», сидящие в капонирах аэродромов, оживут и полезут в небо.

Морошко с силой хватил подошвами в переборку, словно она была ушедшей от расплаты баржей.

В конце концов такая неприятность может случиться с каждым. И хотя в недавнем разговоре он напирал на гнусное разгильдяйство мотористов, но, трезво рассуждая, они не так уж виноваты. Моторы катеров тоже работали без усталости.

Что было — того не вернешь. Но операцию нужно довести до конца. Во что бы то ни стало! Если баржа добралась до причала — это еще не все. Ее нужно разгрузить, а на это требуется время. Если не терять времени и ударить...

Морошко сделал гримасу разочарования.

Нанести удар? Легко сказать!.. По барже во вражеском порту, куда нужно пролезть шестимильным, сдавленным скалами проходом, на высотах которого береговые батареи, где каждый метр воды грозит смертью... Ну, так что же? Возвращаться на базу, предстать перед командиром ОВР*, не смея поднять глаза на контр-адмирала, который постучит кончиком карандаша по столу и насмешливо пробурчит: «Поздравляю... растете, растете — заметно!»

От этой воображаемой встречи Морошко мотнул головой и ударился затылком о переборку, которая жалобно прогудела.

Старший лейтенант сбросил ноги с койки и сел. Несколько минут он сидел, неотрывно и напряженно смотря на блестящий световой блик на никелированной дверной ручке. Напряженность взгляда постепенно ослабела... На его обветренном, шелушащемся лице сквозь внешнюю грубоватость проступила простая, задумчивая и очень молодящая улыбка.

Он засунул руку в карман реглана, вытащил измятую карту, расправил ее на койке. Низко нагнулся, подпирая щеку рукой, разглядывая линии и цифры, узором рассыпанные на бумаге.

То, что до сих пор бродило смутными намеками в его не прекращавшем работу мозгу, теперь возникло перед ним с точной военной ясностью. Он сложил карту, ткнул ее в карман, надел ушанку и по отшлифованным перекладинам трапа полез на палубу.

* * *

Его обдало влажной, опьяняющей, солоноватой свежестью, какой бывает напоен только океанский воздух перед закатом. После душной каюты, в которой стоял неистребимый запах бензина, было так хорошо пить прозрачный воздушный напиток и слушать могучий ритмический шорох водной массы.

Плотная мгла на западе распахнулась широкой щелью, и в нее хлынул холодный розовый блеск низко плывущего полярного солнца. Он преобразил все вокруг. Туманная нежность пасмурного дня исчезла. Океан расширился во все стороны. К востоку его жесткая синева, сгу-

* ОВР — соединение кораблей, ведающее охраной водного района той или иной базы.

щаясь к горизонту, колыхалась густой, лиловой, черно-пурпурной влагой. На западе, где в распахнутой щели туч истекало розовым потоком солнце, океан горел. Верхушки волн просвечивали бледным бутылочным стеклом, а между ними вились, переплетались, плясали блестящие шелковые ленты — оранжевые, алые, дымно-золотые, соломенные, вспыхивая колючими огоньками. Вся играющая красками и сверканиями ширь жила и дышала могучей силой неутомимого движения: Раскаленный солнечный шар коснулся нижним краем воды, и по его слепящему диску промчались трепещущие тени, словно он стал ежиться от лизнувшей его студеной волны. Он уменьшался и тускнел, но кверху от него прынули, рассыпались, веером развернулись огненные перья.

По воде пролетела мелкая свинцовая рябь. Шелковые ленты померкли, наливаясь тусклым кирпичным оттенком. Небо на востоке осыпало серебристый пепел. Последний ломтик солнечного шара, мигнув, утонул под горизонтом. Огненный веер в высоте бесшумно и быстро свертывался, роняя на волны седую, грифельную пыль. Сразу посвежело, и в лицо Морошко задул упругий, пронизывающий предночной ветер.

Сотни раз видел командир 1012-го торжественные феерии океанских закатов и все-таки не мог к ним привыкнуть. Они тревожили и бередили. Они подавляли угрюмым величием прощания стихии света со стихией воды. Солнце уходило на покой, и ночной океан обретал свою таинственную власть.

Проследив последние угасающие отсветы на волнах, Морошко пошел в рубку. У правого пулемета, нахохлясь, стоял боцман.

— Что такое, Володин? — спросил Морошко, берясь за поручни трапа. — Почему загрустил?

— Довели катер до срама! — сердито ответил боцман и покосился на открытый моторный люк.

Морошко улыбнулся. То, что боцман так остро переживал скандал с мотором, радовало командира, доказывая, что разговор пронял всех.

— Не унывать! — сказал Морошко подымаясь. — Мотористы слушали, переварили, икают и теперь из кожи вылезут, а за себя постоят. В общем даже полезный случай.

Володин просветлел и, подняв руку к ушанке, сказал:

— Разрешите поздравить с днем рождения. За этим делом не успел...

— Стоп! — ответил старший лейтенант, подымая руку. — Имею встречное предложение — отложить поздравления до завтра. Мне кажется, — добавил он, увидев удивление в глазах боцмана, — что день рождения у меня будет завтра.

Он оглядел в бинокль весь круг горизонта, снова спрыгнул с мостика и прошел в рубку. Стал рядом с Вагиным, подумал и молча ткнул пальцем в то самое место на карте, которое пристально разглядывал в каюте.

— Идем сюда! — сказал он очень весело.

Вагин с недоумением поднял на командира вопрошающие синие глаза. Его удивили и оживление Морошко и показанное на карте место.

Но он побоялся задать вопрос не попадая и ответил уставным «есть», пытаясь самостоятельно угадать, что задумал командир катера. Точка на карте обозначала глухую бухточку на «своем» берегу, где не было ничего примечательного и куда, казалось, незачем было забираться боевому кораблю, хотя бы и такому небольшому, как 1012-й. Вагин перевел глаза с лица Морошко на его указательный палец и молчал.

— Соображай! — Морошко шутливо ткнул помощника в бок. — Поощряю в подчиненных смекалку.

— Не соображаю, — уныло признался Вагин, начиная презирать себя.

— Плохо! Проверим наблюдательность... Что находится в западном закутке этой дыры, на камнях?

— На камнях? — медленно повторил Вагин, стараясь выиграть время. — Там же ничего такого. Камни... плавник... ну чайки садятся.

— А карбас? Или его кит слопал?

— Верно, карбас! — удивился Вагин. — Только что нам проку в этом хламе? От него, небось, одни ребра остались.

* * *

В бухте было глухо и тихо. Уже стемнело, когда катера на малом ходу проскользнули в нее. Мрачно нависали береговые обрывы, и тяжелыми синими потоками лежал на них свежий осенний снег.

Катера вплотную подошли к берегу в глубине бухты. Вода здесь лежала тяжелым черным стеклом, чуть слышно вздыхая. Начиная отлив, и с камней свисали мокрые космы водорослей. Позванивая, журчали сбегаящие ручейки. Темная черта высокого уровня все выше подымалась над водой.

Над этой чертой на покатых, отглаженных волнами камнях, осыпанных чаечным пометом, лежал, высоко задрав нос, старый поморский карбас. Бока его побелели от соли. Он был выброшен сюда сумасшедшим штормом накануне войны. В военной горячке никто не интересовался вечной посудиною. Построенный из добротной древесины, карбас выдержал встречу с камнями без особых повреждений. В одном лишь месте каменный зуб прогрыз ему борт. Он прочно завяз между двумя глыбами гранита, которые сдавили его бока. Доски фальшборта расщенились, оторвались, и верхние концы шпангоутов торчали над палубой, как ребра дохлого кита. Шторм, принесший гибель карбасу, вышвырнул его на берег значительно выше приливной черты, и обычное волнение, незначительное в этой огороженной скалами водяной чаше, не могло причинить ему нового ущерба. Он мог спокойно дремать на своем каменном ложе до тех пор, пока новая, еще более свирепая буря не раскачает сонную воду, не сорвет его с камней и не прикончит.

Но мертвый сон карбаса был нарушен вторжением в бухту катеров Морошко. И вокруг его останков началась непонятная суматоха, которая удивила бы всякого, кто в эту минуту заглянул бы в бухту.

Сначала краснофлотцы, вооружась топорами и ножовкой, отодрали еще несколько досок от фальшборта и забили ими пробойну в бок. Этим карбасу возвращена была способность держаться на воде.

Позднее к карбасу приволокли два длинных бревна плавника и просунули их под днище, как рычаги. С 1012-го подали буксирный конец и закрепили на корме карбаса. Люди повисли на свободных концах рычагов. На катере заревели моторы. Буксир дрогнул, натянулся, зазвенел гигантской струной, и карбас слегка стронулся. Моторы взвыли сильнее. 1012-й, взрывая винтами горы пены, тянул изо всех сил, как трудолюбивый битюг, срывающий с места воз.

Боцман Володин распорядился этим небывалым авралом, потрясшим команды всех катеров. Никто не мог понять, для чего понадобилось командиру звена, глядя на ночь, завести корабли в глухомань и свалакивать с камней растрепанную развалину, которая годится лишь на дрова. Однако люди ретиво налегали на рычаги, пока после ряда осторожных рывков карбас не сполз на воду и закачался рядом со своим спасителем.

И тогда настал момент полного изумления, потому что Морошко приказал разыскивать на берегу мелкий плавник и грузить им карбас. При этом он строжайше наказал выбирать только сухое дерево, отбрасывая гнилье и мокредь. Спотыкаясь во тьме, оскальзываясь на валунах и вполголоса поминая черта и его родителей, краснофлотцы в поте лица ползали по скатам, выдирая из гранитных трещин корявые сучья северной березы и тонкие сосновые круглянки, добела обглоданные волнами. Набирая охапки этой бросовой дряни, они пихали ее в карбас, и только когда он был доверху набит, Морошко приказал окончить работы и отдыхать. Усталые моряки вернулись на катера, и тогда началась вторая часть загадочного предприятия, уверенно руководимого командиром звена.

С 1012-го последовал сигнал: «Командирам прибыть к флагману на чашку чая и оперативное совещание».

Оба катера приткнулись к 1012-му, и лейтенанты Артемьев и Пущин перебрались на его палубу.

Морошко ждал их в кают-компании. На полуметровой базе стола, покрытого голубой клеенкой, клубила паром отварная треска, тонущая в собственном жиру, и хотя она была ежедневным блюдом на кораблях, офицеры жадно потянули носами ее запах, потому что нет на земле пищи деликатней, нежней и вкусней, чем только что вытасченная из моря и умело сваренная треска. Кок Старухин, он же заведующий глубинным бомбометанием, поставил на стол испеченный ради дня рождения командира шоколадный торт, остальное угощение и отдельно банку сгущенного молока для Морошко, зная привычку командира намазывать бутерброды поверх масла сладкой тянучкой. Появился пузатый медный чайник.

Участники оперативного совещания расселись: Морошко, Артемьев, Пущин и Вагин. Такое обилие офицерского состава не было предусмотре-

тено проектными чертежами катеров, и пятому участнику, боцману, пришлось устроиться в пролете двери на разножке.

— Начнем, товарищи,— сказал Морошко, педя перевитую янтарную струю в фаянсовые кружки с полустертой надписью по ободку: «Не будь плох — пей до трех». Эти кружки он еще до войны выклянчил в Мурманске у вдовы шкипера рыболовного траулера, ревниво берег и подавать на стол разрешал только в торжественные дни.

— А за новорожденного законной порции не хватим? — спросил Артемьев.

— Сегодня не праздную,— ответил Морошко,— завтра видней будет. Хватайте рыбку!

Командиры занялись треской. Морошко смотрел, как они поглощали ее с неудержимым молодым аппетитом, и вдруг ни с того ни с сего спросил:

— Из вас кто читал академика Тарле «Наполеон»?

Вагин и Артемьев еще крепче налегали на треску, отводя вопрос, но Пущин, не проявляя удивления внезапному интересу командира к культуре подчиненных, бодро ответил, хотя и в осторожной форме:

— Прочел, товарищ старший лейтенант! — и, выждав, добавил уверенней: — Существенная книжка.

Морошко подпер подбородок ладонью и раздумчиво подтвердил:

— Существенная! Даже очень! Сейчас читаю... Талант, конечно, талант, но и везло, как утопленнику...

— Товарищу Тарле? — спросил Пущин, полагая, что «талант» относится к автору книги.

— Бонапарту!.. Получил возможность развернуться на такой операции, как Тулон. Это же масштаб, хлопцы! Вся французская судьба на волосинке висела. А выбить интервентов из морской крепости — это вам не «мессер» сшибить. Выбил... и прогремел от края до края. В один день такой прыжок! Для военного человека такое счастье один раз в истории бывает.

— Завидуешь? — засмеялся Пущин.

— А что? Ему всякий настоящий военный должен завидовать, — серьезно сказал Морошко, — всем больших дел хочется, хлопцы.

— Поздравляю! Обнаруживается скрытый бонапартизм, — сквозь треску во рту сказал Артемьев.

— Бонапартизм у меня и в мыслях не ночевал, — огрызнулся Морошко. — Бонапартизм — это политическое, а я говорю о профессионально-военном. Военный талант Бонапарта — общее наследство. И в первую голову наше, потому что условия, в которых мог проявиться его талант, создавались революцией. Он ее задушил как Наполеон, но от нее родился как генерал Бонапарт... И точка! Переходим к очередным делам. Что у нас в активе? Прошляпленная операция?

Сидящий в дверях боцман поперхнулся и выплеснул полкружки себе на колени.

— А что мы должны иметь? — продолжал Морошко, выводя стекающим с ложки сгущенным молоком букву «N» на куске торта. Мы должны иметь такую операцию, после которой не стыдно вернуться домой.

— Правильно, товарищ старший лейтенант! — первым отозвался, как младший на военном совете, Володин.

— Не унывать от неудач! Шагайте без страха по мертвым телам! А то вот Сережа после сегодняшних происшествий, как говорится, частично утратил политико-моральное состояние и захотел домой, к маме...

— Да я же, честное слово... — вспыхнул Вагин, но Морошко остановил его.

— Это я мимоходом. Речь не об этом, а о том, — Морошко откинулся к переборке кают-компания и оглядел товарищей суженными глазами, — что не может быть речи о возвращении с невыполненным заданием. Это я всерьез говорю! Нам было приказано хлопнуть баржу, и мы ее хлопнем, а может быть, еще что-нибудь интересней!

И Морошко ударил ладонью по столу.

— Но она стоит уже в своей гавани, — сказал Пушин.

— Вот именно, — согласился Морошко, — но давайте, товарищи офицеры, думать и действовать по-военному. С каких пор и по каким правилам пребывание вражеского корабля в своем порту является непреодолимым препятствием для выполнения боевого приказа? Что же нам только полоскаться в своей водичке и не пускать в нее чужих купальщиков? Абсолютно ложная идея! Разве наши летчики не топили фашистскую посуду в ее гаванях? А подводники не пускали ее ко дну у ее собственных пирсов?

Морошко говорил громко, напористо, и глаза у него блестели.

— Позволь, — спросил Артемьев, — что же ты хочешь с катерами лезть на береговые батареи? Мы не подводники и не летчики. У нас нет нужных условий для такого фокуса: быстроты самолета и невидимости лодки.

Морошко залпом выпил половину вдовьей кружки и засмеялся:

— С катерами не полезу, а с одним катером пойду. Пойду и гитлеровцам морду набью и, если меня расчет не обманет, вылезу обратно без царапины, а может, еще и с прибылью. Мы тоже на войне до высшего образования доходим. Что у меня есть? Внезапность и дерзость — раз! Благоприятные обстоятельства — два! По погоде, без синоптиков, можно предсказать на ночь хороший туман.

— Он уже есть, товарищ старший лейтенант, — подтвердил Володин, подымая голову к отверстию люка, где проносились влажные волна замутненного воздуха.

— Хорошо! Значит, мне обеспечена скрытность подхода и проникновения в фиорд. Пройти придется вслепую, но чему-нибудь же наши штурманы учились... Внутренность фиорда известна нам, как собственные внутренности. У какого причала может стать эта баржа? Да только у левого. Почему? Кто ответит?

— Я знаю, — сказал Пушин, — на ней авиамоторы. Кладь нелегкая, и выгружать будут краном. А кран у них один — на левом причале.

— Молодец! — обрадовался Морошко. — Известно, что перед входом с моря расположены две стопятидесятимиллиметровые батареи и одна такая же на высотах в глубине фиорда. Вот вам уже выявлен ряд неизвестных в заданном уравнении. Остается один икс. Вагин, какой?

— Не знаю, — честно признался Вагин.

— Организация охраны причала, количество огневых средств возле него и количество солдат при этих средствах. Так?

— Так! — в один голос ответили офицеры.

— Подумаем! — Морошко прервал речь и помолчал, покусывая губы. — Судя по всему, есть основания полагать, что этот икс не так страшен, как его малюют враги. От силы у них там пулемет и в непосредственной близости полсотни тотальных солдат. Что ж это, препятствие?

— Сотня — тоже не препятствие, — оживился Вагин.

— Есть! — Морошко вторично шлепнул ладонью по клеенке. — Идем прямым курсом на место действия, имея на буксире чудную лоханку.

— Я все понял, — задорно сказал Вагин, — кроме этой битой лоханки. Зачем мы ее тащим за собой?..

— Люблю, когда офицерский состав проявляет интерес к деталям операции, — усмехнулся Морошко, — но предпочитаю временно воздержаться от разъяснений. Кажется, Кутузов говорил, что военных секретов он не доверяет собственной подушке... Последнее — единственной серьезной помехой являются все же названные батареи у входа. Внутренней я не боюсь. Известно, что батареи никогда не строятся с расчетом крыть по собственному порту. Но все-таки у меня нет ни малейшего желания получить хотя бы один осколок в корабль. Нужно, во-первых, отвлечь их внимание от входа и рассредоточить их огонь. Для этого вы оба, — Морошко обратился к командирам 1014-го и 1017-го, — будете утюжить перед входом... Прошу сверить часы.

Он поднял руку и показал свои часы. Оба лейтенанта уравнили с ними стрелки своих.

— Я войду в проход, используя туман. Чтобы дойти до глубины, принимая во внимание малый ход, туман и прочее, мне потребуется сорок минут. Значит, если через сорок минут после двух ноль-ноль вы не будете иметь от меня по радио «аз», что будет обозначать невозможность операции, — 1014-й начинает крыть по правой, 1017-й — по левой батарее. Не важно, как будете попадать. Лишь бы они занялись вами. А я буду разворачиваться внутри... Товарищ боцман! Вам особое задание. Приготовить и под рукой иметь на корме бидон бензина и одну малую глубинную бомбу. Все! Совещание считаю законченным. Прошу по кораблям, готовиться к походу!

Офицеры смотрели на Морошко с некоторым удивлением. Он впервые говорил с ними так — властно, уверенно, почти резко. Они подня-

лись и выбрались с боцманом на палубу. Спустя минуту Морошко услышал над собой свисток и топот ног.

Он вздохнул и налил себе четвертую кружку, превысив указанную на ней норму.

* * *

Неровная, валкая качка сразу прекратилась. Это было признаком и единственным признаком, — ничего не было видно, — что катер вошел в проход, и береговые высоты прикрыли его от ветра, летящего из океанского простора. Туман в проходе еще плотнее и гуще, чем в море. Катер словно окунулся в жидкую сметану, и вокруг было не имеющее никаких измерений космическое пространство, наполненное первичной, густеющей, но еще не обретшей формы материей. Так должен был выглядеть мир в дни первозданного хаоса, когда на месте тверди, земли и воды струились зыбкие волны сгущенного газа.

Туман затруднял движение, но зато выедал звуки, и глухое хлопанье мотора замирало сразу под кормой. Чуть заметно подрагивала под ногами палуба мостика. Морошко нагнулся к переговорной трубе.

— Вагин, как курс?

— По ниточке, — донесся из рубки приглушенный ответ.

Катер бесшумно углублялся в фиорд. Лишь легкое шуршанье за бортом подтверждало, что вода, хотя и невидимая, существует.

— Мухин! — неслышно шепнул Морошко. — Смотри! Глазами, ушами, носом! Чем можешь, смотри!

— Смотрю! — так же беззвучно отозвался сигнальщик.

Морошко стоял, покусывая губы. Назойливая мелкая дрожь волнения ходила по его телу. Туман перестарался. Он был чересчур густ. В этой непрогляди можно было на что-нибудь напороться. Морошко держал руки на весу, чтобы в любое мгновение, не задев ни за что, с лету ухватить холодные ручки телеграфа или нажать кнопку ревуна. Тишина давила, становилась невыносимой. Старший лейтенант знал, что рядом у орудий и пулеметов такая же дрожь волнения ходит по телам людей, стоящих в предельном напряжении нервов.

— Товарищ старший лейтенант!

Морошко резко подался к сигнальщику.

— Плещет! — шепнул Мухин. — Слышите?

Морошко напряг слух. Плеск шел спереди еле слышный, с ровными промежутками. Он был похож на плеск весел. Это было неприятно. Наскочить в тумане на шлюпку! Затрещит дерево, заорут в испуге люди, и все обнаружится раньше времени. Только этого не хватало!

Пальцы рванули рукоятку телеграфа. Тихая воркотня мотора умолкла. Плеск, идущий из молочного раствора, впереди катера, близился. Морошко весь вытянулся вперед и облегченно вздохнул. Так могла шуметь только вода, лижущая камни.

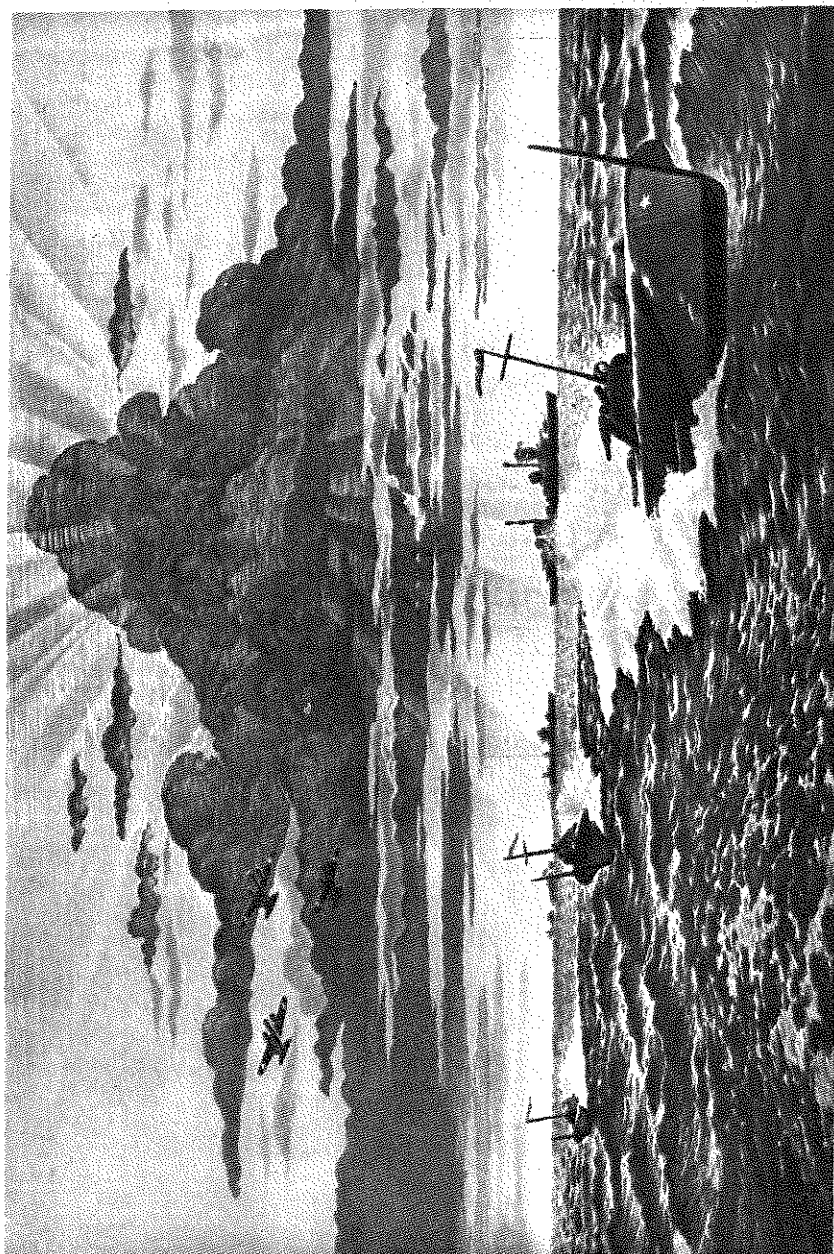
— Два право, — сказал старший лейтенант рулевому, и катер послушно уклонился от курса. На мостик пахнуло холодом. Туман заколе-

Катер-охотник бомбит фашистскую подводную лодку

Фото Н. Веринчука

Торпедная атака

Линографюра художника В. Вигина

бался. На миг зачернела вода, и Морошко увидел светлую кромку пены у гранитного лба, поднявшегося справа в уровень с мостиком.

— Так! — отметил он себе. — Бараний лоб. Очень хорошо! Орел, Вагин! Провел, как в игольное ушко. А ну еще два — право.

Оглянувшись на камень, он перегнулся через обвес и тихо позвал: — Володин!

Лицо, очень белое в черной рамке ушанки, поднялось у мостика. — Есть, Володин!

— Подтяните карбас к борту, переберитесь на него, облейте барахло бензином и положите в середину бомбу. Вопросов нет?

— Нет, товарищ старший лейтенант.

Володин повернулся, и фигуру его размыло туманом. Морошко ощутил легкий толчок подтянутого к катеру карбаса. За кормой хрустнули сучья, и на мостик потянуло острым душком бензина. Боцман снова выступил из мглы:

— Сделано, товарищ старший лейтенант.

— Хорошо! Давайте на мостик! — Морошко нагнулся к переговорной трубе. — Вагин! На мостик!

Помощник и боцман стали рядом.

— Вагин, объявляю благодарность за образцовую проводку. Теперь — слушать! Сейчас открываю беглый огонь. Всеми средствами по правому берегу, пока не вызову ответный огонь. Вы, Володин, возьмите ракетницу и ступайте на корму. Как только фашисты ответят, — пускайте ракету в брюхо лоханки и отдавайте буксир. Я ворочаю к пирсу. Ты, Вагин, захватываешь двух мотористов, которых мы взяли у Пушина и Артемьева. Тройку своих! Всем автоматы и гранаты! Как уткнемся в баржу, — пикируй на палубу. Кончай фашистов, которые пожелают помешать. Мотористов немедленно в машину. Моторы захватить в целости, не дай бог, чтобы гитлеровцы испортили... И мигом рубить швартовы. Дальнейшее — по ходу операции. Можете идти!

— Разрешите сказать, — не удержался Вагин, — теперь я понял, зачем лайба.

— Какой догадливый! — с усмешкой сказал Морошко. — Раньше бы надо... Действуйте.

Вагин и боцман исчезли с мостика. Морошко перевел рукоятки телеграфа на «средний». Катер снова набрал ход, и зашумела вода за бортом. Морошко переступил с ноги на ногу, зачем-то натянул туже перчатки и посмотрел на смутно выступающие тени людей носового орудийного расчета. Они стояли неподвижно, в том же изнуряющем напряжении.

И, глядя на них, Морошко подумал о том, как тяжок военный труд именно этим бесконечным, постоянным, неослабевающим напряжением всех чувств человека часами, сутками, неделями, месяцами, для того, чтобы оно разрешилось несколькими мгновениями боя, в которые организм человека получает разрядку. Кончится бой, и снова приходит это истощающее длительное испытание чувств до нового боя. И понятно: почему люди так ждут боя, рвутся к нему. Он освобождает от связанности

и позволяет делать то конкретное дело войны, для которого люди стоят у орудий и пулеметов.

— Орудия на правый борт! — скомандовал он. — Прицел двадцаты! Огонь до отбоя, по способности!

Тонкое дуло носового описало полукруг.

Морошко сосчитал в уме до десяти и нажал кнопку ревуна.

Рваное огненное полотнище метнулось из ствола перед успокоенными темнотой глазами командира катера, и он стиснул веки, спасаясь от его пронзительного блеска. Катер вздрогнул. Сухой грохот залпа мячиком раскатистого эхо запрыгал по воде. Едва Морошко разжал ресницы, как его ослепил новый взблеск. Разорванный силой пороховых газов туман извивался фантастическими волокнами среди огненных языков. И в промежутке двух залпов старший лейтенант услышал знакомый ворчливый железный клекот над головой. Справа глухо шумнули снарядные всплески. Угрожающее рычание подводных разрывов приподняло катер.

— Володин! Ракету! — крикнул Морошко, но на корме уже мигнул огонек.

Нитка ракеты прострочила туман. Малиновая звездочка вспыхнула в утробе карбаса, и над ним поднялось розовое зарево вспыхнувшего бензина. Оно быстро обратилось в ревущий высокий костер.

— Прекратить огонь!

Неожиданная тишина оглушила Морошко. И опять железно заклокотало в небе, и тяжелый гул вражеского залпа прокатился вдаль над невидимым берегом.

— Право на борт!

Катер стремительно накренило. Морошко ухватился за поручни.

— Качайте, фашисты! Забавы вам хватит, пока очухаетесь, — злобно засмеялся он. — Кройте! Я же знаю — вы думаете, что подбили и зажгли мой корабль и будете теперь надрываться по этому примусу, пока не устанете.

Но размышлять было некогда. По носу из тумана вырос черный край пирса, и еще через минуту — прижатый к нему низкий силуэт баржи.

— Володин, видишь баржу? — спросил Морошко у боцмана, повисшего на рукоятках пулемета.

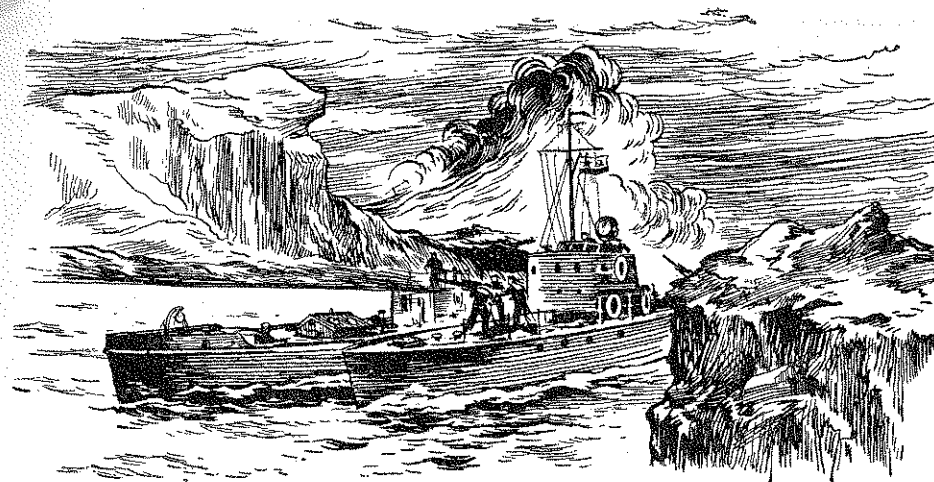
— Вижу! Там фашисты возятся!

— Стриги под машинку!

Пулемет задрожал, выбрасывая остренькие иголки огня. Послышался отвратительный скрежет пулевой струи по железу. Борт баржи выростал.

— Кранец! — крикнул Морошко, разворачивая корабль лагом.

Но кранец не успели подать. Сильный толчок посадил Морошко на колени. Он услышал треск. С катера на баржу рванулись краснофлотцы с Вагиным. Зачастили автоматы. С берега отозвался солидным стуком дятла немецкий пулемет, но Володин повел стволом на вспышки, и пулемет захлестнулся, словно очередной патрон стал ему костью поперек

горла. На носу баржи гулко рванула граната. Осколки с канареечным писком пронеслись над головой Морошко. Кто-то завопил, и шумно плеснула вода. Все было быстрым и призрачным во тьме и тумане.

Внезапно против мостика на барже вырос силуэт. Морошко вскинул пистолет.

— Товарищ старший лейтенант! — силуэт докладывал голосом Вагина. — Баржа захвачена; команду ликвидировал, трех мотористов взял живьем... Швартовы обрублены.

— Есть, есть! — радостно сказал Морошко. — Моторы?

— В целости. Мотористы уже запускают.

— Справятся?

— А то!

— Пленных давай на катер.

— Не нужно! Помогают нашим мотористам.

— Смотри, не нагадили бы...

— Предупреждены... чуть что — за борт!

— Ладно! Скорей, давай ход! Какие фашисты ни болваны, но должны все же расчухать, на какое барахло мы их подловили. Вон как кроют.

Немецкая батарея продолжала безостановочно бить по расплывчатому зареву горящего карбаса на середине рейда.

— Командуй своим линкором, — сказал Морошко, — я пойду за тобой. Проползем под самым бережком, а в море нам черт не брат.

Под кормой баржи заурчал винт, и она стала отходить.

В эту минуту с карбаса грянул взрыв. Зарево высоко взметнулось и погасло. На бухту накатилась темнота. Гул немецких залпов утих.

— Слыхали, боцман? — спросил Морошко. — Вот и глубинная со- служила службу. Жаль, немножко рано. Пусть бы еще понадрывались.

Зато теперь они уверены, что раскатали нас вчистую. Будут соображать, шнырять, разыскивать «утопающих».

Он замолчал и прислушался. Теперь с другой стороны от устья фиорда доносился артиллерийский гром. Артемьев и Пущин добросовестно старались, отвлекая на себя внимание батарей.

— Хорошо работают! Дельно!.. На корабле в порядке? Потерь нет?

— Особых не имеется, товарищ старший лейтенант. Старухина в плечо зацепило. Сидит, ругается.

— Если ругается, значит нормально.

По носу катера глухо рокотал винт баржи, и Морошко вел катер, вплотную «вися» на ее руле, чтобы не оторваться в темноте. Нервы его снова напряглись до предела, и сейчас, когда, казалось, самое рискованное и опасное осталось позади, он ощущал нарастающее беспокойство. Чудилось, что туман полон движениями вражеских кораблей, разыскивающих катер и уведенную баржу. Морошко топтался по мостику, беспрерывно облизывая пересыхающие губы.

Он успокоился лишь в океане, когда туман неожиданно свернулся, как занавес, и перед катером раскрылась черная ширь с катящимися по ней барашками, поднятыми тугим норд-вестом. Баржа благополучно тархтела впереди, и недалеко мелькали вспышки залпов 1014-го и 1017-го.

Морошко радировал им кодом прекратить огонь и идти на соединение. После этого он почувствовал неодолимую, связывающую тело усталость. Ноги и голова налились чугуном. Но это была хорошая боевая усталость. Он опустил на разномыслие, взглянул на рулевого и, зевнув, сказал:

— А хороша морская служба, Ланцов!

— Определенно, товарищ старший лейтенант, — спокойно отозвался рулевой, не отрывая глаз от картушки. — Надо полагать, что я на всю жизнь в море останусь.

Засерел осенний рассвет, окрасив воду матовым оттенком мышьиной шерсти. Морошко подвел 1012-й к борту баржи. Оба корабля шли рядом, и он мог разговаривать с Вагиным обыкновенным голосом.

— Как у тебя с горючим?

— Хватает! — ответил Вагин. — Хорошая коробка, товарищ старший лейтенант. Прочная! Вчера на носу фашистов гранатой шибанули, так только чуть палубу вдавило, даже клепок мало вышибло.

И Вагин любовно оглядел баржу с носа до кормы.

— А у тебя непорядок, — укоризненно сказал Морошко, тоже оглядев баржу.

— Непорядок? Где? — испугался Вагин.

— Ну, как же, товарищ командир корабля! Идете в составе соединения, на корабле, добытом потом и кровью, а где у вас флаг?

— В самом деле! — вскинулся Вагин. — Как же это я?

— Володин! — крикнул старший лейтенант. — Отпустите командиру приза флаг.

Боцман достал из ящика флаг и, свернув трубочкой, ловко перекинул на баржу. Его на лету поймал краснофлотец и побежал по скользкой палубе. Повозившись около фалов, он стал смиренно, выжидательно смотря на Вагина.

— На флаг, смирно! Флаг поднять!

Краснофлотцы на катере и барже стали по положению. Морошко, Вагин и боцман поднесли руки к фуражкам. Белый сверточек взвился высоко и развернулся, заголубев узкой полоской по краю. Ветер подхватил ткань, и она мягко заплескала.

Со стороны это могло показаться смешным, сентиментальным эффектом. Но для людей, которые неподвижно стояли на палубах, это было очень серьезное. Флаг, под которым они жили, ради славы и чести которого рисковали жизнями в дерзком ночном бою, осенил своим полотнищем новый корабль флота. Пусть это была только самоходная баржа. Флаг говорил о победе — это было главное.

— Вольно! — скомандовал Вагин, и, перебивая его, Мухин на мостике 1012-го крикнул:

— Два дыма, слева семьдесят!..

Морошко схватил бинокль. Из-за горизонта выплыли две низкие, быстро бегущие черточки — фашистские сторожевики.

— Корабль к бою изготовить! — сказал он, опуская бинокль, и весело добавил: — А подраться не придется. Поздно хватились! Жмем сейчас к берегу под свои пушки. Пусть понюхают!

Отряд круто свернул к самому берегу. Было видно, что сторожевики, нашедшие, наконец, в океане уведенную баржу, идут во всю мощь своих механизмов. Их носы скрывались в высоких нежнобелых бурунах. По головному перебежали блуждающие огоньки, и два фонтана встали из воды недолетом позади отряда, медленно осыпав водяную пыль.

— А ну, еще разок! — прищурился Морошко.

Новая цепочка огней опоясала сторожевики, но на берегу уже разглядели и всплески, и катера, и баржу, и преследователей. Берег ответил на вызов такой же гремящей огненной цепочкой. Изгородь белых столбов встала перед сторожевиками. Выпустив последний залп, они резко отвернули и ушли за зубчатую от зыби линию горизонта.

Тогда Морошко вторично ощутил груз непреодолимой усталости. Веки непроизвольно слипались. Он повернул голову к рулевому и с трудом выговорил склеенными губами:

— Ланцов, я вздремну две мину...

Договорить он уже не смог. Голова его склонилась вперед, уперлась лбом в доску столика, и рулевой услышал нежное посапывание.

Морошко спал, и во сне перед ним развернулся неизвестный, но странно знакомый морской берег. Сам он стоял на вершине холма и смотрел на лежащий внизу, озаренный солнцем красивый город. Море вокруг него было очень синим, а белые дома города сверкали, как рассыпанные в зелени кубики сахара. Сам Морошко был Морошко и в то же время не Морошко. Он чувствовал себя собой, но вместо старого бое-

вого реглана в масляных пятнах и прожженного в двух местах на нем был узкий мундир с золотой вышивкой на лацканах. Длинные подвитые волосы падали ему на плечи. Он стоял, подбоченясь, упирая в бедро зрительную трубку с бронзовой оковкой.

На прибрежных высотах клубился белый пороховой дым, и круглые пушистые шарики дыма вспыхивали внизу на длинной набережной, где царила суматоха. А в море уходили, распустив крылья парусов, большие высокие корабли, прощально опоясываясь дымом залпов.

К Морошко, который был не Морошко, подошел человек в синем кафтане, пересеченном от плеча к бедру трехцветной лентой. Морошко никогда не видел его, но непонятно узнал и вспомнил, что его имя — Гаспарен.

Человек в кафтане поклонился и сказал не по-русски, но вполне понятно для Морошко:

— Гражданин генерал, республика не забудет твоей услуги!

Морошко хотел ответить, но с испугом почувствовал, что не может припомнить ни слова на том языке, на котором следовало отвечать. Тогда Гаспарен нахмурился и толкнул Морошко...

— Товарищ старший лейтенант, — говорил Ланцов, подталкивая командира под локоть, — просыпайтесь! Уже боны прошли!

Морошко вскочил, протирая глаза:

— Приснится же такое! Тьфу!

И он плюнул за борт.

* * *

Катера стали стайкой у родного пирса. С высоты мостика Морошко оглядел выстроенную на палубе команду. На этот раз мотористы не вешали голов, а весело и открыто смотрели в глаза командиру.

— Хорошо, — сказал старший лейтенант. — Констатирую факт, что в протекшей операции корабль и люди полностью ликвидировали отставание. Таким кораблем приятно командовать. И на нем я считаю за честь служить!

По лицам краснофлотцев прошла одинаковая, чуть лукавая улыбка.

— Мы честно сделали свое маленькое дело. Спасибо за службу! — повысил голос Морошко, чувствуя наперед, что ответ будет дружным и громким, как всегда после удачи. — Разойтись! Начать большую при- борку!

Он сошел с мостика и спустился в каюту. Нужно было сбросить боевое платье и переодеться для явки в штаб. И еще снять со щек выросшую за трое беспокойных суток щетину.

Он уже протирает одеколоном гладкую кожу, щурясь от приятного холодка и пощипывания, когда его окликнули сверху. Он высунулся из каюты и увидел наверху над вырезом люка командиров 1014-го и 1017-го, тоже бритых, веселых и оживленных.

— Мы готовы, товарищ старший лейтенант.

— Вылезаю, — ответил Морошко, натягивая шинель.

Он вышел на палубу подтянутый, свежий, здоровый.

— Хорош! — сказал Артемьев. — Картинка! Настоящий Бонапарт!

— Ты брось! — ответил Морошко. — Шутке место в компании, и всему свое время. Тронулись!

Артемьев смутился от неожиданно сухого тона командира звена. А Пущин смотрел на Морошко с выражением явного удивления, которое не осталось незамеченным для старшего лейтенанта.

— Что ты так меня разглядываешь? — спросил он. — Не надоел еще?

— Знаешь, — сказал Пущин, — какой-то ты не тот.

— А именно?

— Не пойму, но не тот. Совсем другой, чем вчера.

— Вырос на год точно! Вчера было двадцать семь, а сегодня уже двадцать восемь.

Пущин пожал плечами.

— Нет! — сказал он убежденно. — Гораздо больше, чем на год. Так, лет на пять.

— Ладно, — усмехнулся Морошко. — Еще скажи — на пятьдесят. Пошли, хлопцы, контр-адмирал ждет. А вечером обязательно жду на треску. Сегодня по-настоящему буду справлять день рождения.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

МОРСКИЕ ОРЛЫ

Морскими орлами зовут нас недаром,
Носить это звание — высокая честь.
Враги узнают нас по нашим ударам,
Крепка наша хватка, страшна наша месть.

Взмывают могучие крылья,
И каждый на подвиг готов.
В атаку идет эскадрилья
Бесстрашных полярных орлов.

Под северным небом рокочут моторы,
Морские орлы защищают в бою
Полярные скалы, родные просторы,
Суровое море и землю свою.

Орел над орлами, бесстрашный Сафонов
Немало орлят молодых воспитал.
Обломки кровавых фашистских драконов,
Как черная падаль, лежат между скал.

Следы нашей смелой орлиной работы
О наших делах рассказать бы могли —
Сгоревшие склады, разбитые дзоты,
Ушедшие к рыбам на дно корабли.

Сжигай палачей, наше грозное пламя,
Будуй над врагами, смертельный пожар!
Недаром зовут нас морскими орлами —
Смелее в атаку, точнее удар!

ИЛЬЯ САМОЙЛОВ

СГИБНЕВ

Я увидел Сгибнева впервые летним днем в Заполярье. Его фотографировали у самолета. Он был в летном кожаном шлеме и улыбался застенчиво, — не привык еще к славе. Когда он снял шлем и отстегнул ремни парашюта, я разглядел как следует его лицо.

Ему двадцать два года; он похож на очень молодого инженера. Взгляд живой, углы губ чуть опущены от привычки напрягать мускулы лица, вглядываясь в небо. Чтобы объяснить, каков он в воздухе, летчики говорят о нем — не замечая этого — словами, которые читаются, как буквы на матросских ленточках: стремительный, неукротимый, беспощадный.

Сгибнев сказал мне в тот день:

— Я знаю, что можно воевать, быть храбрым. Но это не все. А теперь сердце ожесточилось.

Ненависть к врагу для него больше, чем чувство, он оценил ее как истребитель. И сказал, как будто не о себе:

— Побеждает тот, у кого крепче нервы. Значит — дело в характере!

Двадцатидвухлетний капитан Сгибнев был назначен командиром гвардейского авиаполка. Это не удивило знавших его.

* * *

В первом же бою на Севере Сгибнев сбил «Мессершмитт-109».

— Мне везет на «стодевярых», — сказал он.

Через полгода у него на счету было одиннадцать сбитых за Полярным кругом вражеских самолетов.

Аэродром лежал в горах, облака медленно плыли в широком небе. Вдалеке виден был голубой полярный залив; очень заметные издали на пустынных сопках качались под ветром северные фиолетовые цветы; их отлично видно с воздуха, когда самолет идет на посадку.

— Пейзажем любуетесь? — сказал Сгибнев. Его удивило, когда он на секунду заметил, как прекрасен этот летний заполярный день. Я подумал, что все пять чувств его служат сейчас ненависти к врагу, и — ошибся.

Мы вошли в палатку летчиков. Это большая палатка — снаружи в цветных пятнах и разводах, раскрашенная так, чтобы ее нельзя было отличить с воздуха от сопок. Внутри палатки стояли койки и длинный стол. На стол накрывала Маша, очень молодая девушка. «С 1924 года рождения», — сообщила она. Маша была в сарафане, в пестром ситцевом платочке. «Она у нас камуфлированная, под весенний лужок», — сказал молодой, веселый летчик. С ней разговаривали шутливо, как с младшей сестренкой. Сгибнев спросил: «Маша, кто ж тебе больше нравится из летчиков?» Она очень смутилась и сказала, что для нее все одинаковые.

В палатке сразу было видно, как внимательно Сгибнев относится к товарищам. За столом Сгибнев был старшим и сразу замечал, если кто-нибудь из летчиков мало ел или скучал.

Хусин Абишев, ногаец, был болен и молчал.

— Чего скучаешь, Хусин? — спросил Сгибнев.

— Пока я здесь болею, боюсь, погода испортится, фашисты летать перестанут. Кого я буду сбивать? У некоторых уже семь, у меня — четыре.

— Ты не унывай, Хусин, будут еще летать, у тебя тоже будет семь сбитых.

12 мая 1942 года наши истребители встретили четыре «Ме-109-Ф».

— Мы эту новую модель впервые видели, — сказал Сгибнев, — фашисты хвастались ею. Очень интересно! Мы пошли в атаку.

Ведущий «мессер» быстро промелькнул у Сгибнева в прицеле, а по ведомому он дал очередь. «Ме-109-Ф» вспыхнул сразу и упал. Потом, когда этот бой разбирали, Карп Лопатин сказал Сгибневу: «Вот если б мне так драться, чтоб первой очередью зажечь фашиста!»

Лопатин, которому хотелось драться как Сгибнев, уже через шестнадцать дней показал, на что он способен в бою. Фашист, на которого шел Карп, хотел принять лобовую атаку. Лопатин шел на него. И когда «мессер» в последний момент не выдержал, стал отворачивать, чтоб уйти, Лопатин пошел на таран: он ударил врага плоскостью и погиб вместе с ним как герой. Это был бесстрашный человек...

В день гибели Лопатина Сгибнев прилетел на аэродром, где в тренировочном отряде служил брат Карпа — Иван.

Иван подошел к Сгибневу и спросил:

— Вы тот самый Сгибнев, командир моего брата?

Иван Лопатин уже знал, что его брат погиб в бою, что дрался он рядом со Сгибневым. И он попросил принять его в эскадрилью на место брата.

Сгибнев познакомил меня с ним, сказав: «Брат героя». Это очень скромный, черноглазый человек. Он сидел в палатке, облокотившись

о стол, — в стеганой ватной куртке, коротко остриженный; в его глазах видна постоянная внутренняя дума.

* * *

Сгибнев долго не получал писем ни от матери, ни от отца, ни от брата. Отец Сгибнева пошел на фронт защищать Ленинград. Брат Николай тоже пошел в народное ополчение, танкистом.

Когда в эфир шли передачи о летчиках, Сгибнев обратился с письмом по радио к родным и друзьям, чтобы узнать, что с ними.

В ответ Сгибнев получил двести пятьдесят писем.

Ему писали пионеры — они называли его в письмах «дорогой дядя Сгибнев»; писали Сгибневу, как пишут сыну, старые рабочие. Старик партизан написал: «Вижу, что наше дело защищают уже внуки, не только сыновья». Он писал, что рад этому. Сгибнев мог бы быть его внуком, и он желает ему всего доброго, чего можно пожелать на войне.

Сгибневу Мария Фролкова написала от себя и от своих подруг: «Услышав по радио ваше письмо, обращенное к друзьям, мы, горя желанием попасть в круг ваших друзей, решили написать вам письмо. Мы очень рады за ваши подвиги на фронте и что вы заменили моего брата, который погиб во время воздушного боя».

Получил Сгибнев еще такое письмо: «Товарищ Сгибнев, может быть, я ошибусь, но мне кажется, что вы тот самый Петька Сгибнев, с которым я училась в семилетке в 195-й школе в Ленинграде, и мы были, кажется, друзьями...»

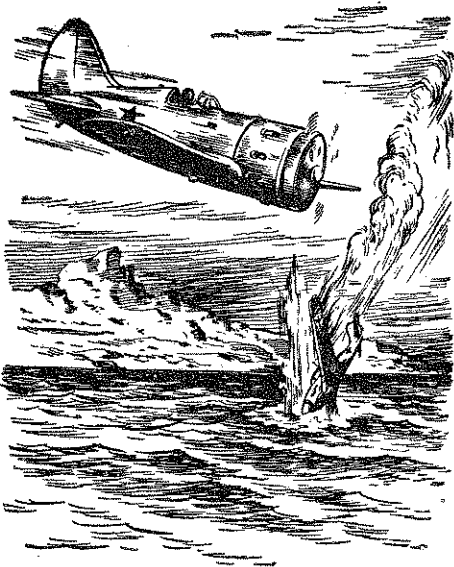
Да, тот самый...

Через несколько месяцев Сгибнев получил письмо от девушки, с которой он дружил, о том, что его брат Коля убит в бою под Кингисепом — ему было девятнадцать лет.

От отца писем не было.

— Погиб... — сказал Сгибнев.

Его мать, сестра и младший брат Боря остались в Ленинграде. «Что с ними случилось, я узнал только недавно», — сказал Сгибнев. Я взглянул на него и подумал, что углы его губ чуть опущены не только от привычки напрягать лицевые мускулы в полете. Его улыбка выражает горечь пережитого и раз навсегда принятое решение.

Мне посоветовали спросить у Сгибнева, как он недавно опробовал мотор после ремонта.

Он рассказал:

— Вылетел опробовать мотор после ремонта. И минут двадцать испытывал машину — на всех режимах. Вдруг, смотрю, поднимаются наши самолеты и идут на Мурманск. Думаю, будет кой-какая работенка. И я — туда!

Над Мурманском кружились «юнкерсы».

Сгибнев выбрал бомбардировщик, который уже пикировал, чтобы сбросить бомбы. «Юнкерс» вышел из пики, когда заметил машину Сгибнева.

Сгибнев застрочил по нему — сначала убил стрелка, потом атаковал сверху и сбил «юнкерс» двумя очередями.

Горячее у него почти кончилось. Сгибнев сделал глубокую спираль, вышел из боя, посадил машину на аэродром и доложил:

— Самолет испытан, облетан, все в порядке!

Через несколько дней — это было летом 1942 года — я шел со Сгибневым по улицам Мурманска. Мы вышли на пустынное место: улица была, но домов на ней не было — они сгорели. Раньше здесь стояли деревянные дома, — остались печи. Они торчали редко, как кладбищенские памятники. Но на площади лежал сбитый «юнкерс», и мурманская школьница училась ездить на велосипеде, описывая круги вокруг разбитого фашистского бомбардировщика.

В планшете Сгибнева под прозрачным целлулоидом, поперек коричнево-голубой карты гор и моря, над которыми Сгибнев истребляет фашистские самолеты, лежала узкая, сложенная в несколько раз телеграмма. Сгибнев носит ее в планшете всегда, она с ним в бою.

Он дал мне прочесть эту телеграмму.

Вот что написано в ней на сером телеграфном бланке: «Сгибневу. Из Ленинграда. Шура, Боря умерли. Квартира разорена. Подробности письмом».

Это телеграмма о смерти сестры Сгибнева — Шуры, которой было семнадцать лет, и младшего брата Бори — ему было тринадцать лет. Подробности пришли письмом. Сгибневы жили в ленинградском пятиэтажном доме. Фашистские бомбардировщики разрушили там, в приморском районе, целый квартал.

Ленинград снился Сгибневу в летной землянке, ему снился первый полет: по ленинградским проспектам бежали маленькие красные трамваи, — с самолета все казалось игрушечным. Потом он увидел вокруг города часто поставленные, тоже как будто игрушечные, памятники и кресты. Но игрушечных кладбищ не бывает.

Когда Сгибнев увидел Ленинград на экране кино, он увидел его таким, каким никогда не воображал раньше. Осажденный гитлеровцами Ленинград проплывал перед ним на экране. Темные дома стояли оледенелые. Трамваи не шли. Асфальт проспектов и гранит набережной были

облиты льдом. Дом без четвертой стены открывался на темную улицу, как сцена театра.

Огненные облачка вылетали из зенитных орудий, стоящих вокруг Исаакия. Но заводы работали. Громадный танк двигался под крышей необозримого цеха. По льду Ладожского озера шли грузовики с продовольствием для Ленинграда. Когда началась весна, они все еще шли этой ледовой дорогой до последнего часа, по колеса в воде. Потом по вскрывшейся Неве поплыли, поворачиваясь на полой воде, деревянные кресты с размытых немецких могил. Ленинград стал крепостью, — подступы к нему оказались необозримым кладбищем для фашистов.

* * *

В деревянном большом двухэтажном клубе летчиков горело электричество. Было очень светло в нем этой полярной ночью.

Ребристые батареи центрального отопления нагрелись — дальше некуда — у бревенчатых стен. В зале шли танцы. На стене висел портрет Сгибнева, написанный маслом. На портрете он был почти некрасив. Сам он, рядом с портретом, был такой, какой есть: очень привлекательный, с точным, быстрым взглядом и живой, понимающей улыбкой. Сегодня он был весел и танцевал.

Потом вместе с товарищами он, в ожидании торжественной части, пошел вверх в пустую сейчас библиотеку: там под гитару летчики и девушки пели волжские песни.

Раздался звонок, летчики пошли в зал. На столе, покрытом красным сукном и ярко освещенном, лежали красные футляры с орденами. Командующий Северным флотом вручал ордена летчикам-североморцам.

Футляр с «Золотой Звездой» Героя Советского Союза лежал отдельно. На нем, открытый уже, сиял орден Ленина.

Первым к столу подошел Сгибнев. Командующий флотом вручил ему орден Ленина и «Золотую Звезду» и поздравил его.

Сгибнев ответил коротко: «От лица своего и моих товарищей клянусь драться так, чтобы эта полярная зима стала для фашистов, которые пришли на Север, последней зимой».

Сгибнев уже много месяцев думал, что его отец убит; он не мог свыкнуться с этим, иногда он видел его во сне живым, но чаще — неживым.

Сегодня я впервые увидел Сгибнева радостным — оказалось, что отец жив.

Письмо пришло из Ярославля. Отец лежал там в госпитале, он был ранен на Ленинградском фронте. О том, что Петр теперь дерется на Севере, он не знал до последних дней.

Теперь имя Сгибнева прославилось, и отец прочел о судьбе сына в газете, потом увидел его фотографию в «Огоньке». Когда он читал газету, сразу пришлось испытать радость за сына и горе — в газете была напечатана телеграмма, которую Петр Сгибнев показал мне на заполяр-

ном аэродроме: Георгий Павлович узнал о судьбе семьи. Он написал сыну на Север.

Я спросил Сгибнева, какие у него отношения с отцом. Он сказал: «Про это не разговаривали. Мать — другое дело — скажет, а отец — чувствуешь, что он любит тебя, и я — его. Но не говорили об этом. А теперь отец написал: «Петр, я горжусь сыном. Поздравляю тебя. Отомсти за мои раны, за сестру, за братьев. Бей проклятых фашистов!» Вот как написал старик.

ТОРПЕДОНОСЕЦ

Небо светлело, далеко плыли уже освещенные облака. Аэродром лежал огромный, как поле исторической битвы. Летчики эскадрильи торпедоносцев шли к своим самолетам в обход, по большому кругу.

Торпедоносцы стояли на освещенном снегу: они напоминали издали стальных стрекоз с длинным и тонким телом. Под брюхом каждого аэроплана блестела синим лаком торпеда.

У крайней машины стоял в унтах и в комбинезоне, переминаясь с ноги на ногу, летчик; запоминались его сине-зеленые глаза под темными бровями на докрасна обветренном лице.

Ветер дул, разгоняя облака. Чехлы лежали на снегу у самолетов; тень торпедоносцев казалась прозрачной — вот-вот ее сдует ветром.

Капитан Василий Киселев — командир эскадрильи торпедоносцев — пришел проводить товарищей. Сегодня летел не он. Сейчас он молчаливо слушал, как старший командир объяснял летчикам задачу.

— Пойдете бережком, — сказал старший командир, как будто речь шла о бережке родимой речки, а не о гранитных берегах Северной Норвегии. В том, как он говорил и как летчики слушали его, была серьезность и душевная прямота русского рабочего человека. Летчики слушали его внимательно, все понимая. Когда он замолчал, они только сказали:

— Ну, это ясно.

Они улыбнулись серьезно, попрощались кто взглядом, кто кивком головы: — счастливо! — и пошли к машинам.

Летчик, похожий на боксера, протер еще, высунувшись из кабины, стекло самолета, чтоб лучше было видно, — как протирает стекло жока-тый трамвай.

Стрелок-сержант сел у пулемета и взглянул из окошечка на прощанье, морща нос от ветра. Лицо его, совсем юношеское, мелькнуло еще раз. Он посмотрел дружелюбно, потом глаза его стали серьезными: он попрощался и забыл все на свете: машина еще не оторвалась, а он был уже в боевом полете.

Когда моторы заработали и торпедоносцы пошли на взлет, буря поднялся за ними, ветер, летевший от пропеллеров, сбивал с ног тех, кто остался на земле, снежная пыль ударяла в лицо, запорошив глаза. Торпедоносцы оторвались и ушли в небо.

— Торпедоносец идет с открытым забралом, — сказал капитан Киселев, — он должен бить прямо набело!

Киселев — человек в полку авторитетный: он потопил не один фашистский транспорт прежде, чем стал Героем Советского Союза.

— Тут надо все соображать и так держать себя в руках, чтобы не дрогнуть. Когда трассы бьют кругом самолета, так что треск идет, подбрасывает, а выдержать надо. Три-четыре секунды решают, — сказал Киселев. — И летчиков воспитываешь так, как сам себя воспитываешь.

Улыбка у Киселева упрямая, жест объясняющий, а глаза моряцкие.

— Пошел в атаку — забудь о гибели! Если у летчика будет мысль, что он не вернется, он что-нибудь упустит и его собьют.

В землянке при свете фонарика Киселев рассказал мне, как у него возникла мысль, которую он осуществил, став летчиком-торпедоносцем.

Он взял со стола журнал «Агитатор», на обложке которого, даже при свете ручного фонарика, виден был бело-голубой Военно-морской флаг, и прочитал несколько строчек из статьи, которую он, видно, любил: «Что значит «Потоплен транспорт в десять тысяч тонн?»

«Если поставить такой транспорт вертикально, носом вверх, то окажется, что он выше Исаакиевского собора в Ленинграде... Будучи поставленным на киль на Арбатской улице в Москве, транспорт в десять тысяч тонн займет своим корпусом всю ширину ее, так что по панелям едва можно будет пройти у самых домов...»

— Это стоящее дело — потопить такой транспорт, — сказал Киселев, — сразу топишь тысячу или две тысячи фашистов, смотря какой транспорт.

Раньше, когда Киселев летал на морском бомбардировщике, он потопил вражескую подводную лодку в Баренцовом море. Но ему захотелось стать торпедоносцем. Когда он сопровождал конвой, шедший из Атлантики в Мурманск, он видел, как немецкие торпедоносцы атаковали суда конвоя, шли сквозь огонь и, сбросив торпеды, перепрыгивали через атакованный корабль.

— Что ж, фашисты-торпедоносцы активничают, меня это заело, — сказал Киселев, — мы что-нибудь исполним против них не хуже, а по-сильней!

Такого случая, чтобы торпедоносцы парой прорвались в базу противника и там, у него дома, потопили корабль — этого до сих пор еще не было.

— Едва ли гитлеровцы могли подумать, что такие охотники найдутся. Но нашлись такие, — сказал Киселев.

Он думал сначала, что его замысел удастся, если вылететь лунной ночью, а выполнил он его в сумеречном свете зимнего полярного полдня. И напрасно друзья качали головой и говорили: «Ты пойдешь и не вернешься: там, во-первых, скалы и много зенитного огня: войти ты, может быть, войдешь, а не выйдешь».

Киселев пошел, потопил и вернулся.

На другой день как раз праздновали день его рождения, и Трунов провозгласил тост. Он сказал Киселеву: «О чем ты мечтал целый год и мысль держал все время, то вчера выполнил!»

Эта атака запомнилась Киселеву, и он рассказал о ней подробно.

Воздушная разведка утром донесла, что у входа во вражескую военно-морскую базу замечен караван.

Киселев изучил эту базу заранее и знал, как сильно она защищена огнем вражеских береговых батарей. Но он решил прорваться в нее и попросил разрешения вылететь. Ведомый торпедоносец шел за ним.

Незамерзающий залив, отсвечивая, плыл под самолетами. Гранитные берега были покрыты снегом не всюду: с вершин сопков его сдували ветры, и сопки были черно-белые. На Баренцовом море появились белые барашки. Туча закрывала полгоризонта, и торпедоносцы шли незамеченными; они прошли гранитный полуостров Рыбачий, пробились к вражескому фиорду — и оказались на светлой стороне горизонта.

Когда Киселев увидел под собой вражескую базу, он различил на внешнем рейде целый караван: четыре транспорта, четыре сторожевика и вражеский эсминец.

Среди летчиков давно уже был разговор о том, что немцы могут выставить на внешнем рейде ложный караван: не транспорты, а плоскодонные макеты, под которыми торпеды пройдут вхолостую, а настоящий караван спрячут глубже в фиорде, под скалами. Когда Киселев увидел на рейде вражеский караван, трудно было решить: идут или стоят эти суда, но караван этот был настоящий.

Киселев отвернул, чтобы выйти в атаку с неосвещенной стороны горизонта. Он зашел с норда. И увидел на берегу три световые вспышки: вражеский берег заметил прорвавшиеся самолеты и сигнализировал транспортам, стоявшим на рейде.

Но торпедоносцы были уже в атаке.

Сторожевые корабли, чтобы сбить их, открыли зенитный огонь: белые, синие и красные трассирующие пули шли на самолет Киселева.

— Ну что ж, их больше, нас меньше! Значит, можно выбрать какую хочешь цель, — сказал Киселев и повел самолет сквозь огонь, чтобы сбросить торпеды низко, над самым морем, и отвернуть потом, почти у борта вражеского транспорта.

Киселев сам удивлялся, как может самолет идти сквозь такой огонь. Он знал, что если зажигательная пуля попадет в баки, машина вспыхнет, но не отворачивал. Ведомый торпедоносец шел за ним.

В бой неожиданно вступила вражеская береговая артиллерия крупного калибра. Снаряды били по воде, чтобы торпедоносцы, идущие над самым морем, с лета ударились о водные столбы, вздымавшиеся от снарядов, и — распались.

Фиорд очень красив, но любоваться сейчас было некогда, — самолет подбрасывало от разрывов: он вздрагивал. Киселев выдерживал

характер. Он подумал: «Если до сих пор нас не сбили, теперь мы будем вас топить!»

Торпедоносцы снизились и шли так низко над морем, что с фашистских транспортов стали видны уже опознавательные знаки на крыльях торпедоносцев, и Киселев увидел, как гитлеровцы стали прыгать с палубы за борт. Стрелки Берденников и Жучков ударили по транспорту из пулеметов. Киселев нажал кнопку и сбросил торпеду.

Она зарылась носом в воду, потом показалась в волне и пошла, оставляя белый бурун.

В те три-четыре секунды, в которые снова решалась жизнь и смерть экипажа, капитан Киселев тоже не потерял самообладания. Он выводил самолет из-под огня.

— Торпеда идет хорошо, своим курсом, — доложил штурман Покало. Она ударила в борт вражеского транспорта. Столбы воды поднялись выше берега. А берег там высокий, гранитный. И стрелки обрадованно, оба сразу, закричали: «Есть! Есть!»

Когда Киселев вышел из зоны огня, экипаж доложил, что ведомый торпедировал второй вражеский транспорт и что этот транспорт тонет, но ведомый почему-то от него не отвернул.

... — Вот тут-то у меня и защемило, — сказал Киселев, — видно, мой ведомый был ранен, когда он шел в атаку на транспорт и все-таки не отвернул.

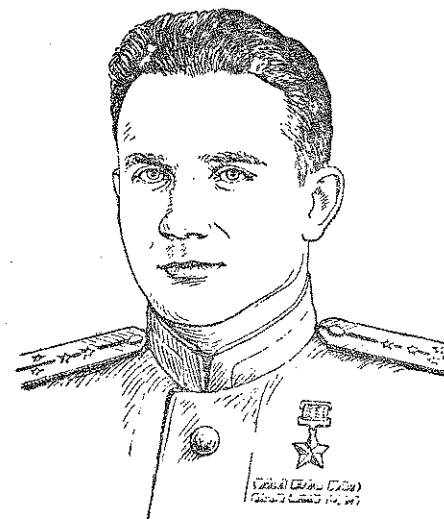
Удар был нанесен: два фашистских транспорта потоплены. И Киселев должен был уйти от преследования врага.

* * *

Капитан Киселев работал раньше слесарем в Ленинграде на заводе имени Ленина.

— Это бывший Невский судостроительный завод, — сказал Киселев, — на нем был построен крейсер «Изумруд», который участвовал в Цусимском бою.

Киселев вспомнил и рассказал, что командир этого крейсера барон Ферзен в бою сражался хорошо и вырвался из кольца вражеской эскадры, но потом, чем дальше уходил «Изумруд» от опасности, тем больше нервничал барон Ферзен: ему все мерещилось, что за ним го-

Герой Советского Союза
капитан Василий Николаевич Киселев

няться и сейчас достигнут. Он с перепугу посадил корабль на камни, а потом сам взорвал его.

Киселев не прощал Ферзена, хотя случай этот произошел за пять лет до того, как Киселев родился, и Киселев читал о Цусиме только в книге. Он чувствовал, что этот давно умерший офицер запятнал честь командира корабля. Думая о себе, Киселев считал, что отвечает не только перед товарищами и всем народом, но и перед теми, кто будет жить и воевать за Россию после него, тогда, когда Киселева уже не будет.

Он рассказал о гибели «Изумруда», чтобы объяснить, как важно выдержать характер после того, когда торпеда сброшена, транспорт врага потоплен и надо выйти из атаки и довести торпедоносец домой.

Ухсидил Киселев на бреющем, невидимый на темном фоне моря... Из-за облаков вырвался «мессершмитт». Стрелок Жучков нацелился, провел пулеметом по плоскостям и по фюзеляжу «мессершмитта» и крикнул: «Можно стрелять?» — но командир не разрешил открыть огонь, он знал, что «мессершмитт» не видит торпедоносца, идущего над самым морем. Киселев снова выдержал характер: он приближался к нашим берегам. Штурман все время предупреждал Киселева:

— Осторожно, не врежься в сопки! — вершины были закрыты облаками, шел снег.

Короткий сумеречный день кончался. Аэродром, как замерзшее горное озеро, еще отблескивал укатанным снегом. Киселев бросил машину через лесок и повел ее на посадку. На летном поле в этот час сменяют посадочный знак из черной ткани на другой, деревянный, усеянный электрическими лампочками, — с воздуха он напоминает орден, унизанный бриллиантами.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЯЕВ

ГЕРОИ ДАЛЬНИХ ТРАСС

Когда рассвет идет на смену ночи,
Играя в небе россыпями звезд,
У мшистой сопки весело рокочет
Заданье выполнивший бомбовоз.

Размахом крыльев, песнею моторов,
Окраской цвета синевы морской,
Он дорог нам — товарищ наш проворный,
Сработанный заботливой рукой.

И из его вместительной кабины,
Вдоль трапа торжествующе скользя,
Овеянные запахом бензина,
Спускаются отважные друзья.

Исполнено нелегкое задание:
Обрушен бомб карающий металл
На сумрачные вражеские зданья,
На самолеты, скрытые у скал.

День засиял и ветры зашумели,
Приветствуя героев дальних трасс,
Чья смелость у полярных параллелей
Заслуженно прославилась меж нас.

Наступит ночь — и вновь стальную птицу
Герои на бомбежку поведут.
И каждой бомбой, вспыхнувшей зарницей,
Они победу Родины куют.

С. ВАРШАВСКИЙ и Б. РЕСТ

ТАК ДЕРЖАТЫ!

1. ЛЮДИ ОДНОГО ЭКИПАЖА

есть часов утра. Знакомый голос московского диктора раздается во всех концах аэродрома. Голос диктора, передающего утреннее сообщение, врывается и в тишину летного общежития, где отдыхают капитан Киселев и его боевые друзья. Еще не вполне пробудившиеся люди прислушиваются к этому голосу, стараясь сквозь неотогнанный сон до конца понять точный смысл «Последнего часа», запомнить названия городов, станций и населенных пунктов, не спутать число захваченных самолетов с числом уничтоженных танков...

— Вот это да! — говорит капитан Киселев, решительно подымаясь с койки. — Люди воюют...

В словах капитана — нескрываемая досада. Забыты недавние дальние бомбардировочные рейды, зарева над вражескими базами и аэродромами, смелые налеты на фашистские тылы, в которых ему выпало счастье участвовать. Одно ясно капитану Киселеву: вот уж несколько дней, как метеоусловия мешают действиям наших торпедоносцев. А как хорошо было бы именно сейчас нанести крепкий торпедный удар по кораблям противника здесь, на правом фланге фронта!

С утра Киселев заступал на дежурство. Прежде чем спуститься по трапу в землянку, он еще раз оглядел небо. Он знал, что, по данным разведки, в районе одного из фиордов Баренцова моря, в продолговатом и узком заливе, глубоко врезающемся в гористый рельеф Северной Норвегии, проходят караваны противника. Отличная цель! Но продержитесь еще денек сплошной туман — и рыбка непременно уйдет...

Капитан оглядел небо и по признакам, приметным только североморскому летчику, определил, что, может быть, сегодня выдастся, наконец, боевой день.

Спускаясь в землянку, Киселев вопросительно, чуть приподняв брови, взглядывает в сторону штурмана: не было ли каких приказаний.

Но штурман старший лейтенант Михаил Покало спокойно сидит на диване и, сложив огромную карту по замысловатым сгибам, укладывает ее в планшет — под прозрачный целлулоид. Тут же, за столиком, азартно сражаются в шашки стрелок-радист старшина Берденников и стрелок сержант Жучков. И командир садится на диван рядом со штурманом...

Киселев гордится своим экипажем. Штурман — один из старейших североморских авиаторов, в прошлом стрелок-радист. К сложному штурманскому делу он подготовился сам: в один прекрасный день сдал экзамен и пересел из люка радиста в штурманскую кабину. Серьезный, грамотный, настойчивый командир.

Северянин Иван Берденников считался лучшим связистом в соединении. Ленинградец Жучков, земляк капитана, слыл в части «красной девицей»: он не курил, отказывался от положенных ста граммов, не ухаживал за девушками. Единственной страстью сержанта Жучкова была стрельба. Действительно, он был отличным стрелком!

Словом, экипаж подобрался на славу, и капитан Киселев был уверен, что с ним он выполнит любое задание. Получить бы только задание, достойное такого экипажа!

Как раз в тот самый момент, когда штурман вложил карту в планшет, а шашка Жучкова прошла в дамки, резко зазвонил телефон, соединяющий эскадрилью с командным пунктом части. Капитан Киселев взял трубку, выслушал задание и приказал запускать моторы.

2. СТАРТ

Все четверо — летчик, штурман, оба стрелка, — облаченные в мех и кожу, занимают места в боевой машине. Моторы ревут. Самолет нетерпеливо вздрагивает. Жучков уже возится у пулеметов, Берденников просматривает радиоаппаратуру, штурман оглядывает приборную доску для торпедирования, капитан Киселев проверяет управление — рули глубины, рули поворота, элероны. Каждый уверен, что всё в порядке, что старший техник лейтенант Андреев, как всегда, образцово подготовил самолет к ответственному полету, но в авиации действует мудрый закон: «Доверяй, но проверяй!»

Всё в порядке. Торпеду — на боевой взвод.

Капитан Киселев приказывает убрать колодки из-под колес. Затем он поднимает правую руку вверх, просит разрешения на выруливание. В путь-дорогу!

На старте за машиной капитана Киселева встает в правом пеленге второй торпедоносец. За его штурвалом — старший лейтенант Андрей Андреевич Баштырков, энергичный и волевой командир.

Киселев поднимает левую руку: он просит разрешения на вылет, и стартер сразу же взмахивает черным флажком, ясно видимым на белом снегу: вылет разрешен! Плавной подачей секторов газа вперед капитан переводит мотор с малых оборотов на большие и по мере нарастания скорости отдаёт штурвал от себя. Машина приподнимает хвост, колеса

отрываются от снежного покрова лётного поля и уже над вершинами сопок скрываются в глубине люков.

Голос Берденникова звучит в телефон:

— Ведомый пристроился до первого разворота!

Молодчина Баштырков! Можно не делать круга над аэродромом. Это — кстати: надо спешить к цели.

Два торпедоносца берут курс в Баренцево море.

3. НАД БАРЕНЦОВЫМ МОРЕМ

Внизу, в нескольких десятках метров, под плоскостями бушует вода, вздыбленная шестибалльным ветром. Сверху — в нескольких десятках метров над самолётами — нависли хмурые облака, одно огромное облако — от горизонта до горизонта, закрывшее всё небо от края земли до края моря. Два красноразветренных торпедоносца спешат к вражескому фиорду.

Штурман не перестает любоваться погодой. Будь сегодня задание иным — и «скучно» показалось бы лететь в этом узком коридоре, между штормующим морем и низко опустившимся над ним неприветливым небом. Но для торпедной атаки лучших условий заполярная метеорология создать не могла.

Транспорты, которые приказано потопить Киселёву и Баштыркову, продвигаются вдоль береговой черты с сильным охранением, — об этом лётчики были предупреждены ещё на аэродроме, когда получали задание. Следует быть готовым к мощному огневому противодействию кораблей и береговых батарей противника. Дело знакомое: экипаж уверен, что командир проведет машину сквозь любой огонь, а Жучков заранее рад пострелять по фашистским зенитчикам.

Вот и вражеские берега... Сперва чуть приметной узкой каймой вырисовываются они на горизонте впереди по курсу, едва различимые даже опытным глазом. Но район хорошо знаком Киселёву и его экипажу: не раз ходили североморские лётчики к этим берегам на ночное бомбометание, разведывали базы и караванные пути противника в сумрачных фиордах заполярных побережий. И сейчас они не то узнают, не то угадывают скалистые уступы Северной Норвегии. Где-то здесь, у этих берегов, крадется фашистский караван. Где-то здесь он должен быть достигнут и уничтожен...

Нелегко обнаружить с воздуха камуфлированные под фон берега корабли. Все участники полёта сторожко вглядываются в серую мглу заполярного январского дня. Чей глаз окажется зорче, кто первый нарушит напряжённую тишину взволнованным и радостным возгласом в микрофон: «Вижу цель!»

— Два корабля справа по борту! — слышит Киселёв голос сержанта Жучкова.

— Два? Только два?

— Да, вижу два транспорта, — подтверждает штурман.

Чёрные силуэты двух транспортов отчётливо выступили на белом экране заснеженного обрыва.

— Ладно, сейчас увидим и остальные.

Киселёв знает повадки фашистских караванов. Наученные горьким опытом, памятуя уроки, преподанные им североморцами, фашисты больше не рискуют отдаляться от берегов. Темные склоны скал, с которых яростные ветры сдули снежный покров, делают неприметными силуэты кораблей, и только тренированное зрение опытного лётчика-ночника позволяет капитану Киселёву различить третий транспорт, миноносец, сторожевики.

Цель обнаружена, надо идти в атаку.

4. ТОРПЕДНЫЙ УДАР

Капризна и изменчива погода в Заполярье! Глядишь — всё небо затянуто густой, непроницаемой облачностью, а пройдут двадцать — тридцать минут — разомкнутся строи туч и откроют голубой зенит. На что, казалось бы, все на маршруте благоприятствовало полёту, обеспечивая скрытность подхода к цели, на что всё складывалось удачно! Но именно теперь, когда караван был обнаружен и торпедоносцы собирались его атаковать, позади самолёта небо неожиданно просветлело, обе машины оказались в освещенной части моря, и противник легко мог их заметить.

— Командир, — предупреждает штурман, — будет жаркая работа. Только держись!

— Сам вижу...

Капитан Киселёв кладет торпедоносец на боевой курс. Самолёт Баштыркова становится с ним в линию фронта. На предельных скоростях торпедоносцы устремляются к каравану — каждый на избранную им цель.

— Увидели нас, проклятые!

Не более трех-четырёх километров отделяли машины от каравана, когда на берегу замигали жёлто-белые огни световой сигнализации. Посты предупреждали караван о надвигающейся на него угрозе. И тотчас же корабли направили жерла своих орудий и дула пулеметов в указанном им с берега направлении.

В хаосе чёрных разрывов и ослепительных трасс два торпедоносца идут вперед, не-

уклонно, как на ученье. Теперь только тысяча метров отделяет Киселева от застывшей в прицеле грузной громады корабля.

А орудия всё бьют и бьют...

Столбы воды встают перед прижавшимся к поверхности моря самолётом. Коварен расчёт врага: наткнись машина на эту заградительную водную завесу, поднятую из морской пучины снарядами береговых крупнокалиберных батарей, — и рассыплется в прах самолет, распадется на части, разрушится еще до того, как штурман нажмет кнопку сбрасывателя. Поглядим, чьи нервы крепче...

— С курса не схожу! Будем торпедировать!

Глаз точно определяет дистанцию: четыреста метров! В четырехстах метрах от транспорта Киселев и Покало, летчик и штурман, одновременно нажимают на кнопки сбрасывателя. В наушниках звучит хриплый от волнения голос штурмана:

— Торпеда отделилась! Отворачивайте!

Вряд ли приходилось капитану когда-либо на этой высоте класть машину в такой крутой разворот. Самолет становится почти вертикально на левое крыло, вода клокочет у консоли. Совсем рядом встает и опадает поднятый снарядами столб воды.

Положенную в левый разворот машину силой инерции продолжает тащить по кривой к транспорту, расстояние до которого исчисляется уже не в сотнях, а в десятках метров. Транспорт прекратил огонь; там заметили голубой след неумолимо приближающейся торпеды, и оцепеневшим от ужаса зенитчикам сейчас не до торпедоносцев.

— Фашисты попрыгали в воду! — кричит в микрофон Жучков. — Счастливо искупаться...

Некуда деться транспорту, настигаемому торпедой, но и торпедоносец зажат в огневое кольцо. Левый разворот был наиболее верным маневром при выходе из атаки, но три сторожевика конвоя идут строем клина, и проходящий над ними вплотную, на высоте двадцати — двадцати пяти метров, самолет неизбежно подставляет себя под огонь каждого из них поочередно.

Капитан Киселев услышал голос сержанта Жучкова. Всего два слова. Два слова, коротких, как выстрел:

— Баштырков задымил...

Но Жучкова сразу же перебивает Берденников:

— Вижу взрыв... Водяной столб у корабля!

5. ПОДВИГ БАШТЫРКОВА

Когда старший лейтенант Андрей Баштырков потопил фашистскую подводную лодку, командование Северного флота наградило его орденом Красной Звезды. Андрей Баштырков был отважен, он ненавидел врагов своей Родины, он был офицером советской авиации.

Однажды в кают-компании зашел разговор о погонах.

— Здорово это будет — погоны! — сказал Баштырков. — Золотые! Красиво!

— Известное дело — такому франту, как ты, погоны ещё больше красоты придадут, — рассмеялись товарищи.

Обычно острый на язык Баштырков, ко всеобщему удивлению, на этот раз отмолчался. Лишь потом, возвращаясь с Киселевым в общежитие, он возобновил разговор, прерванный за столом:

— Вот называют меня, Василий Николаевич, щеголем, — раздумчиво сказал он, — а что во мне, если рассудить, щегольского? Бреюсь каждый день? Сапоги у меня начищены? Складка на брюках? Пуговицы на кителе блестят? Все по форме, как положено. И погоны будут по форме, как всегда русские офицеры носили.

Киселев охотно поддержал разговор. В последнее время, в связи с изменением в форме армейской одежды, летчики не раз строили догадки о том, будет ли и на флоте введена новая форма, припомнили, какие погоны в свое время носили русские морские офицеры, перебирали в памяти подвиги сподвижников Ушакова и Сенявина, Нахимова и Макарова.

Похожим на них хотел быть и Баштырков.

— Если погибать, так погибать героем, — говаривал он. — С честью...

И в жестоком бою в глубине вражеского фиорда старший лейтенант Андрей Андреевич Баштырков не уронил чести офицера Красного Флота.

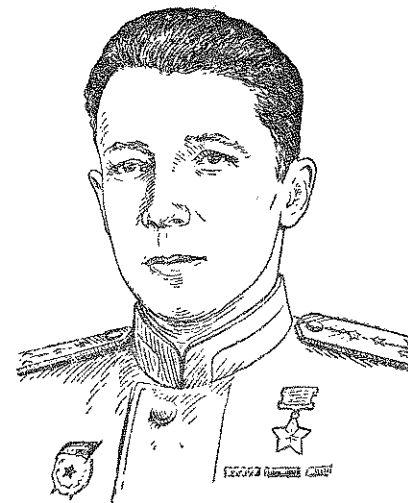
Обнаружив караван в глубине фиорда, у его берегов, неподалёку от вражеской базы, Баштырков стал в линию фронта с капитаном Киселевым.

Какую цель изберет себе капитан?

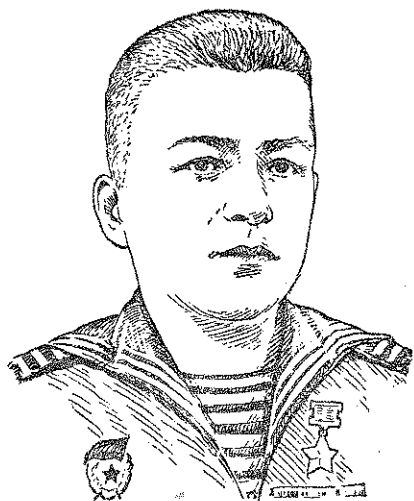
Конечно же! Баштырков так и знал! Капитан Киселев не преминул использовать свое право ведущего и пошел в атаку на транспорт, вокруг которого сосредоточены все корабли боевого охранения.

Какую цель изберет себе старший лейтенант Баштырков?

Легче всего атаковать меньший транспорт, идущий в отдалении от конвоя — огневое противодействие будет незначительным, а четыре — пять тысяч — тоже неплохой тоннаж. Большой транспорт шел вблизи охраны, под самыми берегами — идти на него куда более рискованно: непременно попадешь под жестокий огонь корабельной и береговой артиллерии, а когда Киселев будет выходить из атаки, весь огонь сосредоточится на одном тебе. Но разве не Баштырков постоянно утверждал,

Герой Советского Союза
Андрей Андреевич Баштырков

Герой Советского Союза сержант
Владимир Николаевич Гаврилов

что если избрать себе цель, то достойную, а на мелюзгу нечего тратить торпеду?

И старший лейтенант Баштырков повел свой самолет твердой и уверенной рукой на цель, достойную его торпеды.

Сколько снарядов, сколько бронебойных и зажигательных пуль просверлило воздух у плоскостей его самолета! Сколько выдержки и хладнокровия нужно было, чтобы не выпустить огнедышащую цель из прицела и ни на метр не отклониться от курса прежде, чем торпедоносец достигнет нужной дистанции и можно будет нажать кнопку сбрасывателя! Сколько нужно было героизма!

Сбрасыватель сработал точно. В четырехстах метрах от цели торпеда ринулась к высокому борту транспорта

и разворотила борт. Тысячи тонн военного груза втянула в себя гигантская воронка.

Героический экипаж самолета выполнил свой долг перед Родиной.

Никто не знает слов, которыми, как последним рукопожатием, обменялись разъединенные отсеками горящего самолета Баштырков и его славные соратники. Никто не знает, что сказал командир своему экипажу и что ответили ему стрелок-бомбардир Владимир Гаврилов, стрелок-радист Михаил Кузьмич и воздушный стрелок Николай Шпунтов. Но тот, кто сражался в одном строю с Андреем Баштырковым над студенными водами Баренцева моря, тот слышит эти слова сквозь грохот новых боев:

— Если погибать — то героем!

6. ТРЕТЬЯ ТОРПЕДА

На разных волнах работают радиостанции фашистских кораблей и советских самолетов, и разные тексты передают в эфир два радиста: радист с борта эсминца и радист с борта торпедоносца.

Истинно вопит фашистская рация:

— SOS!

Радиограмма Киселева, полученная на командном пункте части, немногословна.

Он сообщал об одержанной победе, о том, что два транспорта из трех потоплены...

Подполковник Ведмеденко отер платком лоб:

— Давайте вылет Громову... Задание — найти тот же караван, торпедировать третий транспорт...

С холма командного пункта взвилась ракета. Гвардии капитан Громов вырвался на старт.

Со времени вылета Киселева и Баштыркова погода резко изменилась. Сырой, морозящий туман стлался по земле. Видимость стала совсем ничтожной. Оторвавшись от земли, Громов положил машину в левый разворот и, не делая круга, экономя каждую минуту убывающего зимнего дня, взял курс в море.

На выходе из Кольского залива стрелок-радист гвардии старшина Бородин обратил внимание командира:

— Слева самолет!

Громов оглянулся и с трудом различил сливавшийся с водой торпедоносец. Наш!

Громов приказал стрелкам усилить наблюдение за воздухом, хотя был уверен, что в такую мерзкую погоду фашисты вряд ли решатся поднять истребителей на охрану своих коммуникаций.

— Есть, усилить наблюдение, — с охотой отзывается Бородин.

У гвардейца Бородина, как и у командира экипажа, — три боевых ордена. Он летает вместе с Громовым уже третий год. На счету стрелка лично сбитые им три фашистских самолета.

Но сегодня напрасно ходит голова Бородина «на все 360», и, может быть, то, что сейчас радует командира, огорчает меткого стрелка: он видит только беспросветную мглу над собой, море, похожее на гигантский пласт антрацита, а между тучами и морем гуляют грязно-серые смерчи снежных зарядов.

У берега капитан Громов увидел караван противника: впереди шел миноносец, за ним, окруженный сторожевиками, — транспорт. Густой дым валил из его трубы. Кочегары, видимо, шуровали всю, выжимая из машины предельные двенадцать — пятнадцать узлов. Караван спешил.

Порт близок! Но еще ближе, намного ближе советский торпедоносец.

Капитан Громов определяет расстояние до каравана и глядит на альтиметр: высота сто пятьдесят метров.

Надо незаметно для противника снизиться до бреющего полета и лечь на боевой курс! Снежный заряд проходит слева от самолета, и в его яростную крутоверть, как в дымовую завесу, вводит Громов свою машину.

Торпедоносец выходит из снежного заряда на необходимой для атаки высоте, на необходимой для атаки дистанции, имея перед собой вражеский транспорт.

— Довернуть на цель десять градусов вправо!

Красные, белые, оранжевые нити пулеметных очередей сплелись в густую заградительную сеть. Но штурман гвардии лейтенант Сидоровский уже нажал кнопку сбрасывателя.

— Торпеда пошла!

Третья советская торпеда прорезала в этот день воды фиорда. Транспорт пытается уйти, увильнуть от торпеды. Но неповоротливо тяжело груженное судно.

Поздно! Огромной силы толчок сотрясает корпус корабля. Кажется, его поднимает в воздух вместе с массой грохочущей воды...

Прежде чем лечь на обратный курс, Громов делает круг над фиордом.

Транспорт тонул... Вот уже погрузился в воду нос корабля. Потом под водой скрылся капитанский мостик. Высоко над волнами поднялась корма, обнажая окрашенную суриком подводную часть. Еще минута — и на поверхности моря осталось мутное пятно, обломки...

— Пошел на дно! — торжественно возвестил Бородин.

— Разрешите радировать, товарищ командир?

— Давай: задание выполнено.

— Заскучает сегодня фашистский адмирал: пришел конвой, а транспортов как не бывало, — усмехнулся штурман.

Герой Советского Союза
С. МАКАРЕВИЧ

УДАР ТОРПЕДОНОСЦЕВ

Советское Информбюро сообщило: «В Баренцовом море наша авиация потопила два немецких транспорта общим водоизмещением в 8000 тонн и сторожевой корабль противника. В воздушных боях сбито 6 немецких самолетов».

Поделюсь некоторыми подробностями этой операции. Утром мне позвонили и приказали явиться на командный пункт, чтобы получить задачу. Гвардии капитан Китов, гвардии старшие лейтенанты Зайцев и Пирогов выехали на аэродром вместе со своими экипажами. На аэродроме мотористы и техники готовили материальную часть к вылету, внимательно просматривали каждую деталь.

Получив задачу, необходимые сведения и ознакомившись с обстановкой, я собрал экипажи. Китов летел на торпедирование первый раз, Зайцев и Пирогов также имели не очень большой боевой опыт, поэтому я сознавал свою ответственность за успех всей операции.

— Задача серьезная и почетная, — сказал я своим боевым друзьям. — Будем верны нашей гвардейской традиции — возвращаться только с победой.

Подробно разъяснил обстановку, поставил задачу, договорившись обо всех сигналах и о том, что должен делать каждый в том или другом случае.

— По самолетам!

Тяжелые машины поднялись в воздух и легли на маршрут. Только отошли мы от аэродрома, я услышал сигнал с земли, предупреждающий, что противник поднял в воздух большую группу истребителей.

«Что ж, думаю, не возвращаться же из-за этих истребителей. Попробуем обмануть фашистов».

Мы спустились на минимальную высоту и изменили маршрут. Наши предположения оправдались: мы прошли незамеченными. Напрасно старались гитлеровцы. Они кружились, выжидали нас и остались в дураках, а мы в это время подходили к цели.

В том районе, который был нам указан, каравана мы не обнаружили. «В чем дело? Может быть, караван еще не успел достигнуть этого квадрата?» Мы пошли вперед. И действительно, через некоторое время увидели сначала дымки, а потом силуэты кораблей противника.

Решаю атаковать. Подал сигнал перестроиться в боевой порядок. Гвардии капитан Китов и гвардии старший лейтенант Зайцев перешли в левый пеленг. Сближаясь, мы отчетливо увидели караван противника в составе трех транспортов и семи кораблей охранения.

С каравана заметили нас, открыли зенитный огонь. Били и тяжелые береговые орудия, поднимая на нашем пути высокие водяные столбы. Делаем разворот и ложимся на боевой курс.

Огонь зенитных орудий усиливается. Весь воздух пронизан огненными трассами снарядов и пуль. Я на мгновение закрыл глаза: казалось, снаряды идут прямо в лицо. Осколками снарядов пробило бомболюки моей машины.

Смотрю на ведомых. Они идут в атаку в заданном порядке, живут одной мыслью, одним стремлением — поразить цель. Хоть и молодые торпедосцы, но учеба не прошла для них даром.

Подбит правый мотор машины гвардии капитана Китова. Длинный шлейф пламени тянется за самолетом. Огонь уже стал обнимать кабины экипажа, но отважный летчик с курса не свернул. Он избрал своей целью самый крупный головной транспорт и, проскочив через корабли охранения, в упор торпедировал его.

Гвардии старший лейтенант Зайцев с короткой дистанции атаковал сторожевой корабль. Мы, в паре с гвардии старшим лейтенантом Пироговым, торпедировали последний в караване, тоже крупный транспорт.

Когда наш самолет пронесся над атакованным транспортом, стрелок-радист гвардии старшина Вышинский обстрелял фашистов из пулемета.

После атаки транспортов мы развернулись и пошли на свой аэродром.

Н. ЛАНИН

ФЕДОР ВИДЯЕВ, СЕВЕРОМОРЕЦ

1

о деревянной лестнице, ведущей с гранитного берегового выступа к прилепившемуся у его подножия причалу, спускается группа морских офицеров. Они идут тесной кучкой, почти касаясь друг друга и окружив плотным полукольцом черных шинелей товарища в светлом меховом комбинезоне. Немного неуклюжий в этом костюме, слишком тяжелом для пешего хождения по суше, он грузно шагает со ступеньки на ступеньку. И все соразмеряют с его шагами свои, давая ему идти впереди.

Внизу, у причала, стоит подводная лодка, готовая к выходу в море. Экипаж уже на борту, ждут только командира. Это он и идет, сопровождаемый командирами всех подводных лодок, которые находятся сейчас в базе. Таков обычай, установившийся здесь с первых дней Великой Отечественной войны.

Так провожают тут в очередной поход героев, потопивших по десятку вражеских кораблей. И так же сами эти прославленные герои сопровождают до трапа молодого офицера, еще не открывшего боевой счет. Ни один командир, как бы ни был он занят или утомлен, не позволит себе пропустить час, когда его товарищ покидает базу. Уходящий в море ощущает всю силу и теплоту боевой дружбы, право на которую ко многим его обязывает.

Никто не напоминает ему об этом, никто не произносит громких фраз, торжественных речей. Дружеские напутствия облекаются в форму веселой шутки. Но уходящий в море знает: друзья ждут от него мужества и настойчивости в поиске и преследовании врага, ждут возвращения с победой. И вместе с друзьями ждет этого Родина.

Борьба на заполярных океанских путях, которые гитлеровцы пытаются использовать и для переброски к фронту подкреплений и для вывоза стратегического сырья, идет непрестанно. Но особое значение имеет каждый удар, наносимый здесь врагу, когда завязываются круп-

ные бои на главном театре войны — на сухопутном фронте. В дни битвы под Москвой, в дни исторического сражения под Сталинградом особый смысл приобретали проводы подводной лодки, выходящей на перехват фашистских рейдеров и конвоев в Баренцевом море. Еще теснее смыкались тогда ряды провожающих командира друзей, еще крепче были прощальные рукопожатия. И все это означало одно: теперь возвращаться без победы нельзя!

С таким же чувством выходят подводники в море и сейчас — в июле сорок третьего года. После грозного затишья на фронтах развернулась гигантская битва под Курском. О ней еще мало известно в Заполярье — сводки Совинформбюро лаконичны, кратки. Но главное ясно каждому — враг опять, в последний, должно быть, раз пытается наступать, бросив в бой крупные силы, и речь идет о неизмеримо большем, чем защита освобожденного недавно Курска. Снова настали дни, когда на любом участке фронта, на любом его морском фланге советские воины просыпаются с мыслью о тех, кто отражает сейчас главный вражеский удар и наносит удар в ответ. И у всех одно стремление: помочь, подержать!..

Трудно в эти дни подводникам атаковать врага в Заполярье. Круглые сутки сверкает под незаходящим солнцем матовая гладь заштилевшего моря. Издалека заметны белый буручик и волнистый след от поднятого на мгновение перископа. А вражеские дозорные катера и самолеты взад и вперед шныряют на пути фашистских конвоев, пробирающихся норвежскими фиордами к Петсамо и Киркенесу. Они идут с усиленным охранением — по шесть, по восемь, а то и больше легких военных кораблей на один транспорт. Трудно атаковать такую цель... Но разве там, под Курском, легко?

Тесной группой, ощущая товарищ товарища локтем, как в строю, спускаются на причал офицеры. Здесь те, кто вернулся из похода вчера, и те, кто уйдет завтра или послезавтра. Но о своем походе каждому еще будет время подумать. Сейчас мысли всех обращены к тому, кто уходит сегодня.

И, может быть, в этот раз особенно сильно бьются сердца у многих подводников, провожающих друга в бой, и особенной теплотой полны прощальные слова. Потому что сегодня в море уходит Федор Видяев.

2

Моряк познается в море, воин — в бою. Военный моряк — в бою на море.

Офицер, назначенный к Видяеву заместителем по политической части, любил впоследствии вспоминать, как он ошибся в своем командире, составив представление о нем по первым встречам на берегу, в далекой от боя обстановке. Скромный и молчаливый Видяев показался тогда своему заместителю слишком мягким, слишком тихим и мирным для человека, профессия которого — водить в бой подводный

корабль. Конечно, этот политработник слышал отзывы о Видяеве как о боевом командире. Но придавая большое значение личному впечатлению, он шел в первый поход без особой уверенности в успехе.

Все его сомнения раз и навсегда рассеяла одна минута, за которую он узнал до конца Видяева-воина, Видяева-командира.

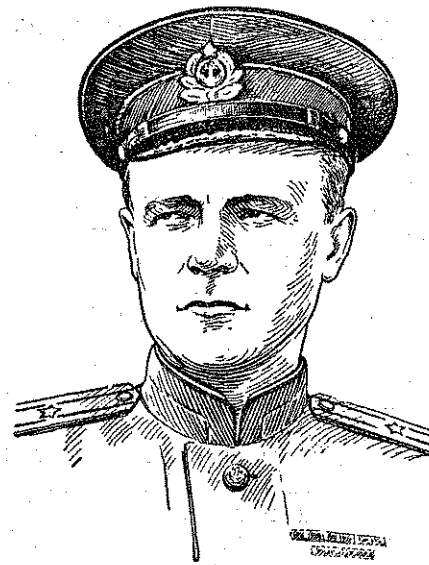
Это было уже после того, как подводная лодка, прорвав линию охранения, оказалась внутри походного строя вражеского конвоя. Командир уже выбрал цель — очень крупный военный транспорт — и произвел последние расчеты для атаки. До выпуска торпед оставалось несколько десятков секунд, когда прямо на лодку, только что приподнявшую перископ для проверки расчетов, внезапно повернул один из сопровождавших транспорт сторожевиков.

Видяев быстро убрал перископ, но с боевого курса не свернул. Акустик тревожно докладывал о приближающемся с огромной скоростью корабле, шум винтов которого стремительно нарастал. Расстояние между сторожевиком и лодкой сократилось до четырех кабельтовых, до трех, до двух... На лбу командира, стоящего в холодном центральном посту, выступили крупные капли пота. Помощник, механик, трюмный вопросительно смотрели на него, ожидая команды о срочном уходе на глубину.

Но Видяев скомандовал: «Аппараты...» И еще через несколько мгновений: «...пли!»

И как раз в паузу между этими двумя частями команды шум винтов сторожевика стал резко отклоняться в сторону. Не дойдя до лодки каких-нибудь две сотни метров, он отвернул. Теперь все в центральном посту поняли то, в чем с самого начала внутренне был убежден командир: сторожевик не обнаружил лодку, а лишь случайно повернул на нее, делая зигзаг.

Но не убежденность в этом была главным мотивом действий Видяева, ибо одно это еще не оправдывало риска. Главное заключалось в том, что сторожевик все равно уже не успел бы помешать подводной лодке всадить торпеды во вражеский транспорт. И ради того, чтобы потопить это огромное вражеское судно, имевшее на борту, судя по мощному охранению, ценнейший военный груз, ради победы, которой ждала от него Родина, скромный и тихий Видяев готов был на самый крайний риск.

Капитан 3 ранга
Федор Алексеевич Видяев

Не один тот политработник — многие заново узнавали Федора Видяева за первый год его командования подводной лодкой. И каждый, кому доводилось наблюдать его в море или изучать графики его атак, должен был признать, что самое яркое качество этого человека, такого мягкого, почти застенчивого в кругу друзей на берегу, — железная воля к победе.

Его атаки не всегда соответствовали общепринятым правилам. Случалось, что он атаковал — и успешно! — в условиях, когда старые, изданные до войны наставления считали торпедную атаку невозможной. А излюбленным его приемом стал «пистолетный выстрел» по выбранной цели — торпедный залп с кратчайшей дистанции. Ничто не могло поколебать его решимости, когда представлялась возможность нанести такой удар. Прорываясь внутрь вражеского конвоя, подныривая под корабли охранения, Видяев всегда страшился лишь одного: упустить намеченную цель — самый ценный объект конвоя.

Меньше чем за год число потопленных им вражеских кораблей и транспортов подошло к десятку (до этого он участвовал в потоплении еще шести или семи кораблей как штурман и помощник командира подводной лодки). Молодой командир стал догонять в боевом счете самых опытных из своих старших товарищей, командовавших лодками с первых дней войны. Командир соединения взыскательный Иван Александрович Колышкин во всеуслышание назвал его мастером торпедной атаки. Видяев и его экипаж стали гордостью всего Северного флота.

Только сам он, казалось, все еще был далек от того, чтобы принимать всерьез свои боевые заслуги. Вернувшись из похода, Видяев оживленно и подробно рассказывал о своем любимце — акустике Жучкове, о боцмане Завьялове, о торпедисте Наседкине, который быстрее всех в соединении перезаряжает аппараты. Но всегда неохотно и очень скупно говорил о себе, о том, что сам он пережил и перечувствовал в минуты атаки, о том, как далась ему очередная победа. Сойдя на берег, он как-то сразу становился незаметным. Одержав целую серию блестящих побед, проявив в своих атаках столько смелого, вдохновенного творчества и столько непреклонности, он оставался для друзей все тем же скромнягой Федей, к которому так шло это ласковое уменьшительное имя.

А друзей у него было немало. И каждый дорожил этой дружбой. Нельзя не полюбить того, кто так просто и естественно, без малейшей рисовки, всегда берет на себя самое опасное в тяжелом труде подводной войны. Нельзя моряку-североморцу не проникнуться дружеским чувством к тому, кто так беззаветно предан суровой службе в полярном море.

3

Угрюмое и хмурое море Баренца, несравнимое в своем грозном величии с морями, омывающими южные или западные берега нашей страны, еще в юности покорило душу Видяева.

306

Бывало в училище перед разездом в отпуск товарищи подтрунивали:

— Федор, конечно, опять отправляется к своим белым медведям!

Он действительно всегда заезжал в отпускной месяц на Север, хотя там и не было у него родных. Заезжал к друзьям, с которыми плавал здесь еще подростком на рыболовных траулерах, — заезжал, чтобы вновь взглянуть с гранитных скал на игру холодных волн, на движение приливов и отливов — вечное дыхание океана. Многие считали его, уроженца Средней России, коренным северянином. И у самого Видяева в эти училищные годы, после которых он мог попасть на любое море, было такое ощущение, что Север его ждет.

Как одному из лучших выпускников училища, ему была предоставлена возможность выбрать для службы любой морской театр. Не задумываясь, потому что это был давно решенный вопрос, Видяев назвал Север. И вот здесь, на Севере, он защищает Родину, Советскую власть, которая сделала его, крестьянского сына, юнгу с рыболовного судна, морским офицером с высшим образованием, командиром боевого корабля...

Скоро молодой командир одержал ряд замечательных побед. И не раз он превращал в своего союзника саму стихию родного Баренцова моря.

То он прорывался внутрь вражеского конвоя под прикрытием снежного заряда и, проведя короткую мастерскую атаку, исчезал прежде, чем враг успевал понять, откуда нанесен удар. То, воспользовавшись набежавшей волной тумана, устраивал за ней «засаду» преследующему подводную лодку сторожевику. Но умел Видяев добывать победу и тогда, когда природа Севера ничем не могла ему помочь. В условиях, когда залитый весенним солнцем Варангер-фиорд был похож на тихое озеро, на поверхности которого издали заметен каждый всплеск, он сумел всадить пару торпед в крупный транспорт, охраняемый целым десятком эскортных кораблей. И, как обычно, — с короткой дистанции.

Это было в последнем походе перед нынешним. По возвращении лодки командующий флотом прямо на причале вручил Видяеву третий орден Красного Знамени. А Колышкин тогда подсчитал, что Видяев с начала войны провел уже триста дней в море. За два года войны почти год на позиции, на морских путях врага!

Но Видяеву не казалось, что это много. Он, которого в походе почти не видели спящим на койке и который мог, прикорнувшись полусидя на часок в центральном посту, встать освеженным на целые сутки, не нуждался как будто в отдыхе и на базе. Отрапортовав о выполнении задания, он снова рвался в море, неумолимо готовя корабль и экипаж к новому походу.

А сам Видяев был готов к походу всегда. У него никогда не находилось дел, задерживающих его на берегу. Тем более — в такое время, когда особенно важен каждый удар по врагу.

...Мысленно он уже в море и в эти минуты прощания с друзьями, провожающими его на причал. Улыбнется на чью-нибудь шутку по-особенному сердечно и немного застенчиво, как умеет улыбаться только он.

20*

307

и сразу опять становится собранным, серьезным, каким привыкли видеть его на корабле.

Молча, думая о чем-то своем, он пожимает провожающим руки.

— Будь осторожен! — отечески напоминает на прощанье Колышкин.

Видяев кивает. И чувствуется, что ему можно уже не напоминать ни о чем: он хорошо знает, каким ему надо быть в море.

Вот он уже на мостике. Звякает машинный телеграф. Раздвигая сине-зеленую гладь тихой маленькой бухты, подводная лодка разворачивается под электромоторами. Потом с мерным глухим перестуком вступают в работу дизели. Корабль уменьшается на глазах, и скоро становится едва различимой фигура стоящего на мостике командира в светлом меховом комбинезоне.

Видяев уходит в море, в бескрайнюю тревожную даль, озаренную незаходящим солнцем полярного дня...

Таким, уходящим в море, он и остался в памяти боевых товарищей.

Шли дни, истекал предельный срок плавания. Великие события произошли на фронте, где советские войска, сломив последнюю попытку врага наступать, сами перешли в грандиозное наступление. Северный флот готовился отметить свое славное десятилетие, и Федора Видяева ждали как одного из самых необходимых участников этого торжества. Его ждали, чтобы вручить гвардейский флаг, которым удостоила Родина его корабль.

Он не пришел на праздник. И все сроки уже истекли. Напрасным становилось дальнейшее ожидание. Но друзья, свыкшиеся со многими потерями, не желали свыкаться с этой. И за праздничным столом традиционный тост: «За тех, кто в море!» — звучал тогда у заполярных подводников по-новому: «За Видяева!»

Никто не мог забыть, что Видяев в море. А он уже остался там навсегда, отдав жизнь за свою последнюю победу, выполнив воинский долг до конца.

В глубинах, где шли мы в подводном дозоре,
Где нашим победам мы множили счет,
Видяев, навеки оставшийся в море,
Бессменную вахту поныне несет...

Так сказал о нем флотский поэт, выразив чувства всех тех, для кого Видяев, не вернувшийся из своего последнего похода, навсегда остался живым.

Пусть будет он всегда живым и для новых поколений североморских подводников. Пусть учатся они у него любить суровый Север и достойно служить здесь Отчизне. И пусть скромный памятник капитану 3 ранга Видяеву, поставленный недалеко от причала, откуда уходил он в славные боевые походы, всегда зовет воинов флота в море.

НИКОЛАЙ ФЛЕРОВ

БАЛЛАДА О МАТРОССКОЙ МАТЕРИ

Пришла печальная и строгая.
Не день, не два ее сюда
Везли железною дорогою
На Крайний Север поезда.

И наконец, дойдя до палубы,
Так сильно утомилась мать,
Что, кажется, сейчас упала бы,
Когда бы под руки не взять.

Закатное густело зарево,
Окутав скалы и залив.
И тихо, тихо разговаривал
С матросской матерью комдив.

«Вот так же, Марфа Никаноровна,
Закат пылал и в том бою,
Когда с товарищами поровну
Делил ваш сын судьбу свою.

Он, может быть, всю жизнь вынашивал
Мечту о подвиге своем.
Награду — орден сына вашего
Мы вам сегодня отдаем».

Нет, слез у матери не видели,
Наверно, выплакала их
Давно в лесной своей обители,
Средь гор уральских снеговых.

И снова рану сердца трогая,
Переживая вновь беду,
Спросила только:
«Как дорогу я
К могиле Ваниной найду?»

Комдив смотрел на мать растерянно,
Ей не решаясь объяснить,
Что нам обычаями велено
Матроса в море хоронить.

И тотчас травами душистыми
Пахнуло к нам из темноты:
Держала мать живые, чистые,
Слегка увядшие цветы.

И солнце, кажется, остыло вдруг,
И словно рухнула скала...
Ведь мать к могиле сына милого
За много верст цветы везла.

...Наперекор порядкам принятым
С матросской матерью в поход
Эсминец шел к зыбям раскинутым,
Встречая солнечный восход.

Надолго, с небывалой силою
Тот час в сердцах запечатлен,
Как над сыновнею могилею
Мать отдала земной поклон;

Над необъятными просторами,
Перед прозрачной кромкой льда
Цветы волнистыми узорами
Легли на гребнях волн тогда.

Казалось, не цветы разбросаны
За темным бортом корабля,
А это утренними росами
Омыты русские поля;

И каждая росинка близкая,
Сверкающая бирюза,—
Ее, казалось, материнская,
Сейчас пролитая слеза...

Шли в базу.
Завтра ли, сегодня ли —
Все знали: вновь дружить с волной.
И мы наутро якорь подняли,
Прощаясь с бухтою родной.

А у причала невысокого
Стояла, выйдя провожать,
Уже теперь не одинокая,
А всех нас любящая мать;

И глядя на море с тревогою,
И боль и радость затая,
Сказала нам перед дорогою:
«Счастливым путем, сыновья...»

Мы вышли в даль необозримую,
Где смелых бурям не сломать,
И каждый вспоминал родимую,
Свою, единственную мать;

И знал, что сколько миль ни пройдено,—
Она с ним шла одним путем.
И не случайно
Нашу Родину
Мы тоже матерью зовем.

Гвардии старшина 1-й статьи
АНАТОЛИЙ ШУМИХИН

МОЯ «МАЛЮТКА»

Ты бьешься, ты воешь,
Ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь
Враждебную мглу.

В. Жуковский

Вот оно, свирепое и страшное в своем диком гневе, море Баренца. Белинский когда-то писал о том, что в море смерть привлекательно-красива, в болоте — страшна и отвратительна. Лучше погибнуть в море, чем быть погребенным в трясине.

Мне это понятно.

Я люблю наше море, бездонное и бескрайнее, суровое и величественное...

Моя «малютка» воюет с самого начала войны. Она как следует напекла врагу — недаром стала краснознаменной и гвардейской, недаром нашему командиру капитану 2 ранга Фисановичу присвоено звание Героя Советского Союза...

Мы ищем врага в грохочущем море, во мраке полярной ночи.

Шторм стал сильнее. Лодку подбрасывает на волне, но в следующее же мгновение она летит в пропасть, и дух замирает. Все скрипит, все движется и качается. Хочется схватиться за что-нибудь неподвижное, опомниться от этой беспрерывной карусели, но безуспешно. Болит голова, тошнит, ничего не хочется есть. Я лежу на койке. Уснуть не могу. Чтобы не упасть, голову заложил за цепь, которой крепится койка, руку засунул за привод горизонтальных рулей, ногами тоже за что-то уцепился. Но огромная волна с грохотом ударила по корпусу. Сталь застонала. Лодка так накренилась, что я повис. Не перевернулась бы!.. Что-то зазвенело, зашуршало. От сильного толчка ослабли крепления. Упал и разбился барограф, покатались с одного борта на другой сухари из банки, полетели штурманские журналы. Из первого отсека выглянул старшина торпедистов Серегин.

— Ну что, товарищ Серегин? — спросил лейтенант Бредихин, подбегая барограф и журналы и грызя сухарь.

— Первое все разлилось, — ответил Серегин, вытирая ветошью лапшу с рук.

— Второй смене заступить на вахту! — передали в это время из центрального поста.

Лейтенант Бредихин ушел на мостик. Серегин разбудил свою смену. С мостика пришел командир, весь мокрый. Лицо его стало красным, губы посинели.

Грохочет море. И все катятся и катятся, один за другим, огромные водяные валы и с грохотом обрушиваются на наш маленький корабль, то низвергая его в кипящую пучину, то подбрасывая на высокие, седые горы. А люди внутри лодки все так же спокойно и уверенно стоят на постах. И корабль упорно идет, побеждая разбушевавшуюся стихию.

На мостике, на верхней вахте — лейтенант Бредихин и боцман Тихоненко. Они крепко держатся за поручни, чтобы не смыло волной, и следят за горизонтом. Их одежда промокла насквозь. Холодно. Соленая вода разъедает глаза. Но нельзя ослаблять внимания. В море — смотри в оба. Широко наше море, но в нем тесно. Нельзя идти где вздумается, а только там, где штурман на карте провел тонкую линию карандашом. Да и здесь могут встретиться вражеские корабли, лодки, самолеты. А мины! Гольфстрим несет их сюда во множестве. Стоит прохлопать сигнальщикам, и тогда — смерть. Смерть, когда еще не найден враг. Нет!.. Напрягая силы, Бредихин и Тихоненко зорко всматриваются в даль.

За рулем в центральном посту сидит Сережа Криволапов. Когда лодка кренится, поднимается на волне и падает в пропасть, ему кажется, что внутренности подкатывают к горлу. Его тошнит, лицо синее, в глазах у него двоится. Но, тряхнув головой, Криволапов бодрится, смотрит на репитер, нажимает кнопку электрического управления — и лодка послушно ложится на свой курс.

В дизельном отсеке старшина Дмитриев следит за работой машин. И люди знают, что за «Аркашку», — так называют дизель на подлодке, — можно не беспокоиться.

Идут часы. Долго тянется время надводного похода через штормовое море. Но вот, наконец, на горизонте замечен вражеский берег. Погрузились. Стало тихо, непривычно тихо, как в глухом подвале. Слышно, как каплет с корпуса конденсированная вода, монотонно, словно рой пчел, гудит в корме электромотор. После адского грохота такая обстановка клонит ко сну. Но спать нельзя. Сейчас для меня наступит момент самой напряженной работы.

— Товарищ Шумихин! Мы находимся недалеко от вражеского берега. Ваша задача — слушать. Не пропустите конвой!

— Есть, слушать, товарищ командир. Не пропущу.

Плотней прижимаю к ушам телефоны. Закрываю дверь маленькой акустической рубки. Теперь, кроме мира звуков, для меня ничего не существует. Спать я уже не хочу. Какой-то особый азарт прогоняет дремоту, и я увлекаюсь своим делом. Мерный шум моря, сливаясь со звуками нашей лодки, образует постоянный фон, к которому уже привык и не замечаешь. Но вот появляется какое-то журчание. Рука начинает

Гвардии старшина 1-й статьи
Анатолий Шумихин

усиленно крутить штурвал компенсатора. Что это? Не отдаленный ли шум идущего корабля? Вслушиваюсь... Нет! Это просто выходит воздух из торпедных аппаратов.

— В центральном, из торпедных аппаратов идут пузыри!

— Есть! В первом, через аппараты трогается воздух. Устранить повреждение!

Слышу, как Немов стучит ключами. Неисправность устранена. И снова тихо. Лодка медленно движется под водой. Вахтенные сменяют друг друга. Отдыхающие спят. Некоторые читают газеты, книги, сообщают Совинформбюро. Тихо.

Внезапно раздается хлопок.

— В центральном, что за стук?

— Это переборкой хлопнули.

Успокаиваюсь, продолжаю слушать. А инженер уже выговаривает провинившемуся:

— Подводник вы или не подводник? Сколько раз говорили вам, что под водой нельзя стучать.

«Нельзя!» Много чего нельзя делать под водой. Во многом мы ограничены. И прежде всего ограничены пространством. Тесны границы маленького корабля! Здесь человек отделен от всего мира, во-первых, свинцовой массой воды, во-вторых, железом и сталью, окружающими со всех сторон. На палубе, на низком сводчатом подволоке, по бортам укреплено бесчисленное количество механизмов, клапанов, переплетающихся труб, приводов, магистралей. За все это цепляешься, пока не выкнешь. Тесно, чертовски тесно! Над водой хоть можно выйти на мостик и увидеть широту моря, высоту неба, звездный мир, простор... А под водой и увидеть ничего нельзя. Пройтись бы — поразмяться... Но нельзя ходить из отсека в отсек. Подводник стеснен не только границами лодки. Он стеснен границами своего боевого поста.

В лодке холодно, сыро. Но нельзя включить грелку, нужно беречь энергию для боя. Люди закутываются в шубы. А так как в лодке всюду механизмы, всюду масло, тавот, соляр, то и одежда пропитывается этим так называемым «лодочным загаром». Через сутки — двое люди уже грязные, поры кожи забиты. Но умыться нельзя, мало пресной воды. Даже воздуха, которого на земле не замечаешь, даже его мало. Хочется курить, но курить тоже нельзя. Кое-кто время от времени посасывает пустую трубку — запах нагара в ней хоть немного утоляет жажду курения, успокаивает душу.

И в этих условиях нужно жить, заботиться о механизмах и главное — бороться за сохранение лодки. В этих условиях нужно воевать, побеждать. Только побеждать!

Сложен механизм подводной лодки, сложнее, чем часовой. Люди на постах внимательны и сосредоточены. Каждый исполняет свое дело и о результатах докладывает в пост управления лодкой, там командир — мозг нашего корабля. Имея сведения с каждого боевого поста, он делает вывод, принимает решения, отдает приказания, приводит в движение весь экипаж.

Медленно идет время, полное напряжения. Врага все нет. Терпение командира лопается. Хотя видимость всего четыре-пять кабельтовых, но он решает всплыть и увидеть поверхность своими глазами.

Снова застучал дизель, зашумела вода. Лодка пошла над водой вблизи вражеского берега, скрываемая от глаз противника большой волной и темной ночью. Шторм стал меньше. Я лег отдохнуть и спокойно заснул.

* * *

Проснулся я по привычке от наступления внезапной тишины. Прекратилась работа дизеля. Значит — срочное погружение... Молниеносно соскакиваю с койки. Но почему же не открывается вентиляция? Я кричу в центральный пост:

— Не открыта вентиляция!

— И не надо! — сердито откликается вахтенный трюмный, — сейчас атаковать будем.

Тогда я понял, в чем дело. Очевидно, заметили конвой, и под электромотором выходим в атаку. Проверяю еще раз, все ли готово к срочному погружению. Пускаю в ход акустические аппараты и надеваю телефоны. На общем фоне шумов моря ясно слышу хлопанье винтов транспорта и характерный высокий шум сторожевика. Вот они, почти рядом...

— Аппараты, товсь!

Сердце сжимается от волнения.

— Пли!..

— Залп произведен, торпеда вышла! — докладывает Николай Серегин.

Глаза людей горят ожиданием. Попадет ли торпеда? Обнаружат нас или нет? Хорошо, если бы торпеда попала, а нас бы не обнаружили... Но так бывает редко. Обычно командир атакует с самой малой дистанции, наверняка, тем самым неизбежно подвергая себя опасности обнаружения. А потом начинаются часы преследования. Еще не забылся прошлогодний поход — десять часов непрерывной бомбежки! 320 бомб, 320 смертей было сброшено тогда на нас...

Проходят десятки секунд после выстрела, и сильный взрыв потрясает лодку. Слышен скрежет ломающегося металла. В глазах людей вспыхивает злорадный огонек:

— Еще один на дно!

— Собаке собачья смерть!

Медлить сейчас нельзя. Раздается ревун. Срочное погружение! Задраиваем люк. Открываются клапаны вентиляции. Вода с шумом врывается в системы. Лодка уходит под воду. Скорей, скорей!

Надо немедленно и глубоко погрузиться, успеть — иначе таран. Но почему не погружается нос? Сторожевик вот, рядом, и идет на нас, я это хорошо слышу теперь, когда волна уже не бьет по корпусу и не мешает мне. Сейчас он ударит в борт.

— Принимать в носовую дифферентную! — спокойно отдает приказание командир.

Заревел мотор. Полным ходом лодка уходит на глубину. Трюмный принимает воду в нос, который стал легче после выпуска торпеды. Слышу, как совсем близко прошел сторожевик. Обо всем докладываю командиру. Сколько пережито за две-три минуты атаки!

Наконец лодка удифферентована и держится на глубине. Сторожевик идет по правому борту на сближение. С левого борта слышу новый шум, похожий на работу винтов тральщика. Идет на нас! Ну, сейчас начнется...

— Товарищ командир, право 140 тральщик, идет на нас.

— Так, так. Сколько на румбе, штурман? Возьмите-ка... градусов вправо по компасу.

— Есть, вправо... градусов по компасу.

Циркулируем. В это время все затряслось от оглушительного грохота. Застонала сталь корпуса. В глазах людей немой вопрос: «Выдержит ли?»

Взрывы следуют один за другим. Противник нас нащупал, зацепился и не отстает. Я выглядываю из рубки в отсеки: люди работают, все в порядке. Успокаиваюсь и продолжаю слушать. В адском грохоте взрывов нужно уловить шум винтов вражеских кораблей. Это почти невозможно, но необходимо для того, чтобы маневрировать. Этого ждут устремленные на меня, полные надежды глаза командира.

— Спокойнее, спокойнее, товарищ Шумихин! От вас зависит сейчас все...

Эти слова вливают в меня новые силы. Взрывы на минуту прекращаются. Я быстро кручу штурвал компенсатора. Вот они, враги!.. Кричу пеленг командиру, но мой голос тонет в грохоте взрывов новой серии глубинных бомб. На этот раз очень близко. Гаснет свет. Я включаю боевое освещение. В центральном посту и боевое не горит. Темно. Взрывы прекращаются сразу. В наступившей тишине слышно, как со свистом рвется откуда-то вода. Ударяясь в подволок, она обдаёт всех дождем колючих, соленых брызг. На мгновение ощущаешь, как мрак и мертвая тишина засасывают все твое существо в холодную пустоту небытия.

— Боцман, как глубина? — раздается властный и твердый голос командира. Он выводит всех из оцепенения. Самообладание возвращается. Боцман в темноте нащупывает аварийный фонарик. Вспыхнул слабый желтый свет. Свет — значит жизнь! В полумраке, сквозь каскад

сверкающих брызг, люди смотрят друг на друга, будто вернулись из другого мира. Не верится, что они снова видят, что они живы и жив их корабль. Все это длится лишь секунды, но за такие секунды человек может перечувствовать больше, чем за годы мирной жизни.

— Как глубина? — снова спрашивает командир.

Горизонтальные рули перекадываются полностью на всплытие. Дан полный ход. С помощью инженера устраняется течь. Тертычный исправляет освещение, подкручивает пробки. Стало светло и веселее на душе.

Но почему лодка тонет? Осушить трюмы? Нельзя. Возможны масляные пятна, возникнет след на поверхности моря. А сейчас уже начался рассвет, и пятна станут хорошим ориентиром для противника. Если бы было мелко, можно было бы лечь на грунт, но здесь нельзя — глубоко, раздавит толща воды. Всплыть тоже нельзя — протаранят. Нужно идти. А лодка почему-то тонет. Нет ли где еще пробоины?

Во всех отсеках идет напряженная работа, устраняются повреждения. Один за другим вступают в строй механизмы.

— Всплываем! — уже веселее говорит боцман.

Глубокий вздох облегчения вырывается из посиневших, твердо сжатых губ командира.

— Боцман, смотрите, не всплывите совсем...

Снова рвется бомбы. Я без перерыва докладываю о движении врага. Командир маневрирует, уходя из-под прямых ударов. Лихорадочно блестят глаза уставших людей. Во рту слишком сухо. Потрескавшиеся губы хватают нечистый воздух. Душно. Болит грудь, болит голова. Но надо бороться! И люди находят в себе силы и борются. Они вдыхают жизнь в механизмы. Корабль живет. Он продолжает двигаться под водой наперекор обезумевшему от бессильной ярости врагу.

Так продолжается долго. Хватит ли сил выдержать? Очень тяжело. Когда рвутся бомбы и адская боль в ушах, хочется отбросить к черту наушники и всплыть, наброситься на фашистов, бить их чем попало: из пушки, из пулемета, гранатой, грызть их зубами, только бы не это глупое положение, когда тебя бьют, а ты не можешь ответить... Здесь даже в ярости своей человек ограничен. Там, на суше, в такие минуты можно, скинув бушлат, с гранатой в руке, со злобой в груди, с отчаянным свистом ринуться в атаку, утолить жажду мести. Разгоряченному боем человеку ничего не страшно. А здесь я не вижу врага. Перед глазами у меня лишь стрелки и цифры, которые не вызывают никакой горячки. Да и вообще здесь я не имею права горячиться. Голос разума и долга говорит мне: сиди и слушай, и докладывай обо всем, что делается там, наверху, хоть это и трудно. От тебя сейчас зависит твоя жизнь, жизнь твоих товарищей и жизнь корабля.

Взрывы становятся слабее. Начинает покачивать, значит наверху штормит. О, как мы были бы благодарны всем богам, если бы разгрялся сейчас самый сильный ураган!.. Все дальше и дальше корабли противника. Удачным маневром командир сумел оторваться от них. Они потеряли нас. Я слышу, как тише становится шум винтов.

В глазах людей появляется радость. Только сейчас все почувствовали усталость, вспомнили о том, что не ели, не спали.

А взрывы удаляются. Анатолий Полковский уже отпускает шутку:

— Снова фюреру придется начальника конвоя повесить...

Кто-то рассмеялся. Но один из отдыхающих ворчит:

— Погоди паясничать, рано еще!

Кто-то, похлопав по корпусу лодки, мечтательно и с благодарностью говорит:

— Выдержала все-таки, старушка ты наша, родная. Ничего, что вся в заплатках. Мы еще повоюем. А тебя, голубушка, после войны на курорт отправим, в какой-нибудь музей древности...

Я тоже очень доволен, что моя аппаратура работала хорошо и, несмотря на сильное сотрясение, не выходила из строя. Я рад, горд, что был полезен своему экипажу в эти напряженные часы.

— В центральном, горизонт чист! — с радостью сообщаю я.

— Есть, чист! Продолжать слушать.

— Теперь вот смейся, сколько хочешь, — говорит уже с веселым взглядом тот, кто был недоволен шуткой Полковского.

Командир рассказывает людям, какой потопили транспорт. Рисует его силуэт.

— А какая охрана была?

— Видели сторожевик и тральщик. Может, и еще что было, но темно уж очень.

Осмотрелись в перископ. Произвели регенерацию воздуха. Пообедали.

Радист уже готовит к работе передатчик. Сейчас всплывем и дадим радио в базу. Всплываем вдали от вражеских берегов, в море, и берем курс к родной земле.

ДЕСЯТЫЙ УДАР

ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

ПЕЧЕНГА БУДЕТ НАШЕЙ

Глава из романа «Океанский патруль»

Начальник политотдела сидел на табуретке, накинув на плечи солдатскую шинель, хлебал из миски гороховый суп.

— Вы слышали, — спросил он, — что сделали немцы с печенгскими беженцами?

— Нет, не слышал, — ответил Самаров.

— Страшная вещь! Непонятно, на что надеются сейчас гитлеровцы, подрубая сук, на котором сидели и сидят. Как же после этого они собираются еще оставаться в Лапландских тундрах?..

По стенам землянки стекала вода, жарко постреливали дрова в печурке, воздух был густой, влажный; где-то вдалеке громыкала тяжелая артиллерия.

С бережливостью человека, знающего цену хлеба, подполковник собрал со стола крошки, отодвинул миску.

— Все ясно, — сказал он, — для того, чтобы сварить яйцо, не обязательно поджигать мир, а генерал Дитл этого никогда не понимал... Так вот что, товарищ Самаров, уделите в своих политзанятиях особое внимание прошлому нашей Печенги, покажите матросам и солдатам исторически оправданную принадлежность этих земель к нашему государству. На мой взгляд, такая лекция будет весьма поучительна.

— Это верно, — согласился Олег Владимирович, — тем более я уже давно готовлюсь к беседе на эту тему и даже... даже собрал, товарищ подполковник, немало исторических фактов... А что сейчас в Москве?

— А что именно вас интересует?

— Переговоры между правительствами СССР и Финляндии.

— Это сейчас интересует всех, — ответил подполковник. — Что ж, переговоры начались, товарищ Самаров. О результатах будет сообщено в скором будущем. И, конечно, Печенга будет возвращена русскому народу. Возвращена, — добавил он, — хотя бы юридически, ибо в ней продолжают оставаться гитлеровские войска... Все ясно?

— Все.

— Тогда можете возвращаться в часть...

Часть, в которой служил Самаров, носила название «морской бригады».

Эта бригада состояла наполовину из матросов, переодетых в солдатскую форму, которым предстояло первыми пойти на прорыв обороны противника, причем — со стороны океана. Олег Владимирович встретился здесь с Григорием Платовым, бывшим старшиной минеров на «Аскольде»; в отряде особого назначения, которым командовал лейтенант Ярцев, служили никоновцы; вообще же народ в бригаде был крепкий и боевой — это всегда нравилось Самарову. Но и лейтенанту здесь пришлось многому учиться, занимаясь не только воспитательной работой; порой случалось так, что рядовые знали больше его о правилах ведения боя в горах, умели лучше маскироваться, точнее стреляли и даже курили так, что не было видно огонька папиросы. Народ все обстоятельный: одни начали войну еще в Титовке, другие в 1942 году участвовали в знаменитой битве на Западной Лице, после чего на всех немецких картах и появилась «Долина смерти». Самаров, придя из экипажа, осмотрелся и первым делом взялся за учебу; теперь знает на зубок отечественное и вражеское оружие, быстро лазает по скалам, умеет бежать — бежать, а не идти! — по пояс в морской воде по любому грунту...

Около одной землянки солдат с глубоким шрамом на спине тер свое тело нежным пушистым снежком, выпавшим ночью. От его белой «полярной» кожи шел пар, и группа пленных тирольцев, чинивших дорогу, зябко ежилась при виде такой чисто русской забавы.

— Вот, брат! — расхохотался полуголый солдат. — Не тебе жить в Печенге, а мне!..

Самаров прошел мимо, и эта незначительная сцена, эти простые слова солдата почему-то врезались ему в память. «Не надо, — решил он, — доказывать им в лекции, что Печенга принадлежит нам, это они знают и так, и даже лекции никакой не надо, достаточно одной беседы...»

Вечером, сидя около камелька, топившегося торфом, он обдумывал план этой беседы, но мысли его путались и невольно возвращались к последним переговорам.

Потом его мысли обратились в другую сторону, где в глубоких бетонированных подвалах совещались правители фашистской Германии; еще не затихло эхо выстрелов по участникам июльского заговора против Гитлера, как Германию поразил новый удар — Румыния вышла из войны с Россией, теперь выходит страна Суоми, и только в Лапландии еще сидит горно-егерская армия Дитла. Не может быть, чтобы не совещались сейчас и в побежденной Финляндии. «Конечно, — думал Самаров, — там не все благополучно, кто — за, кто — против, но огонь прекращен, кровь от Выборга до Кандалакши уж не льется, и то ладно, все уляжется, как муть, останется чистая вода. Наверное, совещаются и за океаном; американские газеты уже призывают Белый дом «не приносить в жертву финскую цивилизацию во имя соображений военного харак-

тера»; вчера кто-то на плохом русском языке целый день кричал по радио о страданиях «бедной, маленькой Финляндии». Так размышлял Самаров, и он не знал, что за океаном действительно шли переговоры. Америко-канадское общество «Монд-Никель», вложившее свои капиталы в рудники Печенги, упорно не желало расставаться с солидными барышами; правда, эти барыши все последние годы попадали в казну Гитлера, но... это не беда что никель, используемый для наконечников разрывных пуль, поражал советских солдат; важно — оставить эти прибыли и... наконечники за собой, оставить для будущего...

— Самаров, — окликнули его с нар, — ложись спать — утро вечера мудренее.

— Вот и я так думаю, — встряхнулся лейтенант от своих мыслей и кинул шинель себе под голову. — Эх, елки зеленые, спать так спать!..

И он заснул, и ему снились то сказочный белокаменный город на берегу реки, то дипломаты, сидевшие за круглым столом; река бешено кипела на порогах, а дипломаты, привставая с кресел, часто спрашивали:

«А что вы думаете по этому вопросу, товарищ Самаров?»

* * *

Откинув белую простыню, закрывающую вход в землянку, Самаров спустился вниз по сбитым ступеням и сказал:

— Здорово, ребята!..

Кто во что горазд: один маскхалат чинит, второй портянки перематывает, третий нож точит, четвертый на гармошке играет, пятый письмо пишет, шестой курит, у седьмого зубы болят, восьмой хохочет, девятый спит, десятому стригут волосы, одиннадцатый грустит, двенадцатый печку топит, тринадцатый переодевается, четырнадцатый автомат разбирает, пятнадцатый... Да ну их к лещему, разве тут оглядишь всех сразу, в общем — дым коромыслом!..

— Здравствуйте, товарищи! — сказал Самаров, и все сразу встали. — Вольно, садитесь... Ну, как живете?

— Спасибо, товарищ лейтенант, позавидовать можно! — слышались голоса.

— А вы, — спросил Самаров, усаживаясь к печке, — кому-нибудь завидуете?

— Да вот разве что третьей роте, — ответил Алеша Найденов: — У них сегодня на обед рисовая каша была, а нам опять овсянку давали!

— Рис тебе еще давать, — пошутил Олег Владимирович, — ты и без риса лопнуть хочешь. Вон щеки-то какие, надави — кровь брызнет!

— Ничего, — весело откликнулись с «камчатки», — вот его до Линахамари катера потрясут на десанте, весь жир скинет.

Подсел Ставриди, развернул перед огнем портянки.

— Товарищ лейтенант, я вот одного в толк не возьму: то говорят Печенга, то Петсамо, то Линахамари,— это что, выходит все разное?

Самарова постепенно окружали любопытные головы.

— Ну, — спросил он, вовлекая в разговор других, — кто знает, где Линахамари?

Борис Русланов, как всегда немного смущенно, ответил:

— Да это просто Девкина Заводь по-русски, губа такая в Петсамо-Буоно-фиорде вроде порта у города Печенги. Мне как-то еще на «Аскольде» карту довелось посмотреть. Я даже ахнул — одни русские названия: деревня Княжуха, Падун-камень, тоня Малофеева, мыс Пикшуев, Палтусово перо...

— А вот что я слышал, — вмешался другой, — говорят, в Линахамари на высокой-высокой скале стоит горный козел. Стоит, заглядывает в пропасть. Только он не живой, а вырублен из той же скалы, на которой стоит, но поначалу живым кажется.

— Врешь. Быть не может.

— А вот поспорим.

— Что ж, я тебе в Линахамари побегу проверить?

— Ну, все равно там бываем.

— Эй, кто был в Линахамари с Ярцевым?

— Буслаев был. Спит он.

— Разбудите, успеет выспаться...

Разбудили, поинтересовались — как насчет козла-то.

— Дай закурить, — густым басом попросил Буслаев и, потянув цыгарку, лениво ответил: — Темно тогда было, немцы разрывными пулями били, — не до козла было!

— Надо и мне закурить, — сказал Самаров. — Ну, кто хорошего табаку хочет — налетай!..

Налетели. Задымили.

— Русские имена, — мечтательно проговорил Олег Владимирович, — где только не встречаются на карте! Даже этот Норд-Кап знаменитый, и тот в старину просто Мурманским Носом звали...

— Выходит, — спросил Найденов, — возле него наши предки селились?

— И не только возле него, но даже и далеко за него!

Кто-то тихо присвистнул:

— Как же это так?

Буслаев поднялся с нар, сладко потянулся:

— Ух, — зевнул, — не дали поспать. Уж коли на то дело пошло, так я вопрос задам... Можно, товарищ лейтенант?

— А мы не на занятиях. Задавай — кто хочешь.

— Где же тогда граница русская проходила?

— Да, — вставил Алеша, — вот, скажите, где?

На «камчатке» чего-то засмеялись, донесся шепот:

— ...Поймали замполита, не ответит!

— А ты слезай, слезай оттуда, — распорядился Самаров, — ишь, как разленились...

Два заспанных матроса слезли с нар, в одних носках подошли к печке, глаза их лукаво посверкивали.

— Ну вы, кажется, хотели знать — отвечу я или не отвечу?.. Ну так слушайте: раньше, несколько веков назад, границы с соседней Норвегией вовсе не было, она оставалась произвольной.

Ставриди недоверчиво хмыкнул:

— Это как же — государство, да еще какое, и... без границы?

— Вот так и было, товарищи, что граница отсутствовала. Правда, это было давно...

— И сколько же такое безобразие продолжалось? — пробасил Буслаев, стараясь пробиться к Самарову поближе; его, видно, заинтересовала вся эта история.

— Безобразие, — повторил лейтенант и засмеялся, — конечно, безобразие! И продолжалось оно до тех пор, пока положение границы не было узаконено в договоре Ярослава Мудрого с норвежским королем Олафом.

— Я помню, — сказал кто-то, — мы еще в школе проходили: Ярослав Мудрый на дочери Олафа тогда женился.

— Ну куда ты лезешь аж на самую печку, — оттолкнул Ставриди Буслаева, — и оттуда хорошо слышно!

— Тихо! Мне вопрос задать надо... А вот, товарищ лейтенант, войны, выходит, и не было, пока они женаты были?..

— Пока Ярослав Мудрый был жив, — серьезно продолжал Олег Владимирович, — на севере, товарищи, войны не было. Но после смерти Ярослава норвежцы повели войны с русскими поселенцами, которые селились тогда по Лютен-фиорду.

— Это где такой? — спросил кто-то.

— Примерно около нынешнего города Тромсе, — ответил Самаров. — Войны продолжались до самого 1323 года, когда в городе Орехово был заключен мирный договор, и отныне нашим рубежом стал считаться уже не Лютен-фиорд, как раньше, а Варангер-фиорд, или, если говорить по-русски, то просто Варяжский залив.

Матросы снова зашумели.

— Это что же получается, границы отступили на восток?

— Да, товарищи, в пору междоусобиц среди русских князей, в пору нашествия татарских полчищ на Русь, нашему государству было очень трудно оберегать свои отдаленные от центра северные земли.

— Ладно, — хмуро отозвался Алеша Найденов. — А вот скажите, товарищ лейтенант, как случилось, что потом граница придвинулась к самой Печенге?

— Ну, а в этом, товарищи, виновато одно лишь царское правительство. И прямым виновником этого является один человек. Имя его останется в истории нашего Севера самым позорным пятном...

Матросы еще теснее сгрудились вокруг.

— Кто этот человек?

— Этот человек — полковник-квартирмейстер Галямин.

— Как, как вы сказали?

— Га-ля-мин, — по складам повторил Самаров. — А случилось это так... В 1809 году, когда Финляндия была присоединена к России, участки Печенгских земель оставались спорными. Но уже назрела потребность привести северные границы в «ясность». И вот для этой цели правительство послало в 1825 году Галямина, который уступил Норвегии область вплоть до реки Паз, что ранее принадлежала России.

— Во, гад! — не сдержался Буслаев, ударив кого-то кулаком по спине.

— Тише ты, — набросились на него, и в первую очередь тот, кого он ударил. — Не мешай слушать!

— Прежде чем ставить пограничные столбы, — продолжал Самаров, постепенно сам воодушевляясь своим рассказом, — Галямин изрядно погостил в норвежской крепости Вадсе, то есть, попросту говоря, за взятку продал русскую землю. И граница, товарищи, придвинулась к самой Печенге, к древнему городу, с которым связаны имена людей, дорогие сердцу каждого русского человека...

— А что это за имена, товарищ лейтенант?

— Эти имена знакомы вам... В 1767 году в Печенгу заходил парусник «Нарген», на котором служил мичман Ушаков — будущий адмирал, победитель турок при Керчи и Калиакрии. Здесь побывал и Павел Нахимов. Создатель Русского географического общества адмирал Литке жил и составлял здесь лоцию Северных морей. «Меккой русского Севера» назвал он древнюю Печенгу. В 1897 году адмирал Степан Осипович Макаров привел в Девкину Заводь свой ледокол «Ермак». Сюда же заходило и научно-исследовательское судно «Андрей Первозванный», которое вел Книпович — ученый с мировым именем...

Беседа о Печенге продолжалась еще полчаса, и когда лейтенант ушел, Буслаев задумчиво сказал:

— А хороший все-таки замполит у нас, ребята!

* * *

Поздним вечером Самаров сидел в своей землянке и заполнял рапортчику в политотдел фронта: «С бойцами отряда особого назначения сегодня проведены политзанятия в виде массового собеседования; тема — славное историческое прошлое наших Печенгских земель; материал воспринят бойцами хорошо, задавались вопросы...»

Удар в железный рельс и — команда:

— Надеть маскхалаты, с полной боевой выкладкой грузиться на катера для учебного перехода!..

Катера уже качались на черной воде Мотки, чиркая днищами по каменистому грунту. Матросы и солдаты, одетые в раздуваемые ветром белые балахоны, один за другим бежали по сходням, прыгали на па-

лубы катеров. Где-то с немецкого берега взлетала шестицветная ракета, заливая волны радужными отблесками. Недалекий Пикшуев мыс глухо ворчал в ночи дальнобойными батареями.

— Пошли! — крикнули с передового.

Матросы, подтянув сапоги, вошли в воду и столкнули катера с отвали, винты взрыхлили волны. Черная мгла надвинулась со всех сторон, снизу и сверху, и только немецкий берег мигал вдали светляками автомобильных фар — там, придвинувшись к Озеркам полуострова Среднего, проходила дорога на Петсамо.

И лейтенант Самаров слышал, как чей-то молодой голос, пробившись сквозь вой и посвист пены, летевшей через борт, выкрикнул во тьму:

— Светите, светите!.. Не бойтесь?.. Все равно — Печенга будет нашей!

НИКОЛАЙ БУКИН

«БОГ ВОИНЫ»

Мы сорок месяцев подряд
В огне, в снегу, на горных склонах,
На выступах прибрежных гряд
Стояли, как на бастионах.

Мы знали, что придет тот час,
Когда желанье станет былью,
Когда придет пора для нас
Расправить перед боем крылья.

Мы дни и ночи напролет
Готовились для штурма смело.
И вот желанное «Вперед!»
Крылатой вестью прилетело.

Часы показывали три..
И грянул гром двухсот орудий,
Как будто Муста-Тунтури
Вздыхнул своей гранитной грудью.

Блеснуло пламя из стволов
И сразу разорвало в клочья
Навес осенних облаков
И полотно октябрьской ночи.

И заглушая бой волны,
Как будто голос правосудья,
Гремел наш грозный «бог войны» —
Североморские орудья.

Казалось, в залпах батарей
Слились с неумолимой силой
Печаль и слезы матерей,
Тоска сирот, тревоги милой.

Врагом опустошенный дом,
Изрытые просторы пашен,
Сады, снесенные огнем,
И кровь, и гнев, и совесть наша.

И жизнь за тридевять земель;
Мороз и снежные заряды;
Дожди, колючая метель —
Все в страшном громе канонады.

Нагрелись пушки, где ни тронь,
Снаряды распахали горы,
Но все: «Огонь! Огонь! Огонь!»
И вновь стреляли комендоры.

И каждый подвига хотел,
Хоть тело гаубиц краснело..
Для пушек может быть предел —
Для ненависти нет предела.

И «бог войны» врага кромсал,
Ломая все, что он настроил.
«Добро», — промолвил генерал
И дал приказ: «На штурм, герои!»

Герой Советского Союза
С. КОРШУНОВИЧ

СЛАВНЫЙ ГОД

Заполярье. Февраль 1944 года. Сильные ветры, метели, штормы на море.

В кубриках катерников разговоры о Корсунь-Шевченковской операции, о ленинградском салюте, о полетах и победах летчиков-североморцев.

Радио приносит все новые и новые приятные сердцу вести: Советская Армия идет вперед, рядом с ней плечом к плечу — балтийцы, черноморцы, североморцы.

22 февраля, в канун годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота, в нашей семье появились первые Герои Советского Союза Шабалин и Паламарчук. Это была радость, праздник всего соединения.

Мы приветствовали героев и обещали Родине, партии, правительству еще беспощаднее бить врага на море.

Сквозь сумрак полярной ночи, в шторм, пургу катера уходили на коммуникации врага. Ледяная вода обдавала людей. Ветер и мороз льдом сковывали одежду, но моряки мужественно выполняли свой долг.

В день 26-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота мы услышали слова приказа:

«Только неуклонно нарастающие в своей силе сокрушительные удары могут сломить сопротивление врага и привести нас к окончательной победе».

В эти дни мы как раз получили новую материальную часть. Короткий срок был дан нам для ее освоения. Обстановка на театре требовала активных действий торпедных катеров у вражеских берегов.

Невзирая на тяжелые условия заполярной зимы, экипажи катеров энергично взялись за дело. Выходили в море коротким днем и полярной ночью. Офицеры сутками просиживали над чертежами. Вечно живой и словоохотливый Иван Желваков (он был тогда лейтенантом) старался все прощупать, выведать, чтобы в бою полностью использовать все возможности новой техники.

Шабалин и Паламарчук были для всех старшими консультантами. Встретимся с ними в кубрике — разговоримся, об их торпедных атаках

вспомним; побываем вместе в море — еще лучше, здесь все воочию увидим.

Одними из первых подготовились к боевым операциям экипажи торпедных катеров старших лейтенантов Романова, Павлова, Желвакова, капитан-лейтенантов Чернявского, Дербеденева и Кисова. Все они рвались в море, никто не хотел сидеть в базе, всем хотелось испытать в бою свое новое оружие.

Первые походы, как назло, были безрезультатными. Мы не встречали кораблей противника. Сердились, скучали товарищи. Придем, бывало, в базу вымокшие до нитки, озябшие, измотанные и в глаза командиру смотреть стеснялись, словно провинились в чем. Пришлось налечь на связь с авиационной разведкой. При встрече с летчиками беседовали о тактике вражеских конвоев, изучали ее.

— Ну, поздравляю, поздравляю, — сказал, встретив меня, комбриг, когда в ночь с 22 на 23 марта три катера моего подразделения одержали победу, ставшую первой победой соединения в 1944 году. Вот как прошел этот бой.

Три наших торпедных катера производили поиск кораблей противника у его берегов. Погода не благоприятствовала плаванию: шторм, снежные заряды, низкая температура. Но катера продолжали поиск.

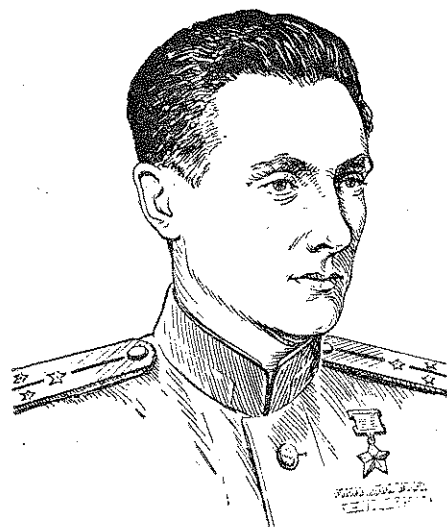
Во втором часу ночи с катера Романова был замечен в одной из вражеских бухт силуэт фашистского транспорта. Эта весть мгновенно дошла до Желвакова и Павлова. Короткие команды. Катера развернулись. Атака. Спустя несколько минут транспорт водоизмещением 10 000 тонн и буксир были потоплены торпедами с катеров Романова и Желвакова.

Неделей позже торпедные катера Кисова и Дербеденева снова атаковали вражеский конвой и у входа в залив Петсамо потопили каждый по транспорту.

Короткий, но жестокий бой разыгрался у берегов противника в ночь на 9 апреля. О появлении вражеского каравана нам донесла авиационная разведка. Ночью катера приблизились к неприятельскому берегу и, двигаясь малым ходом, стали выслеживать врага. Обнаружив противника, мы ринулись на него в атаку. Противодействие было настолько сильным, что от близкого падения вражеских снарядов на катерах лопались электрические лампочки. Но мы шли.

Отрадно было наблюдать за Иваном Желваковым! Умело маневрируя между разрывами снарядов, он принял на себя весь огонь кораблей охранения, отвлек их внимание на себя, дав возможность старшему лейтенанту Романову и лейтенанту Павлову выйти в торпедную атаку, потопить транспорт и сторожевой корабль противника.

Поучителен этот бой не только потому, что он проходил ночью. Главное — мы сумели силами одного катера отвлечь внимание врага, а основной группой нанести неожиданный и верный удар. Этот тактический прием пригодился и впоследствии.

Герой Советского Союза старший лейтенант, в год выпуска книги инженер-капитан 3 ранга Георгий Михайлович Паламарчук

Вслед за этими прошел ряд других, не менее успешных походов. Но это было еще не все. Необходимо было добиться массового применения торпедных катеров, научиться действовать совместно с авиацией. Катерники прекрасно понимали, что осуществление этого сулило нам гораздо большие успехи в бою.

Одновременно с выполнением боевых заданий экипажи катеров систематически занимались на полигонах боевой подготовкой. Надо было видеть, с какой охотой шли офицеры и старшины на полигоны, с каким старанием готовились они к боям нового типа.

Мы считали за счастье первыми принять участие в таком бою. На разгром вражеского каравана вышли во взаимодействии с авиацией катера под командой одного из наиболее опытных катерников — капитана второго ранга Алексеева (ныне

Героя Советского Союза). Вражеский конвой был разгромлен. Противник потерял девять кораблей.

Завидовали ли мы такому успеху катеров Алексеева? Нет, мы радовались этой победе, желали добиться еще большего успеха.

Новый, навсегда запомнившийся бой произошел в ночь с 18 на 19 августа. Четырнадцать торпедных катерам было приказано выйти в море и атаковать конвой противника, состоявший из тридцати двух судов, которые следовали вдоль своего берега, насыщенного артиллерийскими позициями.

Был ли я уверен в успехе? Да, и вот почему: к этому времени почти все торпедные катера моего подразделения неоднократно участвовали в боях. Умело маневрируя и обстреливая противника, грамотно используя дымовые завесы, мы научились завоевывать победу, накопили достаточный опыт, умение, выучку.

Подойдя к вражеским берегам, торпедные катера уменьшили ход и, повернув на курс, ведущий к островам Варде, начали поиск конвоя, о котором нам донесли наши самолеты-разведчики. Прошли минуты, и мы обнаружили сначала три сторожевых корабля передового охранения немцев, а затем и остальные суда конвоя. Гитлеровцы, учтя недавний разгром своего каравана, ожидали нас в глубине Варангер-фиорда. Мы же решили нанести удар значительно севернее.

По команде катера развернулись и заняли исходные позиции так, чтобы атаковать с трех направлений. Командиры катеров старшие лейтенанты Домысловский и Быков под сильным артиллерийским и автоматным огнем кораблей и береговых батарей умело и правильно поставили дымовые завесы, прикрыв ими все выходявшие в атаку катера. Кстати сказать, быковская дымзавеса стала после этого боя предметом детального изучения.

Миновав дымовую завесу, торпедные катера оказались в нескольких кабельтовах от транспортов и военных кораблей противника. С короткой дистанции наши катера один за другим выпускали торпеды.

Катерные пушки и пулеметы также поработали на славу в этом бою. Огневые очереди, посылаемые с торпедных катеров, причиняли врагу большой ущерб. Мы наблюдали, как наша артиллерия и пулеметы разили прислугу вражеских орудий, как истребляли они фашистов на мостиках их кораблей.

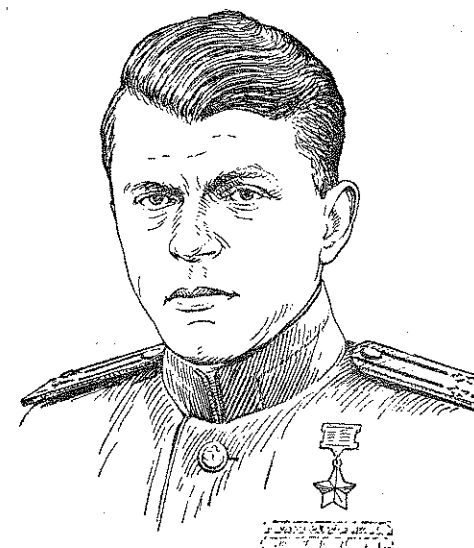
Старший лейтенант Шкутов и старший лейтенант Фролов артиллерийским и пулеметным огнем уничтожили сторожевой бот.

Другой наш катер одновременно с выходом в торпедную атаку вел бой с фашистским катером-охотником, шедшим наперерез его курса. Катер противника был подбит, потерял ход, на нем возник пожар.

Береговые батареи вражеского укрепленного сектора совместно с корабельной артиллерией развили скорострельность до предела. Вода вокруг наших катеров буквально кипела от всплесков, а воздух был пронизан трассами автоматных очередей. Прикрываясь дымзавесами, маневрируя, мы успешно атаковали врага и благополучно вышли из атаки. В общей сложности противник потерял потопленными четырнадцать кораблей и поврежденными — три. Наши катера имели лишь незначительные повреждения.

За этот славный год катерникам довелось участвовать и в других боях. Кроме ударов по врагу на его коммуникациях, мы готовились к высадке десанта на побережье и в базы противника.

10 октября большая группа торпедных катеров совместно с другими нашими судами высадили большой десант в Матти-Вуоно. Несмотря на артиллерийский огонь береговых батарей противника и его световые пре-

Герой Советского Союза капитан 2 ранга Сергей Григорьевич Коршунович

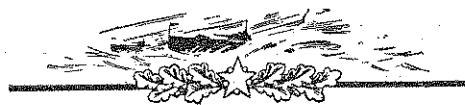

грады, торпедные катера, да и все остальные наши корабли, высадили десантников без потерь.

В ночь с 12 на 13 октября была проведена одна из самых дерзких операций торпедных катеров. Наши моряки, среди которых были и мои подчиненные, прорвались и высадили десант в порт-крепость Линахамари. Мы знали, что на всем протяжении залива Петсамо-Вуоно и в гавани Линахамари противник сосредоточил огромное количество огневых средств, но были уверены в успехе.

Удары десанта, высаженного нами в тылу врага, дезорганизовали его оборону на этом участке. Одновременно с ударом войск Карельского фронта десантные части погнали врага из района Линахамари, из Печенгской области. По мере продвижения частей Советской Армии на северо-запад продвигались к побережью противника и наши катера с десантами.

Правительство высоко оценило нашу боевую работу. К семье катерников Героев Советского Союза прибавилось еще восемь человек, среди которых офицеры моего подразделения Иван Желваков, Анатолий Кисов, Борис Павлов. Наша гордость — Александр Шабалин стал дважды Героем Советского Союза.

Н. РУМЯНЦЕВ

УДАР НА ПЕЧЕНГУ И ЛУОСТАРИ

В ночь на 7 октября 1944 года выпал снег. Дул холодный порывистый ветер. Полярное небо переливалось разноцветными огнями северного сияния. На побелевшем горизонте отчетливо выделялись обледеневшие кручи Большого Кариквайвиша. В каменных ущельях и многочисленных оборонительных сооружениях, созданных на этой горе, в течение трех лет укрывались фашистские оккупанты.

Многие не спали в эту ночь перед боем. Да и как уснуть: этой ночи, этого дня наступления войны Карельского фронта ждали долгие месяцы, ждали годы — с нетерпением, со жгучей ненавистью к врагу, с тоской по семейному очагу.

К утру погода ухудшилась снова. Но ни холодный ветер, ни снежная крупа, ни обледенелые скаты — никакие силы природы уже не могли остановить советского солдата.

С наступлением рассвета, ровно в 8 часов, началась артиллерийская подготовка атаки. Загрохотали сотни орудий, возвещая начало десятого удара по врагу. Свыше двух с половиной часов бушевал огонь. Были подавлены артиллерийские и минометные батареи, живая сила и огневые средства противника в опорных пунктах первой позиции, разрушены доты и дзоты на переднем крае. Унтер-офицер Немергер, взятый в плен вскоре после начала атаки, заявил: «Ваша артиллерийская подготовка была самым страшным, самым худшим, что мне пришлось пережить во время войны».

Стрелковые части при поддержке артиллерии и танков пошли в атаку.

На правом фланге участка прорыва жестокий бой разгорелся за опорный пункт противника на горе Малый Кариквайвишь. По обледенелым скатам этой горы наступали солдаты под командованием полковника Цыпышева, гвардейцы под командованием офицеров Лазарева и Пасько.

Впереди одной из штурмовых групп полз бывалый воин — гвардии старший сержант Виктор Донской. Преодолев заграждения, Донской достиг вершины горы и двумя гранатами уничтожил девять гитлеровцев.

Заняв выгодное положение, он открыл из автомата меткий фланговый огонь по находившимся в траншее горным егерям и уничтожил еще несколько фашистов, хотя был тяжело ранен в грудь. Бойцы штурмовой группы, воодушевленные примером своего командира, овладели мощным долговременным сооружением. К исходу первого дня боев наши части в упорных рукопашных схватках уничтожили весь гарнизон опорного пункта противника на горе Малый Кариквайвишь.

Чтобы выкурить врага из расщелин и «лисыих нор», приходилось применять дымовые шашки. Гранитные сооружения, из которых нельзя было выбить гитлеровцев, подрывались толком.

Резко пересеченная местность, крутые подъемы и каменные россыпи затрудняли передвижение войск и особенно орудий сопровождения. Дорог здесь еще не было. Нередко орудия переносили на руках. Вручную доставлялись также снаряды, мины, патроны и гранаты. Но несмотря на трудности и яростное сопротивление противника, наши части продолжали продвигаться вперед и вскоре вышли к реке Титовка.

С противоположного берега реки фашисты открыли интенсивный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь. Наши подразделения залегли. Никто не решался первым броситься в бурную и порожистую реку. Задержка грозила срывом наступления.

В эту критическую минуту коммунист Семен Козырев кинулся в ледяную воду и под огнем противника переправился на противоположный берег. Его примеру последовали остальные бойцы, и вскоре все подразделение вышло на западный берег Титовки и выбило врага с укрепленной высоты.

Менее успешно развивалось наступление наших частей на левом фланге, в районе горы Большой Кариквайвишь и высоты 237, где противник имел более мощные укрепления. По личному приказу командующего Двадцатой горной армией генерал-полковника Дитла гитлеровцы обязаны были защищать Большой Кариквайвишь до последнего солдата. Бои здесь шли непрерывно — и днем и ночью. Перегревались стволы наших пулеметов. Их охлаждали смоченной уксусом паклей. Кончались боезапасы — советские воины шли в штыковую атаку.

На второй день наступления наши части под командованием полковника Калиновского обошли Большой Кариквайвишь с севера и с юга и согласованными ударами разгромили вражеский гарнизон...

В то время, когда воины Карельского фронта громили врага на суше, краснофлотская газета обратилась к морякам Северного флота с боевым призывом: «Вперед, герои Западной Лицы! Вперед, крылатые соколы — североморцы! Вперед, краснофлотцы, старшины и офицеры катеров! Освободим Петсамо — нашу древнюю русскую Печенгу, очистим Заполярье от коричневой чумы!»

Авиация флота нанесла 11 и 12 октября бомбо-штурмовые удары по вражеским кораблям в портах Варде, Киркенес и Бугей. В результате этих ударов в водах Баренцова моря нашли себе могилу 30 фашистских судов, в том числе 6 транспортов с войсками и грузами и один миноно-

сец. В воздушных боях летчики морской авиации уничтожили 14 самолетов противника...

В ночь с 9 на 10 октября торпедные катера и морские охотники Северного флота, несмотря на штормовой ветер, плохую видимость и мокрый снег, высадили крупный десант морской пехоты на южном побережье фиорда Матти-Вуоно, западнее перешейка полуострова Средний. Утром гитлеровцы обнаружили десант, вызвали авиацию и пытались уничтожить его, но советские моряки прочно закрепились на побережье и начали наступление вглубь обороны противника.

10 октября на перешейке полуострова Средний после полуторачасовой артиллерийской подготовки перешли в наступление бойцы краснознаменной части под командованием полковника Рассохина. Дул встречный ветер, бушевала снежная пурга. Морские пехотинцы поднялись во весь рост и пошли на штурм укреплений Муста-Тунтури.

На пути от подножья к вершине хребта моряков ожидали многочисленные препятствия: проволочная спираль, каменные россыпи, заполненный водой ров и широкая полоса противопехотных минных полей. Эти препятствия были преодолены, и части морской пехоты овладели хребтом.

Морские пехотинцы достигли дороги Титовка — Поровара, соединились здесь с десанниками под командованием полковника Крылова и начали совместное наступление на Печенгу. Продвигались медленно. Дорога шла по трясине, по горным грядам или сплошным болотам. Снег сменялся дождем, было холодно и сыро.

В эти дни отличился в боях с врагом матрос Александр Дрямин. В одном из боев противник открыл сильный огонь из тщательно замаскированного дзота. Наступление подразделения задержалось. Дрямин бросился к дзоту, но был ранен пулей в лицо. Превозмогая боль, он подполз к дзоту и двумя удачно брошенными гранатами убил нескольких гитлеровцев. Вместе с подоспевшим на помощь офицером Дементьевым он ворвался во вражеское укрепление... Герой матрос получил второе ранение, на этот раз в грудь, но после перевязки на медпункте отказался эвакуироваться в тыл и продолжал бой...

Развивая наступление по дороге Титовка — Поровара, части Северного оборонительного района овладели 14 октября населенными пунктами Поровара и Исомукка, переправились через фиорд Петсамо-Вуоно и взяли населенный пункт Трифона, создав непосредственную угрозу Печенге с севера.

В ночь на 15 октября войска Карельского фронта форсировали реку Печенга и в тесном взаимодействии с морской пехотой и кораблями Северного флота ударом по сходящимся направлениям овладели городом и портом Печенга — важной военно-морской базой и мощным опорным пунктом обороны противника на Крайнем Севере.

АЛЕКСАНДР ЗОНИН

ОГОНЬ ЭСМИНЦЕВ

Командующий Карельским фронтом генерал армии Мерецков поставил перед частями армии задачу: сломить оборону гитлеровцев на мурманском направлении и выйти в район Печенги для дальнейшего наступления на Киркенес.

Адмирал Головкин мог теперь содействовать кораблями флота сухопутной армии значительно больше, чем в первый год войны. Бригады морской пехоты, пробывшие больше трех лет на обороне Рыбачьего и Среднего, рвались в бой. Они были назначены для нанесения флангового удара. Корабли Северного флота — торпедные катера, большие и малые охотники, малые тральщики — получили задание высадить десант в тыл противника в Мотовском заливе и в Варангер-фиорде. На долю эскадренных миноносцев выпала известная им задача: вести огонь по вражеским позициям, при развитии же успеха войсками сопровождать огнем наступающую пехоту...

В ночь на 9 октября командир соединения эсминцев контр-адмирал Фокин перенес свой флаг на «Гремящий».

Еще ночью моряки услышали в Мотовском заливе канонаду со стороны южного побережья. Армия начала громить фашистскую оборонительную линию на Западной Лице. На большом расстоянии окрасился в палевый цвет нижний край облаков. Сигнальные ракеты прочерчивали темноту цветными полосами, а затем рассыпались маленькими звездами.

«Гремящий» шел в бой. Широкий след оставался за кормой на волнах залива. От форштевня по обоим бортам ниспадали пенные буруны. Прежде это были приметные отличительные знаки для самолетов противника. Но теперь в воздухе стоял неумолчный гул североморских самолетов, ходивших волнами на бомбежку фашистских тылов, и вражеская авиация не решалась появляться над заливом.

В течение дня артиллеристы «Гремящего» уничтожили батарею противника и рассеяли скопление отступавших гитлеровцев в районе переправы в устье реки Титовка.

На следующий день эсминцы, стрелявшие из бухты Эйна, уже не смогли доставать до неприятеля. Тогда Фокин приказал перейти в бухту Мотка. Отступавший враг даже не пытался вступать в перестрелку с советскими кораблями.

Корабельная артиллерия перенесла огонь на Титовку. В сумерки над Титовкой поднялось зарево, а ночью ее заняли части наших войск. Все, что фашисты захватили в упорных трехмесячных боях 1941 года, они сдали в течение трех суток под мощным натиском нашей армии и флота. Мотовский залив снова стал советским. Бойцы Рыбачьего и Среднего пробили себе дорогу через хребет Муста-Тунтури и присоединились к наступающим колоннам.

В этот момент самым важным было всячески помочь подразделениям генерал-майора Рассохина, которые стремительно выходили к разветвлению дорог отступления противника. Если бы это разветвление удалось перерезать, фашистские войска попали бы в полное окружение.

Корректировщики связались с эсминцами и сообщили Гуринову обстановку. Корабли немедленно вышли в море. Вскоре на дорогах, по которым намеревались отступать фашисты, стали рваться снаряды главного калибра эсминцев. Кольцо вокруг войск противника сомкнулось.

В ночь на двадцать пятое октября корабли вышли к берегам Северной Норвегии на поиск противника. Слабый свет отражений северного сияния лежал на зыби. Зеленые, голубые, розовые завесы медленно переливались в северном направлении, а скалистый берег чернел в безмолвии. Гитлеровцы укрывались в глубоких фиордах, не решаясь вступить в бой. Но Фокин имел и запасную цель.

Идя с веста, корабли, в заранее указанном порядке, легли на боевой курс. Море глухо шумело. Свежело. Корабли испытывали сильную качку, крен доходил до двадцати градусов.

На берегу Варде появлялись белые перемежавшиеся огни, вспыхивал свет прожектора.

Как только лидер пришел на дистанцию боя, Фокин приказал дать сигнал красным ратьером. Это был знак открытия огня. Артиллеристы «Гремящего» и других кораблей, участвовавших в бою, быстро уточнили дистанцию, ввели поправки и открыли шквальный огонь по причалам в северной части порта Варде.

Осветительные снаряды озарили причалы, фугасные снаряды уже на третьем залпе стали поражать цели. Над причалами металась багровые огни пожаров, раздавались глухие взрывы.

Фашисты стали отвечать. Четыре осветительных снаряда повисли в небе, и темные силуэты наших кораблей четко обрисовались на воде. Над мачтами с воем пролетели тяжелые снаряды. Однако они падали то с недолетом, то с перелетом.

Обстрел Варде фашисты приняли за подготовку к высадке десанта и успешно приступили к эвакуации, подрыву батарей и портовых сооружений. Огонь миноносцев облегчил задачу катерников и норвежского десанта, высадившегося в Варде через несколько дней.

Герой Советского Союза
ВАЛЕНТИН СТАРИКОВ

В ДАЛЬНОМ ПОИСКЕ

Шторм разыгрался вскоре после нашего выхода в море.

Первым признаком его были теньевые полосы ряби, возникавшие то здесь, то там на гладкой поверхности моря под шквалистыми порывами ветра. Навстречу нам быстро ползли тучи. Видимость резко ухудшилась, будто внезапно наступили сумерки. А через час море стало до горизонта седым от сплошной пены. Сквозь пену то и дело прорезались, как горные пики сквозь облака, гребни крутых волн. Один за другим налетали снежные заряды. Волны все чаще стали перекатываться через корабль.

Нелегко в такие часы нести вахту снаружи. Ветер, срывая пенные верхушки волн, бросает их в лица людей. Воздух пропитан соленой, колючей водяной пылью. От нее, как и от ветра, секущего щеки и глаза, невозможно укрыться. А зимой эта пыль замерзает, покрывая одежду.

В таких условиях мы провели несколько суток, пока лодка шла в надводном положении.

Шторм крепко мешал нам в пути. Но люди вели себя достойно, так может держать себя только тот, кто уверен, что делает важное, необходимое, а главное — правое дело.

Началось общее наступление Советских Вооруженных Сил. Прижатая к сопкам Заполярья нашими сухопутными частями, северная группировка фашистских войск отчаянно сопротивлялась. Надо было лишить противника всякой надежды на помощь, искать и нещадно топить его караваны. Сквозь шторм мы пробивались к берегу, мимо которого пролегли морские коммуникации врага.

* * *

Вечером мы достигли района поиска. Следовало подойти к берегу как можно ближе. Но море здесь, вблизи береговой черты, полно мин. Знай мы точно место, где находимся сейчас, выход из положения был бы простой: погрузиться и на глубине пройти между минными полями.

Но где эти проходы? За время шторма нас наверняка снесло в сторону от курса. Небо над нами сейчас такое же беспросветное, как море.

Ни одной звездочки — значит, определить астрономическим путем нельзя. «Жаль, что неисправен эхолот, сейчас он мог бы выручить нас», — подумал я с досадой. Сдал вахту на мостике помощнику, приказав идти короткими курсами, чтобы удержать лодку до рассвета на месте, и впервые за многие часы спустился внутрь корабля. Окоченевшие ноги еле повиновались.

Штурман Козырев стоял у стола над картой. Он размышлял, вероятно, о том же, о чем не переставал думать я: «Куда мы в действительности вышли, какой курс проложить, чтобы пройти между минными полями, выполнить задание, не погубить корабль и людей?»

Я заглянул в радиорубку. Радиист Седлецов быстро записывал на бланке принимаемые сигналы, чередовавшиеся группами отрывистых, режущих слух звуков. «Шифр», — определил я, разглядев на бланке цепочку цифр, прикрыл дверь, чтобы не отвлекать внимания радииста и прошел в соседний отсек, где возле дивана стояла электрическая грелка.

Меня обдало теплом, и в ту же секунду озноб пронизал тело. Сразу вдвое тяжелее показалась набухшая водой одежда. Иссеченное ветром и брызгами лицо горело, щеки и лоб, покрывшиеся корочками соли, нестерпимо щипало. Я протер глаза и протянул руки к потоку тепла над грелкой.

Через несколько минут Седлецов принес мне расшифрованную радиограмму. В ней сообщалось, что сегодня утром из вражеской базы вышел караван в составе трех транспортов с охранением из сторожевых кораблей и эскадренных миноносцев. Конвой должен пройти через район, в котором предстояло действовать нам. О диване и грелке пришлось забыть.

— Ну-ка, сделаем прокладку, — сказал я штурману, возвратясь в центральный пост. — Да нет, не нашу, а противника, вышедшего вот из этого порта. — Я подчеркнул ногтем место на карте. — Где может быть караван сейчас и когда он войдет в район нашего поиска?

— Конвой противника еще не вошел в район поиска, — доложил штурман, сделав нужные вычисления. — Если сейчас подойдем к берегу, успеем на randevу.

— Если успеем и не угодим на минное поле! — в сердцах возразил я. — Как точно определить? Был бы у нас исправен эхолот...

— Эхолот исправлен, — спокойно произнес штурман.

Эти слова обрадовали и в то же время удивили меня.

Больше всего я досадовал на себя самого. Когда, в предыдущем походе, у нас вышел из строя этот капризный прибор, ни штурман, ни помощник, ни я не позаботились включить его в план срочных работ. Чтобы найти и устранить неисправность в эхолоте, потребовалось бы немало времени, а в нашем распоряжении были считанные часы. Их едва хватило для устранения других, особо серьезных, неизбежных после боевого похода дефектов. К тому же мы полагали, что при плавании в районах больших океанских глубин эхолот нам едва ли понадобится.

— Кто же исправил эхолот?

— Старшина второй статьи Зубков, товарищ командир, — сказал штурман.

И в моей памяти сразу возникло то, что я увидел в базе, проходя поздним вечером по отсекам нашего корабля.

Свет переносной лампочки скупо отражался на деталях разобранного прибора. Над ними склонились рыжеголовый Зубков и седовласый мастер по ремонту, присланный в помощь нам. Я слышу слова Зубкова: «Спасибо вам, теперь я знаю его ахиллесову пяту» — и ответ старого мастера: «Хорошо, ежели знаешь. А может, по молодости стесняешься еще что спросить? Так лучше скажи здесь, чем в море гадать». Тогда я подумал, что разговор идет о ремонте гирокомпаса, а не эхолота... А мой новый помощник капитан-лейтенант Левадянский не сообщил мне, что эхолот исправлен, когда докладывал о готовности корабля к походу, признав это незначительной деталью.

— Зубков отремонтировал эхолот в порядке личной инициативы ночью, перед выходом, — сказал штурман и улыбнулся, гордясь своим подчиненным.

Не мог не улыбнуться и я и спросил, не изменилось ли направление волны.

— Нет, не изменилось пока.

— Следовательно, если проложим курс к берегу, наше направление совпадет с направлением волны, и удары ее будут слабее. Можем прибавить ход, верно, штурман? Прокладывайте курс к берегу. Молодец, Зубков! Считайте это и своей заслугой, старший лейтенант! — сказал я, когда, запустив эхолот, мы точно определились по глубинам.

— Да я тут ни при чем, — начал было польщенный штурман, но в эту минуту верхний люк накрыло волной, бело-зеленый поток хлынул в лодку, обдав нас с головы до ног ледяной водой.

— Как так ни при чем! — сказал я, когда вода схлынула в трюм под центральным постом и мы перевели дух. — Вспомните, каким был Зубков, когда пришел на лодку. Что было у него за душой? Никакой ответственности за исправность боевого заведывания. Почувствовал себя неважно — слегка замутило от качки — сразу оставил свой пост и повалился на койку. Безответственный, безвольный парень, которого нельзя было назвать советским военным моряком, — вот каким казался тогда Зубков.

— Давно это было, товарищ командир.

— А история с перископом? Разве не Зубков прозевал момент, когда вода залила всю его нижнюю головку? Ведь мы тогда, перед самой торпедной атакой, могли остаться без глаз, упустить врага.

— А все же не упустили, — весело отозвался Козырев. — Атаковали и утопили! Зубкову тогда крепко досталось и от меня и от комсомольцев. Именно после этого случая и произошла перемена в нем... Готова прокладка, товарищ командир, — показал мне штурман на карту.

Я проверил прокладку и поднялся на мостик.

Лодка двигалась в сплошном мраке. Левадянский и вахтенный сигнальщик Курочкин неотрывно вглядывались в темноту. Все, что находи-

лось за пределами ста метров, нельзя было разглядеть даже в бинокль. Лишь вблизи мелькали и мгновенно пропадали белые всплески буруна у форштевня и гребни зыби с обоих бортов. Но ветер немного ослабел — шторм шел на убыль.

Снизу послышался голос Козырева. Штурман докладывал по моему приказанию глубину.

Через час небо начало проясняться. Кое-где среди туч замерцали звезды. Можно было астрономическим путем проверить правильность штурманской прокладки, сделанной по счислению и по эхолоту.

Эхолот оправдал себя.

— Молодец, Зубков! — повторил я, отдав приказ погружаться.

Шальная волна прокатилась по мостику, обдала меня на прощанье ледящей струей.

— С океанским приветом! — пробурчал я, отряхиваясь, и, встав на ступеньку трапа, захлопнул за собой крышку наружного люка.

Лодка пошла на погружение.

Пронзительный сигнал электрического ревуна заглушил все, наполнил отсеки. Не было слышно ни стука крышки, захлопнувшей верхний люк, ни шагов по трапу. Я только спустился внутрь корабля, а мимо меня уже спешили к своим заведываниям люди отдохавшей смены.

По взглядам, бросаемым в мою сторону, я понял, что думали разбуженные ревуном матросы и офицеры. Каждый считал причиной срочного погружения внезапное появление противника. Я хотел объяснить им, в чем дело, но меня опередил вахтенный офицер. Четким голосом он произнес обычные слова команды, и его спокойствие передалось всем.

Едва маневр был выполнен и мы пошли — уже в подводном положении — дальше, ко мне обратился парторг рулевой Курочкин. Он только что нес на мостике сигнальную вахту и еще не успел привести себя в порядок. На юношеском воспаленном лице засохла светлыми полосками соль. Густые волосы, во время вахты намоченные под шапкой, походили на ком слипшейся шерсти. Но глаза его улыбались.

— Товарищ командир, разрешите прочесть по отсекам сводку Совинформбюро. Приняли ее перед самым погружением.

— Успели-таки! А хорошая сводка?

— Хорошая, товарищ командир!

— Объявляйте!

Для тех, кто уходил в дальний поиск на подводной лодке, сводки Совинформбюро — несколько лаконичных фраз, краткое перечисление новых населенных пунктов, освобожденных нашими войсками от фашистов — были огромной моральной поддержкой. Эти весточки Родины здесь, в море, когда знаешь, что вокруг, на сотни миль, безбрежные просторы, в которых рыщут вражеские корабли, всегда окрыляли нас.

Я дал необходимые указания вахтенному офицеру, снял промокший капковый бушлат и прилег, наконец, на диван отдохнуть.

Стремительные размахи вверх и вниз, с борта на борт, донимавшие нас в течение последних суток, прекратились, лишь только мы опусти-

лись на глубину. Я с удовольствием осознал это, прикоснувшись головой к подушке, и моментально уснул.

Если бы дело происходило на стоянке в базе, я, вероятно, не мог бы спать так чутко. Не помню — прикоснулся ли ко мне акустик, но я сразу открыл глаза, услышав его возбужденный шепот:

— Товарищ командир, впереди справа шумы винтов кораблей. Помоему, это конвой...

В ту же минуту я оказался в гидроакустической рубке. Лебедев протянул мне наушники.

Настраивая прибор, он дал мне возможность уловить два рода звуков — один высокого тона, рожденный скорей всего движением винтов быстроходных кораблей, и второй более низкий, знакомый по предыдущим походам, — характерный гул винтов транспортов, нагруженных до отказа.

Возможность атаки весьма сомнительна, если не знаешь дистанцию между противником и собой. А я, да и никто из нас, не имел представления о ней. В таких условиях главное — оценить обстановку и принять решение, не теряя ни секунды.

— Точно. Это конвой, — подтвердил я.

Поблагодарив Лебедева за исполнительность, вышел в центральный пост, отдал приказы — готовить торпедные аппараты к залпу, лечь на новый курс, всплывать на поверхность. Надо было осмотреться перед атакой...

Покачивание усилилось, стало непрерывным. Мы приближались к поверхности. Наверху попрежнему была крупная зыбь. Резкий крен подтвердил это. Лодка стремительно повалилась на борт и долгие секунды лежала на боку, прежде чем приняла снова горизонтальное положение.

«Трудная будет атака!» — отдраивая наружный люк, с досадой подумал я.

Следом за мной выскочил на мостик старшина второй статьи Федосов, только что стоявший рулевую вахту. Теперь его обязанностью было наблюдение за морем.

Огромная волна ударила в борт. Мостик накрыло водой, ледяные потоки окатили нас. Я забыл надеть снятый во время отдыха капковый бушлат, жгучие струйки проникли за воротник кителя, поползли по спине.

Я старался осмотреться, но не увидел ничего, кроме звезд в безоблачном небе. Горизонт был закрыт непроглядной пеленой.

— Дайте шумопеленг на противника! — нагнувшись к горловине люка, крикнул я в центральный пост и чуть было не оказался за бортом. Набежавший вал так накренил лодку, что я едва успел удержаться за стойку. Снова на мостик хлынули студёные потоки, снова поползли струйки по спине. — Держитесь, Федосов, держитесь! — предупредил старшину.

— Держусь мертвой хваткой! — глухо отозвался Федосов.

Снизу, из люка, послышался голос вахтенного офицера. Он передал мне сообщение акустика о том, что противник находится совсем близко. Я распорядился уточнить шумопеленг характером ближайшего звука.

Лебедев не замедлил с ответом. По звуку следовало догадаться, что ближайшим к нам кораблем был эсминец или сторожевик.

Догадаться! Это слово прямо-таки раздражало меня. Догадка вместо определения! Да еще перед самой атакой, когда надо не только точно знать свое место, но и маневрировать, чтобы занять наиболее удобную и выгодную позицию для залпа наверняка. Но сколько мы ни вглядывались в ночную мглу, перед нами со всех сторон была черная пустыня без единого силуэта и пятнышка. Вдобавок мешала зыбь. Лодка сидела низко, волны захлестывали мостик, перекатывались через него, норовили увлечь нас за собой. И я и наблюдатель буквально плавали в воде, бурлившей под нами. Конечно, можно было дополнительно продуть несколько систерн и поднять мостик над зыбью. Однако тогда мы рисковали бы значительно больше. Сумей противник обнаружить нас до торпедного залпа — такое положение не позволило бы нам погрузиться достаточно быстро, избежать таранного удара и уйти на безопасную глубину. Нет, как ни тяжело вести наблюдение по пояс в воде, я не мог рисковать кораблем, людьми, выполнением задания! Да и мгла не казалась уже такой черной, как в первую минуту. Боль в глазах, вызванная напряжением, утихла...

И снова нервы напряглись до предела, едва до меня донесся голос из горловины люка. Вахтенный офицер докладывал, что акустик слышит приближающийся шум винтов быстро идущего корабля.

— Направление?

— Прямо по нашему курсу!

Так. Несомненно одно — это какой-либо из кораблей охранения. Значит, мы еще не прорвались к транспортам, находимся с внешней стороны конвоя. Решать надо было мгновенно, и я приказал идти по шумопеленгу

на сближение с транспортами. Не упустить именно транспорты, про-
рваться к ним во что бы то ни стало.

Мелькнула и спряталась где-то далеко-далеко мысль о странном
распределении ролей. Командир, стоящий на мостике лодки, вынужден
управлять маневрированием своего корабля по указаниям акустика, си-
дящего в закупоренном отсеке.

Маневр был закончен, когда снизу доложили, что слева к нам
быстро приближается корабль.

Я не успел ответить. Федосов сдавленным голосом доложил:

— Вижу корабль за кормой. Эсминец, товарищ командир. Проходит
близко от нас...

— Его курсовой?

— Сто градусов левого борта, дистанция пять-шесть кабельтовых!

Значит, все в порядке. Противник не обнаружил нас, а мы, по-
скольку он остался левей за кормой, забрались-таки внутрь кольца
охранения!

В тот же момент разглядел едва различимый силуэт транспорта.
Левее — второй силуэт, длинный, как дымовая завеса.

— Дайте обстановку слева! — приказал я в центральный пост,
чтобы знать, не помешает ли выходу в атаку нежданное появление
одного из кораблей охранения, а Федосову наказал: — Внимательно сле-
дите за левым траверзом. Будем атаковать второй транспорт, он
больше.

Удар волны заглушил мои слова. Лодка накренилась, я очутился по
плечи в бурлящем потоке.

— Федосов, держитесь! — крикнул я, обняв руками стойку. — Слы-
шите? Подайте же голос!

Громко шурша, волна прокатилась через мостик и спинула в ночи.

— Я здесь! — отозвался старшина. — Слева ничего не видно.

Опять донесся голос из центрального поста:

— Слева шумы винтов. Пеленг идет в направлении кормы.

Последняя фраза меня успокоила. Корабль охранения снова прошел
мимо, не заметив нас. Теперь я не сомневался: один из фашистских
транспортов доживал свои дни. Тот самый, форштевень которого все
ближе подходил к визирю нашего прицельного прибора.

— Смотрите хорошенько за левым бортом, Федосов! Там — корабль
охранения. Обнаружите, что приближается к нам, — немедленно докла-
дывайте его курсовой угол и дистанцию! — напомнил я и занял устой-
чивое положение, чтобы не отрывать глаз от визира.

Самое трудное в эти мгновения было сохранять равновесие и не
упускать из поля зрения транспорт. Зыбь заставляла лодку непрестанно
рыскать и крениться.

Затаив дыхание, выжидал.

Форштевень транспорта стал медленно-медленно пересекать линию
визира. Но, будто нарочно, гребень очередной волны разбилась о кожух
рубки. Струйки стегнули по глазам, хлынули в левое ухо.

Я зажмурился, но не дал себе сдвинуться с места. Все во мне было
подчинено одному — не упустить врага. Еще мгновение — открыл глаза
и увидел ползущие через черную линию прицельного приспособления
сначала полубак транспорта, потом его мостик...

— Пли!

Из центрального поста, где все были наготове, моментально пере-
дали приказ по назначению.

Тотчас ощутил легкий толчок. Торпеды вырвались из аппаратов и,
оставляя за собой две белопенные прямые дорожки, помчались к цели.

Я неотрывно наблюдал за ними, подавшись вперед. Неизвестно по-
чему, но вот теперь, когда боевой успех был почти наверняка обеспечен,
мною вдруг овладели сомнения. Что, если прозевал момент, и торпеды
вышли позже, чем следовало, хотя бы всего на несколько мгновений?
Тот, кто был командиром-подводником, знает, что переживал я, пока
торпеды бесконечно долго — казалось мне — приближались к цели. Уже
готов был констатировать промах и отдать приказ срочно погружаться,
но тут уловил на лице Федосова слабый отблеск далекой вспышки.

— Товарищ командир, глядите! Взрыв! — вскинулся старшина.

Зрелище, возникшее перед моими глазами в ночи, я никогда не за-
буду. Над центральной частью огромного судна поднималось клубящееся
облако, озаренное пламенем взрыва. В этом облаке вращались, подобно
мошкаре, попавшей в световой луч, какие-то обломки. Еще миг, и над
разломившимся надвое транспортом встал — до топов мачт — огненный
столб.

Мой взгляд был прикован к транспорту, но тем не менее боковым
зрением я увидел то, что и предполагал: мы забрались в самую середину
конвоя, состоявшего из трех транспортов, окруженных миноносцами и
сторожевыми. Затем меня ослепило будто вспышкой магния и так толк-
нуло, что лязгнули зубы. Это корпус лодки принял взрывную волну.
Сила взрыва была верным признаком того, что в трюмах транспорта,
торпедированного нами, находился боезапас.

— Федосов, вниз! — поторопил я старшину и вслед за ним прыгнул
в люк. Через четверть часа после того, как мы благополучно избежали
преследования, я обошел отсеки, распорядился приготовить горячий зав-
трак — первый горячий завтрак за все время похода.

Рассказав экипажу о том, что видел наверху в результате нашей
атаки, я обратился к Зубкову:

— Спасибо, старшина, за инициативу с эхолотом. Вы внесли свой
вклад в дело нашей победы.

Зубков, весь просияв, просто ответил: — Служу Советскому Союзу!

Матрос ЯКОВ ЯШУНИН

БАЛЛАДА О ДВУХ ДРУЗЬЯХ

гушались над гаванью сумерки дня,
Сошлись у причала два друга.
— Ну, здравствуй, товарищ! Ты помнишь меня?
И встретились руки упруго.

У них боевые, большие дела,
Достойные песен, сказаний.
Один — из донского, степного села,
Другой — из далекой Казани.

Один — загорелый, лихой комендор,
Другой — зоркоглазый сигнальщик.
Один называет свой катер — «Линкор»,
Зовет другой «Пахарем» тральщик.

Один охраняет морские пути,
Другой очищает глубины.
Дорогой сражений им вместе идти
К победе в дни трудной години.

Давно ли в санчасти лежали они —
И встретились вновь на причале.
С тех пор пролетели горячие дни.
Смущенно два друга молчали.

Казалось, им нечего было сказать.
— Ну как? — Ничего, понемногу...
— А ты? — Да была боевая гроза,
Вот тралим морскую дорогу...

Потом, разговором своим овладев,
Охвачены радостью встречи,
О битвах жестоких, о славном труде
Разговорились в тот вечер.

И не было жаркой беседе конца.
Мечтали о будущем счастье,
О девушке, что волновала сердца,
Когда их лечила в санчасти.

Над гаванью дремлет тревожный покой
В затишье внимательно-строгом,
И вдруг — напряженный и гневный такой —
Сигнал: «Боевая тревога».

Матрос с эскаэра и пахарь морской
Охвачены грозным порывом.
Расстались...
Кипела вода за кормой,
По небу металась разрывы.

Расстались приятели, рук не пожав,
Не бросив прощального слова.
Но дружба морская крепка и свежа —
Друзья повстречаются снова!

ГРИГОРИЙ СВИРСКИЙ

В СВОБОДНОЙ ОХОТЕ

Из повести «Заповедь дружбы»

Кабаров все еще пробивался вперед. Два самолета летели вдоль скалистых берегов Северной Норвегии. Далеко позади остался гранитный Рыбачий, пройдены первые дождевые заряды, обрушившиеся на машину ледяными потоками.

— Начнем поиск? — предложил Сухов. — Может, какие-нибудь отставшие суда приближаются к Варде. На соединение с караваном.

— Давай, — согласился Кабаров и потянул штурвал на себя. Стрелка высотомера мгновенно показала четыреста метров.

— Ну как? — нетерпеливо спросил летчик. — Я что-то ничего не вижу.

— Ни щепочки в море, — хладнокровно доложил штурман.

Погода не улучшалась.

— Сейчас будет Берлевог, — делал пометки на карте Сухов. — ...Э-э-э! — вдруг протянул он раздосадованно. — Прямо по курсу туман, и Берлевог им закрыт, — добавил он упавшим голосом. — Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!..

Кабаров и сам видел плотную белесую полосу, нависшую над водой. Надо принимать решение. Он — командир.

Кабаров кашлянул, и Сухов ожидающе вытянул шею. Но летчик молчал.

— Неужели возвращаться? Все время так! — досадливо поморщился Кабаров. «Это вам не землю фугасками ковырять», — вспомнил он насмешливую улыбку капитана Волохова, заместителя командира эскадрильи. «Нет, надо пробиваться. Но как? Туман — не заряд. Я не свалюсь в воду, — рассуждал летчик про себя, — так ведомый не справится с пилотированием. Что делать?»

— Подходим к туману, — доложил Сухов. — Что ты там молчишь? — наконец, не вытерпел он.

— Может, через сушу пойдем? — нерешительно высказал свою думу Кабаров. — Риск — благородное дело. Обшарим фиорды.

— Как хочешь, — холодно ответил штурман.

— Прокладывай маршрут, — приказал Кабаров. — Пойдем вдоль Норвегии.

— Есть! — вздохнул Сухов и, вытащив расчетную линейку, склонился над картой.

Самолеты проходили над сушей. Внизу виднелись массивные сопки в однообразных белых балахонах. Ветер, откинув их снежные капюшоны, обнажил серые плешины прибрежных скал. Прилив слизал с подножий снег, и они стояли рядом, плечом к плечу, хмурые, пятнистые, ссутулившиеся...

— Неужели возвращаться? Черт возьми, не везет! — выругался Кабаров. — А ну, сходим в Билли-фиорд! — вызывающе весело предложил он, подзадоривая экипаж.

— Куда?! — удивленно переспросил Сухов, невольно повернувшись к летчику.

— Гм... — недовольно пробурчал стрелок из своей кабины. — Про нас еще песен не пели. А то я могу предложить начало: «Нас били по морде в Билли-фиорде».

— Кустовский! — резко оборвал его Кабаров. — Опять вы за свое?!

— Виноват, — смущенно пробормотал стрелок.

— Курс? — нетерпеливо напомнил Кабаров. — Курс?

Сухов, наконец, ответил. Закончив вычисления, он положил транспортир на колени. — Ты знаешь, куда мы идем? — раздраженно спросил он.

— Угу, — буркнул Кабаров. — Усилить наблюдение за воздухом! Отставить лишние разговоры.

Самолеты на бреющем шли вдоль Порсангер-фиорда. Стесанные, невысокие гранитные сопки отбегали назад. Прямо по курсу лежало небольшое норвежское селение Лаксэльвен. Рядом с ним, на тыловом немецком аэродроме Банак, всегда стояли наготове истребители-перехватчики...

— Как ведомый? — спросил Кабаров у стрелка, внимательно осматривая переднюю полусферу.

— Хорошо идет Яловенко. Как на веревочке, — ответил Кустовский.

Летчик повел машину со снижением. Она пронеслась над красными черепичными крышами селения Берсэльвен, перерезала черные воды Порсангера. Фиорд был пустынен. Лишь маленький мотобот тянул на буксире пару рыбацких лодок. По бортам одинокой шхуны, стоявшей у берега, кто-то развешивал белье... Наконец, показалась отвесная скала противоположного берега.

— От нее начнется Билли-фиорд. Держись, братцы! — с отчаянной веселостью бросил Сухов, надевая стальную каску.

— Приготовиться к атаке! — скомандовал Кабаров и слегка покачал крыльями, передавая сигналы ведомому.

Сухов лег на пол кабины и положил руку на сбрасыватель.

Мгновенно, как телеграфный столб в окне вагона, слева промельк-

нул выступ скалы. Перед летчиками сразу во всю ширину открылся Билли-фиорд.

— Нету! — хором закричал экипаж. — Нету авиаматки!

На ленивой прибрежной волне сиротливо колыхались черные бобы заграждения, как огромные бусы, нанизанные на стальной трос сети. Авиаматка ушла.

— Братцы! — закричал Сухов, поднимаясь с пола кабины. — Она далеко не ушла! Не могла уйти! Вот ее когда ловить-то! — возбужденно воскликнул он и по привычке захотел почесать затылок. Пальцы скребнули по холодному металлу каски.

— Может, домой пойдём! — лукаво ухмыльнувшись, спросил летчик у экипажа. — А?

— Как же так, товарищ капитан, — обиженно прокричал Кустовский. — Сейчас только и искать...

— А я все-таки думаю пойти домой, — повторил Кабаров, прижимая самолет к штилевой поверхности фиорда, подернутого мелкой рябью.

— Давай беги, — поддакнул ему Сухов, уловивший в голосе летчика едкую иронию. — Пойдешь ты домой... Как же!

Сдвинув шлем на затылок, Кабаров вытер вспотевший лоб и глубоко вздохнул.

Осматривая пустынный горизонт, летчик досадливо морщился: много сил было затрачено на этот безрезультатный поиск.

Далеко слева проплыл деревянный Гаммерфест — самый северный город на земном шаре, огороженный с моря ожерельями заградительных бонов. Самолеты входили в Лоппское море. Сухов прокладывал маршрут рядом с 71-й параллелью.

Когда Кабаров, тревожно поглядывавший на бензиномер, уже действительно решил возвращаться обратно, Сухов неожиданно закричал:

— Вижу корабли!

— Восемнадцать кораблей, — первый подсчитал Кустовский мелкие точки на горизонте. — Один крупный.

— Вон еще выползают! Из заряда, — пробасил Кабаров. — Много вато...

— Какое охранение! Одному транспорту столько почета! — недоумевал Сухов. — Может, это и есть матка? А? Это было бы здорово!

Замолкнув, Сухов почувствовал обычную перед атакой тревогу, слегка стеснившую сердце.

«Как прорваться к конвою? — мучила Кабарова неотвязная мысль. — Ведь не допустят до транспорта! Собьют раньше. Шутка сказать — двадцать единиц!»

Летчик вспомнил подсчеты, которые он производил на досуге с товарищами. Вычислили они тогда, что за пять минут пребывания в огне по самолетам, атакующим караван в двадцать пять единиц, выпускается около пятидесяти тысяч снарядов и полмиллиона пуль. Встряхнув головой, Кабаров отогнал посторонние мысли. «Как прорваться? А если с двух направлений? — вдруг возникла смелая, задорная мысль. — Яло-

венко пойдет с берега, отвлечет на себя огонь. Тогда я смогу атаковать. А жалко, — вздохнул он, — почти наверняка собьют парня... Но другого выхода нет».

— Яловенко радирует, — доложил Кустовский: «Предлагаю атаковать с двух бортов. Зайду с берега. Отвлеку!»

— Добро! — ответил Кабаров.

Гордость за своих молодых друзей, неизъяснимая нежность к ним завладели душой летчика. Как ему дорог стал этот парень, предлагавший свою жизнь ради успешного исхода атаки! «Близко не подходить! — радировал он им. — Близко не подходить! Слышите? Как дойдете, передайте сигнал об атаке. Буду ждать в море...»

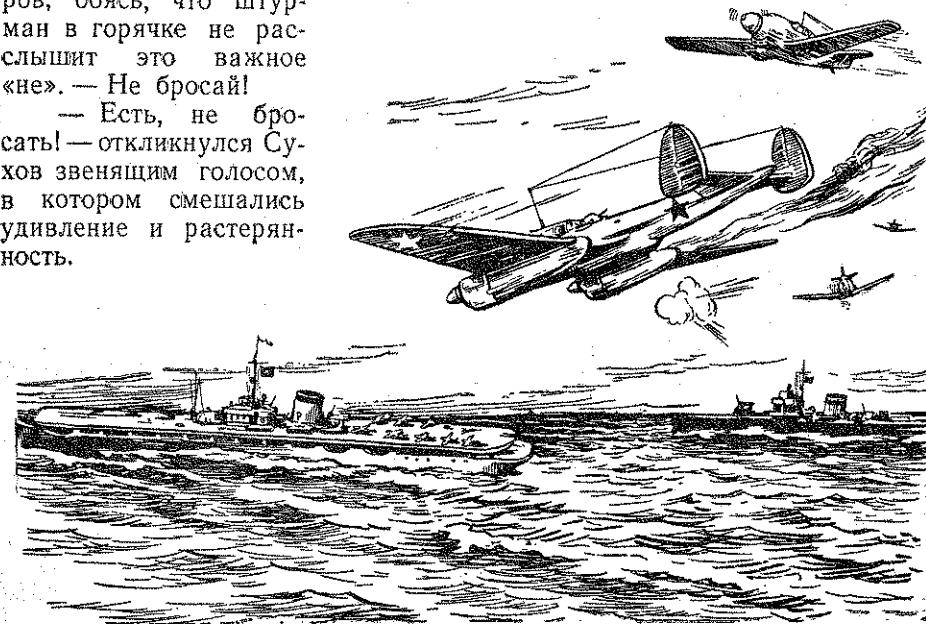
Самолет Яловенко, далеко обойдя караван, развернулся у берега. Прижимаясь к воде, маскируясь на фоне серых скалистых громад, окутанных розоватой дымкой, он выходил в атаку. Километра за три самолет заметили. С переднего миноносца взлетели, описав дугу, красные ракеты, оповещавшие об опасности.

Кабаров, заходивший с моря, незаметно подкрался к конвою. Лишь одна пулеметная трасса с кормы атакованного транспорта пошла ему навстречу. Тщательно прицелившись, он готов был уже выкрикнуть привычную команду: «Бросай!», когда заметил машину Яловенко, пронесшуюся к какой-то другой цели. Но доворачивать было поздно: до вражеского судна оставалось менее полукилометра.

— Не надо! Не надо! — отчетливо отделяя слова, закричал Кабаров, боясь, что штурман в горячке не услышит это важное

«не». — Не бросай!

— Есть, не бросать! — откликнулся Сухов звенящим голосом, в котором смешались удивление и растерянность.

— Матка выползает из заряда. Матка! — взволнованно повторял Кустовский.

Самолет проскочил по носу транспорта, случайно избежавшего гибели. Высоко над кабиной промелькнул якорь, свисавший из клюза, и белая надпись «Мария-Луиза».

Караван шел в десяти километрах от берега. Поэтому Кабаров, проскочив между кораблями, ушел за серый скалистый островок. Едва не задевая плоскостью за крутой, обрывистый берег, он обогнул его и вновь пошел в огонь.

— Бьем по матке! — резко бросил летчик.

— Захожу вторично, — радировал Яловенко. — Отвлеку огнем!

— Нет! — властно приказал Кабаров. — Уйти в море и ждать!

Самолет пошел в атаку. Вспыхнули залпами борта кораблей. Огромные столбы, лениво опадающие в море, встали на пути машины водяным частоколом. Подняв самолет, Кабаров перепрыгнул через них. Забрызгало кабину. Всплески от тяжелых снарядов едва не увлекли экипаж в морскую пучину. Сотни многоцветных трасс потянулись к самолету. Кабаров на секунду зажмурился.

— Смелее, ребята, — подбадривал он. — Смелее!..

Прижимаясь к воде, летчик петлял, уклонялся от огня. Прямые попадания встречивали самолет. Слышался скрежет рвущейся обшивки.

Ударив о передний пулемет, снаряд рикошетом разворотил приборную доску штурмана. Отпрянув на мгновение, Сухов вновь лег к прицелу. Сквозь рваные дыры с силой врвался встречный ветер, холодный и мокрый. Он бил штурмана по глазам и, ослепляя, мешал работать.

Огонь все усиливался...

— Держись, гвардия! — Кабаров стиснул челюсти. Он припал к штурвалу.

Авиаматка росла на глазах. Теперь отчетливо виднелись ее надстройки, расположенные по центру, серые кресты самолетов, разбросанных по палубе, краны по бортам. И отовсюду — с носа, кормы, мачт — прыгали в воду крошечные фигурки людей.

Кабаров ощутил себя сказочным богатырем, который один должен постоять в бою за все свое замершее в ожидании войско. Разорвет он это беспощадное чудовище торпедным ударом — значит, победят сегодня все, кто нетерпеливо ждет его на аэродроме, кто, затаив дыхание, будет слушать ночью: «От Советского Информбюро...» Сердце охватил восторг небывалого вдохновения.

Дзынь! Дзынь! Лопнуло, разлетелось боковое стекло. Прямое попадание оглушило экипаж. Кабаров отшатнулся в сторону. И снова припал к прицельной черте, нарисованной на ветровом стекле.

— Смелее, ребята, смелее!

— Я — Яловенко, — неожиданно ворвался в наушники глуховатый, встревоженный голос летчика. — Справа восемь «стодевятых». Стрелки, не зевай!

— А!.. — Кустовский не вскрикнул, а скорее вздохнул от неожиданности. В кабине разорвался снаряд. Беспомощно повисла перебитая левая рука. Осколки царапнули по лбу, чуть выше левой брови. Кровь залила глаза. Михаил потянулся здоровой рукой к торчащим красным клочьям ваты у левого локтя. И тут же отдернул руку: пальцы опалили огонь. Куртка горела.

Михаил не чувствовал гари: в кабине была превосходная вентиляция. Едкий дым выходил в сквозные рваные отверстия. Морщась от боли, он расстегнул парашют, содрал с плеч тлеющую куртку и начал перевязывать левую руку бинтом, вынутым из пакета. Бинт стал красным, капли крови стекали на пол кабины. Михаил чувствовал, что быстро слабеет. Казалось, уставшее тело погрузилось в теплую ванну. Клонило ко сну. Кустовский пытался стереть с глаз темную пелену. Он смахнул кровь, но багровая разрастающаяся стена попрежнему дрожала перед глазами.

«Кровь! Сколько крови! — теряя сознание, Кустовский сползал на пол кабины. — Нет, это не кровь, — очнулся он. — Командир, горим, что ли? Горим?..»

* * *

У командного пункта дивизии Лидов спрыгнул с машины. За его спиной заревели моторы. Вырулив на старт, пятерка торпедоносцев пошла на взлет. Разбегаясь, самолеты задирали переднее колесо, длинным костылем подпирающее кабину штурмана. Они отрывали от взлетной дорожки свои тонкие, словно молодые осинки, ноги.

— Диковский повел, — кивнул шофер на переднюю машину. Полу-круглые держатели цепкими кистями ухватов прижимали к фюзеляжу две торпеды, тускло отсвечивающие в косых лучах солнца.

На командный пункт непрерывно поступали данные воздушной разведки. Командир дивизии полковник, не дожидаясь доклада, сам то и дело заглядывал к радистам, пробегая взглядом исписанные бланки радиограмм. Подписав боевое донесение, принесенное начальником штаба, он поднялся и, пригласив с собой Лидова, прошел в радиорубку. Серый деревянный ящичек слегка потрескивал.

— Заработал «Орел», — таинственно зашептал старший радист на ухо начальнику штаба.

— Товарищ полковник, — сразу же доложил начальник штаба, — заработали на одной волне пара «охотников» Кабарова и дальний разведчик Зотов.

— Почему они на одной волне? — бросил командир дивизии строгий и недоуменный взгляд. — Ладно. Давайте пока Кабарова. Живее!

Девушка-радистка сразу же закрутила лимб настройки. Треск сменила глухая морзянка. Затем эфир завизжал, и вновь мирно затрещало в приемнике. Казалось, диктор с минуты на минуту объявит о начале какой-либо передачи.

Торопливый, деловитый голос разведчика первым прорвался сквозь шорох эфира.

— Я — Зотов. Конвой проходит на траверзе мыса.

— К Гаммерфесту идет, — зашептали штабные офицеры, раскладывая на маленьком столике шуршавшую полетную карту. На белой шкале штурманской линейки начальник штаба прикидывал расстояние до конвоя.

— Я — Яловенко. Справа восемь «стодевярых»! Стрелки, не зевай! — послышался из приемника другой голос.

— Черт возьми! — стукнул комдив пальцами по тумбочке, на которой стоял приемник. — Истребители отсечки — на старт!

Один из офицеров, на ходу вынимая ракетницу, бросился к дверям. Еще шестерка самолетов подготовилась к взлету. Ей предстояло отсекать преследователей, когда торпедоносцы лягут на обратный маршрут.

— Я — Зотов! Со стороны солнца подходят шесть «фокке»! — слышался тревожный голос в приемнике.

Голоса пока еще были спокойные, уравновешенные, подчеркнута четкие: бой только начинался. С каждой минутой он становился ожесточеннее. Офицеры, столпившиеся в радиорубке, сдерживали дыхание.

— Кабаров, сверху «мессер!» Эх! — досадливо прозвенел в приемнике чей-то тенорок.

Полковник вытащил папиросу и, помяв ее пухлыми пальцами, закурил, стараясь казаться невозмутимым. Выбросив четвертую спичку, он заметил, что чиркает по коробке не серной головкой, а противоположным концом.

— Смелее, ребята, смелее! Кустовский, не зевай! Кустовский!

Голос Кабарова узнали сразу. Люди будто увидели перед собой одинокий торпедоносец, неудержимо прорывающийся к цели.

— «Мессера» заходят на Кабарова! — срывающимся от волнения голосом выкрикнул разведчик. — Атакуют его! Атака! Атака! Еще атака! — повторял он в тревоге.

Азартные выкрики заглушили протяжные возгласы Зотова.

Офицеры склонились над серым ящиком. Они больше ничего не слышали, кроме голосов, раздававшихся из приемника. Наступала решающая минута скоротечного боя.

— У торпедоносца загорелся мотор! — встревоженная скороговорка разведчика ударила по нервам. Люди откинулись назад. Полетная карта, не замеченная никем, соскользнула со стола. Штурманская линейка мягко стукнулась о пол. Этот звук походил на далекий шлепок по воде. Люди вздрогнули, забыв, что отзвук падения самолета в море радио передать не может.

— Искры-то, искры летят! — вырвалось у Зотова, захваченного боем. — Ребята, это же Кабаров!

Пальцы комдива сжимали угол тумбочки. Веки, сомкнувшись, плотно закрыли темные, сузившиеся зрачки.

— Смелее! — оглушило людей. — Смелее, ребята, смелей! — гремел приемник. Команды потрясали всех в этой маленькой комнате, как выстрелы, неожиданно раздавшиеся над ухом. Это уже был не прежний, так хорошо знакомый, спокойный голос Кабарова. Слова были исполнены гнева и страсти. Летчик видел бушующее пламя...

Очевидно, не видел пожара лишь Сухов. Штурман наводил самолет:

— Левее! Еще чуть! Так держать!

Тревоги пока не было в этом уравновешенном голосе. Только всепоглощающая забота.

— Торпеда сброшена. Машина проскочила конвой, — взволнованно докладывал Зотов, наблюдая за боем, очевидно, откуда-нибудь из небольшого рваного просвета облачности. — Мотор разгорается! Эх, и пламище! — не удержался разведчик.

— Командир, горим! Горим! — повторял Кустовский.

— Спокойно, спокойно! — хладнокровный, сдержанный, такой знакомый голос Кабарова вновь зазвучал в приемнике.

И все смолкло. Только треск эфира, как раздираемое в клочья полотно, наполнил комнату. Полковник тяжело поднялся со стула и приглушенным сильным басом приказал выслать два истребителя из группы Диковского навстречу «охотникам». Раздался голос разведчика:

— Я — Зотов. Наплавку авиаматки нет. Корабли эскорта подбирают с воды людей. Черта с два тут спасешь! Сработано на славу...

Комдив подошел к приемнику, ожидая новых сигналов. Но все стихло. Повернувшись к офицерам, безмолвно теснившимся у двери, он сказал непривычно тихо и торжественно:

— Победа. Большая победа, товарищи.

Взглянув исподлобья на майора Лидова, вытирающего глаза платком, он глухо добавил:

— Но нам она очень дорого стоит... Сейчас с врагом поговорит Диковский, — сжал он в ярости кулаки. — Переведите на его волну!

М. ВЕЛИЧКО

АЛЕКСАНДР ШАБАЛИН

В апреле 1943 года Шабалин, тогда еще старший лейтенант, вышел в паре с катером Колотия на поиск противника.

Море оказалось пустынным, но Шабалин не хотел возвращаться в базу с торпедами: он предложил устроить засаду у выхода из залива Петсамо:

— Может быть, что-нибудь подкараулим.

Остаток короткой весенней ночи пролетел быстро. На рассвете в заливе показались два фашистских катера. Они поставили дымовую завесу. Вскоре появились еще пять кораблей. Завеса мешала распознать их тип. Если это стоящая цель, то внезапный выход в атаку подготовили для советских катеров сами враги — удар удобно наносить, прикрываясь их же дымом. А вдруг это катера-охотники?

— Атакуем? — спрашивал горячий, нетерпеливый Колотий.

— Не торопись, дружище. Надо посмотреть поближе.

Катера пошли вперед и проскочили дымовую завесу. Корабли оказались катерами, выстроившимися для сопровождения и охраны судов; в глубине залива виднелись два крупных транспорта. Грузные корабли медленно вытягивались из залива. В тот же миг затрещали пулеметы — фашисты заметили советские катера.

— Тут и началось! — вспоминает Шабалин. — Мы знали, что гитлеровцы вывозят из Петсамо никелевую руду для своей военной промышленности. Жалко было упускать такой драгоценный груз. Колотий даже без команды понял мое желание прорваться к транспортам.

Завязался неравный бой. Катера то исчезали в дымовой завесе, то внезапно выскакивали из нее. И получалось так, что фашисты, гоняясь за Шабалиным и Колотием, иногда падали по своим выскакивавшим из дыма катерам.

Колотий первый вырвался из этого кольца. Гитлеровцы не видели, как он устремился вглубь залива — в азарте боя они все кинулись на катер Шабалина. Взрыв торпед, выпущенных Колотием, ошеломил их, отвлек на некоторое время от Шабалина. Воспользовавшись замешательством противника, Шабалин вырвался из окружения и, к великому удивлению гитлеровцев, направился вглубь залива. Фашисты устреми-

лись за отчаянным катером, но было уже поздно. Скорость их оказалась меньше скорости советского катера, они не могли преградить путь к транспорту. С транспорта тоже не стреляли — не то приняли катер Шабалина за один из своих катеров, не то боялись попасть по своим...

Шабалин подходил на самую короткую дистанцию и в то же время обдумывал способ отхода. Шансов уцелеть было мало: у противника пять катеров. Конечно, они не выпустят теперь его из залива.

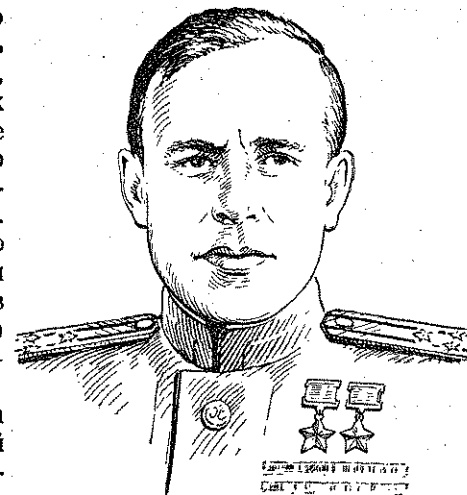
Выпустив торпеды, Шабалин на полном ходу направил облегченный катер к берегу, в зону обстрела береговых батарей. Фашистские охотники не рискнули броситься под свои же снаряды и предоставили артиллеристам уничтожить «зарвавшийся» советский корабль.

— Так «под прикрытием» вражеских батарей я тогда избежал от преследования, — с улыбкой закончил свой рассказ Шабалин.

Рисуя схему операции 22 декабря 1943 года, Шабалин сделал небольшое предисловие. Он говорил о характере и особенностях северного морского театра. Бурное море, с нордовыми, норд-остовыми и норд-вестовыми ветрами. Очень сложная метеорологическая обстановка. Туманы, снежные заряды, жестокие штормы, северное сияние, полярный день и полярная ночь. Все это осложняет плавание даже больших кораблей, а для катеров создает, казалось бы, непреодолимые трудности. Но страшно море тому, кто его не знает. В начале войны торпедные катера, как правило, в светлое время и при наличии волнения на море не выходили на коммуникации противника. Война заставила пересмотреть старые понятия.

— В годы войны мы научились преодолевать эти трудности, — говорит Шабалин. — Больше того, тяжелые особенности театра мы повернули в нашу же пользу. Бурное море сделали своим союзником в борьбе против врага.

22 декабря море было беспокойно. Резкий ветер гнал крупную волну. О выходе торпедных катеров в такую погоду, казалось, не могло быть и речи. Но авиаразведка донесла, что обнаружен большой конвой: три транспорта, миноносец, четыре тральщика, шесть сторожевиков и десять морских охотников. Гитлеровцы, наученные горьким опытом, с каждым разом увеличивали число боевых единиц, сопровождавших конвой. Но на этот раз, видимо, перевозился особенно ценный груз, —

Дважды Герой Советского Союза
капитан 1 ранга
Александр Осипович Шабалин

на каждый транспорт приходилось небывалое количество — по семь вымпелов охраны. Было решено, невзирая на шторм, устроить массивную атаку конвоя.

Когда торпедные катера готовились к походу, Шабалин в базе не было. Он вернулся позже. Узнав, что все ушли наперехват большого конвоя, он стал добиваться, чтобы ему разрешили идти вдогонку за товарищами.

Море бушевало.

Шабалин в одиночку добрался к месту атаки. Там уже шел бой. В небе висели осветительные снаряды, шарили прожектора, воздух прошивали разноцветные трассы пулеметных очередей.

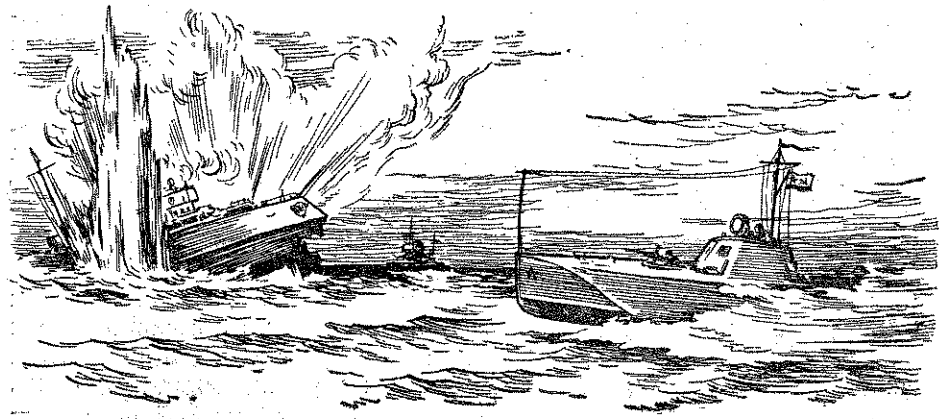
— Я не полез туда сразу, — вспоминает Шабалин. — Уменьшил ход, посмотрел, как взрывались торпеды моих товарищей, выждал, пока прекратилась стрельба. Конвой, успокоившись, лег на прежний курс. Тогда я пошел в атаку. В тот раз использовал обе торпеды — потопил два военных корабля. Уж очень было удобно: гитлеровцы не ждали нападения после такого переполоха.

На обратном переходе ветер усилился до шести баллов. Команде пришлось показать всю свою морскую выучку, стойкость и умение, чтобы благополучно довести катер в базу.

После этой операции Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года Александру Осиповичу Шабалину, ранее награжденному орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени, было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

... Флажки, обозначившие на карте линию фронта, давно перешагнули советские границы. Все фронты Великой Отечественной войны находились в стремительном движении на запад. Только один правый фланг, упирившийся в Баренцево море, стоял, почти не меняясь,

с 1942 года. Здесь шли бои местного значения, перестрелки и вылазки разведчиков.

Но вот настал день десятого удара Советской Армии. В первых числах октября 1944 года советские воины начали наступление и на севере.

Отступая под ударами советских войск, фашисты жгли и взрывали все на своем пути. Уничтожение грозило порту Линахамари в заливе Петсамо. Чтобы предотвратить разрушение и отрезать пути отступления горным егерям, засевшим на Муста-Тунтури, решено было высадить десант моряков в гавани Линахамари.

Дорога в этот порт была самым трудным и опасным участком Северного театра. Гитлеровцы три года укрепляли порт и подходы к нему. Все побережье они усеяли огневymi точками — от пулеметных дотов до крупных береговых батарей. Добираясь до Линахамари, надо было пройти пятнадцатимильную зону, простреливаемую вдоль и поперек, затем прорваться мимо входных батарей в первое колено залива Петсамо-Вуоно. Это колено, длиной в три мили и шириной шесть-восемь кабельтовоv, было настоящим «коридором смерти». Оба берега загрохдали огнем во всех направлениях. За «коридором смерти», точно за семью замками, лежала блюдцеобразная Девкина заводь с древнерусским поселением на ее берегу. Это и был порт Линахамари.

«Кто проведет корабли с десантом через «коридор смерти»?»

Нужен был человек беспримерной храбрости, железной воли, чья рука не дрогнет на штурвале, когда враг введет в действие всю силу огня. Нужен был человек, знающий эту дорогу, все изгибы, выступы, каждый приметный камень залива.

«Кто этот человек?»

В штабе флота перебрали многих и решили:

— Головным пойдет Шабалин!

В ночь на 13 октября 1944 года катера с десантниками на борту двинулись в Линахамари. Проходили мимо полуострова Рыбачьего. Шабалин видел вспышки на вершинах мрачного Муста-Тунтури. Там морская пехота штурмовала укрепившихся в граните фашистских горных егерей. Вдали, над районом Петсамо, виднелось зарево пожаров. У входа в залив, во мраке осенней ночи, металась лучи прожекторов, вспыхивали осветительные снаряды.

«Нервничают», — подумал Шабалин и, собираясь устремиться в проход, оглянулся: катера шли далеко растянувшейся кильватерной колонной.

У самого входа в залив враг обнаружил десант. С берегов полоснули прожектора, ракеты и ливень трасс. Но у штурвала катера, идущего головным, стоял воин коммунист, чье хладнокровие и выдержка, казалось, усмиряли огненную стихию. Ни рука, ни сердце его не дрогнули — все было подчинено одному желанию: прорваться, победить!

Катер маневрировал. Шабалин, как всегда, внимательно следил за окружающим. Изучив систему обороны врага еще до операции, Шабалин

лин теперь проверял ее в жизни и находил наиболее безопасную дорогу. Он то бросал катер к тому берегу, откуда враг вел наиболее яростный огонь, то уходил под прикрытие скал, то вдруг переходил к другому берегу. Чем дальше углублялся катер Шабалина, тем яростнее становился огонь позади него.

В гавани перед Шабалиным вырастают заградительные бонны. Одним поворотом штурвала он уводит катер от опасности. Вот и пирс... Но вдруг он минирован? Мысль работает лихорадочно, быстро: нет, к пирсу мы не пойдем!

Фашисты стреляют с причалов, из каждой щели, из домов. Всюду свист пуль, точно жужжание шмелей, грохот взрывов. Но катер уже ткнулся носом у конца причала, и десантники, пригибаясь, побежали на горку...

Бухта — как кипящий котел. Ворвавшиеся катера бросили дымовые шашки, протянули заградительные завесы. Все кипит, все озарено, точно на фантастическом карнавале. Шабалин носится в этом котле, указывая другим катерам удобные места высадки.

На следующий день Шабалин повторяет операцию, перебрасывая с одного берега залива на другой подкрепление десанникам.

Операция была завершена блестяще. Советский Северный флот не потерял ни одного катера.

Древняя русская Печенга стала советской.

АЛЕКСАНДР ОЙСЛЕНДЕР

ВЫСАДКА ДЕСАНТА

ел головным торпедный катер —
И скалы, жерла наклоня,
Вдруг оживали, словно кратер
От извержения огня.

И мачта рушилась неожиданно,
Пока от взрывов за кормой
Клубился хаос первозданный
Непроницаемую тьмой.

Но, зачерпнув воды с разлета,
Всю ночь, быть может, до утра,
Сквозь эти чертовы ворота
Врывались в бухту катера.

И страшно было небосводу
Смотреть на то, как моряки,
Бросаясь в огненную воду,
Держали шаткие мостки,

Чтоб богатырская пехота
Сухую на берег сошла —
И, выкорчевывая доты,
Дорогу верную нашла.

Как прежде, мины шелестели,
В глухом ущелье ветер выл —
И раненые не хотели
Эвакуироваться в тыл.

И даже мертвые, казалось,
Уже не сдали б ни за что
Ту пядь, что с кровью их смешалась
На отвоеванном плато!

М. ВЕЛИЧКО

КЛЮЧ ОТ ПЕТСАМО

тояла глухая осенняя ночь. Над заливом бушевал ветер. Крутая волна, яростно набрасываясь на скалы, падала пеной.

Вдруг из кромешной тьмы, словно рожденной бурей, вынырнул катер и стремительно понесся к безлюдному берегу. У самой полосы прибоя он застопорил бег.

Ни огонька, ни звука на борту. Бесшумно скользнул трап, но, не достав до берега, шлепнулся в воду. Два матроса молча спрыгнули в кипящий прибой, подняли трап на плечи, и по нему, так же молча, балансируя, пошли люди в маскхалатах.

Левее над побережьем шарили лучи прожекторов, вспыхивали зарева оружейных выстрелов, в небе загорались звезды ракет. Их мертво-бледный свет иногда озарял место высадки, и тогда человек в кашюшоне торопил людей:

— Быстрее! Быстрее!

Это был командир разведывательного отряда Северного флота старший лейтенант Виктор Леонов. Когда последний десантник ступил на качающийся трап, Леонов подал руку командиру катера.

— Спасибо, дружище!

— Желаю боевых успехов. Будет трудно, просигнальте, выручим.

— На этот раз, думаю, не понадобится.

Катер ушел так же бесшумно, как и появился. Отряд исчез в скалах.

Морская пехота, взаимодействуя с Советской Армией, штурмовала укрепления фашистов на хребте Муста-Тунтури. Командование Северным флотом решило высадить морской десант в глубоком тылу противника, прямо в порт Линахамари. Но вход в залив прикрывали многочисленные огневые точки. Самыми опасными для десанта были батареи на мысе Крестовом — четырехорудийная 88-миллиметровая (зенитная и противокатерная) и четырехорудийная же 155-миллиметровая тяжелая. Мыс упирался в изгиб чулкообразного залива. Его орудия простреливали залив вдоль и поперек.

Мыс Крестовый был ключом от Петсамо.

Командование поставило перед отрядами североморцев старшего лейтенанта Леонова и капитана Барченко боевую задачу: высадившись

ночью на побережье в тылу у противника, форсированным маршем скрытно подойти к батареям, атаковать их и захватить или уничтожить к назначенному часу прорыва советского десанта в залив.

* * *

Отряд Леонова ночью продвигался вглубь вражеского берега. Впереди лежали непреодолимые, казалось, горные нагромождения. Ни дороги, ни тропинки. Бушевал ветер. Он то швырял охапки мокрого снега, то хлестал ледяным дождем.

Цепляясь за выступы, подтаскивая друг друга на канатах, разведчики преодолевали высоты. Иногда камень вырывался из-под ноги, и в пропасти рождалось грохочущее эхо. Отряд замирал, но поднимался вновь, и вновь полз, карабкался, бежал...

Виктор Леонов, последним покинувший катер, шел теперь впереди, прокладывая путь отряду. Мускулы его в этом испытании были напряжены до предела, но душа командира радовалась — никто не отставал!

Все восемьдесят шесть разведчиков одолевали гибельные пространства.

...На третьи сутки в вечерних сумерках на вершине хребта, с которого открывался мыс Крестовый, появились люди. Лица их были обострены и черны. На плечах висели изодранные в клочья маскхалаты. Грязь покрывала одежду, словно они только что вышли из болота.

Люди тревожно всматривались туда, где еле виднелась вражеская батарея.

Это был отряд Леонова. Шестидесятикилометровый путь по горам и тундре остался позади. Перед взорами отважных разведчиков лежал мыс Крестовый с батареями — «ключ от Петсамо».

Леонов собрал командиров отделений, коротко изложил план удара и, указывая вниз, сказал:

— Атакуем с ходу, бегом.

Леонов поднял автомат, прыгнул, и за ним, словно лавина, устремились разведчики, обгоняя друг друга. В темноте кто-то натолкнулся на проволочное ограждение. Затрещали звонки, взвились автоматические ракеты.

— Хальт!.. Хальт!.. — испуганно заорал освещенный ракетами фашистский часовой.

«Поднята тревога, — неотвратимое бедствие для отряда», — пронеслось в сознании Леонова. Он дал очередь по часовому, швырнув ватник на колючую проволоку, закричал:

— Вперед!

Бушлаты и ватники полетели на ограждение.

Славившийся в отряде исключительной силой сибиряк Лысенко схватился за противотанковый еж и одним рывком, словно штангу, поднял его вместе с проволокой.

— Пролазьте, пролазьте быстрее! — кричал он, стоя под ливнем пуль.

Фашистские орудия били прямой наводкой. Цветные трассы прошивали все пространство. В небе висели ракеты. В призрачном свете мелькали тени, рождались вспышки.

Оборонительный пояс был прорван, североморцы ворвались на батарею. Навстречу разведчикам бежали фашисты.

За Леоновым, пригнувшись к земле, следовали двое десантников. Он оглянулся, узнал их.

— В обход! Ударьте с тыла!

Семен Агафонов и Андрей Пшеничных поняли командира. Они поползли влево.

Враг уже находился на расстоянии прыжка. Лучший фехтовальщик отряда старшина первой статьи Колосов рванулся вперед, размахивая прикладом автомата. Он врезался в группу гитлеровцев, как метеор.

Завязалась рукопашная схватка.

Силы были далеко не равные. Леонов знал это хорошо, но надеялся на отвагу, сплоченность, физическую выносливость и опыт разведчиков. Перебегая от одного отделения к другому, он видел все поле боя, и там, где людям приходилось трудно, сам действовал автоматом, как боец. Разведчики, оберегая своего командира, сокрушали наседавшего врага.

Схватка продолжалась полтора часа.

Вдруг одно из орудий ударило по фашистам. Это Агафонов и Пшеничных, покончив прикладами и финками с орудийным расчетом, развернули орудие против гитлеровцев. Разведчики в страшном ожесточении работали у трофейной пушки, громя прямой наводкой тех, которые продолжали сопротивляться. Враг дрогнул и заметался.

* * *

Сопротивление на высоте было сломлено. Отряд Леонова захватил батарею.

Но бой за нее продолжался.

На рассвете фашисты открыли по мысу артиллерийский огонь с противоположного берега залива. К побережью, захваченному отрядом, устремились катера и шлюпки с десантными группами противника.

Леонов приказал:

— Атаковать десанты!

Два трофейных орудия били по катерам и шлюпкам. Разведчики встречали врага огнем и штыковым ударом.

Леонов лежал за большим камнем почти у самой воды. Отсюда ему открывался весь залив и почти вся линия обороны, занятая отрядом. Воспаленные от бессонницы глаза его шарили то по заливу, то по берегу. Он встречал гитлеровцев огнем автомата. В невероятном напряжении рождалось знакомое командиру чувство ответственности и за судьбу отряда и за «ключ от Петсамо», который отряд держал теперь в своих руках.

Фашисты осаждали мыс методично и упорно. Так же методично и упорно отряд Леонова сбрасывал в залив гитлеровцев. Разведчики дра-

лись не числом, а умением, самозабвенно и бесстрашно. Воспитанные Коммунистической партией в духе стойкости и беззаветной преданности Родине, они знали, что сражаются за честь и независимость советского народа, за торжество великой идеи, которая жила в их сердцах, — за коммунизм. Это давало им невиданную силу, рождало геройские подвиги.

Восемнадцать гитлеровцев выскочили из шлюпки на берег. И в тот же миг среди валунов, казалось, ожили два серых камня. Притаившиеся на берегу старшина второй статьи Пшеничных и старшина второй статьи Гугуев, делая крупные прыжки, врезались в десантную группу. Схватка продолжалась несколько минут. Половина группы была уничтожена, остальные кинулись в залив.

В другом месте группу врагов человек в тридцать встретили Агафонов, Бабилов, Никандров, Барышев и Каштанов. Пять разведчиков уничтожили шестнадцать фашистов. Остальные спаслись бегством.

Напряжение росло с каждым часом. Утром у разведчиков остались считанные патроны. Гитлеровцы окружали батарею. Бой теперь распался на отдельные очаги рукопашных схваток. Леонову приходилось все время выкраивать резервные группы, перебрасывать их с места на место на самые трудные участки.

— Держаться до ночи! — кричал он. — Держаться на штыках!.. Умереть, но держать батарею.

Над мысом появились самолеты. Леонов узнал их сразу — наши штурмовики. Связист отряда уже переговаривался с их командиром.

— Где фашисты? Где фашисты? — спрашивало небо. — Обозначьте свое место.

Штурмовики сбросили отряду патроны и продовольствие.

Они, сменяясь, весь день ходили над мысом, поддерживая разведчиков.

* * *

Двенадцать раз отряд ходил в контратаки, отесняя наседавшего противника.

Уставали руки. Глаза, казалось, слипались. День тянулся, словно вечность.

Над мысом пала ночь. Но и она не принесла облегчения. Бой за Крестовый разгорелся еще ожесточеннее. Гитлеровцы, подтянув свежие силы, группа за группой, не давая передышки, атаковывали разведчиков.

Отряд Леонова с боем отходил на высоту, занятую отрядом капитана Барченко. Леонов посматривал на часы. Через три часа его друг командир торпедного катера Александр Шабалин поведет корабли с десантом в залив.

Немцы начали седьмую, самую яростную ночную атаку. И в седьмой раз разведчики Леонова, теперь уже вместе с отрядом Барченко, встретили противника рукопашной схваткой.

Бой был жесток и тяжел. В самый разгар его высота осветилась, словно кто-то распорол темное покрывало неба. По всему побережью зажглись прожекторы, вспыхнули осветительные снаряды и ракеты.

Фашистов ошеломила этот свет.

Разведчики поняли: в залив ворвался Шабалин.

Противокатерная батарея на мысу Крестовом молчала. Замки от ее орудий находились в руках разведчиков.

Бой длился еще сутки. Разведчики вновь заняли батарею, вставили замки в уцелевшие орудия и открыли огонь, помогая десанту советских моряков закрепиться на противоположном берегу.

Гарнизон 155-миллиметровой тяжелой батареи продолжал сопротивляться. Он находился на самом краю мыса, за узким двадцатиметровым перешейком. Разведчики просочились через этот перешеек и принудили фашистов капитулировать.

Мыс Крестовый был полностью очищен от противника.

Леонов стоял перед строем пленных. Их было больше, чем разведчиков. Глядя на вражеских артиллеристов в длиннополых шинелях, он брезгливо заметил:

— Вояки!

Утром к мысу подошел торпедный катер Шабалина. Герой прорыва жал руку Леонова и, указывая на объятые огнем постройки порта, кричал:

— Сопротивляются, черти! У них доты, колпаки...

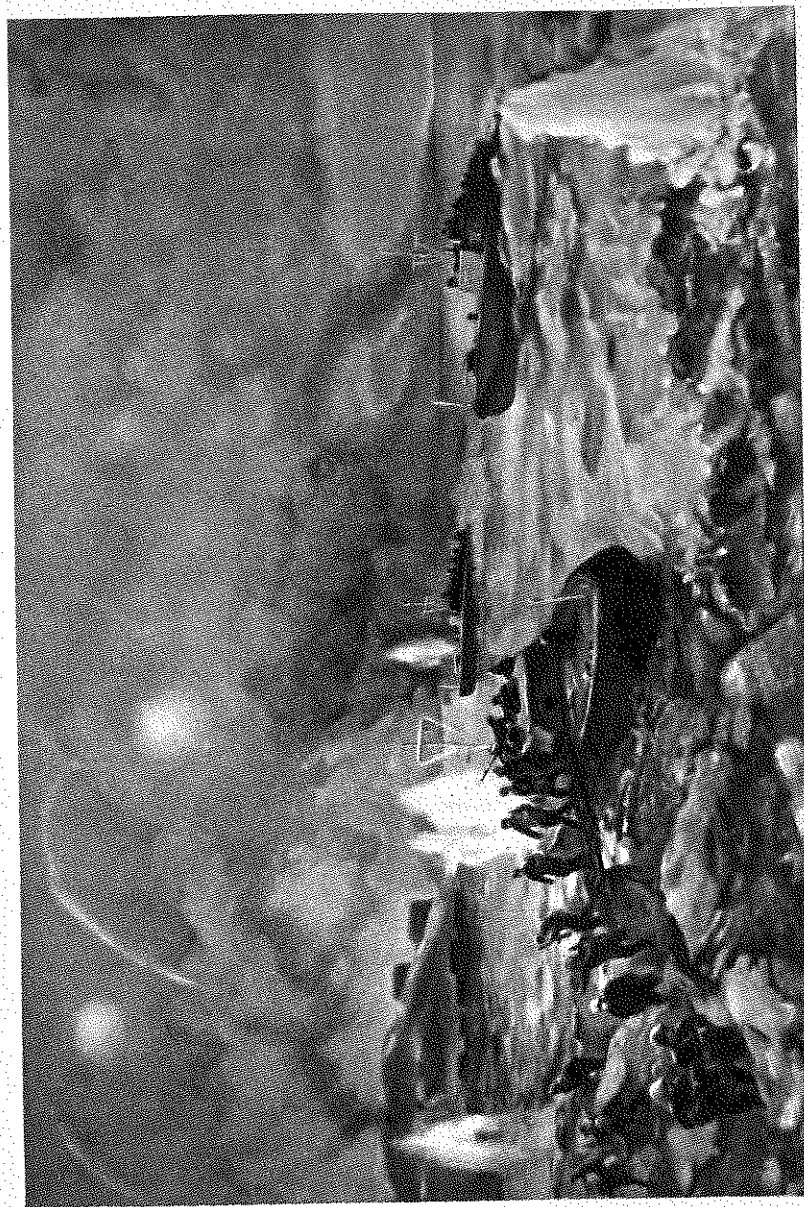
Отряд Леонова переправился с Шабалиным на ту сторону, захватил господствующую над Линахамари высоту и сражался, пока порт не очистили от врага.

После боя отряд вернулся на мыс похоронить своих друзей, павших в жестоких схватках за «ключ от Петсамо». Их было семь человек.

У свежей братской могилы Леонов снял шапку. Копну вьющихся волос зашевелил ветер. Левая щека с ямкой, выдолбленной осколком в прежних боях, мелко вздрагивала.

— Вечная слава павшим в боях за Родину!

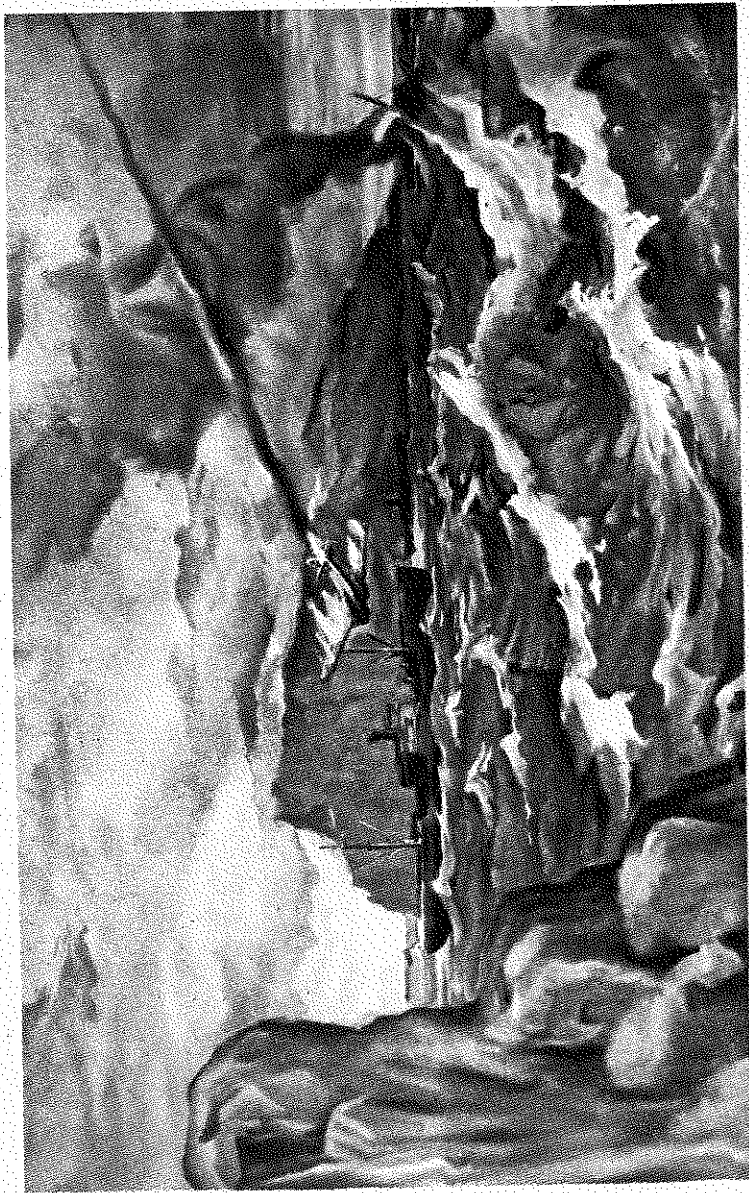
У берега ревели заведенные моторы катеров, ожидая отряд. Ему надо было идти на выполнение следующего боевого задания.

Десант в Линахамари. Октябрь 1944 года

С картины художника П. Горбунова

Подъем летчиков-североморцев капитана Баштыркова и сержанта Гаврилова
С картины художника Л. Островой

АЛЕКСАНДР ОЙСЛЕНДЕР

ДОРОГА НА ПЕТСАМО

В а поворотом
у откоса
Крутой обрыв — и целый миг
Над бездной
Дымные колеса
Вращает смелый грузовик.

Там, под ногами, Ледовитый,
А здесь, вверху, в лиловом сне
Вершины тучами повиты —
И вдруг на страшной крутизне
Землянки лепятся к вершинам,
Как гнезда, свитые весной.
Разъезд. Шлагбаум. Бак с бензином...

...И вновь мелькают предо мной
Шинели, сумки, одеяла
И столько бугсов,
Словно вся
Вот здесь
Германия бежала,
Из пекла
Ноги унося!

АЛЕКСАНДР МАРЬЯМОВ

ПЕЧЕНГСКИЙ ДЕСАНТ

I

Вскоре после обеда катера были приведены в готовность. Приказано принять на борт трапы. Катерникам стало ясно, что операция предстоит десантная, и гадать, куда именно придется на этот раз высаживать десант, тоже не приходилось. Позавчера высадили морскую пехоту западнее хребта Муста-Тунтури. Моряки Рассохина ударили по вражеским укреплениям в лоб, моряки Крылова подошли туда с тыла. Укрепленная линия у перешейка полуострова Средний, линия, которую неприятель создавал на протяжении трех с лишним лет позиционной войны, была прорвана. Шестая горно-егерская отступала к Петсамо. Туда же подтягивались фашистские части с юга и резервы с запада, и нужен был немедленный внезапный удар по этому последнему узлу — по самому сердцу вражеской обороны на нашем Севере — по городу и порту Петсамо.

На город двинулась армия. Флоту предстоял бросок в порт Линахамари — прорыв в Девкину заводь и высадка десантников на причалы. В том, что на этот раз задача будет поставлена именно так, не сомневался никто из обитателей офицерской землянки. Притворов и Макаров возвратились с первой высадки. Теперь им предстояло идти снова. Готовились к выходу Киреев, Павлов, Остряков. Желваков ходил чернее тучи: он тоже надеялся быть среди тех, кто первыми ворвутся в Петсамо, но на катере не в порядке был винт, а водолазы задерживались. Приходилось оставаться и Кузнецову. Кузнецов подошел к Павлову и рассказал, почему он остается в базе сегодня, рассказал, несмотря на то, что Павлов и без того отлично знал причину. Макаров тоже знал все, да, кроме того, он только что слышал слово в слово все, что Кузнецов говорил Павлову. Однако несколько минут спустя Кузнецов подошел к Макарову и повторил ему свой рассказ так же подробно и так же смущенно. Похоже было, что, оставаясь, он стыдился чего-то. Но чего же ему было стыдиться?

Накануне Кузнецов одним из первых выбросил трап на вражеский берег. Трассы мчались на катер со всех сторон. Тяжелые снаряды и мины рвались по корме у самого борта, но катер ошвартовался где сле-

довало. Десантники были высажены как надо. До этого у Кузнецова тоже были нелегкие схватки с кораблями немецких конвоев, бои с батареями, отлично потопленные вражеские транспорты. Никто не сомневался, что он и на этот раз также искренне стремится в море, хочет драться и будет еще превосходно драться завтра или послезавтра, когда придет время и ему прикажут. Никто из уходящих и не думал в нем сомневаться, и Кузнецов сам отлично знал это, но не мог отделаться от своего смущения, смешанного с острой завистью, постоянного чувства катерников, остающихся в землянке, в то время как товарищам предстоит бой. Между койками хлопотал Вася Игумнов — связной-краснофлотец. Войну он начал в пехоте. Был ранен на Западной Лице, вернулся в морскую бригаду, ходил в дальние тылы противника, потом был ранен снова, и на этот раз тяжело. Игумнова хотели демобилизовать, он наотрез отказался, просил, чтобы его оставили на флоте. Вернуть его в строй было невозможно, он попал к катерникам и стал связным в той же землянке, где жили командиры катеров.

База была новая, еще не обжитая. Первые дома лишь строились. На скале поднимался остов будущего офицерского клуба. Строители показывали: здесь будет зал, здесь — библиотека, но представить себе все это было еще трудно.

В кают-компании, в бывшем рыбацьем доме, за столами, где сидели базовые техники и интенданты, только и разговору было, что про движок, который нужно достать, про бревна, которые нужно доставить с Кильдина, про обещанные в Мурманске доски. А жили пока в землянке. Землянка сложена из торфа, а внутри обшита тесом. Здесь собирались вечерами командиры катеров в синих комбинезонах, пели, играли на гитаре. В углу копошился Вася Игумнов. Несмотря на боевую свою биографию и недавние лихие дела, был он удивительно тих и неприметен, работал неслышно, казалось неторопливо. Но печка в землянке всегда бывала растоплена во-время, вода принесена, где-то за печкой припасен бензин для офицерских зажигалок и чистель для пуговиц, белье на койках менялось, смена чистого белья и целые носки появлялись перед каждым, кто лишь помянул о том, что собирается в баню. Вася Игумнов гасил свет, когда засыпал последний из офицеров, и оказывался в своем углу, когда первый проснувшийся открывал глаза. Была в этом незаметном связном удивительная черта — готовность к полному самоотречению ради дорогого человека. Когда сам он перестал с оружием в руках бить врага, он все существование свое посвятил заботе о тех многих воюющих людях, в чью землянку привела его военная судьба. Он стал для них терпеливой нянькой, провожал их и ждал, беспокоясь о каждом.

Так провожал он уходивших и теперь: проверял, целы ли у Киреева носки, собраны ли вещи, высохла ли куртка Макарова, промокшая в прошлом походе.

Десять минут осталось до выхода. В полутьме осеннего полярного утра заводили у причалов катерные моторы. Пора, пора! То с одной, то

с другой палубы доносится команда «Смирно». Командиры ступили на борт своих катеров.

Семь часов. Время. Головной катер отвалил и пошел к выходу из залива. Командиры и пулеметчики проверяют оружие, и мы входим в строй. Тоже ложимся в кильватер. Идем принимать десантников. Много раз выходили так катера из этой бухты, ложась на курс к Варангер-фиорду. Там были тяжелые бои и славные победы. В июле в одном из таких боев потопили девять фашистских кораблей. В одну из августовских ночей — четырнадцать. Тогда катерники знали — главное впереди. Главное настанет, когда придет час брать Петсамо. Этого ожидали в июле 1941 года, когда высаживали десантников в Западной Лице, чтобы остановить врага, рвавшегося к Мурманску. Об этом думали в мае 1942 года, когда десант штурмовал Пикшуев маяк и вел бой с егерями, чтобы сорвать новое летнее наступление неприятеля. И когда в 1943 и 1944 годах корабли и авиация флота повели наступление на северных вражеских коммуникациях, все поняли — это подготовка к битве за Петсамо.

И вот время пришло. Поход по спокойной воде залива — и катера швартуются у причала, затерянного между пустынных, на первый взгляд, скал. Только старый транспорт стоит здесь близ пирса, да пытит навстречу какой-то выходящий из залива ботишко. Но пустота обманчива. Еще не успели ошвартоваться последние катера, как на скалах появились бойцы.

Отряд майора Тимофеева спустился на пирс. Все бойцы в новом зимнем обмундировании, большинство с автоматами. Высадка ночью, а покуда идем на Средний — в небольшую гавань. Где-то вдаль бьют корабельные пушки. Эсминцы ведут обстрел вражеского берега. Над Варангер-фиордом проходят штурмовые самолеты. Волна за волной они обрабатывают передний край обороны противника. С запада слышны ответные залпы неприятельских береговых батарей. Позиционные будни окончились, началась страда наступления.

Все дышало вдохновенным азартом. В штабной землянке непрерывно звонили телефоны. Флагманские специалисты ходили с воспаленными от бессонницы глазами. Только что было принято радио от командира разведчиков капитана Барченко. Разведчики высадились два дня назад в Матти-Вуоно. Скрытно, по глухим тылам прошли к мысу Крестовый и теперь после короткого жаркого боя овладели вражеской батареей. Гитлеровцы жмут, высаживают десанты со шлюпок. Разведчики снова ведут бой, но батарея стрелять не будет. Задача выполнена.

Моряки полковника Крылова на марше. Они движутся к поселку Порова. На марше и моряки полковника Рассохина: идут к Крестовому — туда, где сражаются разведчики. И в то же время из мест, которые за последние два дня стали глубокими, отдаленными тылами, с побережья Мотовского залива, от Пикшуева маяка, из Титовки, с Могильного мыса доносят о том, что там расчищают побережье, подбирают случайных, укрывающихся в горах гитлеровцев, выходят

на береговые батареи и опорные пункты.

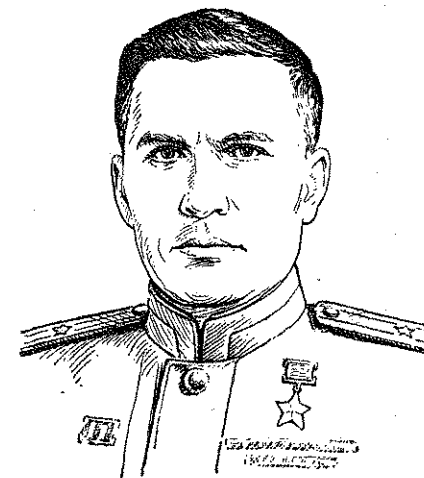
Наши ушли далеко на запад. Темнеет. В каюту Острякова спускается лейтенант Матюхин, командир роты автоматчиков. До боя остались считанные минуты. Задача — одна из самых сложных и опасных в ходе всей операции. Но лейтенанта это не волнует, по крайней мере внешне. Войну Матюхин начинал рядовым бойцом морской пехоты, бывал в десантах. Быстрый ум, точный расчет, умение быстро принимать решения сделали его боевым офицером. Он очень точно представляет себе все, что предстоит нынче ему самому и бойцам его роты. И однако, взглянув на майора Субботина и лейтенанта Калашникова, улыбается.

— Война войной, — говорит он, — а подзаправиться нужно.

Катерный радист Сахаров принес большой чайник, нарезал хлеб, колбасу, открыл консервы. В носовом кубрике тоже ужин. Там с аппетитом плотно заправляются автоматчики. С ними старший моторист катера Авдонин, первый весельчак. Еще когда шла посадка, он слышал, что автоматчики в большинстве своем ребята молодые. Такого огонька, какой выпадал уже на долю катера, они еще не видели, и Авдонин рассказывает о недавних боях в Варангер-фиорде, о трассах, летевших на катер, о том, что не так страшен черт, как его малюют. А глаза у автоматчиков жадные и нетерпеливые, потому что ожидание томит больше боя, и стреляющий враг не так уж страшен, как враг невидимый и выжидающий. Авдонин хорошо помнил это по первым своим походам, и теперь он готовил автоматчиков к встрече с противником, старался приблизить их к будущему бою, и все выходило у него не страшно, все освещалось его улыбкой. А автоматчики пытались представить себе, какая же она — эта Печенга?!

Первыми отошли от пирса катера Героя Советского Союза Шабалина и капитан-лейтенанта Успенского. У них задача особая. Невысокий, спокойно молчаливый Александр Шабалин — один из самых старых северян среди катерников. Ему довелось бывать в Девкиной заводи и перед войной и во время войны. Теперь они с Успенским должны первыми войти в гавань, занятую врагом, принять на себя тяжесть первого ответного удара, проложить путь остальным.

На борту катера старшего лейтенанта Киреева идет командир операции капитан второго ранга Коршунович. Весной и летом нынешнего

Герой Советского Союза
капитан 3 ранга, в год выпуска книги
контр-адмирал
Сергей Дмитриевич Зюзин

года под командованием этого опытного и смелого морского офицера проведено несколько успешных набеговых операций. Именно он одержал памятную победу августовской ночью, когда торпедами североморцев были пущены ко дну четырнадцать фашистских кораблей. За флагманом катер старшего лейтенанта Бориса Павлова. Он проходит у самого нашего борта. Павлов, отвернувшись на миг от руля, поднимает руку, приветствуя товарища. Крупный, плотный и несколько тяжеловатый в движениях, Борис кажется еще монументальнее в своей меховой походной одежде. Похоже, что он врос в палубу своего катера и нет силы, которая бы сдвинула его, заставила отвернуть. Хладнокровно ясный, трезво расчетливый командир, он умеет принимать быстрые решения и выполнять их так же мгновенно. Внешняя его неуклюжесть обманчива. Девятого апреля он был в дозоре у берегов Северной Норвегии. Ему посчастливилось. Навстречу из фиорда вышел транспорт в охранении сторожевика. Павлов сблизился с ним до предела и торпедировал сперва сторожевик, потом транспорт. Позднее у него было еще несколько таких же смелых и ярких побед. Счет его катера — один из наибольших в соединении.

Мы ложимся в кильватер катеру Павлова. Следом подстраиваются остальные. Сумерки. Быстро падающая темнота осенней полярной ночи, приближающийся отзвук оружейной стрельбы. Еще далеки отсветы прожекторов. Катера идут в Петсамо...

II

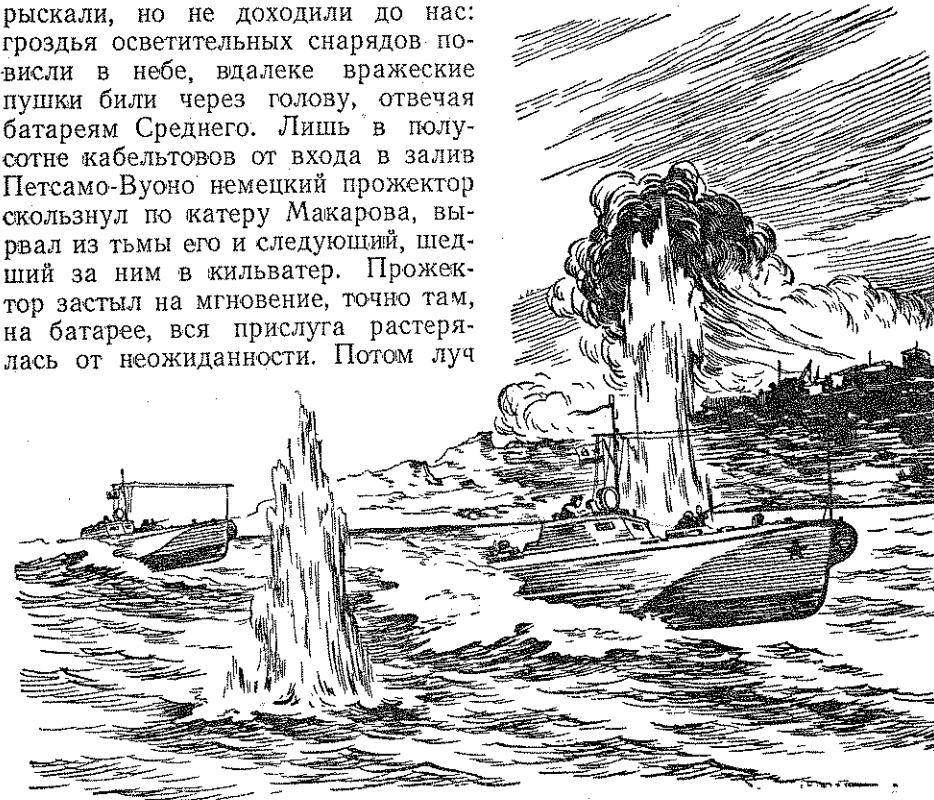
Про Анатолия Ивановича Кисова командир одного из катеров Николай Дербеднев как-то сказал:

— Хороший товарищ. Он меня дымом прикрывал.

Есть у катерников такие выражения, которые, на первый взгляд, ничего особенного не заключают, но за которыми на самом деле скрывается большой смысл. Ну что, казалось бы, такого в том, что один катер, пусть даже во-время, пусть в самую нужную секунду, протянул перед другим катером, ведущим бой, дымовую завесу. Однако эта помощь зачастую спасает корабль и жизнь его экипажа. С другой стороны, для катера-дымзавесчика помощь эта в свою очередь нередко связана со смертельным риском. Для того, чтобы прикрыть товарища дымом, нужно пройти между катером, находящимся в опасности, и атакующими его кораблями, пройти, подставляя собственный борт ураганному огню вражеских пушек и автоматов. Кисов проходил. Он не только прикрывал товарищей дымом, но решался во имя боевой дружбы на подвиги, еще более самоотверженные. В начале мая он ходил в паре с Иваном Желваковым на «свободную охоту». У острова Лилле Эккерей они повстречались со сторожевыми кораблями и катерами противника, завязали бой, потопили по сторожевику, но силы были неравны, и катер Желвакова получил серьезные повреждения. В дыму, в жестокой горячке боя, едва оторвавшись от вражеских кораблей, Кисов услышал

по радио тревожный голос Желвакова. Только лицемеры говорят, будто легко и нестрашно вернуться в бой, из которого только что вышел целым, хорошо выполнив свою задачу. Но Кисов услышал голос товарища, вспомнил лицо Вани Желвакова, вспомнил его матросов и вернулся, по густо скреживающемуся огню подошел к борту, снял всю команду — здоровых и раненых, взорвал ползатонувший маленький корабль и ушел. Теперь Кисов — командир отряда, он идет на борту нашего катера. Худощавый, с очень резко очерченным нервным лицом, Кисов стоит на палубе, вглядываясь в темноту. Впереди белые буруны из-под винтов павловского катера. Слева на Среднем вспышка стреляющих тяжелых орудий. Далеко к зюльду — щупальца фашистских прожекторов, над головой то там, то здесь странным сиянием освещалось облако. Сияние это становилось все ярче, и, наконец, вспыхивал ослепительный шар, заливая море мертвенно голубым светом. Вражеские батареи стреляют осветительными снарядами, освещая море в предчувствии беды, но торпедные катера идут вперед.

Мы долго шли по заливу, оставаясь необнаруженными. Прожекторы рыскали, но не доходили до нас: гроздь осветительных снарядов повисли в небе, вдалеке вражеские пушки били через голову, отвечая батареям Среднего. Лишь в полусотне кабельтово от входа в залив Петсамо-Вуоно немецкий прожектор скользнул по катеру Макарова, вырвал из тьмы его и следующий, шедший за ним в кильватер. Прожектор застыл на мгновение, точно там, на батарее, вся прислуга растерялась от неожиданности. Потом луч

скользнул вперед, назад. Новая гроздь осветительных снарядов рассыпалась в вышине. Все мы на палубах катеров почувствовали себя так, будто очутились внезапно раздетыми догола в этом холодно-голубом и мертвом свете. Но времени для размышления уже не осталось. Оба берега у входа озарились вспышками, грянула батарея, зачастили автоматы и пулеметы. Трассы скрестились над катером, пошли книзу, пули засвистели рядом, всплески поднялись у бортов. Стреляли батареи с Крикуна, с Нурменсэтти, с Нумерониими.

Гирлянда осветительных снарядов погасла, прожектор ушел, и нужно было воспользоваться этой секундой, чтобы прорваться в узкость залива, оставляя позади батареи, охранявшие вход. Где-то вблизи снова вспыхнул и тут же погас прожектор. По нему ударили с катера Киреева. Теперь били уже все корабли. На нашем катере Савченко жал на рычаг пулемета, целясь по трассам; с правого борта давал очередь за очередью Соколов. Командир отделения мотористов, ловкий и быстрый Офинцев, помогал носовому комендору Фомкину; на корме разворачивался комендор Ахуняков, коренастый и молчаливый матрос. Кисов кликнул одного из торпедистов и велел ему вызвать снизу двоих пулеметчиков и нескольких автоматчиков из десантного отряда, чтобы огонька было побольше. Под свистящими пулями, в брызгах морской воды, десантники доставали свои пулеметы. Это было то самое, к чему их готовил Авдонин. Десантники стали стрелять, прицеливаясь тоже по трассам, летящим с обоих берегов. Треск и грохот разрывов, свист пуль, шум моторов сливались вместе, и, странно, сквозь этот грохот можно было все же услышать слабый звон падающих на палубу гильз и обрывки разговоров с других катеров, доносимые радиоволной до репродуктора на мостике рядом с Кисовым.

Командир то и дело менял хода. Нужно было сбить врага с толку, не дать пристреляться, найти упреждение на скорость хода.

Темнота. Полный газ, снова свет и трассы с берега. Трассы такие частые, что кажется, все вокруг пронизано раскаленными пулями, визжащими минами, снарядами всех калибров. Бьют оба берега. Залив становится все теснее, совсем узкая горловина поворота, совсем тесное скрещенье пулеметных трасс. Лоцман Сучков предупреждает командира: «Впереди окупаны камни». Мирный гидрограф, он вчера пришел на катер. Когда-то он водил транспорты в Девкину заводь. Думал ли он, готовясь к своей мирной специальности, что в его лоцманской практике выдастся такая ночь? Однако с тихими и даже робкими в будничной жизни людьми в бою зачасую происходят удивительные перемены. Лоцман держится отлично, силясь перекричать грохот боя. Он предупреждает о камнях, об изгибах залива, нагибается к люку, чтобы передать десанникам приказание командира приготовиться к высадке.

Остались секунды, но какие! Они долгие, эти секунды боя. У катеров тоже хватает огня, и фашистам на берегу достается крепко. То в одном месте, то в другом обрываются внезапно трассы, замолкают пулеметные точки, гаснут прожекторы. Вперед!

Широко, амфитеатром — меж высоких скал — открывается Девкина заводь, освещенная пламенем пожаров. Гитлеровцы жгут причалы и бензобаки. Киреев вырвался вперед, обежал всю гавань. Мы тоже бросаем шашки, дымят и остальные катера. Где-то рядом высаживают уже своих людей Шабалин и Успенский. По радио слышен голос Макарова. Он подходит к угольному пирсу, но мы ничего этого не видим, лишь силуэт какого-то катера совсем близко, — нужно успеть отвернуть от него. Высокое пламя горящего нефтяного причала. Дым, дым. Остряков ориентируется теперь по пожару, идет на него и — внезапный резкий толчок. Катер сел, огонь сосредоточивается на нем. Сколько это длится, сказать невозможно, — может быть, секунду, может быть, минуту. Еще рывок. Мы снимаемся с камня и снова скрываемся в дыму, прорываясь к берегу, к цели. Этот пожар, эти темные силуэты строений на берегу — это и есть Печенга — заветная наша цель. У самого пирса катер упирается носом в скалу.

— Десант на берег! — хрипло командует Кисов. Автоматчики выбегают из кубриков, из командирской каюты, из ахтерпика, хватают ящики, уложенные под торпедными аппаратами, прыгают на берег и сразу открывают стрельбу. Им помогают торпедист Кривошеин и лоцман.

Пробежал майор Субботин, немолодой уже, высокий и плотный человек. Внизу, в небольшой командирской каюте, он казался даже грузноватым. Здесь он действовал быстро, с неожиданной легкостью, подчиняясь стремительному ритму событий. За майором выскочил на камни молодой автоматчик с лицом по-детски удивленным, с расширившимися глазами, полуслепленными ярким полыханьем горячей нефти. Матюхин был уже на берегу. Автоматчики, пулеметчики, саперы с длинными миноискателями прыгали на берег, рассыпались, скрывались в дыму и пламени, открывали огонь по шоссе, на котором видны были фигуры бегущих фашистов.

Несколько минут — и наше дело окончено. Десант высажен без потерь. Пожар прикрывал нас от берега, дым — от залива. Гитлеровцы били в дым без прицела.

Многомесячная подготовка, решимость, воспитанная в десятках тяжелых боев, весь трудный опыт войны соединились сегодня в этой операции, самой дерзкой и в то же время так трезво и всесторонне обдуманной, целиком рассчитанной на стремительность и внезапность, на успех, достигнутый предельно малыми силами.

Кисов подносит ко рту мембрану передатчика и, не повышая голоса, вызывает походный штаб адмирала.

— Я Кисов, — говорит он. — Я Кисов Десант высажен, причалы горят, начинаю отход.

И штаб отвечает:

— Слышу вас хорошо.

Этот штаб все время с нами. Там слышат отзвуки наших очередей и разрывы снарядов, следят за каждым из катеров, устанавливают

связь с высаженным только что десантом, оттуда посылают самолеты, чтобы они нас прикрывали, дают команду морякам-батареям, чтобы те давили своим огнем обстреливающие нас пушки и назойливые прожекторы. Там знают и о разведчиках, которые здесь же, рядом с нами, ведут тяжелый бой на мысу Крестовом, и о батальонах морской пехоты, которые преодолевают невероятно трудный путь по крутым и высоким скалам каменной северной тундры, на плечах протаскивают пушки на отвесные скалы, торопясь сюда, в Печенгу.

На командном пункте находится как бы пульт, управляющий всей огромной и сложной машиной наступления, приведенной в движение несколько дней тому назад. Мы все время чувствуем себя накрепко связанными с этим пультом, чувствуем, что, если это понадобится, там все сделают, чтобы не дать нам попасть в беду.

Мы отходим от берега и разворачиваемся в неразвевшемся еще дыму. Дым этот попрежнему прорезывают неприцельные, частые трассы. Очень близко в дыму и зареве проносится мимо силуэт катера. Это Александр Шабалин лег на обратный курс, сделав свое дело. Следом отворачивают Коршунович с Киреевым, потом Павлов. Мы снова ложимся в кильватер. Снова узкий огненный коридор, свист пуль, мин, обнажающий нас холодный голубой свет.

Видны силуэты кораблей, идущих встречным курсом. Это входят в узкость сторожевые катера гвардии капитана третьего ранга Зюзина. Второй эшелон, второй бросок десанта. Какие только боевые задачи не приходилось решать этим небольшим быстроходным кораблям в военные годы. Они эскортировали транспорты, выходили на поиск подводных лодок, высаживали десантные группы в тылу врага, вели обстрел береговых укреплений, — и почти всеми выполненными операциями лично руководил командир соединения Сергей Дмитриевич Зюзин, чей флаг перебывал на мачтах всех катеров в самые опасные для них минуты.

Перед нами открытое море. Снова бьют Нумерониemi и Нурмен-сэтти из тяжелых орудий, бьет Крикун. Проскакиваем поражаемое пространство на полных ходах. Почему-то входные фашистские батареи ставят заградительный огонь позади, за кормой у выскочивших уже в море катеров.

По радио слышно, как командиры морских охотников передают о начавшейся высадке новой волны десантников.

Позже — новое радио. Шаповалов своим ходом вышел из Печенгского залива, следует в базу. Отлично выскочил, несмотря на полученные повреждения, и катер Успенского. Все корабли целы.

Мы идем по спокойному морю, сбавляем обороты, прекращаем зигзаг. Все переводят дыхание. Лоцман говорит Острякову:

— Вот теперь я окончательно поверил в то, что невозможных вещей нет.

Ни грохот моторов, ни далекие орудийные залпы не нарушают ощущения удивительной тишины, установившейся после выхода из боя. Все еще оглушены немного, все говорят громче, чем следует. Кисов не забы-

вает отчитать Соколова за слишком длинные очереди, за то, что без нужды перегревался пулемет, и тут же одобряет:

— А по трассам бил хорошо, прицел точный.

Савченко сбросил свою затлевшую от жара куртку. Промокший при высадке десанта Кривошеин уходит греться вниз, в машину.

В небе, над головой, мы впервые замечаем светящуюся туманность неяркого северного сияния. Сейчас оно пролегло широкой дорогой от Среднего на Петсамо; вверх, к этому колеблющемуся, рассеянному свету, устремляются лучи дальних прожекторов, зажженных на Среднем, чтобы указать нам дорогу.

Но нам приходится отвернуть от этих гостеприимных лучей. В мглстой дали тревожно мигает красный глазок. Ложимся на обратный курс. Идем к тусклому огоньку. Кто-то сигналист:

— Нуждаюсь в помощи.

Почти одновременно слышим радио с командного пункта:

— В море лишился хода поврежденный в бою катер капитан-лейтенанта Успенского.

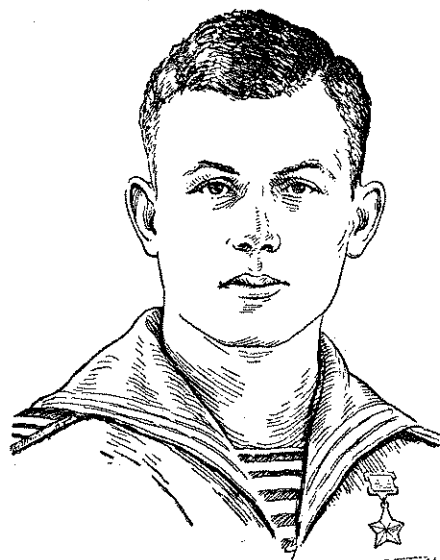
Торопимся на помощь. Находим катер и берем на буксир. Катеру досталось крепко: люди там делали чудеса, чтобы вывести свой корабль из-под огня, и они своего добились.

Катер Успенского вошел в Девкину заводь вслед за Шабалиным. Он высадил находившихся на борту десантников за горящими бензобаками. Еще когда продолжалась высадка, Успенский понял, что при отходе его непременно осветит зарево и скрыться от врага не удастся. Поэтому командир рассчитал, что лучше немного выждать, пока выскочат остальные катера, десантники отвлекут внимание гитлеровцев от рейда, а он тогда попробует стремительно проскочить опасное место. Он прождал минут пятнадцать, дал ход, но сразу оказался в ярко освещенном пятне. Фашисты сосредоточили на одиноком катере ураганный огонь. Снарядом была пробита радиорубка. Взрывная волна сорвала с Успенского каску. Был разбит руль. Упал стоявший рядом с Успенским старшина группы мотористов Курбатов. К нему бросился восемнадцатилетний боцман Леонид Светланов — ясноглазый уральский парень, одним из первых вступивший на печенгскую землю. Теперь он наклонился над Курбатовым и перевязал его искалеченную руку. Когда Курбатов поднялся, на его месте уже стоял Андрей Маляжшин, старшина второй статьи.

— Ты иди в отсек, — сказал Курбатов Маляжшину, — я тут сам справлюсь.

Залитый кровью, он встал к дросселям и начал манипулировать ими, слушая приказания командира. Руль не действовал. Катер можно было вывести, лишь маневрируя машинами. Он шел в дыму, еще оставшемся от недавно прошедших охотников. Огонь уменьшился. Катер выскочил далеко в открытое море, стал поджиматься поближе к нашему берегу, но тут заглохли поврежденные моторы, и пришлось сигналить о помощи.

*Герой Советского Союза
старшина 1-й статьи
Георгий Дмитриевич Курбатов*

Вместе мы благополучно приходим в маневренную базу. И только когда все окончено и люди уже выходят на берег, чтобы размяться на просторной земле, закурить, товарищи замечают, как сильно хромает торпедист Яценко. Во все время похода он стоял близ командира как наблюдатель, всматривался в море и в берег, докладывал. Оказывается, еще в момент отхода из Девкиной заводи Яценко был ранен, но не сказал об этом, продолжая делать свое дело.

Позже, когда командиру нужно будет писать отчет, он станет подыскивать слова, чтобы рассказать о Курбатове, о Яценко, о Светланове и Малякшине, и окажется, что все слова сводятся к скупой и привычной формуле: «В боевых условиях умело нес вахту, выполнял все приказания командира, стойко и мужественно делал свое дело». Эти

примелькавшиеся за время войны слова на самом деле очень точны. Действительно, люди делали свое дело, и в этом — все.

На катере старшего лейтенанта Шаповалова снаряд взорвался в моторном отсеке. Отсек наполнился ядовитыми испарениями. Оттуда с трудом вытащили двоих тяжело отравленных мотористов. Все это происходило еще в Девкиной заводи под жестоким, плотным огнем. Катеру угрожала потеря хода, но в отсек спустился старшина группы мотористов Коваль. Он набирал в легкие чистый воздух, затем снова нырял вниз, в отравленную духоту, и, затаив дыхание, работал. Повреждение было устранено. Катер ушел и теперь стоял неподалеку от нас у деревянного пирса.

Наутро стало известно, что десантники, высаженные в Линахамари, связались с командным пунктом. Они благодарили катерников за высадку. У них все в порядке. Порт и поселок очищены. Десантники углубляются в горы, преследуют противника, ведут бои.

III

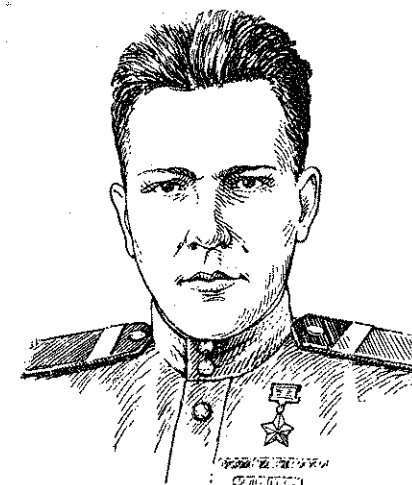
Началось утро тринадцатого октября, шел четвертый день наступления.

К югу от Печенги бойцы Красной Армии заняли Луостари — поселок и мощно укрепленный пункт, где с лета 1941 года у гитлеровцев был

один из крупных аэродромов на Крайнем Севере. Бои приближались к Баркино, к старинному Баркино новгородцев, городку в той группе населенных пунктов, которая ныне известна под общим названием Петсамо. На соединение с армией спешил со своими моряками полковник Крылов; полковник Рассохин продолжал двигаться по северному бездорожью, где высокие и крутые каменные горы перемежаются топкими болотами, в ущельях текут быстрые реки, а на горных плато голубеют прозрачные холодные озера. Вести здесь наступление очень трудно, приходится отказаться от помощи всяких машин и тащить на руках все, вплоть до пушек и тяжелых ящиков с боезапасом. Рассохин должен был выйти на мыс Крестовый и соединиться там с разведчиками, державшими захваченные вражеские батареи, а затем и с бойцами майора Тимофеева, очищавшими Девкину заводь. Однако эта встреча могла произойти примерно лишь через сутки, а тем временем гитлеровцы подтянули силы и все крепче жали на небольшие группы моряков, ворвавшихся в самую сердцевину вражеской обороны, нетронутую пока главной лавиной наступления.

В гарнизонах неприятельских батарей и опорных пунктов, разбросанных по побережью фиорда, воцарилось замешательство. Вчерашний прорыв торпедных катеров и десант в Линахамари показал фашистам, что у них больше нет здесь неугрожаемых точек; они все время ждали теперь новых ударов, но не знали, откуда эти удары могут последовать. Взорвав орудия и боезапас, прислуга батарей, оказавшихся в тылу наших наступающих частей, пыталась уйти на шлюпках в Норвегию, к Киркенесу и дальше, на северо-запад. Над заливом, над батареями, над прифронтовыми дорогами и горными тропами почти непрерывно висела наша штурмовая и бомбардировочная авиация.

Меняющаяся обстановка все время выдвигала новые задачи. Наступал второй этап битвы за Печенгу, этап прочного закрепления, полной очистки территории Петсамоской области, этап завязывания мешков вокруг разрозненных очагов вражеского сопротивления. Пока фашисты еще оставались в Баркино и у Трифонова ручья, группе торпедных катеров нужно было снова войти в Девкину заводь, чтобы установить связь между мысом Крестовым и Линахамари и выполнить некоторые частные задачи операции.

*Герой Советского Союза
старший сержант
Иван Павлович Каторжский*

Командовать этой группой катеров поручено было капитану третьего ранга Федорову.

Выслушав задачу и поглядев на часы, Федоров не без сожаления разбудил Кисова:

— У вас трап на борту?

Привычный служебный вопрос сразу перенес Кисова от сна к действительности нового напряженного боевого дня. Кисов ответил про трап, но тут же вспомнил, что у Острякова, кажется, может не хватить масла для моторов, вспомнил о других мелких будничных заботах, связанных с возможностью скорого выхода в море, и заторопился на катер; в море снова выходили вечером, когда сгустилась ранняя полярная тьма.

Путь в узкости, который вчера доставался катерникам с таким напряжением и опасностью, протекал нынче совершенно спокойно. С правого берега, с высот, окружающих Линахамари, слышались нечастые дальние выстрелы, короткие очереди. Левый берег был тих, еще полыхали зажженные вчера пожары, отсветы огня играли на спокойной воде, огромное зарево стояло в небе к зюйду над Баркино и Трифоновым ручьем.

С мыса Крестового кто-то просигналил нам карманным фонариком, и эти вспышки вывели катера к небольшому деревянному причалу, от которого круто вверх уходила дорога к фашистской зенитной батарее. Теперь на этой батарее хозяевами были командиры североморских разведывательных отрядов — капитан Барченко и старший лейтенант Виктор Леонов. Лишь полчаса назад разведчики закончили жестокий бой, длившийся двое суток. В результате этого боя была захвачена батарея, охранявшая вход в Печенгский залив. Шестьдесят солдат и офицеров из гарнизона этой батареи сдались в плен разведчикам и сидели теперь в одной из полуразрушенных землянок под присмотром двух раненых матросов.

Недавно на Крестовый вышли первые бойцы из Краснознаменной части полковника Рассохина. Главные силы части еще находились на марше, им предстояло преодолеть один из самых трудных перевалов пересеченной дороги. Ждать их можно было завтра не раньше полудня, но десантникам, которые вели бои за Линахамари, подкрепление нужно было немедленно. Фашисты бросили сюда автоматчиков со стороны Трифонова ручья и весь день предпринимали контратаки, намереваясь вернуть порт. Мы получили приказание перебросить с Крестового на правый берег закончивших свое дело разведчиков, а затем ожидать, пока подтянется морская пехота. В темноте группа людей начала спускаться с горы, они сядились на катера с приглушенными моторами. Катера бесшумно отходили к Линахамари.

Рассвет мы встречали в Девкиной заводи хозяевами очищенной от врага земли. Катер стоял у скалы под уступом, по которому пролегалась дорога из Линахамари в Баркино. За поворотом, у трехэтажного здания гостиницы еще рвались тяжелые немецкие мины. Противник про-

должал держаться на ближних высотках. Сама гостиница оставалась целой, вылетели лишь зеркальные стекла. В подвале матросы обнаружили заряды тола и авиационные бомбы, приготовленные для взрыва. Их еще не обезвредили, и входить в дом было воспрещено. Заминированными оказалось и большинство других зданий. Минировали гитлеровцы здесь второпях, не успев замаскировать заряды, и это облегчало работу саперов; на одном из причалов заряды тола в яркокрасных пакетах лежали прямо на досках. Между зарядами тянулись проводники, но присоединить эти проводники у фашистов не осталось времени, и причал уцелел. Дома на каменистых пригорках, здания небольшого тукового завода, портные склады тоже уцелели. Над соседним сожженным причалом возвышался исковерканный взорванный кран.

В одном из только что разминированных домов развернул свою работу полевой перевязочный пункт. Линия фронта была тут же, за домами. За поворотом дороги у крыльца молодой автоматчик с перевязанной рукой и с пятнами крови на ватнике требовал, чтобы его снова отпустили к товарищам, в бой.

— Я же совсем целый, — сказал он, будто говорил это не про себя, а про какую-то вещь. — Я целый совсем, а там у них каждый патрон сейчас на счету. Есть же такие люди на свете, не хотят ничего понять!

Он обернулся к нам со своей недоуменной жалобой, и мы узнали того паренька, что выбегал при высадке с катера следом за майором Субботиным. Махнув рукой, словно бы в знак того, что все слова и доводы у него исчерпаны, паренек поправил свой автомат и зашагал к ближней высотке, от которой слышались автоматные очереди.

— Вот так они все, — пожаловался в свою очередь доктор, — хоть силой держи!

Он пошел в дом и в дверях махнул рукой, точь-в-точь так же, как это только что сделал раненый десантник.

За домом, где укатанная грунтовая дорога входила в ущелье, меж каменистых гор фашисты построили тяжелые, толстые бетонные ворота, которые могли перегородить дорогу во всю ее ширину. Ворота эти были надежным укрытием. Именно оттуда, с суши, враг еще допускал возможность наступления на Линахамари и готовился его отражать. В ту же сторону обращены были амбразуры большинства дотов и дзотов и врытых в неподатливую северную землю бронеколпаков. Прорыв с моря в порт, защищенный батареями, которые плотным огнем перекрывали вход и все подступы к нему, огражденный минными полями и бонами, казался фашистам невозможным. Но именно с моря ворвались сюда десантники, и направление амбразур, глядевших на дорогу, оказалось самым удобным для моряков. Они закрепились во вражеских укреплениях и из трофейных пулеметов и пушек стали расстреливать отступающего по дороге неприятеля.

Неподалеку от бетонных ворот, уже возвращаясь на катер, мы встретили группу бойцов; их было пятеро или шестеро, но особенно вы-

делялся среди них один, невысокий и коренастый; глубоко запавшие черные глаза его блестели. Казалось, что все лицо его, подвижное, скуластое, каждой своей чертой говорит: «Я победил!» Так выразительно и неукротимо выбивались наружу его торжествующая сила и гордость, что можно было залюбоваться этим человеком.

— Да ведь это Каторжный! — узнал его моторист Авдонин.

Старые матросы все помнили Каторжного хорошо; он ушел добровольцем в отряд морской пехоты. В первые дни войны был во многих боях. В печенгский десант пошел, чтобы свести с врагом свои давние счеты, — еще в первый год войны были убиты его отец и брат. Вчера он первым вышел на дорогу, ведущую к Трифонову ручью, перерезал пулеметным огнем путь отступающему врагу, вдвоем с матросом Королевым водрузил красный флаг над гостиницей.

Со своими бойцами старший сержант Иван Каторжный занял одну из командных высот и прочно на ней закрепился.

С горы спустился еще один боец. Широко улыбаясь, он вел в поводу небольшую пегую кобылку.

— Видели? — закричал Каторжный восхищенно. — Матросы трофейную кавалерию завели, теперь она нам боезапас возить будет.

— Там у нас еще транспорт есть, — сказал подошедший краснофлотец и улыбнулся, — двух ишаков поймали.

— Это где же вы взяли? — заинтересовался Авдонин.

— А у «Большой Берты».

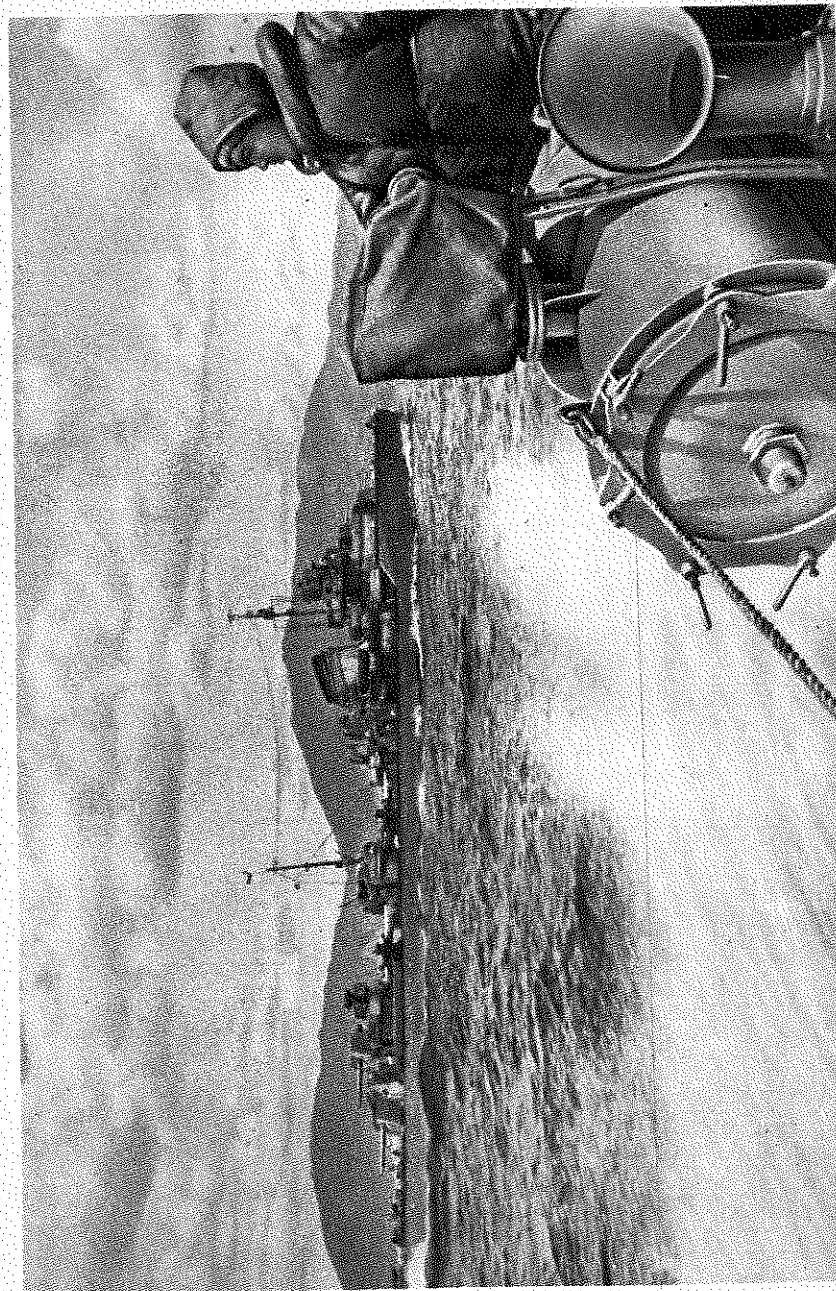
Матрос показал на черный — высоко над портом — Девкин мыс.

«Большой Бертой» давно называли установленную там тяжелую 210-миллиметровую батарею, которая на протяжении всех трех лет войны вела огонь по нашим удаленным береговым объектам. В расположение «Берты» прямо с берега устремились высаженные с нашего катера автоматчики лейтенанта Матюхина, и дальнобойная фашистская батарея перестала существовать. Теперь там все молчало, а среди обломков бродили два мула, вывезенные егерями из далеких Афин и ставшие здесь трофеем североморцев.

Иван Каторжный и остальные бойцы ушли к причалу; пегая кобылка послушно брела за ними.

По пути к фиорду на дороге мы встретили еще нескольких бойцов. Те, что шли сюда на нашем катере, узнавали теперь матросов и здоровались, как с друзьями; другие, заметив клеенчатые комбинезоны катерников, подходили к нам, чтобы узнать о моряках с других кораблей. Они спрашивали про боцмана Полкова, который прыгнул вчера с трапом в воду: как он — целым ли дошел до базы? Спрашивали про Данилина, который тоже прыгнул со своего катера, скинул сапоги, чтобы стоять поустойчивее, и так, разутый, с трапом на плече, пробыл в ледяной воде до тех пор, пока не сошел на берег последний десантник...

Мы ушли из Линахамари под вечер четырнадцатого октября. На встречу уже плыли большие корабли с материалами для восстановительных работ.

В совместном плавании

Фото Н. Веринчука

На острове Кильдин

Фото Е. Халдея

На базе катеров в землянке хлопотал Вася Игумнов, снаряжая пришедших в баню, и в темноте над шаткими досками, кинутыми на осенне-раскисшее болото, метался свет карманных фонариков. Катера приходили из боя. Нужно было подготовить их к новому выходу в море. Флагманский механик инженер-капитан второго ранга Рихтер, инженер-капитан Плахов, капитан-лейтенант Коваленко несли бессменную вахту. Здесь тоже были бессонные ночи, шел неприметный, но такой же напряженный и боевой труд наступления. Глаза у людей были красны от утомления.

На следующий день стало известно, что армия вошла в Баркино, а моряки Крылова заняли поселок Поровара и Трифонов ручей. Печенга была очищена полностью. Победителям салютовала Москва.

С салютом Москвы, донесшимся по радио, слился салют с рейда. Вернулся катер Кузнецова. Кузнецов с товарищами ходил к берегам Норвегии на перехват фашистского каравана. Они потопили два транспорта, два тральщика и сторожевик. Кузнецов пришел с причала в землянку, сбросил меховую куртку и, стаскивая сапоги, рассказывал о том, какой был огонь, как он прорвался, как торпедировал большой вражеский транспорт. Макаров расспрашивал Кузнецова, и в голосе его слышалась зависть. Сам Макаров был в бою три дня назад, и то, что было в Печенге, становилось уже воспоминанием, начинало тускнеть, заслонялось новыми делами.

Война продолжалась, впереди были Киркенес, норвежские берега, суровая, истрадавшаяся под врагом земля.

САВВА МОРОЗОВ

ПОСЛЕ БОЯ

Торпедные катера возвращались после боя. Маленькие быстрые корабли в белой пене бурунов стремились к берегу, какстая чаек. Когда они швартовались у пирса, низко, почти над самыми мачтами, прошли, покачивая крыльями, штурмовики. — С победой приветствуют! — сказал вахтенный матрос, принимая конец с головного катера.

Сбросив тяжелые, насквозь мокрые комбинезоны, матросы и офицеры сходили на берег. Они шурили на солнце красные, разъеденные морской солью глаза и с наслаждением разминались после долгих часов напряжения.

С окровавленным лицом и забинтованными руками шагал по трапу старший лейтенант Быков. За ним на носилках несли чье-то тело, покрытое Военно-морским флагом.

— Ну, Быков, как? — спрашивали раненого товарищи с нежностью, какую только способны были передать их охрипшие от ветра и команд голоса.

— Я-то что! Вот Суворов...

Быков не договорил и взглянул в сторону носилок.

Корабль Быкова принял на себя наиболее жестокий огонь противника. После того как торпеды были выпущены и катер лег на курс отхода, над палубой разорвалось несколько снарядов. Осколками поразило командира голову и руки. Пулеметчик Суворов, бывалый катерник, кавалер двух орденов, был смертельно ранен, и на пути к родному берегу товарищи вынесли из пулеметной турели его холодеющий труп.

Санитарная машина увезла Быкова в госпиталь. У тела Суворова в скорбной неподвижности застыли часовые. На катерах шла уборка, и матросы между делом вспоминали о том, как они «долбанули» врага. Потом обедали на берегу, в новой землянке, дощатые стены которой благоухали смолой.

После обеда объявили готовность один. Катера отошли от пирса. Белыми и голубыми пятнами они рассыпались по заливу, спокойному,

зеленому, как бутылочное стекло. Свежесмазанные пулеметы и пушки настороженно смотрели вверх.

Я был на катере капитан-лейтенанта Острякова, одного из героев только что закончившегося боя. Он первым сблизился с конвоем противника и, ставя дымовую завесу, под ураганным огнем прошел контркурсом вдоль всего строя немецких кораблей. Проектор на катере был разбит, козырек боевой рубки изрешечен.

Павлу Прокофьевичу Острякову двадцать три года. В начале войны прямо из училища его направили в морскую пехоту. Он командовал ротой разведчиков, был ранен и по выздоровлении направлен в отряд вновь строящихся кораблей. Только настойчивость вернула его на действующий флот.

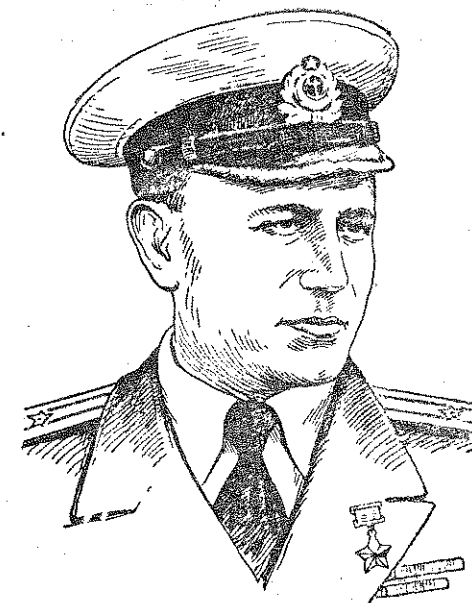
Участие в сегодняшней операции, когда катера потопили три вражеских корабля, — не первое дело Острякова. Цифра «1» на рубке говорит о том, что этот маленький корабль уже имеет свой боевой счет. На кителе капитан-лейтенанта две ленточки — знаки наград. Не одну тысячу миль прошел катер по коммуникациям противника. Совсем недавно, находясь в разведке, он несколько часов вел бой с четырьмя вражескими морскими охотниками.

Я познакомился и с капитаном второго ранга Алексеевым.

— Ни на каком другом корабле не чувствуются так остро море и бой, как на торпедном катере, — говорит Алексеев. — Тут и потрясающая скорость хода, и разрушительная сила торпед, и относительная хрупкость корпуса корабля, способного взлететь на воздух от одного прямого попадания в бензобак. Разве не приятно сознавать, что своей волей и умением командир в стремлении к победе объединяет эти противоречивые, на первый взгляд, элементы?! И потом — служба на катерах трудна.

В полярный день катера Алексева утопили три сильно охранявшихся вражеских транспорта. Девять немецких кораблей было пущено на дно в июле, при ярком солнце, под носом у береговой артиллерии противника. Это огромный успех.

— Однако прошу извинить. Интересует меня, — командир соединения указал на карту, — вот эта коммуникация...

Герой Советского Союза
капитан 3 ранга
Василий Иванович Быков

...Стемнело, и катера Алексева вышли в ночной поиск. Тут я наглядно убедился в том, что не зря капитан второго ранга назвал свою службу трудной.

Когда стоишь в боевой рубке и катер набирает ход, уже первая волна накрывает с головою. Ни клеенчатый комбинезон, ни теплый на меху костюм под ним, ни плотно облегающий голову шлем, ни высокие сапоги — ничто не спасает. Через какие-нибудь полчаса на теле не остается сухой нитки. Между тем поход длится не час и не два, а всю ночь.

Барбашев не выпускает из рук штурвала. Алексей все время по радио поддерживает связь с командным пунктом на берегу, с нашим флагманом и остальными катерами, что идут строем уступа.

— Прямо по носу пловучая мина! — доносится издали искаженный репродуктором голос Острякова.

— Усилить наблюдение! — командует Алексей.

— Есть, усилить наблюдение!

Пулеметчики в своих турелях, комендоры у орудий, торпедист — все, кто на палубе, напрягают зрение.

— Самое логово врага! — Алексей делает жест в ту сторону, где на горизонте выступают береговые скалы: — Однако врага не видеть, — тоном сожаления продолжает он. — Даже дозорные корабли не показываются.

Но вот на берегу вспыхивают прожекторы. Белые лучи их беспокойно шарят по волнам. Катера, шедшие на малых оборотах, останавливаются и ложатся в дрейф. Прожекторы гаснут, и мы снова движемся вглубь фиорда, поворачиваем, ложимся на обратный курс.

Вторая ночь проходит так же, как и первая, с той только разницей, что на море — шторм. Под утро мы бредем по прибрежным камням от пирса к землянке сушиться и греться.

Я смотрю на катерников, сгорбившихся под тяжестью мокрой одежды. Вот двадцатидвухлетний лейтенант Барбашев. Война застала его на первом курсе училища. Из блокированного Ленинграда он ушел с товарищами по льду Ладоги, чтобы, закончив образование, вернуться на флот. Рязанов, старшина мотористов, участвовал в семи торпедных атаках. Боцман Пятаков — балагур и первейший на флоте сигнальщик. Мобилизованный из запаса, он долго томился на наблюдательном посту. Но потом ему удалось променять спокойную береговую жизнь на рискованную службу катерника.

Наблюдая этих людей, начинаешь понимать еще два их качества. Это стойкость и терпение — то, чем искони славился русский воин, то, чем наряду с храбростью и умением он всегда побеждал врагов.

ВИКТОР АНАНЬИН

МУЖЕСТВО

Катер старшего лейтенанта Валентина Романова находился далеко в море, когда столкнулся с превосходящим по силе врагом. Завязался бой. Экипаж советского корабля первым вышел в атаку на противника. Но силы были слишком неравны. Катер получил тяжелое повреждение. Мощный взрыв оторвал носовую часть. Взрывной волной снесло в море командира и его помощника лейтенанта Сягина, находившегося на корабле капитана третьего ранга Грицюк, штурмана Воронина, старшину второй статьи Шумайлова.

На палубе, орошенной кровью советских моряков, стояли старшина второй статьи Аверьянов и минер Михаил Буяльский. Носовая часть катера быстро уходила под воду. Из огромной пробойны с пробковым матрацем в руках выскочил краснофлотец Гетман. Его чуть не затянуло в воронку, образовавшуюся на месте погружения носовой части. Плававший неподалеку штурман Воронин уже выбился из сил. Гетман подплыл и отдал ему свой матрац.

Оставшиеся на поврежденном корабле продолжали борьбу за его спасение, продолжали бороться с врагом. Боцман Семен Прихожай, бывалый моряк и отличный комендор, подбежал к автоматической пушке и привычным движением зарядил ее. Цель была перед глазами, — всплыла фашистская подводная лодка. Трассирующие снаряды прочертили над морем красные линии. Враг, решивший всплыть, чтобы захватить советских моряков в плен, попал под меткий огонь. Лодка снова исчезла под водой и больше не показывалась. А боцман, вздернув вверх дуло пушки, продолжал стрелять. Красные трассы раздирали мрак полярной ночи.

В катер врывалась вода, и он оседал все ниже и ниже. Вода подходила уже к ногам. Обжигал холод, сковывая тело. Но когда плававший возле катера старшина второй статьи Лемешко слабым голосом произнес: «Боцман, помоги», Прихожай, ни секунды не раздумывая, бросил ему свой спасательный пояс. Затем, быстро отвязав спасательный плотик (шлюпку разбито взрывом), Прихожай спустил его на воду и приказал четырем морякам во главе с минером Аверьяновым подобрать

находившихся в воде товарищей. Сам Прихожай остался на катере. У бомбосбрасывателя стоял Буяльский, возясь около глубинных бомб. Смерть, суровая и неизбежная, витала над кораблем. И внезапно раздался звонкий голос:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает...

Песню подхватили остальные. Взволнованно и вдохновенно пели Прихожай и Буяльский, сигнальщик Петров, пели державшиеся на воде Гетман, моторист Исаков. Даже в минуту смертельной опасности советские моряки не считали себя побежденными. Они не склонили перед врагом головы. На корме развеялся Военно-морской флаг.

...Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пошады никто не желает.

Подобранный Аверьяновым тяжело раненный капитан третьего ранга Грицюк, очнувшись на плотике, посмотрел на поющих и тихо произнес: «Держись, ребята...» Старшина рулевых Кузьмин своим телом согревал командира.

Люди пели. Они смотрели на погружавшийся в воду катер, на котором все еще стоял Буяльский. Прекрасный специалист своего дела, сбросивший на врага не одну серию глубинных бомб, Буяльский знал, что его оружие, находящееся в боевой готовности, при погружении может принести товарищам смерть. Он быстро приводил бомбы в безопасное состояние. Ему было тяжело: коченели на морозе руки, обмерзала намокшая одежда. Он обезопасил более десятка бомб. Но обезопасить последнюю не успел: сорвавшись, она ушла в море и взорвалась, похоронив катер и вместе с ним минера Михаила Буяльского, отдавшего свою жизнь ради спасения товарищей.

Североморцы, бывшие не раз в жестоких боях, прошедшие на своем катере не одну тысячу миль, прощались с жизнью бестрепетно, как подбавляет воинам:

Прощайте, товарищи! Грянем «ура»!
Кипящее море под нами...

* * *

Смерть отступила перед отвагой советских людей. Подоспели катера. Их экипажи заметили красные трассы — те самые трассы от снарядов, которые в последние минуты жизни катера выпустил из пушки боцман Прихожай.

Катерники на руках перенесли офицеров и матросов на свои корабли.

Герой Советского Союза
ЯРОСЛАВ ИОССЕЛИАНН

ПОСЛЕДНИЕ ТОРПЕДЫ

Мы шли в этот поход с особым чувством. Наши войска только что освободили Печенгу, древний русский порт, который белофинны окрестили «Петсамо». Война подходила к концу.

Подводная лодка на большой скорости резала морскую гладь. Я сидел на мостике, с удовольствием подставляя лицо свежему ветру, — ничто так не бодрит моряка, как соленый морской воздух.

На сигнальной вахте стоял Фомагин. Я не мог жаловаться на недостаточное усердие экипажа. Но Фомагин, как никто, жаждал еще раз скрестить оружие с врагом и нес службу с необыкновенным рвением.

— Ну как, довольны? — спросил я.

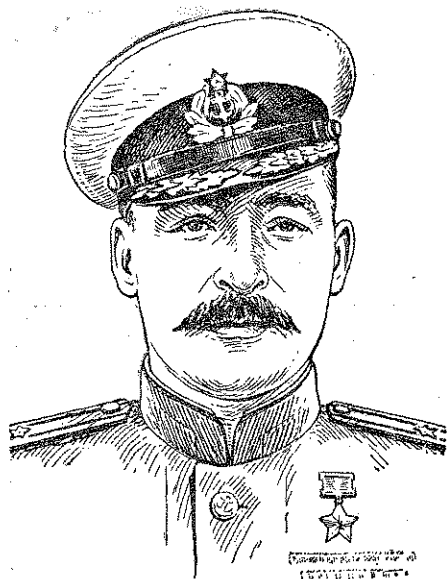
— Очень доволен, товарищ капитан третьего ранга. Сегодня большой праздник, большой!

Я понял, что Фомагин хочет объяснить, какое значение имеет для него этот первый после долгого перерыва боевой поход. Разговор нам не удалось продолжить. Из центрального поста сообщили, что радисты принимают приказ Верховного Главнокомандования об освобождении Печенгской области.

«Маршалу Советского Союза Мерецкову, адмиралу Головки, — затаив дыхание, слушали мы. — Войска Карельского фронта, во взаимодействии с соединениями и кораблями Северного флота, наступая в трудных условиях Заполярья, сегодня, 1 ноября, завершили полное освобождение Печенгской (Петсамо) области от немецких захватчиков».

Боясь пропустить хоть слово, мы вслушивались в длинный список командиров соединений и кораблей, с особой радостью узнавая знакомые фамилии.

«Сегодня, 1 ноября, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Карельского фронта и морякам Северного флота, освободившим Печенгскую область, — двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий».

Герой Советского Союза
капитан 3 ранга, в год выпуска книги
капитан 1 ранга
Ярослав Константинович Иоселиани

Я представил себе московский салют, разноцветные ракеты, прорезающие вечернее небо, возбужденные победой толпы людей на шумных улицах столицы, и мне вдруг показалось, что ликующий грохот салюта донесся сюда, до Крайнего Севера, и как бы провожает нашу лодку в бой.

Гордые слова приказа долго еще звучали в ушах. Враг оставлял последние свои базы на Севере.

Подводная лодка прошла более пятисот миль, пока не достигла района боевых действий, указанного в приказе.

Мы находились теперь у берегов все еще оккупированной фашистами Норвегии.

Небольшая горная страна, к которой Советский Союз всегда питал самые дружественные чувства, почти не имела дорог на Севере. Сообщение поддерживалось только по горным тропам или главным образом морским путем.

Поэтому нашей задачей было топить любые суда противника с тем, чтобы прервать его единственные коммуникации.

На вторые сутки пребывания у мыса Нордкап мы обнаружили вражеские корабли.

В двенадцать часов подводная лодка всплыла. Мы занялись зарядкой аккумуляторов. В море стояла глухая тишина, нарушаемая лишь мерным постукиванием дизеля.

Я стоял на мостике и наблюдал за зарядкой. Неожиданно снизу по переговорной трубе донесся голос акустика:

— По пеленгу двадцать семь шум винтов большого судна, восемьдесят шесть оборотов в минуту, движется влево.

Я приказал сыграть боевую тревогу, и подводная лодка с такой быстротой пришла в боевую готовность, что мой придиричивый помощник, и тот не удержался от похвалы.

Теперь и сигнальщики различили силуэт вражеского корабля. Это был танкер, водоизмещением примерно в три-четыре тысячи тонн.

Танкер шел без сопровождения. Это показалось странным. Напуганные нашими подводными лодками, фашисты давно и носы не показывали в море, не обеспечив себя надежной охраной. Решать загадку было некогда — подводная лодка готовилась к пуску торпед.

— Вероятно, нажали на них наши, вот и бегут без оглядки... и без охранения, — сказал стоявший рядом со мной штурман.

Позже выяснилось, что догадка штурмана была неверна. Танкер еще недавно шел в составе большого конвоя. Конвой разгромили наши подводные лодки, и, спасаясь бегством, нефтеналивной корабль попался на нас.

Спорить со штурманом я не стал. Торпедные аппараты уже сделали свое. Я напряженно ждал взрыва. Прошли положенные секунды, кончилась минута, другая, танкер попрежнему маячил на горизонте.

— Полный вперед! В повторную атаку!

Я все еще не мог сообразить, какую мы допустили ошибку. Но ясно было, что мы «промазали», и в этом никто, кроме меня, не был виноват.

Лодка вышла в атаку молниеносно, торпеды были пущены без секунды опоздания, значит, всему виной были только мои неправильные расчеты.

«Неужели мы упустим танкер? — мелькало в голове. — Вот уж позор!»

Обиднее всего было то, что враг шел без охранения. Такой приз мог упустить только куда не годный подводник.

Трудно вообразить те упреки, которыми в приступе самой безжалостной самокритики я осыпал себя, пока шедшая полным ходом подводная лодка не начала нагонять ускользавший танкер.

Второй залп также прошел мимо цели. Сгорая от стыда, я решил в третий раз атаковать неуязвимое судно.

Сванская пословица, говорящая о том, что хорошее дело имеет плохое начало, оправдалась только после третьего залпа.

Раздался оглушительный взрыв. В небо поднялся гигантский огненный столб, сразу осветивший атакующую в надводном положении лодку. Боясь упустить танкер, я торпедировал его почти в упор.

Подорванный танкер мог бы обеспечить горючим не одну танковую дивизию. Дождавшись, пока горящее судно, став на корму, не погрузилось в море, мы отправились в дальнейший поиск.

Через двое суток сигнальщики обнаружили большой вражеский конвой. Вглядевшись, я насчитал в неверном свете северного сияния четыре транспорта, два миноносца, восемь катеров и несколько более мелких судов противолодочной обороны.

Года два назад такое сильное охранение, пожалуй, заставило бы обратить на себя внимание. Но теперь я и не подумал об этом. Подводная лодка пошла в атаку, и на близком расстоянии, один за другим, потопила два транспорта. Водоизмещение первого было около десяти тысяч тонн, второго — немногим меньше.

Первый транспорт переломился пополам, второй затонул кормой.

Оба корабля загорелись настолько ярким пламенем, что на море стало светло, как днем, и я в последний раз увидел, как тонут те, кто забыл об извечной истине: поднявший меч от меча погибнет.

Охранявшие транспорты миноносцы и катера бросились в погоню за нами.

В южных широтах большая часть охранения обычно занимается спасением утопающих. Но в Баренцовом море в это время года упавший за борт через четверть часа превращается в труп, и враги не стали утруждать себя спасательными работами.

Ничего не дало им ни упорное преследование, ни ожесточенная глубинная бомбежка, которой они подвергли нас.

Спустя некоторое время наша подводная лодка благополучно ушла от погони. Мне надолго запомнилось море, в котором тонули вражеские транспорты. Оно было густо покрыто нефтью, соляром и маслом с подорванных кораблей. И в этом нефтяном кладбище нашла свою могилу не одна тысяча удиравших из Норвегии фашистских офицеров и солдат.

БОЕВОЙ СЧЕТ СЕВЕРОМОРЦЕВ

*По сообщениям Советского Информбюро
за 1942—1945 годы*

В течение всей Великой Отечественной войны ни на один день не прекращалась жестокая борьба на море. Североморцы, накапливая боевой опыт, наращивали удары по врагу. Рос их боевой счет. В 1942 году корабли и авиация Советского Северного флота потопили шестьдесят вражеских транспортов и танкеров, в 1943 году — восемьдесят шесть, в 1944 году — девяносто. Соответственно росло число других потопленных кораблей противника.

Всего с начала 1942 года и до капитуляции фашистской Германии североморцы потопили у врага 236 транспортов и танкеров общим водоизмещением не менее одного миллиона тонн, 14 миноносцев, 16 подводных лодок, 65 сторожевых кораблей, 30 миных заградителей и тральщиков, 41 сторожевой катер, 66 самоходных барж, не считая различных мелких судов.

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

СЕВЕРОМОРЕЦ

Моряк — всегда, везде моряк,
Куда ни погляди.
На всех морях, во всех делах
Всегда он впереди.

Пусть шквал бушует — так стойте!
Скалою в землю врос.
Что черту не под силу взять —
Осилит наш матрос.

Матроса ветер не согнет,
Не скрючат холода.
Моряк и глазом не моргнет,
Когда качнет беда.

У моряка один завет —
Бережь морскую честь.
Моряк не знает слова «нет»,
Он знает слово «есть!»

Орлом, героем-смельчаком
Не зря моряк слывет.
Гордится русским моряком
Великий наш народ.

Какой ни навернется бой —
Полундра! И в бою
Моряк пожертвует собой
За Родину свою.

Пусть в десять раз сильнее враг,
Пусть сто смертей кругом, —
Моряк не спустит русский флаг
Ни пред каким врагом.

Уж если драться, так чтоб дым
Остался от врага.
Мы наше море отстоим
И наши берега.

Моряк волною просолен
И порохом пропах.
На море Баренцовом он
Прославился в боях.

Морская слава широка,
Как даль родных морей.
Кто носит званье моряка,
Тот брат богатырей.

Пусть этот край совсем не рай,
Здесь розы не цвели,
Но этот край, суровый край,
Есть часть родной земли.

Пусть не поет здесь соловей
И солнце — редкий гость, —
На севере земли своей
Североморцев пост.

Не заморозит нас мороз,
Метель не заметет.
Надежней скал стоит матрос
У северных широт.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Г. Головки. — Страж Заполярья . . . . . Стр.
3

БРАТ НЕ ПРОШЕЛ

Николай Флеров. — Это в бой идут матросы... Стихи	17
А. Г. Головки. — Перелистывая страницы дневника	19
Андрей Петров. — Бьет правофланговая	26
Виктор Леонов. — Заполярье. Стихи	33
И. Фисанович. — Первые залпы	34
Александр Жаров. — С тобой, Москва! Стихи	40
Александр Марьямов. — Моряки в горах	41
Александр Жаров. — Богатырь. Из поэмы	50
Алексей Петров. — Иван Сивко	54
В. Платонов. — Люди наших катеров	59
Василий Попов. — Счастливого пути! Стихи	63
Павел Григорьев. — Борис Сафонов	64
Никодим Гильярди. — На аэродроме	70
Николай Панов. — «Гремящий»	73
Емельян Иващенко. — Песня «Гремящего». Артиллерист. Стихи	83
Валентин Стариков. — Прорыв в Петсамо (Литературная обработка Н. Михайловского)	85
Макс Зингер. — Поход с Гаджиевым	103
Андрей Петров. — В преддверьи океана. Стихи	108
Константин Симонов. — В праздничную ночь	110
Дмитрий Козалев. — Друг мой. Стихи	114
Макс Зингер. — У вражеского берега	115
Александр Мацевич. — В море и в воздухе	123
Константин Симонов. — Однофамильцы	129
Анатолий Кремнев. — В горах на Выбачьем. Стихи	135
Константин Денщиков. — На таран!	136
Борис Яглинг. — Восемь минут	138
Боевой счет североморцев	140

СЕВЕРОМОРЦЫ НАСТУПАЮТ

Николай Панов. — Десантники. Из поэмы «Баренцево море»	143
Павел Михрин. — На мысе Пикшуев	149
Ярослав Родионов. — Северный флот. Стихи	155
Н. Михайловский. — Катя	156
Василий Антоненко. — В атаку — через час. Стихи	161
Илья Самойлов. — Разведчики	162
С. Курзенков. — Сафонов и его ученики	167